

2153

**РАЗВИТИЕ
СТИЛИСТИЧЕСКИХ
СИСТЕМ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ЯЗЫКОВ
НАРОДОВ СССР**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЫЛЫМ“
АШХАБАД—1968

СССР ыА-ның ЭДБ-нин янындақы «СОЦИАЛИСТИК
МИЛЛЕТЛЕРИҢ ӨСУШИ БИЛЕН БАГЛАНЫШЫҚЛЫ МИЛЛИ
ДИЛЛЕРИҢ ӨСУШ КАНУНА ЛАЙЫҚЛЫҚЛАРЫ» БАРАДАҚЫ
ЫЛМЫ СОВЕТ

СССР ыА-ның ДИЛ БИЛИМИ ИНСТИТУТЫ
ТУРКМЕНИСТАН ССР ыА-ның МАГТЫМГУЛЫ АДЫНДАҚЫ
ДИЛ ВЕ ЭДЕБИЯТ ИНСТИТУТЫ

СССР ХАЛКЛАРЫНЫҢ
ЭДЕБИ ДИЛЛЕРИНИҢ
СТИЛИСТИК СИСТЕМАЛАРЫНЫҢ
ӨСУШИ

«ЫЛЫМ» НЕШИРЯТЫ

Ашгабат — 1968

НАУЧНЫЙ СОВЕТ «ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ НАЦИЙ» ПРИ ОЛЯ АН СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ имени МАХТУМКУЛИ
АН ТУРКМЕНСКОЙ ССР

РАЗВИТИЕ
СТИЛИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ
НАРОДОВ СССР

М. Мамаев

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЫЛЫМ»
Ашхабад — 1968

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академики АН ТССР *П. Азимов*,
Б. А. Каррыев, член-корреспондент АН СССР
Ф. П. Филин, доктор филол. наук *Ю. Д. Дешериев*

РЕДАКЦИОН КОЛЛЕГИЯ

ТССР ҒА-ның академиклери *П. Азимов*, *Б. А. Гаррыев*,
СССР ҒА-ның член-корреспонденти *Ф. П. Филин*,
филологик ылымларың докторы *Ю. Д. Дешериев*

ПРЕДИСЛОВИЕ

После победы Великой Октябрьской социалистической революции все народы нашей Родины встали на путь построения нового общества, в котором большие и малые нации стали равноправными во всех отношениях. Невиданный в истории человечества гигантский рост народного хозяйства сопровождался и поддерживался подлинным расцветом национальных культур, развитием национальных языков. Старописьменные языки значительно обогатились, стали достоянием широких народных масс. Особенно ~~важ~~ разительны перемены, происшедшие в общественных функциях языков, ранее не имевших письменности. В Советском Союзе было создано около 50 литературных языков. Новые литературные языки не только усовершенствовали свою грамматическую структуру и необычайно расширили свой словарный состав, в них постепенно сложились развитые стилистические системы, благодаря чему на этих языках стало возможным выражать все богатство человеческой мысли применительно к разнообразным потребностям общества.

Советские языковеды внесли свой вклад в изучение языков народов СССР, в создание новых письменностей и совершенствование старых, в развитие литературных языков. Опубликованы многие тысячи исследований и описаний фонологической и грамматической систем языков народов СССР, их истории и современного состояния, подготовлены грамматики и словари, учебники и учебные пособия и иные лингвистические работы. В то же время далеко еще не все проблемы освещены в должной степени, а многие актуальные вопросы только намечаются. К числу малоизученных проб-

лем относится стилистика литературных языков, общие закономерности ее развития и специфические ее особенности в каждом языке, сами стилистические категории как таковые. Между тем научное познание стилистических систем в их современном состоянии и развитии имеет большое теоретическое и практическое значение. В связи с этим возникла настоятельная потребность обменяться мнениями по этому вопросу. Так возникла идея созвать конференцию, на которой были бы обсуждены доклады по разным вопросам языковой стилистики на материалах различных языков народов СССР. Такая конференция состоялась в Академии наук Туркменской ССР 26—28 октября 1966 года. Настоящая коллективная монография составлена из докладов, прочитанных на этой конференции, и некоторых выступлений по докладам.

Авторы хорошо осознают, что они еще далеки от разрешения многих стилистических проблем. Все же они надеются, что их работы окажутся небесполезными в дальнейшей разработке сложных вопросов языковой стилистики.

Материалы конференции «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР» подготовлены к печати сотрудниками Института языкознания АН СССР канд. филол. наук А. А. Ковшовой и Е. М. Ивановой.

В статьях Н. А. Баскакова, Н. Корлэтяну, Н. И. Голстого, А. И. Искакова, Б. М. Юнусалиева, С. К. Кенесбаева, А. А. Керимовой, А. Т. Кайдарова, Х. Даниярова, У. Т. Турсунова и У. Н. Насырова, Б. К. Манасбаева, З. И. Будаговой и К. Алиева, К. М. Ульвидаса, отдельные специфические буквы национальных алфавитов, отсутствующие в наборе, обозначены полужирным шрифтом.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

президента АН ТССР П. АЗИМОВА

Дорогие коллеги, уважаемые товарищи! В истории советского языкознания настоящая конференция — первая всеобщая конференция, посвященная актуальным проблемам развития стилистических систем литературных языков народов СССР. В нашей стране функционирует около 70 литературных языков с различной степенью развития их стилистических систем.

Как известно, до сих пор предметом острых научных дискуссий в области языкознания остаются понятия «стиль» и «стилистика». Термин «стиль» употребляется также в науке, искусстве, литературе. Но ни в одной области он не вызывает столь противоречивых толкований, как в области филологии.

До сих пор ясно не определилось место стилистики в системе филологических дисциплин. Почти все лингвисты, литературоведы, писатели признают стилистическую дифференциацию языка, существование стилей великих русских писателей Пушкина, Толстого, Горького, Маяковского, Шолохова, украинских писателей Шевченко, Франко, крупных современных туркменских писателей Б. Кербабаева, Б. Сейтакова, Х. Дерьяева, крупнейших узбекских, казахских, киргизских, таджикских писателей, писателей других народов, но предмет стилистики, ее методы, конститутивные признаки стилистики, ее отношение к другим филологическим дисциплинам в достаточной мере еще научно не обоснованы. Нет в этой области и общепринятой теории. Этим объясняется наличие разных концепций по вопросу о предмете стилистики, объеме ее задач, о ее методах и месте среди филологических

дисциплин. Широкая и многогранная проблематика стилистики оказалась суженной, а в некоторых случаях она сведена к анализу языка художественной литературы. Вместе с тем приходится констатировать, что и сами понятия «лингвистическая стилистика», «стилистика художественной литературы» и взаимоотношения между ними остаются недостаточно ясными и определенными в современном языкознании.

Особенно важное значение имеет исследование функциональных стилей литературных языков, обслуживающих различные сферы общественной жизни. Какие стили возникли в различных литературных языках народов СССР, как разворачиваются процессы стилистической дифференциации младописьменных языков, каковы основные тенденции дальнейшего развития стилистических систем литературных языков народов нашей страны — все эти проблемы имеют не только теоретико-лингвистическое значение, но и представляют широкий социальный интерес. Таков далеко не полный перечень тех вопросов стилистики, которые в той или иной мере станут предметом рассмотрения в докладах и выступлениях на нашей конференции.

Хотелось бы сказать несколько слов о практическом значении нашей конференции и некоторых весьма актуальных конкретных социальных, лингво-социологических проблемах, стоящих перед нами. Стиль — это, образно говоря, душа языка. Овладение стилистической системой языка свидетельствует не только о высокой языковой культуре, но и о высоком общем культурном уровне развития. Стилистика теснейшим образом связана с культурой речи, с общечеловеческой культурой. В этом состоит ее общественное значение, ее важная роль в деле воспитания нового человека—строителя коммунизма. В условиях многонационального Советского государства долг языковедов — помочь трудящимся национальных республик в совершенстве овладеть своим родным литературным языком и русским языком, языком межнационального общения народов нашей страны. Но для совершенного владения языком недостаточно усвоить его орфоэпические, орфографические, грамматические нормы, необходимо овладеть и его стилистической системой или хотя бы основными стилями. Этому поможет исследование основных стилей, развивающихся в данном языке, установление норм каждого стиля, выявление законов взаимодействия различных стилей языка и речи.

Как писал в свое время проф. Г. О. Винокур, «речь устная и письменная, ораторская и разговорная, канцеляр-

ская и поэтическая, митинговая и парламентская, докладная записка или указ, беседа с приятелем и дипломатический обмен любезностями, язык в прозе и в стихах — все эти языковые задания... требуют своих средств в выполнении и своей «техники»¹. К сожалению, очень часто в нашей практической деятельности не учитываются эти особенности языка. Нередко можно видеть ученого, пропагандиста, лектора, агитатора, которые обращаются к своим слушателям на «языке» докладной записки, канцелярской бумажки или указа. Язык — могучее орудие в нашей идеологической, культурно-просветительной работе. Если умело использовать его богатые стилистические возможности, его функции становятся еще более эффективными. Правда, у нас очень мало пособий по стилистике, которые помогли бы овладеть этим богатством. Долг советских филологов — создать исследования, посвященные стилистическим системам и вопросам языковой культуры туркменского, казахского, киргизского, таджикского, узбекского, каракалпакского и ряда других языков. Можно надеяться, что конференция поможет развернуть серьезную работу по созданию полноценных пособий для широких масс трудящихся нашей страны по вопросам развития языковой культуры народов СССР, стилистических систем русского и других литературных языков.

В нашей стране представлено, как отмечалось, около 70 литературных языков. Стилистические системы этих языков развиваются неодинаково. Трудно говорить о сколько-нибудь значительном развитии функциональных стилей, например, у таких письменных языков, как нанайский, хантыйский, мансийский, чукотский, эскимосский и некоторых других палеоазиатских, тунгусских и самодийских языков, на каждом из которых говорят в пределах СССР от нескольких сот до нескольких тысяч человек, или у таких кавказских языков, как абазинский, ногайский, табасаранский, на каждом из которых говорит около двух-трех десятков тысяч человек. Хотя любой язык имеет неограниченные возможности для развития своей стилистической системы, тем не менее с общесоциологической точки зрения нет научных оснований полагать, что стилистические системы всех литературных языков будут развиваться в одинаковой мере широко и разносторонне. Так, не все стили, которые развились, скажем, в армянском, грузинском, азербайджанском языках — языках, на которых ведется преподавание в средних школах и вузах,

¹ Г. О. Винокур Культура языка, изд. 2. М., 1929, стр. 40—41.

издается большая научно-техническая литература, будут развиваться также и в аварском, лакском, даргинском, ингушском, чеченском, осетинском, адыгейском и некоторых других младописьменных языках, общественные функции которых ограничены по желанию самих народов преподаванием в начальной школе.

Все это показывает, что при исследовании функциональных стилей языков нужно исходить из особенностей функционирования и развития каждого языка в отдельности. Здесь лучшим методологическим ориентиром являются лингво-социологические принципы определения тенденций развития различных языков народов СССР, определяющиеся закономерностями развития советского общества. Здесь должен быть не только научный, но и государственный подход к проблематике, учитывающий и социальные интересы и общественные потребности.

Для участия в работе конференции в Туркмении приехали ученые — представители почти всех республик. Я рад приветствовать Вас, дорогие друзья, на туркменской земле от имени научной общественности Туркменской ССР.

Организаторами конференции была предложена довольно широкая программа. Но не по всем проблемам мы получили заявки на доклады. Естественно, на первой конференции все интересующие нас проблемы не могут получить исчерпывающего освещения. Мы, разумеется и не претендовали на это. Оргкомитетом было получено довольно много заявок на выступления. К сожалению, не все заявки-доклады мы смогли включить в повестку дня конференции из-за недостатка времени. Но мы надеемся, что авторы этих заявок, прибывшие на конференцию, примут активное участие в нашей работе.

Данная конференция подведет некоторые итоги развития стилистических систем литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Поэтому конференция имеет прямое отношение к предстоящему юбилею — 50-летию Великого Октября. Советская власть, ленинская национальная политика сыграли огромную роль в величайшей культурной революции, которая произошла в нашей стране в исторически кратчайший срок. Советский опыт развития национальных языков и культур имеет огромное международное значение. К сожалению, мы — филологи недостаточно освещаем и пропагандируем этот опыт. В 1967 году в Бухаресте состоится X Международный конгресс лингвистов. На конгрессе будут созданы специальные секции социолингвистики и стилистики. Советские языковеды получают возможность участвовать

в этом конгрессе не только с исследованиями, посвященными отдельным языкам, но и с исследованиями общетеоретического характера, которые могут дать новое направление разработке ряда общеметодологических и общесоциологических проблем науки о языке, оказывая соответствующее влияние на развитие современного мирового языкознания. Будем надеяться, что и данная конференция даст немало ценного для советских языковедов как в выявлении общелингвистических закономерностей, так и в исследовании конкретных языков народов СССР.

Мы уверены в том, что на нашей конференции развернутся интересные научные дискуссии, а обсуждение докладов будет проходить на высоком научном уровне, в обстановке доброжелательности, товарищеского отношения друг к другу, к инакомыслящим, но вместе с тем в атмосфере деловой критики и самокритики.

Дорогие товарищи! XXIII съезд КПСС поставил перед советскими учеными задачи всестороннего изучения сложных процессов современного общественного развития на основе марксистско-ленинской методологии. Наша конференция призвана внести посильную нам лепту в решение этих задач применительно к той важной области науки, в которой мы с вами работаем.

Позвольте мне, дорогие товарищи, по поручению оргкомитета, объявить конференцию открытой и пожелать ее участникам будущих успехов в работе и личного счастья!

ДОКЛАДЫ

П. АЗИМОВ, В. В. ВИНОГРАДОВ, Ю. Д. ДЕШЕРИЕВ,
И. Ф. ПРОТЧЕНКО

(Москва — Ашхабад)

ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СССР

Разработка общих теоретических проблем стилистики посвящена довольно значительная литература¹. За последние два десятилетия немало сделано в области изучения стилистических систем славянских языков². Особенно много трудов написано по стилистике русского языка³.

¹ Herbert Seidler. Allgemeine Stilistik. Göttingen, 1953; Style in language. Bloomington, 1958; В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959; Б. В. Томашевский. Стилистика и стихосложение. М., 1959; Rene Georjin. Les secrets style. Paris, 1961; В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; Р. М. Самарин. Проблема стиля в современной зарубежной литературе. Филологические науки, вып. 3. М., 1962; Linguistics and style. London, 1964; Dobree Wolamy. Modern prose style. Oxford, 1964; Paul C. Wer-muth. Modern essays on writing and style. New York, 1964; Ivanova-Salingerova Maria. Stilistika. Bratislava, 1965; Bibliotheque de stylistique comparee. Paris, 1965; О. С. Ахманова. О принципах и методах лингвистического исследования. М., 1966; Теория литературы, т. 3. М., 1965 (см. рец. В. А. Ковалева «Проблемы стиля» в журнале «Русская литература», 1966, № 3); Б. Н. Головин. Из курса лекций по лингвистической стилистике Горький, 1966; Сб. «Язык и стиль». М., 1965; А. Н. Васильева. Стилистический анализ языка художественного произведения. М., 1966; В. П. Мурат. Об основных проблемах стилистики. М., 1957; А. В. Чичерин. Идеи и стиль. М., 1965; М. Н. Кожина. Стилистика и некоторые ее категории. Пермь, 1961; Х. Х. Махмудов. Некоторые вопросы теоретической стилистики. Филол. сборник. Алма-Ата, 1965; З. И. Ситникова. Лингвистическая природа некоторых стилистических приемов.—«Ученые записки МГПИИЯ», т. 23. М., 1960; Сб. «Вопросы стилистики». М., 1966 и др.

² «Исследования по славянскому литературоведению и стилистике». М., 1960; И. К. Белодед. Вопросы развития языка украинской советской художественной прозы. (Докт. дисс., рукопись). Киев, 1951; А. А. Каврус. Становление повествовательной речи Якуба Коласа. (Канд. дисс., рукопись). Минск, 1965; Mistrik Jozef. Slovenská stylistika. Bratislava, 1965; И. Г. Чередниченко. Очерки по общей стилистике современного украинского языка. Киев, 1962 и др.

³ В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М., 1941; Он же. Стиль прозы Лермонтова. Литературное наследство. М. Ю. Лермонтов, т. 1, М., 1941; Он же. О языке художественной литературы. М., 1959; А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965; А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи. М., 1957; Д. Э. Розенталь. Практиче-

Советские языковеды без соответствующего разграничения лингвистической и литературоведческой стилистики разрабатывают вопросы развития стилей не только на материале русского, украинского, белорусского, но и других языков народов СССР (особенно в докторских и кандидатских диссертациях⁴), а также зарубежных—германских⁵ и некоторых других языков. Исследуются функциональные стили⁶ стили разных жанров художественной литературы⁷, а также стилистические особенности перевода⁸. И все же проблема

ская стилистика русского языка. М., 1965; В. Д. Левин. Очерки стилистики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX в. Лесика. М., 1964 и др.

⁴ Н. Г. Корлэтичу. Исследования лексической системы молдавского языка (Автореф. докт. дисс.), Кишинев, 1964; В. Х. Алексаня. Язык и стиль произведений Ованеса Шираза, (Канд. дисс., рукопись). Ереван, 1965; А. А. Марутян. Язык и стиль поэзии Е. Чаренца (Канд. дисс., рукопись). Ереван, 1965; Р. Джаффаров. Язык и стиль Рахима Джалила, (Канд. дисс., рукопись). Самарканд, 1964; М. Джауипбеков. Стилистическое употребление лексики и фразеологии в произведениях Джамбула. Алма-Ата, 1955; Б. Калинаускас. Фразеология произведений Жемайте. (Канд. дисс., рукопись). Вильнюс, 1962; О. А. Уридина. Язык Георгия Эристави. (Канд. дисс., рукопись). Тбилиси, 1955; О. Я. Гиоргадзе. Борьба «отнов» и «летей» по вопросам литературы языка в грузинской литературе XIX в. (60—70 годы) (Канд. дисс., рукопись). Кутаиси, 1955 и др.

⁵ Л. Е. Мельник. Особенности языка и стиля произведения К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии». (Канд. дисс., рукопись). Киев, 1965; И. Р. Гальперин. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958; Л. Г. Маршнина. Фразеологическая характеристика научного стиля речи (на материале немецкой медицинской литературы). (Канд. дисс., рукопись). Л., 1965 и др.

⁶ В. М. Ронгинский. Синтаксические модели заголовков и их использование в различных стилях речи. (Канд. дисс., рукопись). С. И. Кауфман. Некоторые особенности стиля американской технической литературы. (Канд. дисс., рукопись). М., 1960; Е. Ф. Тарасов. Вопросы описания и интерпретации функциональных стилей. (На материале публицистического подстиля «Экономическая реклама» современного немецкого языка). М., 1964; Сб. «Особенности языка научной литературы» М., 1965.

⁷ Л. Г. Пономаренко. Особенности стиля советской поэзии для детей дошкольного и младшего школьного возраста. (Канд. дисс., рукопись). Харьков, 1953; Н. В. Черемсина. О языке и стиле советской научно-художественной прозы. Харьков, 1953 и др.

⁸ О. Н. Семенова. Лексические экспрессивные средства романа А. Н. Толстого «Петр первый» и способы их перевода на эстонский язык. (Канд. дисс., рукопись). Л., 1963; Л. Абдуллаева. Некоторые стилистические вопросы перевода с русского на узбекский. (Канд. дисс., рукопись). Самарканд, 1964; А. Джаксыбаев. Некоторые вопросы языка и стиля художественного перевода с русского на каракалпакский язык (Канд. дисс., рукопись). Ташкент, 1963 и др.

стилистики уделяется все еще мало внимания, тогда как в этой области есть много нерешенных вопросов и недостатков как в теоретическом, так и в практическом плане, что наглядно подтвердила недавняя дискуссия на страницах «Литературной газеты», начало которой было положено статьей акад. В. В. Виноградова «Заметки о стилистике современной советской литературы»⁹.

Изучение вопросов развития стилистических систем литературных языков народов СССР является актуальной задачей советских лингвистов. В Советском Союзе наблюдается большое разнообразие литературных письменных языков, выполняющих различные общественные функции, расширение которых создает благоприятные условия для их стилистической дифференциации.

I

Закономерности формирования и развития стилистических систем литературных языков существенно отличаются от закономерностей формирования и развития лексико-семантических, фонематических, морфологических и синтаксических систем старописьменных, младописьменных и бесписьменных языков. Развитие стилистических систем в большей степени зависит от развития общественных функций языков, чем, например, фонетика и морфология. В самом деле, фонетические, морфологические, лексико-семантические, синтаксические системы письменных языков существовали и существуют независимо от степени стилистической дифференциации литературных языков. Бесписьменные языки обладают развитыми фонетическими, лексико-семантическими, морфологическими и синтаксическими системами, но в них не образовались функциональные стили, характерные для литературных языков. Правда, наблюдается стилистическая дифференциация бесписьменных языков в связи с религиозными отправлениями, похоронными, свадебными и другими обрядами¹⁰.

Каждый стиль характеризуется не только функциональной целенаправленностью, то есть известными общественными функциями, но и присущей ему системой лингвистических средств, специфика которых в той или иной мере может про-

⁹ См.: «Литературная газета» от 19 октября 1965, а также последующие номера.

¹⁰ Ю. Д. Дешериев. Хиналугский язык.—«Языки народов СССР», т. IV. М., 1967.

явиться в области словарного состава,¹¹ синтаксиса,¹² в меньшей степени в фонетике¹³, морфологии¹⁴.

По вопросу о стилистической дифференциации литературных языков высказываются разные мнения. Наиболее характерные из них с точки зрения функционального развития языка следующие:

1) Одни авторы считают, что в большинстве случаев младописьменные языки не подверглись существенной стилистической дифференциации.

2) Другие указывают на формирование в младописьменных языках стилистических особенностей прозы, поэзии, общественно-политической литературы, периодической печати, но отрицают формирование стилей научно-технической литературы, какие существуют, например, в русском, украинском, армянском, грузинском, латышском, литовском, молдавском и некоторых других языках.

3) Третьи утверждают, что в младописьменных языках сложились такие же функциональные стили, какие возникли в развитых литературных языках (русском, украинском и др.).

В советскую эпоху происходит развитие функциональных стилей языков. Вопрос о формировании тех или иных особенностей функциональных стилей в том или ином языке может быть решен конкретными исследованиями. Отметим, что в процессе формирования лингвистических особенностей того или иного стиля известную роль играет иноязычное влияние, используются данные лексико-семантической, фонетической, морфологической, синтаксической систем литературных и народно-разговорных языков, а также местных диалектов и говоров.

Сознательно предпринятые обществом мероприятия по расширению общественных функций всех литературных языков имеют большое значение в развитии их стилистических систем. Так, создание письменности для ранее бесписьменных

---

¹¹ В. Д. Левин. Очерки стилистики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX в. Лексика. М., 1964.

¹² А. Ф. Ефремов. Стилистика словосочетаний. — Сб. «Вопросы синтаксиса и стилистики». Куйбышев, 1963.

¹³ М. В. Панов. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики). — Сб.: «Развитие современного русского языка». М., 1963.

¹⁴ А. М. Пешковский. Стихи и проза с лингвистической точки зрения. — Сб.: «Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика». Л., 1925.

народов, осуществление мероприятий по развитию национальных культур обусловили возникновение и развитие художественной литературы младописьменных народов на базе фольклора, в условиях благотворного влияния русской литературы и литератур других народов; это привело к формированию стилей прозы, поэзии, драматургии и в младописьменных языках¹⁵.

Издание в более или менее широких масштабах общественно-политической литературы, появление периодической печати обеспечили формирование публицистического стиля.

Развитие среднего и высшего образования, различных отраслей науки на национальных языках обусловило возникновение в них функциональных стилей.

В связи с организацией делопроизводства, переписки и судопроизводства на литературных национальных языках появились условия для возникновения канцелярского стиля и стиля судебного делопроизводства и т. д.¹⁶

Само собой разумеется, что для формирования того или иного стиля недостаточно издание одной-двух книг, относящихся, скажем, к научно-технической литературе, или осуществление делопроизводства, переписки и судопроизводства в течение нескольких месяцев от случая к случаю. Формирование функциональных стилей зависит, например, от объема и жанрового своеобразия систематически в течение длительного времени издаваемой литературы; от частотности систематического массового употребления этой литературы в течение продолжительного времени; от темпов и пределов развития связанных с соответствующей литературой и ее применением общественных функций языка. Только при этих условиях могут формироваться необходимые для лингвистической стилистики устойчивые стилистические оппозиции на лексико-семантическом, фонологическом, фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

При такой постановке проблемы естественно сделать вывод, что дальнейшее развертывание стилистических систем литературных языков определяется современным состоянием и перспективами развития общественных функций этих языков.

---

¹⁵ См.: Сб. «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху». Улан-Удэ, 1965.

¹⁶ См.: Сб. «Вопросы развития литературных языков народов СССР». Алма-Ата, 1964.

В современной науке предметом острых научных дискуссий остаются в области филологии понятия «стиль», «стилистика», а также вопрос о месте стилистики в кругу филологических дисциплин. Слово *стиль*¹⁷, первоначально обозначавшее конкретный предмет, орудие письма (от греч. *stylos* — палочка с острым концом для письма на навощенных дощечках у древних греков), приобрело много значений и оттенков значений в разных областях искусства, литературы, науки. Но ни в одной области этот термин не вызвал столь противоречивых толкований, как в области филологии, где «стиль» разными исследователями трактуется различно.

Это отразилось и на стилистике применительно к филологии. Например, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова стилистика определяется так: «Стилистика... (линг., лит.). 1. Учение о выразительных средствах языка. *С. разговорной речи*. 2. Отдел теории словесности о средствах и приемах художественной речи. 3. Совокупность художественных средств языка какого-нибудь художественного произведения, введения писателя, литературной школы, эпохи. *С. Гоголя. С. романтиков первой четверти 19 века*»¹⁸.

По мнению А. Н. Гвоздева, «Стилистика рассматривает целесообразность использования имеющихся в языке соответствующих его нормам средств для тех задач, которые стоят перед участниками общения»¹⁹. Такое определение задач стилистики носит не общетеоретический, а прикладной характер; к тому же оно не требует выяснения специфических, определяющих признаков, особенностей лингвистической стилистики, стилистики художественной литературы, или литературоведческой стилистики.

Более общее определение стилистики дает Ш. Балли: «...Стилистика изучает экспрессивные факты языковой системы с точки зрения их эмоционального содержания, то есть выражение в речи явлений из области чувств и действия речевых фактов на чувства»²⁰. Было бы неправильно сводить задачи, например, лингвистической стилистики к изучению «выражения в речи явлений из области чувств и действия речевых фактов на чувства». Такое понимание стилистики можно рас-

¹⁷ См.: «Античные теории языка и стиля». М.-Л., 1936, стр. 54.

¹⁸ «Толковый словарь русского языка», т. 4, М., 1940, стр. 517.

¹⁹ А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. Изд. 3-е. М., 1965, стр. 11.

²⁰ Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961, стр. 133.

смагивать лишь как один из возможных аспектов анализа содержания и задач стилистики художественной литературы. Достаточно указать на то, что лингвистическая стилистика и функциональные стили имеют дело с эмоционально нейтральными элементами структуры языка. Стало быть, признание «задачей стилистики в широком смысле является анализ выразительных средств с целью выделения в них неконцептуальных элементов, если таковые имеются»²¹ является недостаточным для характеристики предмета и объема задач стилистики.

Вместе с тем возможные толкования стилистики вопреки Х. Касаресу не могут быть сведены к трем выразительным средствам: 1) человеческой речи вообще, 2) одного определенного лица, 3) системы выразительных средств, свойственной отдельной личности. Возможных аспектов исследования стилистики гораздо больше: сопоставительная стилистика двух языков, историческая стилистика, синхронная стилистика конкретного языка и т. д. Изучение экспрессивных фактов языковой системы с точки зрения их эмоционального содержания в различных языках (например, народов СССР) в типологическом, сопоставительном плане, несомненно, представляет теоретический, а во многих случаях и практический интерес. Было бы неправильно недооценивать этот аспект разработки проблем стилистики, как это делается в указанной содержательной работе Ш. Балли.

По мнению О. С. Ахмановой, «определение стилистики как науки о тех элементах языка, которые присоединяются к собственному выражению мысли, сопровождают собственно семантическое содержание высказываемого, т. е. науки о разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных моментах в языке, является правильным»²².

Часто исследователи обходят общую проблему стилистики, а также проблему разграничения лингвистической стилистики и стилистики литературоведческой, ограничиваясь характеристикой задач стилистики, место которой в системе наук уже определилось. Г. В. Степанова считает, что «Стилистика есть наука, изучающая разнообразные возможности организации речи в зависимости от содержания и определенной цели высказывания»²³. Если в этом определении основ-

---

²¹ Х. Касарес. Введение в современную лексикографию. М., 1958, стр. 116.

²² О. С. Ахманова. О стилистической дифференциации слов. — Сборник статей по языкознанию. Изд-во МГУ, 1958, стр. 28.

²³ Г. В. Степанова. О художественном и научном стилях речи. — ВЯ, 1954, № 4, стр. 17.

ной задачей стилистики признается изучение «разнообразных возможностей организации речи», то в характеристике задач стилистики, данной Р. Г. Пиотровским, на первый план выдвигаются «вопросы выбора языковых средств для полноценной и эффективной передачи данной информации»²⁴.

Перечисление разных толкований стилистики можно было бы продолжить, но они до сих пор не привели к общеприемлемому определению стилистики и ее задач.

Место стилистики в системе филологических дисциплин также до сих пор еще достаточно ясно не определилось. Почти все лингвисты, литературоведы, писатели признают стилистическую дифференциацию языка, существование стилей великих мастеров слова (А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького, В. В. Маяковского и др.), литературных направлений (например, романтизма, классицизма), функциональных стилей и т. д., но предмет стилистики, ее методы, конститутивные признаки ее предмета, ее отношение к другим филологическим дисциплинам еще в достаточной степени научно не обоснованы. Нет в этой области и общепринятой теории. Этим объясняется наличие разных концепций по вопросу о предмете стилистики, объеме ее задач, о ее методах и месте среди филологических дисциплин; по этой причине широкая и многогранная проблематика стилистики оказалась суженной, а в некоторых случаях она сведена к языку художественной литературы. Рассматриваемая даже в таком ограниченном плане стилистика часто не находила себе постоянного пристанища в какой-нибудь области филологической науки.

Отсутствие общеприемлемого позитивного решения рассматриваемой проблемы до сих пор не позволяет стилистике твердо занять определенное место в кругу наук²⁵.

Согласно взглядам некоторых ученых, стилистика как наука о стилях художественной литературы — самостоятельная область филологии, занимающая «нейтральную зону», промежуточное положение между лингвистикой и литературоведением. Задачи стилистики в этом ее положении не были четко определены. Указание же (например, Л. Шпитцера) на то, что в ней должно найти комбинированное освещение смежных проблем литературоведения и языкознания, еще не дает решения вопроса.

²⁴ Р. Г. Пиотровский. Очерки по стилистике французского языка. Л., 1960, стр. 14.

²⁵ См.: В. В. Виноградов, О языке художественной литературы. М., 1959, стр. 3.

По мнению других исследователей, стилистика как учение о стилях или языке художественной литературы собственно литературоведческая дисциплина, пользующаяся принципами, методами науки о литературе, то есть теории литературы и литературоведения. В этом случае стилистика определяется как раздел теории литературы, рассматривающий свойства поэтического языка. Язык, стиль художественного произведения здесь рассматриваются как составные элементы теории литературы. «Язык,—писал Л. И. Тимофеев,— есть часть характера»²⁶. По его мнению, «поэтический язык — это прагматический язык в его особой функции—объективации образа»²⁷. Анализ системы образов в художественном произведении — задача теории языка. Но поскольку «язык художественно-литературного произведения может быть понят лишь в связи с той образной системой, которая лежит в основе произведения»²⁸, то, стало быть, изучение языка художественного произведения — одна из задач теории литературы, литературоведения.

Стиль также характеризуется им в связи с образами, созданными художником слова. Л. И. Тимофеев, по существу, и определяет стиль как «систему образов»²⁹.

Отстаивая эту концепцию, Л. И. Тимофеев утверждал, что система образов... «определяет мотивировку и отбор лексических, интонационно-синтаксических, звуковых средств, при помощи которых создается тот или иной образ. В этом смысле язык есть форма по отношению к образу, как образ есть форма по отношению к идейному содержанию произведения»³⁰.

По концепции части языковедов, стилистика—лингвистическая дисциплина. При этом остается неясным вопрос о лингвистических признаках стилистических явлений, об объеме задач лингвистической стилистики, не ясно, охватывает ли она круг проблем поэтического языка, стилей художественной литературы. Так, А. Н. Гвоздев рассматривает стилистику в ряду основных разделов структуры языка — лексики, грамматики, фонетики.

Р. Якобсон считает, «поскольку лингвистика — всеобъем-

---

²⁶ Л. И. Тимофеев. Основы науки о литературе. М., 1945, стр. 120.

²⁷ Там же, стр. 18.

²⁸ Л. И. Тимофеев. Проблемы теории литературы. М., 1955, стр. 79.

²⁹ Он же. Проблема стиховедения. Материалы к социологии стиха. М., 1931, стр. 16.

³⁰ Он же. Проблемы теории литературы. М., 1955, стр. 79.

лющая наука о словесной структуре речи, постольку поэти-
ку надо рассматривать как составную часть лингвистики»³¹.

Место стилистики в кругу лингвистических дисциплин, ее
связь и взаимоотношение с основными разделами структуры
языка и здесь не определены.

«По моему глубокому убеждению, — пишет В. В. Вино-
градов, — исследование «языка» (или, лучше, стилей)
художественной литературы должно составить предмет осо-
бой филологической науки, близкой к языкознанию и лите-
ратуроведению, но вместе с тем отличной от того и дру-
гого»³².

Такое отграничение стилистики художественной лите-
ратуры от литературоведения и языкознания может иметь место
при условии, если будет выявлено и охарактеризовано ядро
конститутивных признаков ее предмета, органическим допол-
нением (а не основой) к которому послужат принципы лите-
ратуроведческого и чисто лингвистического исследования сти-
лей художественной литературы. Такое дополнение вполне до-
пустимо, оно может «органически» влиться в состав ядра (ес-
ли оно будет найдено и охарактеризовано) конститутивных
признаков, характеризующих основные категории этой новой
области.

В специальной литературе указывается на то, что в сти-
листике следовало бы различать по крайней мере три раз-
ных круга исследований, тесно соприкасающихся, часто вза-
имно пересекающихся и всегда соотносительных, однако па-
деленных своей проблематикой, своими задачами, своими
критериями и категориями. Это, во-первых, стилистика языка
как «системы систем», или структурная стилистика; во-вторых,
стилистика речи, то есть разных видов и актов общественного
употребления языка; в-третьих, стилистика художественной
литературы.

Стилистика языка, или структурная стилистика, описы-
вает, квалифицирует и объясняет взаимоотношения, связи и
взаимодействия разных соотносительных частных систем,
форм, слов, рядов слов и конструкций внутри единой струк-
туры языка как «системы систем». Она изучает исторически
изменяющиеся тенденции или виды соотношений стилей

³¹ Цит. по статье: Р. М. Самарин. Проблема стиля в современной
зарубежной науке. — «Научные доклады высшей школы». Серия «Фило-
логические науки». М., 1962, № 3 (19), стр. 20.

³² В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М.,
1959, стр. 3—4.

языка, характеризующихся комплексом типичных признаков³³.

«Стилистика речи базируется на стилистике языка. Языковая система не только «порождает» речь, не только сдерживает ее поток в известных берегах и пределах, но и питается ею, применяется под ее сильным воздействием... На долю стилистики речи выпадает задача разобраться в тончайших различиях семантического и экспрессивно-стилистического характера между разными жанрами и общественно-обусловленными видами устной и письменной речи»³⁴.

Сложность и многообразие проблемы стилистики речи вызывают необходимость изучения их как в описательном, так и в сопоставительно-оценочном, нормативном плане. Отсюда со всей очевидностью вытекает важность подобных исследований для разработки вопросов культуры языка и культуры речи. История разработки русской стилистики подтверждает вывод о тесной связи проблем стилистики языка и речи с вопросами культуры русского языка. Вместе с тем совершенно ясно, что одной из основных баз стилистики речи, кроме изучения персональной коммуникации, индивидуально-речевых стилей и связанных с ними типичных композиционных форм общения и воздействия, является язык массовой коммуникации. Массовая коммуникация, обязанная своим развитием в современном обществе ряду технических завоеваний, широко отражает сложные формы речевого общения и взаимодействия и структурное своеобразие того общества, в котором она осуществляется.

Что касается стилистики художественной литературы, то в ней изучаются не только способы индивидуального или канонизированного целой писательской школой применения разнообразных средств общего языка, его стилей, диалектов, жаргонов, разных социально-речевых стилей, разных типов и композиционных систем устного и письменного общественного речевого употребления (по отношению к новому времени и разных форм и видов массовой коммуникации), словом, приемы употребления языка и общественной речи, характерные для тех или иных индивидуальных стилей, стилей школ или даже целых литературных направлений, не только приемы индивидуальных литературно-художественных новообра-

---

³³ См.: В. В. Виноградов, *Стилистика. Теория поэтической речи*. Поэтика. М., 1963, стр. 5.

³⁴ Там же, стр. 14—15.

зований, новые типы и виды сочетания разностильных элементов в том или ином словесно-художественном стиле.

В связи с этим возникают новые задачи изучения разных форм повествования, сочетания и взаимодействия повествования с диалогическими отрезками, композиционно-синтаксического движения речи в структуре словесно-художественного целого, приемы ритмической структуры и образного строя литературно-художественных произведений, приемы индивидуального построения словесных образов и их динамического развития, их трансформаций и сцеплений с другими образами в структуре того или иного литературного произведения, проблемы специфики речевых характеристик образов персонажей в отдельных индивидуальных стилях или стилях целых школ, вопросы индивидуально-стилистической структуры образа и многие другие.

Вместе с тем в сферу стилистики художественной литературы вступает новая разновидность речи, именно стихотворчая речь.

Довольно широкое понимание стилистики представлено в эстетизме К. Фосслера. Он писал: «...языкознание в чистом смысле слова является лишь стилистикой. Но эта последняя принадлежит к эстетике»³⁵. Эстетика, согласно философской концепции Б. Кроче, лежащей в основе теоретических суждений К. Фосслера, представляет собой философию интуитивного познания. Интуитивное познание осуществляется с помощью фантазии, это познание индивидуального, познание отдельных вещей; в результате этого познания получают образы. «Интуитивное познание есть познание выразительное...»³⁶. А так как, по мнению Б. Кроче, «Интуитивное познание дано в искусстве, интеллектуальное (логическое) — в науке»³⁷, то было объявлено, что «философия языка и философия искусства суть одно и то же»³⁸. В то же время Б. Кроче признавал, что «язык—бесконечное творчество»³⁹.

Исходя из этой философской концепции, К. Фосслер утверждал, что «индивидуальное, своеобразное характерно для стиля, и именно эта особенность стиля и определяет сущ-

---

³⁵ K. Vossler. Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1904, стр. 42.

³⁶ Б. Кроче. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика, ч. I. Теория. Перевод В. Яковенко. М., 1920, стр. 14.

³⁷ Там же, стр. 14.

³⁸ Там же, стр. 161.

³⁹ А. С. Чикобаева. Проблема языка как предмета языкознания. М., 1959, стр. 136.

ность языка. Особенности стиля универсализованы К. Фосслером. Языкознание приравнено к стилистике; все отрасли языкознания освещаются с точки зрения стилистики. Теоретической базой науки о языке объявляется эстетика»⁴⁰.

В итоге у К. Фосслера «вопрос о стиле оказался центральным вопросом языкознания: стилистика была признана ведущей отраслью языкознания, наука о языке, основанная на стилистике, была включена в теорию искусства, в эстетику как ее органическая часть»⁴¹.

Такое незаслуженно широкое понимание стилистики не выдержало испытания временем, подверглось справедливой критике.

Наконец, есть специалисты, которые отрицают существование стилистики как особой или промежуточной области филологической науки. Они считают, что соответствующие вопросы, касающиеся стилистических особенностей языка художественных произведений, научной и общественно-политической литературы, стиля писателя, должны рассматриваться, в зависимости от их содержания, характера, специфических особенностей, в языкознании — в одних случаях и в литературоведении — в других. Такая точка зрения в конечном итоге сводит проблемы стилистики к частным вопросам литературоведения и языкознания. Вряд ли можно согласиться с такой недооценкой проблем стилистики.

В результате создалось довольно трудное положение с разработкой проблем стилистики в современной науке.

III

Между тем, на наш взгляд, историей развития филологической науки, ее современным состоянием создана прочная основа как для определения специфики, объема задач, методов исследования лингвистической стилистики и стилистически художественной литературы, так и их места в кругу лингвистических и литературоведческих дисциплин.

Как известно, особенно трудным делом оказалось определение задач и основных признаков лингвистической стилистики и стилистически художественной литературы.

В многочисленных попытках лингво-стилистического и стилистико-литературоведческого исследования отдельных литературных произведений или творчества писателя в целом,

⁴⁰ А. С. Чикобаева. Проблема языка как предмета языкознания. М., 1959, стр. 136.

⁴¹ Там же, стр. 133.

продолжающихся и ныне, сразу же обнаружались резкие теоретические и методические противоречия и расхождения. С одной стороны, смысловая структура сложного словесно-художественного целого иногда как бы выпадала из поля зрения лингвиста при его стремлении не выходить из строгих рамок чисто языковых — грамматических и лексических — терминов и категорий.

С другой стороны, при желании охватить композицию литературного произведения в целом невольно привносились литературоведческие понятия и категории, стилистический анализ подменялся или прерывался анализом идеологическим, и возникала пестрая смесь лингвистических представлений с литературоведческими. Чаще же всего происходило более или менее механическое присоединение замечаний о языке писателя к общей литературоведческой характеристике его образов и тематики, беспорядочно перемешанных с разрозненными наблюдениями над его «стилем» и идейным замыслом.

Вместе с тем смешение приемов и задач историко-литературного и историко-лингвистического исследования в области изучения языка и стиля писателя способствовало укоренившееся у нас искусственное и насильственное приспособление поэтики к лингвистике⁴².

В этих условиях одной из основных задач филологической науки является определение границ чисто лингвистического изучения языка и стилей художественной литературы в отличие от литературоведческого анализа тех же сторон словесно-художественного творчества, определение возможности сочетания и взаимодействия тех и других принципов исследования. Последний круг вопросов может быть отнесен к задачам комплексной разработки проблем литературоведения и языкознания.

К этому же выводу пришел в свое время Л. В. Щерба⁴³, В. М. Жирмунский⁴⁴, Г. О. Винокур⁴⁵, Л. П. Якубинский⁴⁶ и др.

---

⁴² См.: В. В. Виноградов. О языке художественной литературы, стр. 41—42.

⁴³ Л. В. Щерба. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.—Изв. АН СССР, отделение общественных наук. М., 1931, № 1, стр. 124.

⁴⁴ В. М. Жирмунский. Задачи поэтики.—Сб. «Вопросы теории литературы». Л., 1928, стр. 39.

⁴⁵ Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 255.

⁴⁶ Л. П. Якубинский. О звуках стихотворного языка. — Сб. «Поэтика», 1919, стр. 37.

Лингвистическая стилистика, рассматриваемая в плане общих проблем, отличающих стилистику от лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса, нуждается и в общем определении.

Широкое определение стилистики охватывает как лингвистическую, так и литературоведческую стилистику, или стилистику художественной литературы с той лишь разницей между ними, что лингвистическую стилистику характеризуют главным образом лингвистически специализированные языковые средства, то есть стилистические оппозиции на всех уровнях (несмотря на то, что в ней могут преобладать количественно нейтральные языковые элементы), тогда как стилистику художественной литературы могут обслуживать в одинаковой мере (в зависимости от стиля, жанра и задач произведения) как специализированные (или маркированные), так и неспециализированные языковые средства. В этом обобщенном смысле стилистика занимается изучением способов, приемов подбора стилистически специализированных или неспециализированных языковых средств, применяемых для наиболее точного словесного выражения мыслей и чувств говорящего или пишущего в нужном ему аспекте, иначе говоря, стиле.

Лингвистическая стилистика имеет дело главным образом с функциональными стилями. Напротив, литературоведческая стилистика связана в основном с художественной литературой. Лингвистическая стилистика и стилистика художественной литературы отталкиваются от так называемых стилистически нейтральных языковых средств, создавая свои особые надстроечные стилистические категории. В то же время лингвистическая стилистика и стилистика литературоведческая взаимодействуют и взаимопроникают несколькими путями: во-первых, их важнейшим общим источником служат нейтральные языковые средства, во-вторых, стилистически специализированные средства лингвистической стилистики проникают в литературоведческую стилистику, и наоборот, в-третьих, постоянный взаимообмен существует между «нейтральным» стилем, с одной стороны, лингвистической стилистикой и стилистикой художественной литературы, с другой стороны. Все это создает почву для формирования на их стыке общей стилистики.

Задача общей, точнее филологической стилистики — исследование взаимодействия стилистически специализированных лингвистических и литературоведческих категорий, средств, приемов, их роли и их соотношения в процессе фор-

мирования и развития разных стилей. Решение такой задачи под силу только комплексным исследованиям, учитывающим данные лингвистической стилистики и стилистики литературоведческой.

Таким образом, можно констатировать:

1. Существуют актуальные в теоретическом и практическом отношении проблемы стилистики, относящиеся к литературоведению и языкознанию и тесно связанные с формированием и развитием литературных языков и национальных литератур. Во всем главном они являются, прежде всего, внутренними проблемами филологии. Поэтому для нас неприемлемо такое расширительное всеобъемлющее идеалистическое их толкование, характерное для философской концепции Б. Кроче и К. Фосслера. Однако это не должно означать внутрифилологической изоляции разработки этих проблем, в конечном итоге представляющих собой продукт общественного развития. Следовательно, методологическому, социологическому обоснованию теоретических принципов исследования проблем стилистики на основе анализа фактического материала филологических дисциплин должно быть уделено особое внимание, с учетом при этом там, где это необходимо, фактических материалов и теоретических выводов других наук, прежде всего общественных наук.

2. Задача первостепенной важности—определение предмета лингвистической стилистики и стилистики художественной литературы, границ между лингвистическим и литературоведческим изучением языка и стилей художественной литературы; определение путей и возможностей сочетания синхронного и диахронного лингво-стилистического и стилистико-литературоведческого исследования языка и стилей художественной литературы; выяснение вопроса, следует ли признать такое исследование задачей новой филологической дисциплины, возникшей на стыке литературоведения и языкознания, или же здесь мы имеем дело с комплексной проблемой, нуждающейся в разработке совместными усилиями литературоведов и языковедов.

IV

В специальной литературе иногда рассматривается «лингвистическая стилистика» как общепризнанный раздел структуры языка, определивший свои задачи. Так, отмечается, что «задачи лингвистической стилистики заключаются в описании функциональных стилей языка, в изучении стилистиче-

ской системы языка в определенную эпоху, в исследовании соотношений, взаимопроникновения и развития стилей, в установлении действующих в стилях норм⁴⁷. Несомненно, все это входит в объем задач лингвистической стилистики. Но прежде чем охарактеризовать эти задачи, нужно определить понятие лингвистической стилистики, выявить ее лингвистические, то есть средствами языка выраженные, стилистические категории, показать взаимоотношение между лингвистической стилистикой и литературоведческой стилистикой.

В специальной литературе представлены различные точки зрения по вопросу о количестве, типах и разновидностях стилей, но нет единого мнения относительно классификации стилей⁴⁸.

До сих пор нет и общепризнанных методов и методологических приемов разработки лингвистической стилистики, хотя в этом направлении кое-что уже сделано, делается и сейчас⁴⁹.

Каждая лингвистическая категория должна быть выражена специфическими лингвистическими средствами. Любая лингвистическая категория, которая обладает определенной специфической постоянной формой своего языкового выражения, входит в систему, структуру конкретного языка. Из таких элементов, категорий, имеющих свои специфические исторически сложившиеся языковые формы, и формируется система, структура языка. Эти языковые формы представляют собой материальные средства выражения языкового содержания. В сказанном и заключается соответствие формы и содержания, обозначающего и обозначаемого, материального и смыслового.

Следовательно, то, что не выражается постоянно (относительно постоянно, то есть в синхронном плане) языковым специфическим средством, не может быть признано лингвистической категорией и отнесено к системе, структуре данного языка.

Таким образом, лингвистическая стилистика, рассматриваемая в плане общих проблем, отличающих стилистику от лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса, нуждается и в общем определении.

---

⁴⁷ В. П. Мурат. Об основных проблемах стилистики. Изд-во МГУ, 1957, стр. 25.

⁴⁸ См. обзор этих точек зрения в книге: Д. Э. Розенталь. Практическая стилистика русского языка, М., 1965.

⁴⁹ А. М. Пешковский. Указ. соч.; О. С. Ахманова. О принципах и методах лингво-стилистического исследования, М., 1966.

Из изложенного вытекает вывод принципиального значения для определения лингвистической стилистики. Под лингвистической стилистикой, рассматриваемой в этом аспекте, следует понимать раздел языкознания, занимающийся изучением стилистически специализировавшихся языковых средств для специфического языкового устного или письменного выражения разных видов и форм человеческой деятельности в различных сферах общественной жизни.

Лингвистическая стилистика представляет собой раздел или определенный уровень структуры, системы языка; причем и в лингвистической стилистике и в стилистике художественной литературы предполагается умение или способность пользующегося данным языком варьировать, в соответствии с содержанием, целями и назначением высказывания или изложения, «единственное нужное размещение нужных слов» (Л. Н. Толстой). Этим обеспечивается как раз и формирование того или иного стиля художественной литературы. Указанное обстоятельство позволяет дать такое определение стилистики художественной литературы, которое отличается от определения лингвистической стилистики, разграничивая их. В то же время есть необходимость в специальных определениях задач разных типов стилистики: синхронной, исторической⁵⁰, сопоставительной и т. д.

Здесь уместно подчеркнуть, что при такой постановке вопроса разграничиваются функциональные стили и понятие литературного языка, с одной стороны, стили и понятие языка художественной литературы, — с другой. Между тем в специальной литературе далеко не всегда проводится разграничение понятий литературного языка и языка художественной литературы⁵¹.

Стилистическая специализация языковых средств для указанных целей происходит постепенно в условиях социальной практики, в процессе общения людей. Такие стилистически специализированные языковые средства формируются в большей или меньшей мере в области лексики, семантики, фонетики, морфологии, синтаксиса. Ими могут пользоваться в своей языковой жизни все носители данного языка или определенная социальная группа.

---

⁵⁰ Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку, стр. 222; В. Д. Левин. Очерки стилистики русского литературного языка конца..., стр. 5.

⁵¹ Например, Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, Киев, 1952; Е. М. Галкина-Федорук. Современный русский язык. М., 1954 и др.

Когда говорят о стилистически нейтральном нормированном общенациональном языке, то имеют в виду его основной состав. В структуру такого языка всегда бывают вкраплены стилистически специализированные элементы. Было бы неправильно абсолютизировать понятие стилистически нейтрального нормированного общенационального литературного языка. Абсолютно все элементы функционирующего языка шкогда не бывают стилистически нейтральными. Поэтому нормированный общенациональный литературный язык, все элементы которого нейтральны в стилистическом отношении, — весьма относительное понятие.

В сущности говоря, каждый элемент языковой структуры с момента своего возникновения подвергается специализации морфологической (то есть по форме), синтаксической (то есть по связям, отношениям между словами и т. д.), семантической (то есть по значению), функциональной (то есть функции), звуковой (то есть фонологической или фонетической).

Так, в русском языке фонема *б* (твердая) отличается от всех остальных фонем своим звучанием, артикуляционно-акустической характеристикой; в слове *домик-у* окончание дательного падежа единственного числа *и* выражает определенное грамматическое значение; *дом* — стилистически нейтральная форма слова в именительном падеже единственного числа, *иду* — форма глагола 1-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения; *большой дом* — форма двучленного словосочетания, где определение, выраженное качественным прилагательным, согласовано в падеже, числе и роде с определяемым — именем существительным в именительном падеже единственного числа; *я работаю* — нераспространенное предложение, в котором подлежащее согласовано со сказуемым (глаголом) в лице и числе и т. д.

Это — первичная, основная, исходная «специализация» элементов языковой структуры, отношений между ними. Подобные элементы и составляют основу нормированного в целом стилистически нейтрального народно-разговорного или общенационального литературного языка, в который почти всегда бывают вкраплены и стилистически «окрашенные» (хотя бы исторически) языковые элементы.

Стилистическая специализация языковых элементов, как правило, вторичная. Образно-художественная функция языка основывается на коммуникативной функции, из нее исходит, но осложняет ее. Она «наслаивается» на первичную, исходную, основную. Вводные слова *как правило* предполагают

возможные исключения. К этим исключениям чаще всего относятся лексические элементы терминологических систем в функциональных стилях.

Остановимся на анализе конкретных фактов стилистической специализации элементов языковой структуры.

Естественно, наибольшее количество таких элементов, относящихся к разным стилям, выявляется в области лексики. В этой общей теоретической части в качестве иллюстративного материала целесообразно использовать факты из широко известного и широко распространенного языка, каким является русский язык.

Показательна стилистическая специализация жаргонной лексики. О некоторых приводимых ниже словах, употребляемых в студенческом речевом обиходе, нельзя говорить, что они взяты из лексики общенародного литературного языка. Напротив, их первичная форма и стилистическая специализация жаргонная: *порубал* (то есть *поел*), *сачканул* (то есть *пропустил лекцию*), *купился* (то есть *попался*), слова-обращения: *чувиха*, *чмур*⁵² и др.

В студенческом жаргоне встречаются и слова, взятые из общенационального языка и употребляемые в ином, жаргонном значении: *толкнул зачет* (то есть *сдал зачет*); слова-сценки: *железно*, *вот дает*, *сила*; слова-обращения: *старик*, *труп*, *сын*, *малый*⁵³. Из этих слов стилистически специализированным для жаргонной лексики является лишь *толкнул* в составе словосочетания *толкнул зачет* в значении «сдал зачет». Здесь мы имеем дело со стилистической оппозицией: литературная форма *сдал зачет* противопоставлена жаргонному словосочетанию *толкнул зачет*. В этом и заключается синтаксически выраженная вторичная стилистическая специализация слова *толкнул* в студенческой жаргонной лексике. Морфологически выражена стилистическая специализация слова *железно* как жаргонизма и т. д.

V

От лингвистической стилистики отличается стилистика художественной литературы, ибо для художественной литературы характерны специфические законы восприятия, воспроизведения и осмысления действительности. Ее главная особенность — в бесконечном многообразии ее проявления.

⁵² В. А. Лившиц. Практическая стилистика русского языка. М., 1964, стр. 20.

⁵³ Там же.

Логически стройные формулы законов Архимеда и Ньютона повторялись в прошлом, повторяются в наше время и должны повторяться на всех языках, пока не будут открыты другие законы, их опровергающие. Это относится ко всем правилам и законам науки, научного мышления.

Напротив, в художественной литературе «формулы» образного мышления, образы, «словесные портреты» героев, особенности их языка, восприятия действительности и т. д. не могут повторяться не только в произведениях других авторов, но и в творениях одного и того же писателя.

Поэзия, поэтический образ, словесное художественное выражение образа не повторяются. Последователи, подражатели, эпигоны даже стараются создавать художественные произведения, особенности стиля, «словесные» образы, подражая великим писателям, но не повторяя их дословно. Вряд ли есть необходимость в более подробном разъяснении этого положения.

Все это обуславливает специфическое образное осмысление слова в каждом случае, чем и объясняется возможность бесконечного многообразия стилей — индивидуальных, литературных жанров, направления и т. д., на основе звукового строя, словарного состава и грамматической системы одного и того же языка.

Художественное осмысление слова, являясь образным переоплощением, трансформацией его основного значения или его синонимическим образным вариантом, может расходиться с его вещественным значением. Поэтому художественное восприятие, переосмысление слова, словосочетания или фразы в произведении писателя, поэта нельзя рассматривать как лингвистическую категорию, как новый лексический или иной элемент структуры языка, если данное явление не имеет своей лингвистически обозначенной стилистической специализации, то есть стилистической оппозиции. Но даже стилистически специализированные лингвистические элементы могут подвергаться в художественном произведении переосмыслению, особому художественному восприятию.

В этом отношении показательны следующие примеры из произведений И. Эренбурга, который, употребляя жаргонную, разговорно-просторечную лексику и фразеологию, высмеивал гитлеровских солдат: *«...на первых порах фашисты безнаказанно шлялись по Европе, ...лихо маршировали по Бельгии, ...резвились в Киеве, ...несли табунами, ...поспешно сматывались, ...драпали из всех сил..., теряли штаны...»*⁵⁴.

⁵⁴ См.: В. А. Лившиц. Указ, соч., стр. 21.

Так писатель смешанно, но целеустремленно использует стилистически специализированную жаргонную и разговорно-просторечную лексику и фразеологию в определенных художественных целях.

Автор художественного произведения может использовать в определенных художественных целях как обычные общепринятые слова, фонемы, грамматические категории и т. д., так и стилистически специализированные, окрашенные элементы языка. В таких случаях анализ стиля литературного произведения нужно производить, учитывая данные лингвистической характеристики соответствующих стилей и особенно их вторичной (стилистической) специализации. Слова и другие элементы структуры языка, лингвистически не специализированные, не выделяемые стилистической оппозицией, но специфически осмысленные и использованные писателем, остаются особенностями его индивидуального образного мышления, художественного восприятия.

Вот почему художественное восприятие, осмысление слова, словосочетания и т. д.—не лингвистические категории, а элементы, из которых формируется структура стиля писателя, литературного жанра или направления. Нейтральные, стилистически неспециализированные языковые элементы почти всегда преобладают в структуре любого художественного произведения.

Таким образом, мы видим сложное переплетение, взаимопроникновение фактов, явлений, процессов, разных элементов, относящихся к лингвистической стилистике и к стилистике художественной литературы. Все это отражает сложный, диалектически противоречивый характер самой действительности, многогранной жизни общества. Поэтому было бы неправильно пытаться найти абсолютные границы, отделяющие лингвистическую стилистику от стилистики художественной литературы. Но ведь нет абсолютных границ, разделяющих такие специфические естественные науки, как физика и химия, особенно в настоящее время, когда возникли новые их разделы — физическая химия, химическая физика и т. д. Тем не менее каждая из этих наук имеет свою специфику, свои методы и т. д.

Лингвистическая стилистика также отличается от стилистики художественной литературы или «литературоведческой» стилистики своими специфическими особенностями, объектом и методами исследования. При изучении стилистики художественной литературы нужно учитывать и жанр, и композицию, и литературное направление, и «образную систему»

произведения и т. д. Подлинный художник слова в каждом произведении должен «конструировать», создавать из общенародных элементов языка свою «образную языковую систему» художественного восприятия действительности, систему, отвечающую задачам, замыслу произведения. При этом он не создает ни новых фонем, ни новых грамматических категорий и т. д. Одна из важных задач (если не самая главная задача) стилистики художественной литературы — анализ «образной языковой системы» восприятия действительности, художественного языкового мышления писателя. Такая задача не может быть поставлена перед лингвистической стилистикой.

Вместе с тем задачи лингвистической стилистики и стилистики художественной литературы в отдельных разделах перекрещиваются, например, в исследовании условий формирования стилистических оппозиций в области художественной литературы и т. д. Подобные смежные проблемы обуславливают необходимость сотрудничества языковедов и литературоведов.

Процесс образования стилей, стилистической специализации лингвистических элементов ведет к формированию стилистической оппозиции на разных уровнях языка.

VI

Многие старописьменные языки достигли значительной функциональной и жанрово-стилистической дифференциации еще в дореволюционную эпоху⁵⁵. Тем не менее во многих старописьменных языках отсутствовали такие функциональные стили, как канцелярский, стиль учебно-педагогической литературы. На украинском языке не существовала национальная школа, на нём не велось преподавание в вузах. Следовательно, не мог развиваться стиль учебно-педагогической литературы. Такие стилистически специализированные термины, как в украинском языке: *ленінські принципи партійного керівництва* 'ленинские принципы партийного руко-

⁵⁵ Я. В. Закревская. Языковые и стилистические особенности сказок Ивана Франко. (Канд. дисс., рукопись). Львов, 1957; И. И. Дациук. Стилистические особенности синтаксиса поэтического языка Леси Украинки. Киев, 1965; Л. И. Доброжанская. Фразеология языка Т. Г. Шевченко. (Канд. дисс., рукопись). Харьков, 1954; С. А. Мелконян. Язык и стиль поэм Ов. Туманяна. (Канд. дисс., рукопись). Ереван, 1955; Ш. И. Глonti. Вопросы художественного языка «Витязя в тигровой шкуре». Тбилиси, 1963; В. Х. Хакоев. Язык и стиль татарской публицистики в годы первой русской революции. (Канд. дисс., рукопись). Казань, 1961 и др.

наряду с жанрово-стилистической дифференциацией художественной литературы формировались стилистические особенности научно-популярной литературы, учебно-педагогического стиля литературы для начальной и средней школы.

Что же касается таких младописьменных языков, как найский, ненецкий, мансийский, то вряд ли можно говорить об их более значительном функциональном развитии и стилистической дифференциации.

В литературных языках, особенно сильно развившихся в советскую эпоху, сначала возникали стилистические оппозиции, позволяющие противопоставить народно-разговорной речи письменный, литературный язык⁵⁸. Например, на фонетическом уровне:

Туркменский язык

В народно-разговорном языке (в просторечии)

тырактур
завут
истол
капратип
тилпун
пырапесор
биргат

В устной и письменной формах литературного языка

трактор
завод
стол
кооператив
телефон
профессор
бригадир

Для формирования стиля общественно-политической литературы широко использовались процессы взаимодействия языков, особенно заимствования из русского языка. Переплетение исконных, русских, интернациональных элементов создавало особый колорит, особый стиль общественно-политической и публицистической литературы, в частности. Этот стиль, формировавшийся как в старописьменных, так и младописьменных языках, некоторые ученые назвали стилем эпохи. Л. А. Булаховский правильно отмечал, что «...синтаксис советского публицистического языка формировался во всех советских республиках под сильным влиянием русской публицистики, по образцу классических трудов В. И. Ленина... Это придает советскому стилю в словесном материале языков

⁵⁸ Попытка специально рассмотреть стилистические оппозиции на фонетическом, фонематическом, лексическом, семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях сделана в публикуемой в этом издании работе Ю. Д. Дешериева «Развитие стилистических оппозиций в младописьменных языках».

всего нашего Союза ту монолитность и характерную выразительность, которые сделали его стилем эпохи»⁵⁹. Некоторые особенности этого стиля действительно повторяются в старописьменных и младописьменных языках (ср., например: русск. *моральный кодекс строителей коммунизма*, укр. *моральний кодекс будівинка комунізму*, казахск. *коммунізм орнатуымылардын моральнык кодекс*, чеченск. *коммунизм хилотторхойн моральни кодекс* и т. д.).

Далеко не все стили одинаково развиваются во всех младописьменных языках. Младописьменные языки сильно различаются в этом отношении. Так, например, в киргизском, развиваются некоторые основные разновидности стилей научно-технической литературы, стиль учебно-педагогической литературы. Между тем подобные процессы отсутствуют в ингушском, адыгейском, хакасском и многих других младописьменных языках.

Вопросы развития функциональных стилей еще не привлекли к себе внимания специалистов по младописьменным языкам. В то же время некоторые языковеды проявляют интерес к изучению стилей художественной литературы, писателей, пишущих на литературных языках автономных республик и областей⁶⁰. Но таких работ очень мало. В очерках по художественной литературе на языках младописьменных народов трудно найти разделы, посвященные характеристике процессов развития стилей прозы, поэзии и драматургии⁶¹.

Младописьменные языки дают уникальный материал для характеристики начальных этапов стилистической дифференциации литературных языков. Вместе с тем большое теоретическое и практическое значение имеет создание сопоставительных стилистик младописьменных и русского языков, роль которого как языка межнационального общения в жизни народов автономных республик, областей и национальных округов, в развитии их языков огромна.

VIII

Истоки стилистической дифференциации языка восходят к его бесписьменному («доисторическому») состоянию. Она

⁵⁹ См.: И. К. Белодед. Русский язык—язык межнационального общения народов СССР. Киев, 1962, стр. 15.

⁶⁰ См., например, К. Е. Гагкаев. О языке и стиле Коста Хетагурова. Орджоникидзе, 1956.

⁶¹ См., например, «Очерки истории ингушской советской литературы», Грозный, 1961; «Очерки истории чеченской советской литературы», Грозный, 1961; А. А. Веж'ев. Зарождение и становление коми советской литературы. Сыктывкар, 1966 и др.

была обусловлена особенностями различных обрядов—свадебных, религиозных, похоронных и т. д. Об этом свидетельствуют данные таких бесписьменных языков, как хиналугский, банбийский, будухский, крызский языки.

Особенности языка и речи, связанные с исполнением тех или иных обрядов: религиозных отправлениях, проявляются: а) в лексике, б) фразеологии, в) семантической системе, г) синтаксисе, д) фонетике, е) морфологии. Здесь мы не имеем возможности останавливаться на этих вопросах более подробно.

В бесписьменных языках в советскую эпоху, конечно, возникли некоторые особенности нарочно-разговорной речи (поскольку они функционируют) но эти особенности не привели к образованию новых стилей народно-разговорного языка.

IX

Почти безграничны социально-обусловленные возможности развития стилистической системы русского литературного языка в соответствии с его очень широкими общественными функциями как национального языка, на котором создана одна из величайших национальных культур, как языка межнационального и международного общения.

Широко развиваются стилистические системы таких литературных языков, как украинский, белорусский, латышский, литовский, эстонский молдавский, грузинский, армянский, азербайджанский, узбекский, киргизский, туркменский, казахский, таджикский. В них развиваются, наряду с жанрами и стилями художественной литературы, основные разновидности стилей научно-технической литературы, а также другие стили. Довольно значительно развились и развиваются дальше жанры и стихи художественной литературы, некоторые функциональные стили в татарском, чувашском и некоторых других литературных языках автономных республик.

В младописьменных языках, например, аварском, даргинском, лакском, лезгинском, табасаранском, чеченском, ингушском, кабардинском, осетинском, адыгейском, ногайском, абазинском, абхазском, коми-пермяцком, удмуртском, марийском, хакасском, алтайском, калмыцком не развились и, вероятно, не разовьются основные функциональные стили научно-технической литературы. В то же время в них, в одних в большей, а в других в меньшей мере, развились основные жанры художественной литературы, стили общественно-поли-

гической литературы, газетный стиль. Видимо, эти стили в большинстве из них дальше будут развиваться. Правда, во многих из них не произошло значительной внутренней дифференциации стилей прозы, поэзии по литературным направлениям (например, стили романтического, натуралистического и других направлений).

Данные указанных языков не позволяют утверждать, что в них формируются канцелярский стиль, некоторые другие функциональные стили, поскольку на этих языках не ведутся делопроизводство, официальная переписка, не работает высшая школа и не издается большая научно-техническая литература.

Некоторые исследователи отрицают более и менее значительную стилистическую дифференциацию письменных языков малочисленных народностей Сибири и Дальнего Востока. Однако невозможно не учитывать некоторых уже сформировавшихся стилистических особенностей литературы (художественной, учебной, общественно-политической), выходящей и выходящей на этих языках.

Трудно ожидать и в дальнейшем более или менее заметного усиления процессов их стилистической дифференциации в области указанной литературы. Функциональные стили научно-технической литературы в них не развились и, видимо, не будут развиваться.

Что же касается бесписьменных языков, то в них интенсивно развиваются процессы сужения их общественных функций в связи с постепенным переходом их носителей на литературные языки крупных наций. Поэтому нет основания полагать, что в бесписьменных языках могут развиваться процессы их дальнейшей стилистической дифференциации.

Говоря о стилистической дифференциации литературных языков, мы имели в виду как стили языка, так и стили речи в тех случаях, где целесообразно их разграничение, как и разграничение культуры языка и культуры речи.

* * *

Нами затронуты лишь некоторые общетеоретические проблемы стилистики, имеющие большое практическое значение: 1) современное состояние разработки общетеоретических проблем стилистики; 2) вопросы развития стилистических систем литературных языков народов СССР; 3) характеристика типов литературных языков с точки зрения степени их стилистической дифференциации; 4) проблема стилистической оп-

позиции, своеобразием проявления стилистической оппозиции на разных уровнях или в разных разделах структуры языка (на уровнях фонетики, фонологии, морфологии, синтаксиса, лексико-семантической системы); 5) лингвистическая стилистика и стилистика художественной литературы, принципы их разграничения, характеристика их взаимоотношений. Разумеется, ими не ограничиваются проблемы развития стилистических систем литературных языков СССР.

Языки народов СССР дают богатый материал для изучения процессов образования разных типов стилей, особенно процессов образования стилистических оппозиций на всех уровнях структуры языка. Разработка теории стилистических оппозиций — одна из важных задач лингвистической стилистики.

Ф. П. ФИЛИН
(Москва)

О НОРМЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Среди некоторых лингвистов распространено мнение, что проблемы языкового строительства в нашей стране уже решены и поэтому все наше внимание должно быть сосредоточено на изучении внутренней структуры языка, а вопросы функционирования языка в обществе не имеют существенного значения. В связи с этим лингвисты будто бы не должны вносить какие-либо практические предложения, касающиеся регулирования развития литературных языков.

Верно, конечно, что этап создания алфавитов и норм орфографии для новописьменных языков народов СССР в основном нами пройден, что литературные языки народов СССР уже созданы и находятся в полосе своего расцвета. Верно также, что выносить практические предложения на обсуждение широкой общественности теперь стало гораздо труднее по сравнению с начальными этапами языкового строительства и что в этом деле нужно соблюдать должную осторожность. Однако это вовсе не значит, что все теоретические и практические вопросы языкового строительства уже решены. Наоборот, многие из этих вопросов встанут с особой остротой именно теперь. Одним из них является развитие стилистических систем уже сложившихся литературных языков.

Социология языка привлекает к себе все большее внимание как у нас, так и за рубежом. На состоявшемся X международном съезде лингвистов в Бухаресте работала секция социолингвистики. В 1964 году в Нью-Йорке вышел любопытный компендиум Д. Хаймза «Language in Culture and Society». Происходит переориентация исследований, принципиальное изменение их общего направления в сторону изучения структуры языка в ее реальных условиях функцио-

нирования в обществе. На западе теперь начинает изживаться неумеренное увлечение так называемыми «новыми идеями», абстрактными схемами. Ведущие языковеды начинают все более понимать, что такое увлечение, сопровождаемое пренебрежением к языковым фактам, может приучить молодежь к верхоглядству и вызвать в конечном счете кризис языкознания. Нельзя не приветствовать возвращения лингвистики к изучению значения, содержания, функционирования языка, к контакту лингвистов с историками, этнографами, литературоведами. В современном языкознании реакция против далеко зашедших крайностей структурализма начинает приобретать большой диапазон. Некоторое освещение этого процесса в мировом языкознании дано в книге «О принципах и методах лингвистического исследования»¹.

Одной из очередных актуальных проблем языкознания является определение понятия стилей языка применительно к каждому конкретному языку. Это понятие далеко еще не ясно. Не определены достаточно границы между стилем как языковой и литературоведческой категориями, между стилями литературного языка и языка художественной литературы, между стилем индивидуальной речи или письма и стилями языка как средства коммуникации, обязательного для всего общества. Границы эти, конечно, имеются.

Наиболее общей и отправной для всех видов стилей базой является существующая в языке как в литературном, так и в бесписьменном возможность выбора языковых средств в какой-либо определенной ситуации. Чем развитее язык, тем богаче возможности такого выбора, тем разнообразнее средства разграничения разных видов языкового выражения.

По-видимому, в любом языке и всегда существует нейтральное стилистическое ядро, то есть сумма языковых средств, которые без какой-либо особой окраски применяются в любых случаях общения. Общепринятые в данном языковом коллективе нормы произношения, реализации фонологической системы, грамматического строя, слова и значения слов не вызывающие каких-либо особых оценок и эмоций, и т. д.— это и составляет нейтральное стилистическое ядро языка. То, что соответствует понятиям, вкладываемым в речь, и не включает в себя никаких дополнительных оценочных нагрузок, более или менее одинаково воспринимается в обществе, можно отнести к нейтральному ядру. *Книга лежит на столе, идет*

¹ «О принципах и методах лингвистического исследования». Под редакцией О. С. Ахмановой. М., 1966.

дождь или *дождь идет*, *пашет землю*, *уборка урожая* и бесчисленное множество подобных сообщений, обычных в любом устном или письменном жанре, при любой ситуации—в художественном произведении, в агитационном выступлении, в интимном разговоре друзей, на большом собрании, в газетной статье и т. д. и т. п., — это и представляет собой нейтральное ядро языка и речи.

На нейтральное ядро напластовываются специфические средства выражения, характерные для специальных языковых ситуаций. Разговорно-бытовая речь (в ее нормированной литературной форме), общественно-публицистическая, официально-деловая, производственно-техническая, научная и т. д., как известно, имеют в своем арсенале специфические, дифференциальные средства выражения, смещение которых в другую область создает у слушающих впечатление нарушения общепринятых норм. Мы все помним, какой эффект произвел отставной контр-адмирал Ревунов-Караулов на свадьбе у Любимских в рассказе Чехова «Свадьба с генералом». Увлечшись морскими воспоминаниями, он засыпал своих слушателей специальными терминами: *бом-брам-шкоты*, *кливер поднимай*, *бейдевинд*, *грот-галсы* и т. д. «Генерал, а безобразите!—вспыхнула хозяйка. Постыдились бы на старости лет». Чеховский рассказ кончается словами: *Больше уж он никогда не ходил на свадьбы*.

Имеются и другие аспекты распределения стилистических средств языка, связанные с воздействием на литературную языковую систему разновидностей языка, лежащих за пределами этой системы, с неравномерным историческим развитием языковых средств, с воздействием других языков и т. д. Так, диалектизмы в системе русского литературного языка всегда стилистически окрашены, а если писатель (или вообще говорящий) сам не замечает этой окраски, то замечают ее читающие и слушающие.

В русском литературном языке довольно сложным является вопрос о так называемом просторечии. Просторечие в свое время было устной речью малообразованных слоев городского населения. Оно складывалось на базе диалектов, сниженной литературной речи, специфических городских неологизмов и некоторых других источников. Просторечие как разновидность русского языка определенных социальных слоев населения возникло, вероятно, в XVI—XVIII веках и существовало еще в XIX веке. Так оно в значительной мере и понималось составителями академических толковых словарей 1789—1794 годов, 1847 года. Просторечие в основных своих элемен-

тах было ограничено не территориальными рамками, как местные диалекты, а рамками социальными. Оно было распространено во всех городах на территории русского языка. Это обстоятельство привело к тому, что в дальнейшем, в процессе демократизации литературного языка, оно утратило свои социальные ограничения и превратилось в особый сниженный стиль литературного языка. В современных словарях русского языка просторечие толкуется как особое стилистическое понятие. При обращении на «вы» приветствуют друг друга словом *здравствуйте*, при обращении на «ты»—*здравствуй*, и это нейтральный стиль (если, конечно, эти два слова не смещаются: неприличной фамильярностью будет обращение *здравствуй* к человеку, с которым нет дружески-фамильярных отношений; недоумение вызовет и форма *здравствуйте*, если она будет применена в разговоре между двумя очень хорошими знакомыми друг другу людьми в непринужденной обстановке). Совсем другое дело, если к вам кто-либо обратится с приветствием *здорово*. Это «здорово»—совершенно очевидное просторечие, намеренно сниженный стиль речи.

Существуют еще такие стилистические категории, как устарелые средства выражения, высокие (как бы оппозиция к просторечию) и другие.

Каждый язык в стилистическом отношении своеобразен. В то же время несомненно в стилистическом развитии языков имеются общие закономерности. Сравнительно-историческое и особенно сравнительно-типологическое исследование стилистических систем родственных и неродственных литературных языков—очень актуальная задача, выполнить которую нам еще только предстоит.

С понятием языковых стилистических средств теснейшим образом связано понятие о языковой норме. Некоторые замечания о норме языка и являются основной темой моего сообщения. Как руссист и славист по специальности, я буду говорить об этом применительно к русскому языку.

Вопрос о языковой норме так же стар, как и сам язык. Главное назначение языка—быть средством общения, хранения и передачи накапливаемых знаний (и всякого рода другой «информации») — предопределяет его обязательную природу и тем самым обязательность его норм для членов данного языкового коллектива. По-видимому, в любом обществе в практике речевого общения всегда так или иначе решалось, как нужно говорить правильно и как не надо говорить. Я хорошо помню, как в старой русской деревне местные жители остро реагировали на «странности» городской речи, не только

подражая ей, но и высмеивая ее особенности. В семье языковые ошибки ребенка стараются поправлять взрослые. Полное безразличие к средствам языкового выражения—явление ненормальное. Думаю, что так было везде и всегда. Разумеется, содержание и форма поисков и реализации «правильного» и «неправильного» были бесконечно разнообразны. До возникновения научного языкознания опора была на опыт, «языковое чутье», утверждение норм проходило стихийно. И все же «языковых катастроф», приводивших к распаду общества вследствие утраты взаимопонимания, не было. Библейская легенда о вавилонской башне, которая была недостроена из-за «смешения языков»,—всего лишь попытка на фантастической основе объяснить наличие множества языков, их происхождение. Утверждение авторов некоторых современных брошюр и статей по вопросам культуры речи, что без их чрезвычайно полезной деятельности и неусыпных забот литературному языку грозит непоправимая порча, является по меньшей мере преувеличением. Я не говорю уже о том, что эти брошюры чаще всего читаются теми, кто в языковой опеке не нуждается. Если языковеды не могут обходиться без изучения языка, то язык обходится и может обходиться без них. Однако из этого вовсе не следует, что борьба за культуру речи, опирающаяся на достижения современной науки, не имеет существенного значения. В любом стихийном процессе имеются свои «накладные расходы», без которых можно обойтись. Следует согласиться с В. П. Григорьевым, хорошо показавшим, что установки противников нормализации литературного языка не способствуют, а мешают подъему культуры речи². Сама постановка вопроса о норме несовместима с отрицанием сознательного вмешательства в развитие языковой стихии.

Многое в выяснении норм современного русского литературного языка и выработке соответствующих рекомендаций уже сделано. В лингвистической литературе это прежде всего труды Д. Н. Ушакова, Л. В. Щербы, В. И. Чернышева, С. П. Обнорского, Е. С. Истриной, В. В. Виноградова, Л. П. Якубинского, Г. О. Винокура, Б. А. Ларина, Р. И. Аванесова. Видное место в когорте ученых, плодотворно исследовавших проблемы языковой нормализации, принадлежит С. И. Ожегову. Им, в частности, предложено определение понятия языковой нормы: «Языковая норма есть исторически

² В. П. Григорьев. О нормализаторской деятельности и языковом «пяточке».—«Вопросы культуры речи», вып. 3. М., 1961.

обусловленный факт, проявление исторических закономерностей развития языка и типических для каждой эпохи тенденций развития, поддержанное и одобряемое обществом в его языковой практике. Отсюда следует, что норма—это совокупность наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов»³. С этим общим определением вполне можно согласиться. С. И. Ожегов отмечает, что дальнейшая разработка понятия нормы должна идти по линии детализации применительно к различным сторонам языка.

Понятие языковой нормы, конечно, теснейшим образом связано с понятием системы языка, реально существующей в данный момент ее развития. Норма («правильное», «предпочитаемое») или отклонение от нее проявляются в том или ином использовании (выборе, отборе) сосуществующих в языковой системе однозначных элементов. Фонологические, грамматические, лексические и т. п. «значимости» в системе могут выражаться единственно возможными или двумя и более сосуществующими (реально или потенциально) языковыми единицами. Слова *дом* и *том* в фонетическом (фонологическом) отношении отличаются единственно потому, что в них имеются неодинаковые фонемы *д* и *т*, выполняющие смыслоразличительные функции. Других возможностей их различения в системе русского языка нет. Следовательно, для владеющих русским языком вопрос о норме или отклонении от нее в данном случае не стоит. Именительный падеж единственного числа слов класса *дом*, *том* и т. д. выражается посредством «нулевого окончания» и никак иначе. Если мы хотим точно обозначить понятие части какого-либо сочинения, собрания сочинений, издания, составляющей отдельную книгу, мы употребим слово *том*.

Там, где нет возможностей выбора, нет и проблемы нормы⁴. Однако, как известно, языковая система всегда является

---

³ С. И. Ожегов. Очередные вопросы культуры речи. — «Вопросы культуры речи», вып. 1. М., 1955, стр. 14—15.

⁴ Краткий обзор некоторых современных понятий нормы и системы см. в книге А. А. Леонтьева «Слово в речевой деятельности». М., 1965, стр. 31—35.

продуктом длительного и сложного исторического развития, представляет собой «историю в снятом виде». Ее непрерывное изменение, сохранение старых и возникновение новых элементов, постоянное воздействие внеязыковых факторов и т. п. приводит к накоплению сосуществующих однозначных явлений, становящихся как бы «избыточными» и приходящих в противоречие друг с другом. Проблема нормы возникает в тех случаях, когда в языковой системе имеются варианты средств обозначения «одного и того же». Конечно, это положение применимо к отбору вариантных средств теми, кто владеет данной языковой системой. Для тех, кто только овладевает неродным языком, эта проблема становится актуальной и тогда, когда для обозначения чего-либо в языке существует только единственный способ.

Взаимоотношение между системой и нормой языка (понятие о системе и норме предложено южноамериканским лингвистом Э. Косериу) в самом общем виде можно себе представить так: система — совокупность имеющихся в языке средств для выражения того, что обычно называют «планом содержания», возможностей различной реализации этих средств; норма — выбор и оценка соревнующихся возможностей с точки зрения их правильности и неправильности, образцовости — необразцовости. В настоящее время существует много определений понятия нормы. Выше я приводил определение, данное С. И. Ожеговым. Г. В. Степанов предложил следующее определение: «Языковая норма, понятие нормативности есть социально-историческая категория в том смысле, что самое ее возникновение, формирование и признание за таковую есть история превращения потенциальных возможностей языка как системы выразительных средств в факт осознанных, принятых образцов речевого общения в определенном языковом коллективе в тот или иной период времени»⁵. Определения С. И. Ожегова, Г. В. Степанова и других авторов довольно близки друг к другу и в общем приемлемы. Конечно, реализация нормы в каждом языке своеобразна, но в то же время в литературных языках народов СССР и в других языках в ее освоении имеется и много общего, вызванного общностью ее исторического развития.

С понятием языковой нормы неразрывно связано понятие вариантности языковых средств двух типов: варианты, имеющие определенные семантические и стилистические нагрузки,

⁵ Г. В. Степанов. Испанский язык Америки в системе единого испанского языка. (Автореф. докт. дисс.). Л., 1966 стр. 9.

и варианты, не имеющие особых нагрузок, с точки зрения нормы «избыточные».

Вариантность бывает «избыточной» только тогда, когда варианты не имеют никакой особой нагрузки (семантической, интонационной, стилистической, экспрессивной и т. д. и т. п.). Еще в начале прошлого столетия в русском литературном языке фрикативный *γ*, поддерживаемый церковным произношением, употреблялся перед гласными в широком круге слов. С падением роли церковного произношения круг этих слов постепенно сужался, в наше время звук *γ* стал лишним и в таких словах, как *господи, благодарю, богатый* и др.

Пути возникновения «избыточных» вариантов очень различны (воздействие на литературный язык диалектов, городского просторечия, жаргонов, трудности овладения литературными нормами и т. п.). Одни из этих вариантов находятся на стадии вымирания (как, например, упомянутое выше *γ*), другие «сосуществуют», третьи только что возникают и т. д. Этот стихийный процесс был и долгое время еще будет существовать. Задача языковедов — подготавливать и внедрять научно обоснованные, разумные рекомендации, которые позволяли бы обществу сознательно устранять языковую «избыточность», несовместимую с культурой речи. Устранение ненужных вариантов обязательно предполагает выбор одного из них как образца, «эталона», на который нужно ориентироваться. С тех пор, как вопросы культуры речи стали обсуждаться в обществе, при выборе образца всегда так или иначе выдвигались два основания: «так говорили (писали) раньше, так было принято теми, наследниками которых мы являлись в области культуры» (языковая традиция) и «так говорит (пишет) сейчас большинство» (языковое употребление). Эти основания являются решающими и в наше время и остаются таковыми неопределенно длительное время, как бы ни изменялись методы лингвистического исследования. Разумеется, языковая традиция и языковое употребление часто находятся в противоречии друг с другом, в чем и кроется главная трудность определения современных языковых образцов, эталонов. Очень часто одни из нормализаторов отдают предпочтение языковой традиции, другие языковому употреблению. В наше время этот «вечный вопрос», породивший столько споров, приобрел новую остроту в связи с распространением формализованных, количественных методов в лингвистических исследованиях.

Мы здесь не будем затрагивать сложных и далеко не решенных проблем взаимоотношения содержательных (качест-

венных) и формализованных (количественных) подходов к языку. Однако полезность и, следовательно, необходимость применения количественных методов в определении конкретных языковых норм очевидна для всех. Прежде всего нужно отметить опыты статистического анализа количественного соотношения языковых вариантов. В частности, в сборнике «Вопросы культуры речи» были помещены интересные статьи И. С. Ильинской и В. Н. Сидорова⁶, А. В. Суперанской⁷, Н. Д. Андреева⁸. Имеются попытки статистическим путем определить происходящие сдвиги в стилистической и эмоционально-оценочной окраске различных явлений в современном русском литературном языке (Е. Ф. Петрищева). Если бы удалось в широких масштабах установить частотность употребления типичных вариантов на всех языковых уровнях у различных слоев населения, это дало бы неоценимый материал для точного определения тенденций и направлений в развитии языковых вариантов. Другое дело, насколько возможно практически осуществить такого рода массовые статистические обследования. Однако даже при самых оптимальных результатах широкого применения статистических и иных количественных методов проблема установления языковых норм не может быть решена. Большая употребительность того или иного варианта далеко не всегда может быть достаточным основанием для того, чтобы считать этот вариант образцовым, единственно правильным. Во времена Пушкина литературным языком владел ничтожный процент населения, подавляющее большинство народа говорило на диалектах. Диалектизмы и просторечие, церковнославянские и западноевропейские элементы в их столкновении друг с другом давали себя знать и в языке образованных слоев населения. Нормы, которые были установлены и освещены гением Пушкина, дали бы низкие статистические показатели (в смысле их распространенности среди широких слоев населения), а между тем многие из них выжили и являются образцовыми и в настоящее время. В. И. Даль, включая в свой словарь диалектные слова и значения слов, многие из которых употреблялись десятками миллионов человек, как известно, пред-

⁶ И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров. О сценическом произношении в московских театрах.—«Вопросы культуры речи», вып. 1. М., 1955, стр. 143—171.

⁷ А. В. Суперанская. О произношении современной студенческой молодежи.—«Вопросы культуры речи», вып. 1. М., 1959, стр. 157—162.

⁸ Н. Д. Андреев. Об одном эксперименте в области русской орфографии.—«Вопросы культуры речи». М., 1963, вып. 4, стр. 49—52.

ледовал отнюдь не цели коллекционирования. Он рекомендовал эти слова для употребления в литературном языке, но из этих замыслов Даля ничего не получилось. В наше время положение серьезно изменилось: литературный язык стал достоянием самых широких масс населения и таким образом практическая ценность результатов статистических и иных количественных методов исследования для определения языковых образцов значительно возрастает. И все же трудно, например, сказать, что окажется употребительнее: *пресловутое кто крайний?* (в очереди) или *кто последний?* (несмотря на то, что против употребления выражения *кто крайний* было справедливо сказано много гневных слов в статьях «Литературной газеты» и в других изданиях).

Теперь часто можно слышать (и читать) о том, что многие особенности так называемого «московского произношения» устарели и не следует придерживаться. Основанием для таких утверждений служит то, что нормы этого произношения малоупотребительны. Н. Д. Андреев, например, в 1958—1960 гг. обследовал речь 2280 москвичей и ленинградцев и установил, что *-ский* произносит 2277 информантов, а *-скъй* только 3. «Таким образом,—пишет Н. Д. Андреев,—экспериментально доказано, что произношение слов, оканчивающихся на *-ский*, которое употребляют все актеры академических театров Москвы и дикторы центрального радиовещания, противопоставляет их основной массе носителей русского языка. Это противопоставление является совершенно бесплодным, поскольку из результатов опыта явствует, что на живую речь тех поколений, которые усвоили русский язык после Октябрьской революции, оно не оказало абсолютно никакого влияния»⁹.

В наблюдение Н. Д. Андреева нужно внести некоторые уточнения. Вариант *-скъй* произносят не только актеры московских театров и дикторы центрального радиовещания. По моим наблюдениям, в такой же степени он распространен и в ленинградских академических театрах, в ленинградском телевидении и радиовещании. Этот вариант стараются внедрять в произношение учеников многие учителя-словесники. его нередко можно услышать в старых интеллигентных семьях. Московскому произношению *-скъй* подражают в провинциальных театрах, радио- и телевизионных передачах. Если ориентироваться на информантов, хорошо владеющих русским ли-

⁹ Н. Д. Андреев. Указ. соч., стр. 52.

тературным языком, а не на случайных прохожих на улице, то статистические данные получились бы иными. По данным А. В. Суперанской (см. указанную выше статью), в речи студенческой молодежи некоторых московских вузов соотношение *-ий* и *-ьй* после заднеязычных согласных в разных словах выражается в цифрах 213—16, 221—11, 210—19, 217—14. В речи интеллигентов старшего поколения удельный вес *-ьй* был бы еще выше. Конечно, произношение *-ий* сейчас преобладает над *-ьй* в любой русской языковой среде (исключая носителей диалектов, в произношении которых широко употребительны *-ай*, *-ой*, *-ьй*). Вполне вероятно, что вариант *-ьй* в будущем вовсе выйдет из употребления, как и некоторые другие нормы «московского произношения» (многие другие его нормы продолжают преобладать в речи хорошо владеющих литературным языком). Как известно, язык постоянно изменяется, и придет время, когда особенности этого произношения будут описываться в учебниках по исторической фонетике русского языка. Сменившие их нормы тоже, по-видимому, устареют и будут заменены какими-либо новыми.

Однако, почему же в целом «московское произношение» в несколько измененном виде пропагандировалось в течение десятков лет и продолжает пропагандироваться с театральных подмостков, в радио, кино и телевидении, в школе, обычно и в лекциях по культуре речи и т. д.? Конечно, такая живучесть устоявшейся произносительной системы не может быть объяснена поддержкой со стороны пуристически настроенных интеллигентов. «Московское произношение» выполняло и еще будет выполнять важную культурно-социальную функцию: оно защищает литературный язык от натиска разнородных диалектных, просторечных и жаргонных вариантов произношения. Если бы этим вариантам была дана свобода, устойчивость произносительной системы литературного языка были бы серьезно поколеблены, что угрожало бы исторически сложившейся культуре языка и речи и вызвало бы много затруднений в языковом общении. «Московское произношение» — эталон, образец на данном этапе развития русской орфоэпии. Воздействие просторечной и диалектной стихии, а также правописания (*-ий*, в частности, результат ориентации произношения на правописание) коснулось только отдельных сторон «московского произношения», вызвало рост колебаний некоторых его особенностей, но не разрушило его основ.

То, что сказано о произносительных нормах, относится ко всем другим уровням языка. Одно количественное изучение проблемы языковой нормы ничего еще не решает. Я уже не

говору о том, что прежде чем что-либо подсчитывать или математическими методами строить модели «языкового поведения» и пр., надо знать, что подсчитывать и для чего подсчитывать или моделировать. Совершенно очевидно, что успешно ставить и решать вопрос о нормах и стилях языка можно только в том случае, если учитывается история культуры народа, принимаются во внимание все стороны функционирования литературного языка, должным образом понимается роль языка в культуре и обществе.

Какие бы зигзаги в своем развитии не имела лингвистическая мысль (а этих зигзагов за последние два-три десятилетия было слишком много за рубежом и у нас), жизнь, ее насущные потребности заставят нас, языковедов, исследовать язык не односторонне, а во всех его аспектах, с применением не одного какого-либо приема, а самых различных приемов в методике исследования. Наша конференция—одно из доказательств правильности этого положения.

Н. А. БАСКАКОВ
(Москва)

СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Развитие многообразных форм общения, в связи с усложнением общественных отношений, способствует появлению и развитию как в старописьменных, так и в особенности в младописьменных литературных тюркских языках различных стилистических модификаций.

В тюркологии, как и в общем языкознании, еще не определены с достаточной ясностью критерии различения стилистических разновидностей конкретных литературных языков, нет общепринятого определения самого понятия стиля. Существующие определения стиля не охватывают всех аспектов изучаемого предмета и весьма разнообразны по своей сущности. Однако существует уже некоторый опыт в исследовании проблемы стиля, который необходимо учесть при анализе и изучении стилистических модификаций современных литературных тюркских языков.

Для установления природы различных стилей и для их определений не были в достаточной степени дифференцированы, с одной стороны, понятия формы языка (разговорный и письменный литературные языки) и литературные жанры (проза и поэзия), а с другой,—структурные (временные и пространственные) и функциональные (научно-публицистический, художественный, деловой, культовый и проч.) собственно стили, внутри которых не различались также индивидуальные манеры речи (отдельных авторов, поэтов, писателей), а для некоторых стилей и их эмоциональные стилистические уровни (нейтральный, высокий и низкий—просторечный). Существующие стилистические пометы в толковых словарях в отношении лексики и фразеологии не имели соответствующей типологической градации и иерархии и приводились, как правило, без должной системы.

Учитывая соотношение форм, жанров и собственно стилей современных тюркских литературных языков, может быть предложено следующее определение стиля в конкретных тюркских языках:

Стиль — это модификация литературного языка в разговорной или письменной его форме в поэтическом или прозаическом жанре, характеризующаяся дифференциальными признаками, отличающими данный стиль от другого наличием фонетических, интонационных, лексических, фразеологических, грамматических (морфологических и синтаксических) особенностей, определяющих отношение данного стиля либо к структурным (временному или пространственному), либо к функциональным (художественному, научно-публицистическому, деловому, культовому) разновидностям данного литературного языка.

Наиболее ярко выражены в стилистических разновидностях особенности лексики и фразеологии и в меньшей мере синтаксические и еще в меньшей степени морфологические и фонетико-интонационные выразительные средства языка. Причем наиболее яркие лексико-фразеологические особенности стилистических разновидностей служат как бы дифференциальными признаками, которые в различных стилистических модификациях противопоставляются друг другу, то есть образуют своеобразные оппозиции, по которым можно ту или иную лексику и фразеологию отнести к тому или иному стилю.

К этим дифференциальным признакам в выразительных средствах языка относятся стилистическое употребление особенностей различного рода территориальных и профессиональных диалектов, специальной терминологии, неологизмов, аргоизмов и проч., а также фактов и явлений старых литературных языков, старые модели словообразования, варианты и дублетные формы словообразования и словоизменения, использование лексики в прямом и переносном значении, употребление идиом, пословиц, поговорок, широкое использование лексических, морфологических и синтаксических синонимов, образно-подражательных слов и междометий, использование индивидуальных особенностей языка и т. д.

Исторический аспект изучения проблемы стилей позволяет установить наличие стилистических разновидностей языка на самых ранних этапах его развития.

Так, в тюркских языках в эпоху формирования племен и племенных союзов уже существовали стилистические разли-

чия между языком общеплеменным разговорным и языком устного поэтического творчества и, в частности, героического эпоса, то есть стилем художественным, с одной стороны, и языком шаманских мистерий, то есть стилем культовым. — с другой.

Еще в самые ранние периоды развития тюркских языков — в языках племенных объединений и союзов племен, характеризующихся диалектной неоднородностью, были известны две основные формы языка — письменный и разговорный — и два основных жанра — поэтический и прозаический, а также наличие их стилистических модификаций, из которых наиболее характерными были научно-публицистический, художественный, деловой и культовый стили.

Яркой иллюстрацией в этом отношении могут быть древние тюркские языки: древнегузский, древнеуйгурский и древнекиргизский.

Образцами научно-публицистического стиля могут служить, например, древнеуйгурские, буддийско-философские трактаты, с сложной и отвлеченной терминологией и переводными кальками, а образцами культового стиля — древнеуйгурские манихейские молитвы (например, Хуастуанифт)¹, язык которых стилистически весьма близок к шаманским мистериям, относящимся к еще более древним образцам культового стиля для тюркоязычных народов². Образцами делового стиля являются многочисленные древнеуйгурские юридические памятники, представляющие большое разнообразие видов и типов деловых документов. Наконец, образцами художественного стиля в древнетюркских языках могут служить как памятники письменной формы языка: древнетюркские енисейско-орхонские намогильные эпитафии³, представляющие собой фрагменты поэтического и прозаического жанра, и более поздние памятники художественного жанра, например, сочинение Юсуфа Хасхаджиба Баласагунского «Кутадгу-билик»⁴, так и устной формы: образцы фольклора, записанные М. Кашгарским, древний эпос «Деде-Коркут» и др.

Таким образом, из этих примеров, хотя и разновременных, но относящихся к одной и той же социальной формации, вид-

¹ Л. В. Дмитриева. Хуастуанифт. — Сб. «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 214—232.

² В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы. М., 1893; А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1924.

³ Ср. например, С. Е. Малов. Памятники древнеуйгурской письменности. М.—Л., 1951.

⁴ Там же.

но, что еще до образования языка народности и национального языка различные стилистические модификации были присущи как письменному, так и разговорному устному языку.

В эпоху формирования народностей стилистическая дифференциация усложняется не только в связи с развитием письменности, то есть новой формы — письменного языка, но и новых стилистических модификаций разговорной формы языка и, в частности, развитием различных жанров художественного, делового и культового стилей.

В эту эпоху система стилистических модификаций в значительной степени усложняется в связи с усложнением общественных отношений, а вместе с тем и расширением общественных функций конкретных разговорных и письменных, литературных языков.

Уже в среднюю и тем более в новую эпоху развития тюркских языков (языков консолидировавшихся народностей) стилистические системы каждого языка в значительной степени усложнились. Однако это усложнение распространилось главным образом на письменный язык «тюрки» в нескольких его локальных разновидностях.

Стилистические системы каждого локального варианта «тюрки» характеризовались, во-первых, значительным развитием и усложнением типов и видов как поэтического, так и прозаического жанра и, во-вторых, образованием множества поэтических и прозаических жанровых видов всех основных функциональных стилей: 1) научно-публицистического (прозаические и поэтические трактаты исторического, географического, филологического характера, прозаические и поэтические сочинения по естественным и точным наукам и проч.); 2) художественного (прозаические и в большей степени поэтические произведения во множестве разнообразных типов и видов, и, в частности, поэмы, дестаны, газели, мухаммасы, саки-намэ, кыта, рубаи, туюги и проч.); 3) делового (фирманы, тарханные ярлыки, грамоты, разнообразные дипломатические и юридические документы и проч.); 4) культового стиля (вакуфные документы, религиозно-философские и юридические сочинения, тафсиры, духовные обращения имамов и проч.).

Все эти типы и виды функциональных стилей формировались для большинства письменных и устных тюркских языков средней и новой эпохи в значительной степени под влиянием

ислама — официальной религии значительного большинства тюркских народов, а через ислам под воздействием существовавших тогда канонов — в литературных письменных и отчасти разговорных, арабского и персидского языков.

Более четкое оформление стилистические модификации конкретных тюркских языков получили в эпоху максимального расширения общественных функций языка, то есть в эпоху формирования национальных языков.

Современные тюркские языки: турецкий, азербайджанский, узбекский, туркменский, казахский, киргизский, татарский и некоторые другие, достигшие национальной степени развития своих общественных функций, имеют весьма разнообразные стилистические модификации, которые могут быть представлены в следующей схеме. Прежде всего все указанные языки характеризуются наличием двух развитых форм литературного языка — разговорного и письменного, нормы которых зафиксированы в соответствующих канонических правилах орфоэпии и орфографии. Общими для той и другой формы языка являются два основных жанра — прозаический и поэтический, имеющие многообразие различных типов и видов. Наконец для каждой формы литературного языка (в их двух основных жанрах) характерны две группы стилистических модификаций. Первая группа структурных стилистических модификаций состоит из двух основных разновидностей: а) временных (стили с окраской элементами, характеризующими различные этапы развития языка, то есть архаический язык XV—XIX веков) и б) пространственных (стили с окраской элементами, характеризующими различные местные особенности общенародного языка, то есть диалектные особенности), имеющих значительное многообразие различных типов и видов как для временных, так и для пространственных разновидностей. Вторая группа функциональных стилистических модификаций состоит из четырех основных разновидностей: а) художественного стиля, характеризующегося наличием в разговорной и письменной формах литературного языка различными типами и видами в двух основных жанрах — поэтическом и прозаическом, — развитых в различной степени для разговорной и письменной формы языка, б) научно-публицистического стиля, характеризующегося наличием в той и другой формах языка и в тех же основных жанрах множеством типов и видов, в) делового стиля, для которого также характерно наличие двух форм — разговорного и письменного языка — и двух жанров — поэтического и в большей степени развитого для данной стили-

стической модификации прозаического жанра, также имеющего множество различных типов и видов, г) культурного стиля, имеющего также обе формы и оба жанра литературного языка с некоторыми установившимися типами и видами.

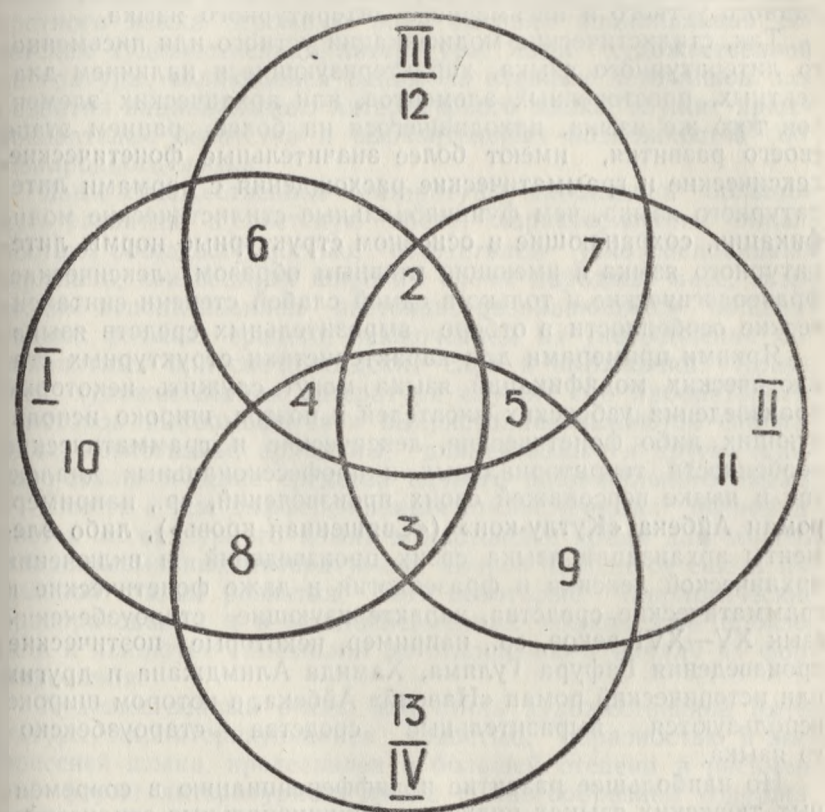
Таким образом, стилистические разновидности каждого конкретного языка образуют в рамках данного языка стилистические перекрещивающиеся сферы, которые характеризуются отбором и использованием специфических выразительных средств данного языка и могут быть представлены графически следующим образом (см. схему на стр.63).

Эта общая схема стилистической системы письменных и разговорных языков сохраняется и в современных письменных литературных и разговорных тюркских языках, но вместе с тем эта система в значительной степени и видоизменилась. Сохраняя некоторую преемственность, языки получили дальнейшее свое развитие как в отношении их основных форм, письменной-литературной и устно-разговорной, так и в отношении основных жанров — поэтического и прозаического, а также в отношении структурных (временных и пространственных) и функциональных стилистических модификаций и их типов и видов. На иной диалектной базе развиваются основные формы устного — разговорного и письменного литературного языка, усложняется стилистическая дифференциация структурных и функциональных его модификаций, развиваются новые типы и виды поэтического и прозаического жанров.

Как основные формы языка, так и их стилистические модификации имеют единую и общую структурную основу языка, представляющую собой нейтральную в отношении форм и стилей языка фонологическую, лексическую и грамматическую структуру, которая в зависимости от стилистического назначения в устной или письменной форме языка получает соответствующую разнообразную окраску. Письменная литературная форма языка опирается либо на один из диалектов устного разговорного языка, либо на общенародное койне, являющееся результатом консолидации двух или нескольких диалектов. Устная же разговорная форма языка, кроме ее литературной нормы, представлена его диалектными разновидностями, имеющими, однако, то общее, что объединяет их в единый общенародный язык.

Точно так же структурные и функциональные стилистические разновидности языка имеют в своей основе те общие черты, которые объединяют их не как отдельные языковые

структуры, а как одну общую структуру данного конкретного языка. Вместе с тем каждая из стилистических разновидностей или модификаций данного языка имеет и свои специфические черты, характерные только для данной стилистической модификации, свою систему средств выражения на всех уровнях языка — фонологическом, лексическом и грамматическом.

I—Устно-разговорная форма языка; II—Письменно-литературная форма языка; III—Структурные стилистические модификации; IV—Функциональные стилистические модификации.

1. Общие элементы I, II, III, IV; 2. Общие элементы I, II, III; 3. Общие элементы I, II, IV; 4. Общие элементы I, III, IV; 5. Общие элементы II, III, IV; 6. Общие элементы I, III; 7. Общие элементы II, III; 8. Общие элементы I, IV; 9. Общие элементы II, IV; 10. Специфика устно-разговорной формы языка; 11. Специфика письменно-литературной формы языка; 12. Специфика структурных стилистических модификаций; 13. Специфика функциональных стилистических модификаций.

Структурные стилистические модификации характеризуются совокупностью выразительных средств и стилистических приемов, имеющих в большей степени структурные расхождения с нормами данного устного и письменного литературного языка.

Функциональные же стилистические модификации имеют более слабые структурные расхождения с нормами данного устного и письменного литературного языка.

Так, стилистические модификации устного или письменного литературного языка, характеризующиеся наличием диалектных, просторечных элементов, или архаических элементов того же языка, находившегося на более раннем этапе своего развития, имеют более значительные фонетические, лексические и грамматические расхождения с нормами литературного языка, чем функциональные стилистические модификации, сохраняющие в основном структурные нормы литературного языка и имеющие главным образом лексические, фразеологические и только в самой слабой степени синтаксические особенности в отборе выразительных средств языка.

Яркими примерами для характеристики структурных стилистических модификаций языка могут служить некоторые произведения узбекских писателей и поэтов, широко использующих либо фонетические, лексические и грамматические особенности территориальных и профессиональных диалектов в языке персонажей своих произведений, ср., например, роман Айбека «Кутлу-кон» («Священная кровь»), либо элементы архаизации языка своих произведений и включения архаической лексики и фразеологии и даже фонетические и грамматические средства, характеризующие староузбекский язык XV—XVI веков, ср., например, некоторые поэтические произведения Гафура Гуляма, Хамида Алимджана и других или исторический роман «Навой» Айбека, в котором широко используются выразительные средства староузбекского языка.

Но наибольшее развитие и дифференциацию в современных тюркских языках получили функциональные стилистические модификации в связи с необычайным расширением общественных функций современных литературных тюркских языков.

Многообразие стилистических модификаций сформировалось как за счет заимствования литературных канонов и соответствующих языковых средств в первую очередь разнообразной лексики и терминологии, так и за счет использования внутренних средств языков, расширения и усложнения лек-

сических значений, грамматической—морфологической и синтаксической синонимии и проч.

Из всего многообразия стилистических разновидностей наиболее оформившимися для устно-разговорной и письменной литературной форм языка и для поэтического и прозаического жанров, как уже отмечалось выше, являются: а) художественный, б) научно-публицистический, в) деловой и г) культовый стили.

В развитии стилистических разновидностей каждого конкретного языка огромную роль сыграла национальная советская художественная литература. Язык художественной литературы, являющийся одним из главных источников для развития национального литературного языка, служит ярким показателем богатства и выразительных возможностей общенародного языка.

Язык художественной литературы, прошедший большой путь развития в советскую эпоху, характеризуется образностью, общедоступностью, отсутствием узко специальных терминов, неизвестных широким слоям народных масс, творческим использованием постоянно развивающихся общенародных речевых средств, исключением из употребления малопонятных арабско-персидских слов и выражений. Кроме того, художественная литература служит той лабораторией, в которой выковываются и выкристаллизовываются синонимика, неологизмы, архаизмы, диалектизмы и другие жанрово-стилистические средства единого национального языка.

Вместе с тем дифференциация стилистических разновидностей литературного языка в настоящее время для многих младописьменных литературных языков находится еще в начальной стадии развития, хотя некоторые типологические преобразования и в младописьменных языках уже произошли и являются заметными по отношению к началу их формирования.

Художественный стиль, или стиль художественной литературы, характеризующийся яркостью, образностью и экспрессией языка, представлен в большей степени в письменной форме литературного языка с многообразием содержащихся в нем типов и видов поэтического и прозаического жанров.

В поэтическом жанре художественный стиль представлен в двух основных типах: монологическом и драматургическом. К монологическим видам относятся следующие виды: поэмы, баллады, стихи, песни, сказки и т. д.; к драматургическим — драма, комедия, трагедия, водевиль и т. д.

В прозаическом жанре художественный стиль представлен также в двух типах: монологическом и драматургическом. К первому типу относятся романы, повести, рассказы, анекдоты, новеллы, сказки и т. п. Ко второму типу: драма, комедия, трагедия, водевиль и т. д., т. е. общие виды с первым поэтическим типом.

Сохранились образцы языка художественного стиля и в устном разговорном языке, в котором к поэтическому жанру относятся, например, в каракалпакском языке следующие виды драматургического типа: *астыс*, *жууап* — виды состязания в остроловии девушек и юношей, а также *коуыршакойуны*, *маскарабаз ойуны* — драматизованные сценки кукольного театра и театра маскарабазов и проч., и монологического типа: *батырлар ары* 'богатырское, эпическое сказание', *дастан* 'поэма', *косык* 'песня', *салт косык* 'бытовая песня', *каййа*, *ношласыу* 'прощальная песня', *жайу жар бет ашар* 'свадебная песня', *жоклау* 'похоронная песня', *жайдар косык* 'трудовая песня'; 'частушки' и проч., а также мелкие формы народного творчества, например, *жаңылтпаш* 'скороговорка', *жумбак* 'загадка', *аталар сөзи* 'пословица' и проч.

К прозаическому жанру из современных видов можно отнести: *ертек* 'сказка', *гурруң* 'рассказ', а также драматургические сценки маскарабазов и кукольников и мелкие формы народного творчества.

Для стиля художественной литературы, кроме общеупотребительной лексики и фразеологии, широко используются эмоциональная лексика и фразеология, диалектизмы и просторечные разговорные элементы, архаизмы, профессионализмы, лексическая синонимика. Как в прозаическом, так и в особенности в поэтическом жанре богато представлены различного рода переносные значения, повторы, обращения, антитеза, иронические выражения, афоризмы, идиоматика, метафоры, метонимии. Из грамматических особенностей укажем на противопоставление различного рода синтаксических конструкций, восклицательные, вопросительные, эмоционально-аффективные предложения, неполные предложения; использование синтаксической синонимии, параллельных, дублетных синтаксических оборотов, синонимических форм склонения, спряжения, форм сравнения и проч. Наконец, стиль художественной литературы характеризуется индивидуальными особенностями самого создателя художественного произведения, своеобразным отбором лексики, фразеологии, морфологических форм и синтаксических конструкций, совокупность которых характеризует индивидуальность и своеобразие произведений художественной литературы.

Научно-публицистический стиль имеет свои характерные особенности, которые отличают его от других стилистических модификаций каждого конкретного языка, хотя во многих отношениях этот стиль занимает по количеству общих средств выражения среднее место между художественным и деловым стилями. Научно-публицистический стиль характерен в равной степени как для письменной, так и для устной формы литературного языка и, так же как и художественный стиль, представлен разнообразными типами и видами главным образом прозаического жанра, хотя для некоторых видов характерна и поэтическая их реализация.

В качестве образцов или видов научно-публицистического стиля для современных тюркских языков характерны следующие:

а) для письменной формы литературного языка — монография, статья, доклад, рецензия, памфлет, фельетон, заметка;

б) для устной формы — лекция, доклад, выступление, речь и проч.

в) для научно-публицистического стиля характерны такие языковые выразительные средства, которые способствуют более точному и лаконичному выражению мысли, систематическому, последовательному и логическому изложению текста, убеждению читателя и слушателя согласиться с аргументацией и доказательствами. Научно-публицистический стиль — это стиль агитации и пропаганды, стиль научных трудов, журнальных и газетных статей, критических и агитационно-пропагандистских статей и обращений.

Естественно, что научно-публицистический стиль характеризуется точной специальной терминологией, значительным составом заимствованной интернациональной и русской лексики с отвлеченным значением, употреблением стандартных однозначных синтаксических конструкций, риторических вопросов, вводных слов, обособленных членов предложения, конструкций с тематическим субъектом и проч.

Деловой стиль в системе стилистической дифференциации модификаций каждого конкретного языка тесно связан с развитием научно-публицистического стиля, но имеет и свои характерные черты и особенности. Он реализуется главным образом в письменной форме литературного языка и разнообразных типах и видах прозаического жанра: указы, законы, декреты, распоряжения, приказы, заявления, протоколы, договора, удостоверения, доверенности, заемные письма,

справки, телеграммы, рапорты, письма, завещания и другие юридические и деловые документы — вот те виды и типы реализации делового стиля.

Деловой стиль в большинстве тюркских языков народов СССР сформировался под значительным воздействием образцов и канонов делового—канцелярского стиля русского языка и в меньшей степени — старых феодальных канонов.

Так, существующие канцелярские фразеологизмы, например, в киргизском языке *төмөндөкү документтерди тиркейик* 'прилагаю нижеследующие документы' или *берилди ушул справка* 'дана сия справка', или *биз төмөндө кол коючулар* 'мы, нижеподписавшиеся', *жогоруда аталган* 'вышеназванный' и проч. представляют собой кальки соответствующих русских канцелярских штампов.

Для официально-делового стиля, кроме специфической терминологии, которая в некоторых языках испытывает воздействие старого феодального языка «тюркй» в отношении употребления турцизмов, фарсизмов и арабизмов, характерно, как уже отмечалось выше, наличие специальных фразеологических штампов-канцеляризов, представляющих собой кальки—переводы либо старых выражений, встречающихся в феодальном языке «тюркй», либо более поздних, заимствованных из русского языка.

Официально-деловой стиль языка законов, уставов, декретов, наставлений и проч. характеризуется отточенностью формулировок, делением текста на разделы, параграфы, пункты, подпункты, на строгую градацию и соподчинение содержания деловых документов, на субординацию этого содержания и точную рубрикацию.

Наконец, отживающим, но еще сохраняющим свое своеобразие является стиль культово-религиозный, характерный, например, для узбекского, татарского, башкирского, азербайджанского и некоторых других тюркских языков народов СССР, с применением которых ведется отправление мусульманских религиозных обрядов. Впрочем, эту стилистическую разновидность указанных выше литературных тюркских языков можно было бы считать особым языком, так как религиозные проповеди, молитвы, послания, обращения имамов и т. п. почти в полной мере сохраняют лексические, фразеологические и грамматические особенности старого феодального литературного языка «тюркй» в соответствующих его локальных вариантах.

Арабо-персидская терминология, арабские и персидские синтаксические конструкции (например, арабский и персид-

ский изафеты), сложные периоды и цитаты на арабском языке, перепруженность вводными предложениями и словами — все эти особенности характеризуют религиозно-культовый стиль языка религиозных сочинений, проповедей, молитв и посланий к верующим.

Давая обзор основных стилей в стилистических системах современных тюркских языков, мы стремились вместе с тем установить взаимозависимость таких категорий, как формы языка (устно-разговорный и письменно-литературный), жанры (поэтический и прозаический), структурные стили (пространственные и временные модификации конкретного языка) и функциональные стили (художественный, научно-публицистический, канцелярско-деловой и культовый), определить их иерархию, соотношение и взаимодействие.

Стили как модификации одного и того же языка следует строго отграничить от таких категорий, как жанр или форма языка, от индивидуальной манеры изложения отдельных авторов, от эмоциональной направленности речи (обыденно-бытовой и официальной, возвышенной и приниженной, шутовско-насмешливой и иронической, интимно-ласковой и бранной и проч.).

Таким образом, каждый литературный язык представляет собой сложную систему его стилистических модификаций, которые, базируясь на единой языковой основе, не исключают друг друга, но перекрещиваются в отношении отбора и использования различных выразительных средств языка, совокупность которых и характеризует каждую стилистическую модификацию языка. Причем эта система стилистических модификаций (равно как и отбор соответствующих языковых средств) не является постоянной и установившейся системой, она постоянно изменяется, каждая из стилистических модификаций варьирует, взаимопроникает и изменяется в отношении других стилистических модификаций.

Вместе с тем для каждого периода в развитии конкретных языков характерны определенная иерархия и субординация их стилистических модификаций и определенное отношение их с формами языка и жанрами использования выразительных средств языка.

Поэтому при определении отношения того или иного явления в языке к форме, жанру, стилю и стилистической модальности (то есть эмоциональной направленности) должна соблюдаться и соответствующая иерархическая система обозначения. Так, используя ту или иную систему стилистических

памет, например, в лексикографии, эта система помет должна иметь их определенную субординацию.

Так, если обратиться к современным пометам в толковых и двуязычных больших словарях, то их субординация должна быть прежде всего строго соблюдена в отношении разграничения понятий разговорно-устной и литературно-письменной форм языка, затем в отношении структурно-стилистических и функционально-стилистических модификаций языка. Причем, явления, относящиеся к структурно-стилистическим модификациям, должны быть дифференцированы в отношении пространственной (областническое эфемистическое аргю, диалектное) и временной (старинное, устаревшее, новое) стилистических разновидностей, а явления, относящиеся к функционально-стилистическим модификациям, должны быть дифференцированы в отношении: 1) художественной (поэтическое, прозаическое и проч.), 2) научно-публицистической (научное, публицистическое, техническое, специальное, газетное и проч.), 3) официально-деловой (канцелярское, официальное и проч.) и 4) культовой (религиозное, церковное и проч.) стилистических разновидностей. Причем некоторые из стилистических разновидностей имеют, кроме того, систему модально-стилистических помет, например, художественно-литературная: 1) возвышенно-модальная разновидность (торжественное, риторическое, патетическое и др.), 2) принижено-модальная разновидность (грубое, фамильярное, вульгарное, бранное, просторечное, разговорное и проч.), другие модальные оттенки (ласкательное, презрительное, пренебрежительное, укоряющее, ироническое, неодобрительное, шутовское и проч.).

Итак, стилистика как одна из отраслей науки о языке имеет своей основной проблематикой дифференцированное изучение форм языка, его основных поэтических и прозаических жанров и стилистических модификаций языка в их структурных и функциональных разновидностях, а также способов отбора и использования выразительных средств языка и стилистических приемов в различных стилистических модификациях, то есть изучение дифференциальных признаков каждого стиля по всем уровням языка, фонетического, морфологического, лексического и синтаксического и установление синтеза этих признаков для каждого стиля для каждой стилистической разновидности.

П. АЗИМОВ, Е. И. ЕРШОВА
(Ашхабад)

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

(на материале туркменского и русского языков)

Развитие стилей в туркменском литературном языке в значительной мере зависит от социальных факторов и связано с расширением его общественных функций. Если до Великой Октябрьской революции в связи с тяжелым положением Туркменистана как одной из самых отсталых колоний царизма развитие туркменского языка было ограничено, то в советское время вместе с небывалым подъемом экономики и культуры туркменского народа, развитием науки и техники, активизацией общественно-политической жизни возникают условия для различных сфер применения литературного языка в его устной и письменной формах. Этот процесс отражается и в структуре языка—появляются отличия в способах употребления однозначных языковых элементов.

Характерно, что становление и развитие стилей туркменского литературного языка неразрывно связаны с процессом его нормализации.

Происходящая в наше время стилистическая дифференциация туркменского литературного языка не получила еще отражения в филологической литературе, если не считать общих пособий учебного характера по современному туркменскому языку для высших учебных заведений СССР¹ и отдельных диссертационных работ, авторы которых делают стилистические экскурсы в связи с анализом языка произведений художественной литературы (Б. А. Каррыев, З. Б. Мухаммедова, Я. Чунгаев, Х. Тангрыбердыев и др.). Еще не созданы ни научные функционально-стилистические исследования отдельных категорий туркменского языка, ни практи-

¹ П. Азимов. Хэзирки заман туркмен дили. Гириш. Лексика. Ашгабат, 1959, стр. 14—15.

ческие пособия для студентов, учителей, работников печати, которые содержали бы нормативно-стилистические рекомендации; в литературно-критических статьях до сих пор недостаточно уделяется внимания речевой характеристике персонажей и особенностям авторской речи.

Неразработанным является главный вопрос — о выделении тех или иных стилей в туркменском литературном языке. Сложность исследования объясняется не только возможностью применения различных принципов при классификации стилей, но и характером самого материала — неодинаковой степенью развитости и дифференцированности функционально-стилистических элементов в туркменском литературном языке. Поэтому одной из очередных задач лингвостилистики туркменского языка является сбор и соответствующая обработка материала (с применением специальных наблюдений, анкетного опроса, психолингвистических экспериментов, статистического анализа и т. п.) для создания различных нормативно-стилистических справочников и последующего, более глубокого, научного исследования функционально-стилистических элементов туркменского языка.

Формирование туркменского литературного языка — сложный и длительный процесс. Основу туркменского языка составили элементы языков многочисленных племен и народностей, живших некогда на территории Туркмении, в частности языка огузов, обогащенного лексическими элементами языков хорасанов и хорезмийцев.

Диалектные (племенные) отличия были свойственны в прошлом языку туркменской народности. Они сохранились частично и в современной национальной форме туркменского языка в виде многочисленных территориальных диалектов и говоров с характерными фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями. По существу до Великой Октябрьской социалистической революции письменного туркменского литературного языка не было.

Старый письменный язык «тюрки» не являлся общенародным литературным языком туркмен. Он не мог отразить характерных фонетических особенностей туркменского языка и имел чрезвычайно ограниченные функции, обслуживая в основном духовенство и феодально-байские круги. Но благодаря широкому распространению жанров устного народного творчества и использованию его элементов в художественной литературе, благодаря необычайной популярности в народе произведений таких писателей, как Махтумкули, Сеиди, Зетили, Молланепес, Кемине и некоторых других, происходит

процесс постепенной демократизации и становления туркменского литературного языка. Особенно велика роль в этом процессе классика туркменской литературы Махтумкули, чьи произведения получили известность далеко за пределами нашей страны.

В своем творчестве Махтумкули широко применял различные художественные средства, его творения имеют не только глубокое познавательное, но и эстетическое значение, являясь и до наших дней образцом «поэтического стиля».

До Великой Октябрьской социалистической революции процесс нормализации и стилистической дифференциации туркменского языка тормозился чрезвычайно ограниченным распространением его письменной формы, низким уровнем грамотности среди населения.

В бывшей Закаспийской области выходила всего лишь одна газета «Закаспийская туземная газета», причем только с 1914 года и то не на чисто туркменском языке. Достаточно сказать, что заглавие первого номера газеты было дано по-русски, а второго — по-русски и по-персидски. («Рузнаме мавраи бахри хазар»)². Журналы на туркменском языке до революции вообще не издавались. Произведения классиков туркменской литературы, за исключением отдельных литографированных изданий (например, «Саятлы Хемра», «Шабэхрам», «Шасенем—Гарып», «Магтымгулы диваны», «Гүл—Билбил», «Баба Рөвшен», «Гөроглы», «Зөхре—Тахыр», «Юсуп—Ахмет», «Аслы—Керем» и некоторые др.), вышедших небольшим тиражом, переписывались от руки или же распространялись устно через народных певцов *багшы*.

Учебников и учебных пособий на туркменском языке, кроме букваря А. Алиева³, не было. Единичные пособия по туркменскому языку на русском языке, изданные небольшим тиражом и рассчитанные на изучение туркменского языка не туркменами, были далеки от нормализации языковых фактов, в них встречались колебания, неточности и прямые ошибки⁴.

² «Закаспийская туземная газета», № 1 (14 декабря 1914 г.), № 2 (24 декабря 1914 г.).

³ «علیوف، ینکی اصول ترکمان مکتبی، ترکمان دیلی»

¹ نجی بیل، ۲ نجی چاپ، عشق آیله، ۱۹۱۴

⁴ П. Шимкевич. Практическое руководство для ознакомления с наречиями тюркмен Закаспийской области. Асхабад, 1899; С. Агабеков. Учебник тюркменского наречия с приложением сборника пословиц и поговорок тюркмен Закаспийской области. Асхабад, 1904; И. А. Беляев. Грамматика туркменского языка. Ашхабад, 1915.

Только в советское время возникли все необходимые условия для более быстрого, благотворного развития туркменского языка, его нормализации и дифференциации функциональных стилей. Уже в начале 20-х годов был принят целый ряд правительственных постановлений о развитии советского делопроизводства в Туркестанской республике на местных языках. Особое значение среди этих постановлений имело Постановление ВЦИКа и СНК СССР «О мерах ускорения перехода делопроизводства в Туркесреспублике на местные языки», подписанное Председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета М. И. Калининым, где предлагалось «ввести во всех государственных органах, действующих на территории Туркесреспублики, параллельное делопроизводство на местных языках»⁵.

В различных правительственных постановлениях Туркестанской республики⁶, изданных в соответствии с решениями Советского правительства, намечались важные политические мероприятия для осуществления этой задачи, чрезвычайно сложной в условиях диалектной раздробленности и отсутствия национальных кадров.

Разработка соответствующих форм делопроизводства и отчетности была возложена на Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции, а составление, перевод и издание этих форм поручено Народному Комиссариату Внутренних дел. Было предложено ввести в качестве обязательного предмета в последнем классе школ «Советское письмоводство и делопроизводство на местных языках». Во всех наркоматах были организованы ведомственные курсы для подготовки кадров из местного населения.

29 июля 1920 года на туркменском языке начинает выходить газета «Туркменистан». Это событие явилось началом зарождения туркменской национальной печати, как справедливо отмечает в своем исследовании М. Д. Аннагурдов⁷. Од-

⁵ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 7, д. 735, л. 43.

⁶ Постановление ЦИК и СНК ТАСССР № 130 от 29 августа 1923 года ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 7, д. 735, л. 9—11. Постановление СНК ТАСССР № 172 от 13 декабря 1923 года. ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 7, д. 735, л. 24 и др.

⁷ М. Д. Аннагурдов. Туркменистанда коммунистик мебугатын тарыхындан. Ашгабат, 1957, стр. 168. Как указывается в этом исследовании, созданная в 1919 году и просуществовавшая около года газета «Садаи фукара» («Голос бедноты») по своему языку была мало доступна для туркменского читателя, так как ее язык был «не столько туркменским, сколько азербайджанским с обилием фарсидских и арабских элементов».

нако, несмотря на огромное общеполитическое значение, эта газета, особенно в первые годы своего существования, была еще очень далека от выработки нового публицистического стиля. Язык ее отличался чрезвычайной пестротой. Лексика отдельных статей была засорена арабизмами, фарсизмами и различными архаизмами, что делало некоторые слова и конструкции мало понятными, а то и вовсе непонятными для широкого круга читателей. Отдельные члены редколлегии, переводчики и авторы не стремились к нормализации туркменского языка и часто действовали по своему усмотрению, в зависимости от того, в какой школе или медресе они учились, на каком языке получили образование. Иногда даже некоторые работники редакции, враждебно настроенные по отношению к устанавливающейся новой жизни, пытались использовать газету в своих классовых целях, стараясь препятствовать проникновению в туркменский язык новых, советско-интернациональных слов.

С 1925 года выходит молодежная газета «Яш коммунист» и общественно-политический журнал «Большевик» на туркменском языке.

В формировании общественно-публицистического стиля большое значение имело не только развитие периодической печати, но и перевод произведений классиков марксизма-ленинизма на туркменский язык.

Национальное размежевание, образование самостоятельной национальной государственности способствовало еще большему расширению общественных функций туркменского языка. Начинается массовый выпуск⁸ общественно-политической и художественной литературы, издаются учебники по туркменскому языку, совершенствуется делопроизводство.

Одним из первых правительственных мероприятий после образования ТССР было закрепление функций туркменского языка как языка государственного. 7 января 1925 года состоялось специальное заседание комиссии по переводу делопроизводства в государственных органах ТССР на туркменский язык, где было предложено в качестве срочного мероприятия подготовить особое постановление Ревкома, объявляющее языки туркменский и русский языками государственными

⁸ «Совет Туркменистаның китаплары». Жемлейжи библиография 1920—1960. Бирийжи китап». Ашгабат, 1965.

ми⁹. Было указано на необходимость срочно организовать в отделах Ревкома бюро переводов, а в самом Ревкоме — секретариат по параллельному делопроизводству.

Перебирая архивные документы, материалы периодической печати первых лет существования Туркменской республики, вспоминая рассказы очевидцев, убеждаешься в том, как сложна и вместе с тем жизненно необходима была работа переводчиков. За годы Советской власти в республике выросли замечательные кадры переводчиков — знатоков всех тонкостей туркменского и русского языков (Х. Исманлов, кандидат филологических наук А. Аннануров, А. Хыдыров, А. Реджепов и многие другие).

Первым научным учреждением, организовавшим языковедческую работу в Туркмении, явился сектор национальной культуры Государственного Ученого Совета (ГУСа) Наркомпроса ТССР, организованный сразу же после национального размежевания. Затем разработка проблем туркменской филологии продолжалась в секции языка Института туркменской культуры (Туркменкульта), который был реорганизован в 1932 году в Туркменский государственный научно-исследовательский институт. Разумеется, ни о каких теоретических исследованиях в области стилистики в тот период не могло быть и речи. Главными задачами были сбор материалов по отдельным диалектам и говорам туркменского языка, изучение физиологии звуков, переход на новый латинизированный алфавит и разработка единой туркменской орфографии, создание учебников для различных типов школ.

Особенно остро обсуждались вопросы нормализации туркменского литературного языка в период подготовки Первой научной конференции по вопросам туркменского языка, которая состоялась в мае 1930 года.

Вместе с тем в начале 30-х годов начинается также сбор материалов по терминологии, записываются и обрабатываются народные названия растений и животных, делаются попытки изучения профессиональных особенностей речи рабочих промышленных предприятий Ашхабада.

В туркменском языке закладываются основы научного и производственно-технического стилей. Развитию и закреплению терминологии по отдельным отраслям знания способствовало создание отраслевых словарей, издававшихся уже в начале 30-х годов по важнейшим отраслям народного хозяй-

⁹ Протокол № 3 от 7 января 1925 г.—ЦГА ТССР, ф. 639, оп. 2, д. 186. л. 25—26.

ства и культуры республики. Эта работа явилась отражением все возрастающей дифференциации туркменского языка в функционально-стилистическом плане и развития его терминологии, она продолжается и в настоящее время¹⁰.

В настоящее время в туркменском литературном языке выделяются, хотя и с разной степенью развитости и дифференцированности, следующие функциональные стили: бытового общения (нормированная литературная форма), общественно-публицистический, официально-деловой, научный и производственно-технический.

Однако последние два стиля не получили еще достаточного развития в различных отраслях науки и сферах производственной деятельности. Особое место в системе стилей туркменского литературного языка занимает стиль художественной литературы во всех ее жанрах, со своими авторскими особенностями.

Стиль бытового общения

В наиболее известных классификациях функциональных стилей этот стиль обычно отсутствует. Некоторые исследователи иногда выделяют разговорную разновидность литературного языка, противоположную книжной разновидности; в свою очередь функциональные стили рассматриваются обычно, как разновидности только книжного литературного языка¹¹. Однако в настоящее время книжная (точнее письменная) форма языка является хотя и главной, но не

¹⁰ М. А. Габитов. Адалгалар сөзлүги (физика, математика). Ашгабат, 1933; А. Мәмметбердиев ве М. Габитов. Русча-түркменче математика терминологик сөзлүги. Ашгабат, 1935; Ижтимагы-сыясы терминлерин русча-түркменче гысга сөзлүги. М. И. Богданович гириш макаласы ве редакциясы билен. Ашгабат, 1937; М. Мырадов. Математика терминлерин русча-түркменче гысга сөзлүги. Ашгабат, 1948; Г. Майлыев. Гысгажа русча-түркменче геологика сөзлүк. Ашгабат, 1948; М. Д. Аннагурдов. Физикадан русча-түркменче терминологик сөзлүк. Ашгабат, 1951; Арк. Лавров, Ал. Лавров. География терминлеринин русча-түркменче дүшүндиришли сөзлүги, Ашгабат, 1954; А. Ныязов. Химия терминлеринин русча-түркменче сөзлүги. Ашгабат, 1954; Коллектив авторов. Сыясы ве социал-ыкдысады терминлерин русча-түркменче сөзлүги. Ашгабат, 1955; А. Эсенов. Гурлушук терминлеринин русча-түркменче сөзлүги. Ашгабат, 1956. О. М. Жумаев. Оба хожалык терминлеринин русча-түркменче сөзлүги. Ашгабат, 1958; Б. Кербабаев. Боганика терминлеринин русча-түркменче сөзлүги. Ашгабат, 1960; М. Беркелиев. Русско-туркменский словарь геологических терминов. Ашхабад, 1962 и др.

¹¹ Е. И. Воинова, Р. Б. Волосатова, Л. А. Киселева, В. М. Матвеева, К. А. Рогова. Практическая стилистика русского языка. Учебное пособие для иностранцев. Изд-во ЛГУ, 1964, стр. 6, 10.

единственной сферой применения стилей. С развитием радиотелевидения, широкой пропагандой знаний среди населения созданием народных университетов, устных журналов и т. д. особое значение получают устные разновидности научного общественно-публицистического и других стилей (научно-популярные выступления, некоторые формы официально-делового стиля в связи с расширением международных связей и т. п.). С другой стороны, так называемая разговорная форма языка, хотя и является специфической и преобладающей для бытового общения, но в какой-то мере она может быть отражена и в письменности, например, в личной переписке (но при этом, конечно, ее письменный вариант будет, как правило, «строже», отшлифованнее устного).

Если функциональные стили определяются отбором и комбинированием различных языковых элементов в зависимости от сферы деятельности и от назначения речи, то не следует из общей системы исключать стиль бытового общения, обслуживающий наиболее продуктивную область человеческой коммуникации — сферу бытовых отношений. Эта сфера является самой древней и «вечной», она обслуживается языком — «важнейшим средством человеческого общения», в ней менее всего возможно применение каких-то иных знаковых систем. И в то же время в этой сфере наиболее вероятны отклонения от литературной формы языка или употребление нелитературных разновидностей языка (диалектных, жаргонных, просторечных элементов и т. д.).

История туркменского языка показывает, как сложен процесс нормализации литературного языка. Как правило, наибольшие споры вызывают колебания, относящиеся не к употреблению специальных терминов, официальных оборотов речи, традиционных конструкций деловых документов, а такие языковые элементы и конструкции, которыми мы пользуемся постоянно в процессе общения.

Разумеется, между выделяемым нами стилем бытового общения и другими стилями литературного языка существует тесная связь, взаимопроникновение тех или иных языковых элементов. Стиль бытового общения может иметь устную и письменную формы, причем устная является для него более характерной, так как обычная сфера его применения — разговор, беседа. Это определяет и своеобразные структурные особенности стиля бытового общения: применение различных типов неполных предложений, ситуативное (окказиональное) значение слов, инверсии. Сложные предложения встречаются реже, чем простые, причем большей частью — бессоюз-

ые. Важнейшим признаком устной формы этого стиля является интонация. Для многих высказываний характерна эмоционально-экспрессивная окраска.

Для бытового стиля туркменского языка характерны специфические формулы приветствий, вежливого обращения. Следует отметить, что эти формулы в туркменском языке отличаются большим разнообразием компонентов (*Салам! Гургунмы? Арма! Привет! Жив-здоров! Не уставай! Гургунлыкмы, саглыкмы? аманлыкмы? 'Все живы-здоровы? Все в благополучии?' Аманмы, сагмы? 'Все ли здоровы, все ли благополучно?'; Кейпиц (кейп) көкми? 'Как настроение?'*).

В области фонетики устной форме бытового общения свойственно широкое использование просодических фонологико-интонационных средств: различных типов интонации, пауз и — что специфично для туркменского языка — особого мелодического ударения как средства экспрессии. В вопросительных предложениях, наряду с вопросительными словами и вопросительными глагольными аффиксами, особое значение имеют интонация и логическое ударение, которые могут в известной степени повлиять даже на порядок слов в предложении (обычно за исключением сказуемого). Например: *Мен китабы магазинден алдым* 'Я купил книгу в магазине' || *Мен магазинден китабы алдым* 'В магазине я купил книгу' || *Магазинден китабы мен алдым* 'Книгу в магазине купил я'. Слово, на которое падает логическое ударение, оказывается непосредственно перед сказуемым. Такая инверсия в других стилях литературного языка, за исключением стиля художественной литературы, обычно не встречается.

Для бытового стиля литературного языка свойственно употребление советско-интернациональных слов в звуковой форме, близкой к русской орфоэпической норме: *социализм* [с'ьцьял'йзм] || [сацьял'йзм], *фабрик* [ф'абр'ик], *фракция* [фр'акцы]а], *цифра* [цыфра], *цирк* [цырк]. Как известно, такая звуковая форма сложилась не сразу. Так, например, в «Русско-туркменском словаре» А. Алиева, К. Бориева (Ашхабад, 1929 г.) зафиксированы формы: *satsjalizm, pæbrük, pьraqtsja, sьfog, sirk*. Да и до настоящего времени в разговорной речи можно встретить различного рода субституцию некоторых звуков. Так, аффриката *ц* в начале слова и в середине слова после согласных все еще нередко заменяется согласным звуком *с*: *цирк* [сырк], *цензор* [сэньзър], *Франция* [Фр'ансы]а], *интеллигенция* [интэл'игэнсы]а], а в середине слова после гласных — сочетанием *тс*: *социализм* [сатсыал'йзм], *федерация* [ф'дыр'атсы]а], *формация* [фарм'атсы]а]. Следовательно, в

туркменском языке звук *ц* в заимствованных словах уже встречается в разных позициях, однако употребление этой аффрикаты в стиле бытового общения еще не стало повсеместным. Что же касается прочих отклонений в произношении заимствованных слов от орфоэпической нормы русского языка — *ф*, как *п*, *б* в интервокальной позиции как *ω* (не как круглощелевого, а как плоскощелевого звука), то подобные отклонения в литературной форме туркменского языка уже почти не встречаются.

Таким образом, под влиянием русского языка в фонологической системе туркменского языка происходит постепенное оформление новых фонем *ц*, *ф* и аллофонов (*б*, *в* в интервокальной позиции) за счет расширения позиционного употребления имеющихся звуков и появления новых.

Для стиля бытового общения литературного туркменского языка характерна также постановка ударения в заимствованных словах на том же слоге, что и в русском источнике: *революция*, *конференция*, *академия*, *фабрика*, *радио*, *программа* и другие. При этом возникают новые акцентологические варианты в дополнение к основной акцентологической модели туркменского языка с фиксированным ударением на последнем слоге.

Следует заметить, что, помимо этой основной модели, в туркменском языке встречаются некоторые грамматико-акцентологические модели с ударением не на последнем слоге. Таковы, например, отрицательная форма повелительного

наклонения типа *алма* 'не бери', *гөрме* 'не смотри', формы 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа настоящего времени типа *алярын* 'я беру', *гелёрин* 'я приду' и т. д., вопросительные формы прошедшего времени типа *окадыңмы?* 'читал ли ты?' и т. п.

В процессе грамматических изменений заимствованных слов, кроме того, происходят новые, чрезвычайно интересные закономерности. Так, если ударение в начальной форме заимствованных слов находилось на последнем слоге, оно сохраняется как побочное, а основное ударение переходит на аффикс: *артист* — *артистлёр*, *коммунист* — *коммунистйк*. Если ударение было не на последнем слоге, оно остается на прежнем месте, а на последнем слоге возникает побочное ударение: *автор* — *авторларың*, *почта* — *почтада*.

Даже в литературной форме бытового общения встречаются часто варианты грамматические формы, которые в общественно-публицистическом, деловом и научном стилях избегаются. Например, наряду с глагольными формами настоя-

щего времени, снабженными личными аффиксами, употребляются и усеченные формы типа *мен дүшйән* 'понимаю', 'схожу', *сен дүшйәң* 'понимаешь', 'сходишь'. Встречаются и усеченные падежные формы родительного, дательного и винительного падежей¹²: *Сең китабың мен алдым* 'Твою книгу я взял'; *Сең ёлдашың ниреде окаяр?* 'Твой товарищ где учится?'. Крайне редки конструкции с показателями долженствительного наклонения (хөкманлык форма) на *-малы/-мәли* (типа *окамалы* 'он должен прочитать', *гелмели* 'он должен прийти'). Вместо них чаще употребляются обороты со словом *герек* (соответственно *окамак герек*, *язмак герек*).

Значительное распространение в стиле бытового общения имеют различные виды сложных глаголов. Среди них встречаются и такие глагольные формы, которые естественно только устной форме бытового стиля, как например: *поздравлять этмек* 'поздравлять', *беспокоить эдйәрин* 'беспокою'.

В устной форме стиля бытового общения наблюдается также употребление русских лексикализованных сочетаний и некоторых сложных слов, снабженных туркменскими аффиксами: *гөрсөведиң янында* 'около горсовета'; *детсада эжитди* 'отвел в детсад'; «*Детский мирде*» *тәзе ойнавач бар* 'в «Детском мире» есть новые игрушки'; *Горкома чагырды* 'вызвал в горком' и т. д. Все эти формы не являются, конечно, нормой литературного языка, но в устной речи получают все большее и большее распространение.

За последние годы в туркменском литературном языке, особенно в стиле бытового общения, растут и ширятся семантические поля, синонимические ряды и смысловые дублеты. Значительную роль в этом процессе играют лексические заимствования из русского языка русских и интернациональных слов. Таковы, например, новые лексические дублеты в семантическом поле, связанном с процессом обучения (*мекдеп ~ школ*, *депдер ~ тетрадь*, *хек ~ мел*, *сыя ~ чернил*, *окув мудирри ~ завуч*). Возникают не только синонимичные названия, но и расширяются семантические поля за счет новых компонентов, обозначающих предметы обихода, одежды, обуви, обстановки, отдельные блюда и т. д. Особенно это характерно для «языка» молодежи (ср. *нахархана ~ столовый*, *безразмерный жорап ~ безразмерные носки* и т. п.).

Для бытового стиля характерны различные экспрессивные средства выразительности. Нередко встречаются междометия (үмлүклер), специфические для туркменского языка. Напри-

¹² См. «Хэзирки заман түркмен дили». Ашгабат, 1960, стр. 186—229.

мер: *Эй, гадырлы дост!* 'Эй, дорогой друг!'; *Хай, ягы чозды!* 'Ой, враг нагрязнул!'; *Вах-вахей, ханы яш жан!* 'Ой, ой, ой, где мои молодые годы!'; *Яхов, бу эйдэниң нэме?* 'Эй, что ты делаешь?' Хим... 'Гмм'.

Особую национальную специфику составляют и звуко-подражательные слова (сес ве образ менземелери), употребляющиеся в стиле бытового общения, но более характерные для стилей художественной литературы, при описаниях. Например: *жуңк-жуңкулли* (звук при всплеске воды); *мав-мавлемек* 'мяу-мяукать', *туф* 'тьфу'.

Стилю бытового общения свойственны также различные вводные слова: *ягны* 'то есть', *ынха* 'вот', *хава* 'да', *диймек* 'значит'.

Экспрессивную нагрузку несут и некоторые грамматические формы. Например, глагольные формы повелительно-желательного наклонения (ислег-буйрук форма) на *-ай/-эй* типа *алай* 'возьми-ка', *гелэй* 'приди-ка', формы на *-сана||-сене* типа *окасана* 'учись же, читай же, пожалуйста', *гелсене* 'приходи же пожалуйста'; *берсене* 'дай-ка, пожалуйста'; формы, выражающие оттенок недоверия, с аффиксами *-мы||-ми+ка||-кэ* типа сүйжүмкэ 'сладкий ли, неужели сладкий' и некоторые другие. Однако наиболее характерные стилистические оппозиции в стиле бытового общения обнаруживаются на лексическом уровне.

Влияние русского языка в стиле бытового общения ощущается в меньшей степени, чем в других функциональных стилях и ограничивается преимущественно устной формой. Однако в такой разновидности бытового стиля, как личная переписка, также следует отметить известное влияние русского языка, но не столько внутривидовое, сколько формально-функциональное. Сравним для примера образцы старого эпистолярного стиля с современными письмами студенческой молодежи. Вот один из образцов такого письма, любезно предоставленный нам представителем старшего поколения туркменской интеллигенции проф. К. Сопиевым:

ДОГАЙ САЛАМ!

Көпден көп догай салам болсун, ким-мен Ашыр Берди оглының тарпыдан Мерет Чары оглыга ве бизи соран хемме деңдуш, дост-ярларга. Бизлер мунда саххат ве саламат гезип йөрүпмиз, сизлерни хем улуг болган алла тагала өз пенахыда аман-эсен саклагай! Саламдан соңра багдазан сөзүмиз будурки, эй, Мерет, сиз маңа хат язан экениңиз. Мен ол хаты окуп, көп шат болдум... Омин ве я ребилалемин, теммет, темам шул.
'Много, премного приветов от меня, Ашира, сына Берды, Мереду, сыну Чары, и всем тем ровесникам-сверстникам, друзьям близким, что о

нас спрашивают. Мы тут живем в здравии, в благополучии, и вас пусть великий аллах сохранит живыми, здоровыми под своим покровительством. После приветия затем слово наше такое: о, Меред! Вы написали письмо. Я прочитал это письмо и очень обрадовался. Аминь. И господь вселенной. Конец, окончено.

Иную форму имеют теперь письма молодежи. В них вместе старых традиционных форм зачина и концовки встречаются новые формы обращения и подписи, возникающие под влиянием русского языка, например: *Гадырлы достум Ата, салам!* 'Дорогой друг Ата, здравствуй!'; *Хорматлы ёлдаш Аминов, салам!* 'Уважаемый товарищ Аманов, здравствуйте!'; *Эзиз достум Иван Андреевич!* 'Милый друг Иван Андреевич!'; *Улы хормат билен...* 'С большим уважением'; *Салам билен..* 'С приветом...'; *Оңат арзувлар билен* 'С наилучшими пожеланиями'.

Общественно-публицистический стиль

Элементы общественно-публицистического стиля прослеживаются еще в дореволюционной туркменской литературе. Однако как особый стиль общенародного туркменского литературного языка он складывается лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Общественно-публицистический стиль имеет чрезвычайно широкую сферу функционирования и различные формы проявления, которые в будущем могут привести к созданию в туркменском языке особых разновидностей этого стиля, в настоящее время еще недостаточно дифференцированных («язык» газет, сочинений и публичных выступлений на общественно-политические темы, литературно-критических статей и т. д.).

Развитие этого стиля в туркменском языке неразрывно связано с общественно-политической жизнью туркменского народа. За годы Советской власти широкие народные массы привлекаются к управлению государством, в Туркмении осуществляются важные политические и народнохозяйственные мероприятия, появляется своя периодическая печать. В настоящее время в республике на туркменском языке издается более 30 газет, из них 5 — республиканских, 8 журналов. Развитию этого стиля, как уже отмечалось, способствует также перевод сочинений классиков марксизма-ленинизма, осуществляемый в настоящее время квалифицированными научными сотрудниками-билингвами в Туркменском филиале Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Только с 1925 по 1962 год в республике было издано около двухсот названий произведений В. И. Ленина общим тиражом свыше 1 млн. 500 тыс. экземпляров. Завершено издание Собрания сочинений В. И. Ленина, двухтомника избранных произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, первого тома «Капитала» и «Теории прибавочной стоимости» К. Маркса и др. Вышли в свет «Очерки по истории Коммунистической партии Туркменистана» на туркменском языке.

Общественно-публицистический стиль туркменского языка, как и других языков, имеет прежде всего характерные лексико-фразеологические особенности. В туркменском языке сложилась единая общественно-политическая терминология, в выработке и развитии которой оказал значительное влияние русский язык. Отдельные советско-интернациональные общественно-политические термины не сразу закрепились в туркменском языке. Например, термин *шура* 'совет' (*Шура хөкумети* 'Советское правительство', «*Шуралар Түркменистаны*» ~ «*Совет Түркменистаны*» — название республиканской газеты) уступил место термину *геңеш* 'совет' (*Геңешлер Бирлиги* 'Советский Союз', *оба геңеши* 'сельский совет'), вместо которого стал употребляться термин *совет* (*Совет хөкумети* 'Советское правительство', *Совет Союзы* 'Советский Союз' *оба совети* 'сельский совет'); вместо *ынкылап* 'революция' сейчас употребляется термин *революция*, вместо *жахангирлик/юртбисарлык* — *империализм*.

Некоторые из общественно-политических терминов на протяжении ряда лет выступали в различных фонологическоморфологических вариантах, например: *qatъпыъstlar* ~ коммунизм, *qatъпыъstlar* ~ коммунистик, *qatъпыъstlar partъjaasy* ~ коммунистик партия¹³; *brajja qatъtteti*¹⁴ ~ *ispolnitelni komiteti*¹⁵ ~ *spolnytel komitetъ*¹⁶ ~ исполнитель комитети; *плeкumлык*¹⁷ ~ пленум; *президиумлык*¹⁸ ~ президиум.

Многие термины и терминологические сочетания, характерные для общественно-публицистического стиля, возникли в результате различных видов калькирования — структурно-

¹³ А. Алнев, К. Борнев. «Русско-туркменский словарь», Ашхабад, 1929.

¹⁴ Там же, стр. 106; см. также, ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 7, 738, л. 9.

¹⁵ Выписка из протокола Пленума Бахарденского райисполкома ТССР от 21 февраля 1935 г.—ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 1076, л. 75.

¹⁶ Заявление от 22 июля 1936 г.—ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 954, л. 17.

¹⁷ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 1076, л. 75.

¹⁸ Там же.

го, семантического, полного и частичного. Например, глагол *сайламак* в туркменском языке имел конкретные значения: 1) 'выбирать' (о предметах), 2) 'отделять'; 3) 'отличать', 'различать', которые до сих пор сохранились, а в общественно-публицистическом стиле он приобрел специальное значение 'избирать' (*депутат сайламак* 'избрать депутатом'). И в этом функционально-стилистическом значении основа *сайла-* оказалась производящей для других общественно-политических терминов: *сайлав* 'выборы', *сайлавчы* 'избиратель', *сайлав кампаниясы* 'избирательная кампания'.

Расширило свое значение и слово *парахатчылык* (первоначально: 'спокойствие', 'тишина', 'мирная жизнь'¹⁹, вошедшее в фразеологическое сочетание *парахатчылык угрунда гөрөши* 'борьба за мир'. Среди устойчивых словосочетаний, относящихся к общественно-политической терминологии, особое место занимают неделимые сочетания, являющиеся названиями общественных организаций, государственных учреждений, памятных дат, политических событий, социальных мероприятий и т. п. Например: *СССР Ёкары Совети* 'Верховный Совет СССР', *Министрлер Совети* 'Совет Министров', *Биринжи май* 'Первое мая', *бәшйыллык план* 'пятилетний план', *социалистик ярыш* 'социалистическое соревнование'. Многие из этих словосочетаний являются фразеологическими кальками или полукальками.

Особое место в общественно-политической терминологии туркменского языка занимают слова-аббревиатуры. Этот способ словообразования, периодически активизирующийся или затухающий в русском языке и в некоторых других индоевропейских языках²⁰, был в прошлом чужд туркменскому языку. В настоящее время в туркменский язык прочно вошли такие аббревиатуры, как *ССКП* 'КПСС', *СССР* 'СССР', *ТССР* 'Туркменская ССР', *шахерком* 'горком', *райком* и некоторые другие.

За последние годы в общественно-политическом стиле туркменского языка активизируется употребление сложных слов, преимущественно глаголов типа *йыгнанышык этмек* 'собираться', *танкыт этмек* 'критиковать' и имен прилагатель-

¹⁹ Х. Байлыев, Б. Каррыев. Туркменче-русча сөзлүк. Ашгабат, 1940.

²⁰ За последние годы опять наблюдается некоторая активизация аббревиатур, однако, не столько в общественно-политической лексике, сколько в сфере специальной научной терминологии — математической, химической, физической и т. д. См.: «Словарь сокращений русского языка» под общей редакцией Б. Ф. Корникова (12 500 сокращений). М., 1963.

ных — таких, как *халкара* 'международный', *районара* 'межрайонный', *умумысоюз* 'общесоюзный'.

Характерно, что ныне общественно-политическая терминология туркменского языка проникает в широкие народные массы, перестает быть достоянием только общественно-публицистического стиля. Данные этнолого-лингвистических экспедиций 30—50-х годов свидетельствуют о том, что за два с лишним десятилетия многие общественно-политические термины стали обиходными в народе²¹.

В грамматическом отношении общественно-публицистический стиль характеризуется частым употреблением аффиксов *-даш/-деиш*, *-лык /-лик*, *-лук /-лук*, *-чы /-чи*, *-ыжы /-ижи*, *-чылык/-чилик*, *-лама/-леме*, образующих имена существительные с различными грамматическими значениями, например: *союздаш* 'союзник', *эгиндеиш* 'соратник', *доганлык* 'братство', *ленинчи* 'ленинец', *өңбашчы* 'передовой', *Витанчылык уршы* 'Отечественная война', *редактирлеме* 'редактирование', *авансирлеме* 'авансирование', *языжы* 'писатель', *гуружы* 'строитель', *дузүжи* 'составитель'. Значительную продуктивность имеет также безвариантный аффикс *-ик* относительных имен прилагательных, большая часть которых образована от советско-интернациональных основ: *Коммунистик парти* 'Коммунистическая партия', *педагогик институт* 'педагогический институт' и др.

В общественно-публицистическом стиле закономерными стали конструкции с однородными членами, вводными словами и предложениями, причем все более активизирующейся формой связи однородных членов предложений становится аффикс *-дыр/-дир*. *Дутардыр гыжагың назик овазы...* 'Нежная мелодия дутара и гиджака...'; *Күндедир кәтменли сени экенлер. Гейимдир ярагмыз атлылар алды...* (Я. Пиргульев, Йүреклерің ёдасы) 'Тот, кто с киркой и кетменем, — тебе посял. Всадники отняли у нас одежду и оружие'.

Туркмен синтаксисинде, белли болшы ялы, эйәниң ве хабарың анык ери (хабарың сөзлемиң сонунда, эйәниң хем хабардан өң гелмеги) барды. Бу када болса, эсасан, берк сакланярды. Эмма хәзир көп ягдайларда оңуң сакланмаянды-

²¹ Таковы, например, материалы трех Нохурских экспедиций — 1930—1931 годов, 1947 года и 1956—1957 годов. См., например: А. П. Понделуевский. Племя нохурли (по материалам экспедиции Туркменкульты). «Туркменоведение», 1931, № 5—6; Е. П. Ершова, Х. Мухиев. Из наблюдений над нохурским диалектом туркменского языка. — Ученые записки ТГУ, вып. XIV, 1958.

гыны айтмак болар. Бу, элбетде, туркмен синтаксисниң кемчилиги болман, онуң гитдикче камиллешмегиниң, аңладыкылык серишделериниң өсмегиниң, тимарланмагының нетижесидир. Диймек, олар, шол тинде дүзүлеи сөзлемлер, туркмен дилиниң синтактик гурлушының адаты сөзлемлери болуң башладылар

В туркменском синтаксисе, как известно, подлежащее и сказуемое имели определенное место (сказуемое — в конце предложения, подлежащее употребляется перед сказуемым). Это правило обычно строго соблюдалось. Следует, однако, отметить, что это правило теперь во многих случаях не соблюдается. Разумеется, это не недостаток туркменского синтаксиса, а результат постепенного его совершенствования, развития выразительных средств. Значит, они, предложения подобного типа, стали обычными предложениями синтаксического строя туркменского языка'.

Особой разновидностью общественно-публицистического стиля, но еще не получившей характерных дифференциальных признаков, является язык литературно-критических статей, отличающийся своей эмоциональной окраской.

Официально-деловой стиль

Элементы официально-делового стиля (канцелярского — в прежнем употреблении) восходят еще к дореволюционному времени.

В бывшей Закаспийской области большая часть деловой документации велась на русском языке. На туркменском языке обычно составлялись различного рода прошения, имевшие в конце (в большинстве случаев) не подписи, а «бармак басмак» (отпечатки пальцев); преимущественно по-туркменски писались также так называемые приговоры туркменских обществ — «маслахаты»; прочие виды деловой переписки — различные дописания, отчеты, докладные и т. п. — осуществлялись, как правило, на русском языке. Таким образом, как показывает обзор различных официально-деловых документов ранних периодов (до присоединения Туркменистана к России и с 1881 по 1917 год), туркменский язык употреблялся в делопроизводстве очень ограниченно и отличался абсолютной ненормированностью как в лексическом, так и в грамматическом отношениях, не говоря уже об орфографии и пунктуации, которые находились в хаотическом состоянии. Документы, охватывающие период с 1917 года до национального размежевания (27 октября 1924 года), отличаются в языковом отношении большой пестротой и неустойчивостью.

Переписка с уездными, волостными, аульными (поселковыми) комитетами, приказы по ревкомам, отчеты, доклады, протоколы судебных заседаний велись, как правило, на русском языке. Даже протоколы аульных собраний обычно писались по-русски, хотя и на двуязычных бланках Туркестанской республики²². Попутно следует отметить, что документы начала 20-х годов, написанные по-русски, отличались не только смешением всяких «стилей», но порой и полной безграмотностью. Так, например, характерно, что в них, наряду с грубейшими ошибками, наблюдается применение некоторых старых правил графики и орфографии (букв *і*, *ять* и буквы *ѣ* после согласных в конце слова)²³.

Как известно, специфичными для официально-делового стиля являются некоторые стандартные формы выражения. Характерно, что эти «деловые формулы» в туркменском языке сложились не сразу.

Анализ деловых документов показывает, насколько неустойчива была официально-деловая терминология и фразеология туркменского языка в 20—30-х годах. Не было единства и в оформлении различных типов деловых документов.

В качестве примера того, как происходило складывание официально-делового стиля туркменского языка, приведем некоторые лексико-грамматические варианты, встречающиеся в деловых документах разных лет, начиная с 20-х годов до настоящего времени:

пртакол ~ *братакол* ~ *фртакол* ~ *протокол* 'протокол';

диңленди ~ *эшидилди* 'слушали';

караp гоюлды ~ *караp этди* ~ *караp эдилди* 'ностановили';

истыражынама ~ *язу* ~ *гөчурме* 'выписка';

кәтип ~ *сәркәтип* ~ *секретарь* 'секретарь'.

После национального размежевания и образования СССР развитие делового стиля протекало очень интенсивно. В период между 1924 и 1930 годами (до Первой научной конференции по туркменскому языку) этот стиль в своем формировании, пожалуй, опережает другие функциональные стили туркменского языка, что было обусловлено прежде всего требованиями самой жизни в новых социальных условиях и под-

²² См., например, протокол № 1 от 22 июля 1920 года избрания делегатов на Гасан-Кулийский волостной съезд. — ЦГА СССР, ф. 12, оп. 1, д. 33, л. 115.

²³ Например, протокол № 2 общего собрания аула Янги-Кала Геок-Тенинской волости Полторацкого уезда от 9 июля 1920 года. — ЦГА СССР, ф. 12, д. 124, л. 12.

креплялось специальными правительственными решениями и мероприятиями по подготовке национальных кадров и использованию туркменского языка в качестве языка государственного. Этому способствовало и то обстоятельство, что в становлении официально-делового стиля—выработке специальной официально-деловой терминологии и оформлении документов — было значительно меньше трудностей, чем в развитии других функциональных стилей, что объясняется самой природой этого стиля — его стандартностью и функциональной ограниченностью. Значительную роль в формировании официально-делового стиля туркменского языка играет перевод, так как в качестве образца принималась единая форма советского делопроизводства.

В настоящее время официально-деловой стиль отличается от других функциональных стилей туркменского языка прежде всего некоторыми лексическими элементами и специфическими фразеологическими оборотами, например: *табшырык (кайинч) бермек* 'поставить на вид', 'объявить выговор', *жагапкарлиге чекмек* 'привлечь к ответственности'; *хошаллык биллирмек* 'выразить признательность', 'объявить благодарность', *сылга азып бермек* 'представить к награде'. Встречаются также отдельные своеобразные союзные слова типа *ондан өтри* 'вследствие чего', *хайсыки* 'который' и др. Значительное распространение имеют формы повелительного (бупрук форма) и должностовательного (хекманлык форма) наклонений. Влияния канцеляризмов на стиль бытового общения в туркменском языке не ощущается. Отдельные канцелярские обороты используются лишь в некоторой мере сатириками-прозаиками и драматургами как средство создания комического.

Научный и производственно-технический стиль

Формирование научного и производственно-технического стиля в туркменском языке связано с развитием различных отраслей народного хозяйства, науки и техники.

До Великой Октябрьской социалистической революции Туркмения была раздроблена, ее большая часть входила в состав бывшей Закаспийской области и представляла собой колонию царской России, где основным занятием населения было земледелие, животноводство и отдельные виды кустарных ремесел, например, ковроделие. Развитие промышленности фактически начинается только после национального размежевания. В настоящее время в республике созданы крупные промышленные предприятия, вырос свой рабочий класс. Первые

национальные кадры туркменских рабочих готовились в 20—30-х годах на промышленных предприятиях России. Поэтому в туркменском языке не получили развития профессиональные диалекты, связанные с теми или иными отраслями машинного производства. В настоящее время, как правило, рабочие промышленных предприятий Туркмении широко пользуются профессиональными словами и выражениями русского языка. Другое дело — употребление терминов и профессионализмов в таких отраслях народного хозяйства, как земледелие, животноводство, хлопководство, которые и до революции имели свою терминологическую лексику. Таковы, например, слова-термины, означающие разные сорта и виды дыни: *гулабы, ак гулабы, гызыл гулабы* || *чаржэви гулабы* || *чаржэв гөк пачак гулабы, мелевше гулабы, базартохун* || *азгын, чал меңирсек, гара меңирсек, ак гурвек, тарлавук, гарры гыз, хытайы* || *тр-три, вахарман, аксүйт гавун, эмири, хожамырады, паендеки, дурнабат, загаравун, гараготур, бөгзады, кыркгүндүк, замы* и мн. др. Большинство таких семантических полей древнейшего характера; некоторые профессионально-терминологические компоненты имеют варианты в большинстве диалектов и говоров туркменского языка, другие — присущи только отдельным районам Туркмении. Например, в говорах ёмудского диалекта широко представлены термины и профессионализмы рыбоводства (*докыбалык* 'белуга', *бекре* 'осетр', *такгаз* 'сельдь', *чапакбалык* 'вобла', 'плотва', *топ* 'леиц', *гарабалык* 'судак', *йыланбалык* 'угорь', *тирана* 'севрюга', *кепир* 'сазан', *ййын, лакга* 'сом', *чүй* 'жерех', *муңчүрт* 'бычок', *маңчалча* 'кефаль', *азатмахи* 'килька', *сөп* 'шип', *чортакбалык* 'щука', *көпекбалык* 'акула' и др.), в марыйских говорах текинского диалекта широко распространена профессионально-терминологическая лексика бахчеводства, а в некоторых говорах западной степной части Туркмении — животноводства и т. д. Многие из этих слов в настоящее время прочно вошли не только в литературный туркменский язык, но и в состав так называемой зональной (этнографической) лексики русского языка, образуя особые зонально-профессиональные пласты. Так, не только в устах профессионалов, но и в устной разговорной речи широких слоев русского населения, живущих в Туркмении, встречаются туркменские слова, являющиеся географическими, хлопководческими, животноводческими терминами (например, *тапыр, кандым, арча, мия, нер, харман, курек, гуза-пая, яндак* и др.); слова, связанные с виноградарством, бахчеводством (например, *караузюм, гербац, ясмансалык; гуляби,*

вахарман, карры-кыз и др.); термины ковроделия, национального искусства, спорта (например, *багшы, дилли, туйдук, дугтар, гыджак, голуз, гореш* и др.). Однако широкое распространение профессионально-терминологической лексики в туркменском языке свидетельствует лишь о некоторых словарных особенностях профессионально-производственного характера, но не дают пока оснований для выделения особого производственно-технического стиля в современном туркменском языке.

В данный момент нет также достаточных данных для того, чтобы считать отдельным функциональным стилем научный стиль туркменского языка. Развитие отдельных отраслей науки в Туркменистане развивалось неодинаковыми темпами. Гуманитарные науки (языкознание, литературоведение, история) несколько опередили развитие естественных наук. Поэтому в гуманитарных науках раньше сложилась и своя специальная терминология. Некоторые из этих терминов — исконно туркменского происхождения — выражают понятия, связанные со спецификой истории и этнографии туркменского народа, особенностями его языка, например, *чатма* (вид шалаша), *гара өй* (черная кибитка), *дилли туйдук* (пастушья свирель из тростника), *гайтарма* (возвращение молодой жены в дом родителей на 30—40-й день после замужества).

Что же касается развития специальной терминологии естественных наук, то в этой области, несмотря на выпуск отдельных отраслевых словарей, чувствуется известное отставание. Издаваемая на туркменском языке специальная и сравнительно небольшая литература по естественным наукам носит преимущественно переводной характер.

Нет пока достаточных оснований и для выделения в качестве особых функциональных стилей туркменского языка научно-популярного и учебно-педагогического. В настоящее время в республике хотя и издается большими тиражами разнообразная учебно-педагогическая литература, но она пока еще не выработала специального стиля изложения.

Вообще следует признать, что функциональная дифференциация элементов, относящихся к научному и производственно-техническому стилю туркменского языка, еще лишь намечается. К отличительным признакам этого стиля в настоящее время относится преимущественно специальная терминология, которая, как мы уже указывали, развита к тому же далеко не в равной степени по отдельным отраслям науки.

Среди новых слов и выражений, возникших в стилях науч-

ного изложения за последние годы, встречаются обороты типа *автордан* 'от автора', *дузүжиден* 'от составителя', вводные слова: *биринжиден* 'во-первых', *икинжиден* 'во-вторых', *мениң пикиримче* 'по-моему', производные (отыменные) глаголы с интернациональными корнями типа *анализлемек* 'анализировать'.

Характерно также употребление однородных членов предложений с союзами и без союзов, сложносочиненных и сложноподчиненных предложений с союзами и союзными словами.

В создании научной терминологии туркменского языка чрезвычайно продуктивен процесс специализации значений — использования имеющихся в языке лингвистических знаков в новых терминологических значениях, например: *ат* 'имя' → 'имя существительное' (*лингв.*); *эе* 'хозяйин' → 'подлежащее' (*лингв.*); *бурун* 'нос' → 'мыс' (*геогр.*); *богаз* 'горло' → 'пролив' (*геогр.*); *мейдан* 'поле' → 'поле', 'сфера' (*физ.*): *электромагнит мейданы*; *хемра* 'спутник', 'товарищ по пути' → *спутник (астр.)*; *эмели хемра* 'искусственный спутник' и т. д.

Однако в некоторых случаях для дифференциации бытовых и терминологических понятий употребляются разные лингвистические знаки, например: *туршы*, *туршуҗа* 'кислота', (*быт.*) → *кислота* (*хим.*): *дуз кислотасы* 'соляная кислота', *күкүрт кислотасы* 'серная кислота'.

Исчезают старые описательные способы для выражения специальных понятий, ср., например: *көне гагыз*, *депдер ханасы* → *архив*, *гуйрыглы йулдыз* → *комета*²⁴.

Влияние русского языка и интернациональной терминологии ощущается преимущественно в сфере использования естественно-научных понятий. В настоящее время в туркменском языке прочно укоренились интернациональные названия для обозначения мер длины (*километр*, *метр* и др.), единиц веса (*килограмм*, *грамм*), названия таких отрезков времени, как 'минута' *минут*, 'секунда' *секунт* и другие, вытеснив старые обозначения. Интересно вспомнить в связи с этим путевые заметки туркменского писателя Анна Ковусова «Иранская погода», где он, описывая туркмен, живущих в Иране, рассказывает, что они даже не знают таких слов, как *центнер* и *гектар*²⁵.

Некоторые разновидности научного стиля, например, «язык» философских, социально-экономических и исторических исследований близок к общественно-политическому стилю.

²⁴ А. Алиев, К. Бориев. Русско-туркменский словарь, Ашхабад, 1929, стр. 11, 121.

²⁵ «Туркменская искра» от 31 августа 1966 г.

Стиль художественной литературы

Само название — стиль художественной литературы — является в известной мере условным и собирательным. Стиль художественной литературы занимает особое место в системе стилей языка. Это объясняется прежде всего тем, что язык в произведениях художественной литературы обладает не только коммуникативной, но и эстетической функцией и включает в себя в той или иной степени различные элементы, преимущественно лексического характера, выходящие за пределы современных литературных норм (слова и конструкции предшествующих эпох и диалектного происхождения, просторечные и жаргонные элементы, авторские неологизмы и т. д.).

Язык современной туркменской художественной литературы, в отличие от классической, впитывает значительное количество элементов разговорной речи, в том числе и ее диалектные разновидности. Вместе с тем, в туркменской литературе, особенно в поэзии, сохранились и некоторые традиционные художественные особенности классической восточной литературы.

В советское время развиваются новые жанровые разновидности туркменской художественной литературы со своими стилистическими особенностями. В развитии стилей современной туркменской художественной литературы велика роль таких мастеров слова, как Берды Кербабаяв, Караджа Бурунов, Молламурт, Ата Каушүтов, Ата Салих, Агахан Дурдыев, Дурды Клыч и многих других туркменских писателей. Если в дореволюционный период основным жанром были дестаны, то в советское время развивается туркменская проза, создаются первые повести и романы (Н. Сарыханов, Б. Кербабаяв, Беки Сейтаков, Х. Дерьяев).

Значительные изменения происходят и в туркменской поэзии: возникают новые жанры, новые стихотворные формы. Однако фонологические особенности туркменского языка (доля гласных, определенное размещение ударных слогов) еще недостаточно используются современными поэтами в качестве особых выразительных средств. Зависимость от предшествующей языковой традиции в поэзии проявляется особенно ярко в употреблении слов арабо-персидского происхождения.

Как и в стиле бытового общения, в поэзии нередки усеченные глагольные формы, стяженные формы притяжательных местоимений, широко распространена инверсия.

Например:

*Сынлаян, сынлаян беленди, песи...
Кешт эдйяң, айланяң дене — оуэзери,
Хиңденжиряп дөреш тутян ел билен...
...Сеңки ялы шейле тасин гаррылык
Гой, хемме-де несип этсин, Гыш ага*

(Халыл Гулыев, Гыш)

‘Наблюдаю, осматриваю возвышенности, долины,
Гуляю, объезжаю холмы и равнины,
Палевая, вступлю в борьбу с ветром...
...Такая удивительная старость, как твоя,
Пусть будет уделом всех, Гыш-ага!’

В драматургии чувствуется более сильное влияние живой разговорной речи, встречаются диалектные особенности, допускаются немало заимствований из русского языка. Некоторые нелитературные заимствования — межъязыковые жаргонизмы — используются как средство создания комического.

Произведениям художественной литературы свойственны не только широкий лексический диапазон, но и богатство синтаксических конструкций. За годы Советской власти в туркменском языке получили широкое развитие сложноподчиненные предложения, в частности, конструкция косвенной речи, в то время как в бытовом стиле все еще преобладает прямая речь. Предложения с косвенной речью встречаются и у туркменских прозаиков.

Стилю художественной литературы еще в большей мере, чем общественно-публицистическому и бытовому, свойственна экспрессивная окраска языковых средств.

Исследование этих экспрессивных оттенков имеет огромное значение для перевода. На это обратил внимание одним из первых в нашей республике А. М. Аннапуров²⁶, сравнивая, например, такие стилистические синонимы, как *эдим-гадам* ‘шаг’, *аял—зенан* ‘женщина’. При этом он подчеркивает национальную специфичность выразительных средств при сочетаемости слов, например, нельзя переводить сочетание *богатый урожай* как *бай хасыл*, необходимо: *бол хасыл*²⁷.

Однако эти экспрессивные оттенки в сравнительно-типологическом плане еще не изучены. Между тем некоторые сти-

²⁶ А. Аннапуров. Язык перевода трудов классиков марксизма-ленинизма и социально-политической литературы.—«Вопросы истории Коммунистической партии Туркменистана».—Труды ИМЛ при ЦК КПСС, т. IX. Ашхабад, 1963, стр. 131—147.

²⁷ Там же, стр. 147.

стилистические оттенки русских слов, помещенных в параллельных русско-туркменском и туркменско-русском словарях, не имеют тех же оттенков в туркменских эквивалентах и наоборот. Например: *самсыклык* переводится и как 'глупость', и как 'дурачество'; в словосочетании *гаракчылар топары* 'разбойничья шайка' само слово *топары* не имеет отрицательной эмоциональной окраски, в отличие от русского слова *шайка*, а приобретает его лишь в словосочетании; *санлыжа* переводится как 'считанный', теряя при этом уменьшительно-ласкательный оттенок. Характерно, что некоторые стилистические оттенки тесно переплетаются с семантическими. Поэтому так важно изучение различных форм семантико-стилистических соотношений в сравнительно-типологическом плане от слов-дублетов до семантических полей.

Язык художественной литературы в значительно большей степени, чем другие функциональные стили, представляет собой «открытую» систему. Он находится в тесном взаимодействии с другими функциональными стилями языка. В нем особенно ярко выступают различные стилистические разновидности в зависимости от жанра произведения, от индивидуальных особенностей автора.

Совершенно новой областью исследований в туркменской художественной стилистике является изучение эволюции писательского мастерства, наблюдения над особенностями индивидуального стиля не только в разные периоды творчества, но и при работе писателя над одним и тем же произведением.

В переводах произведений туркменской художественной литературы на русский язык, а также в оригинальных произведениях на «местные» темы, написанных по-русски, чувствуется влияние художественной стилистики туркменской литературы. Это отражается прежде всего в употреблении зональной лексики, передающей особенности быта и культуры туркменского народа. Для примера, остановимся лишь на некоторых заголовках произведений туркменской литературы и фольклора, переведенных на русский язык. «Девочка с гопузом» Х. Исманлова, «Бедняк и жадный ишан», «Добрый дайханин», «Чабан», — «Туркменские народные сказки» и т. п. Встречаются также специфические междометия, например: «Аю! Бахты-Гюль!» 'Где ты, Бахты-Гюль!' («Туркменские народные сказки»), особые обращения (*аги, эдже, гелин* и т. д.), традиционные формулы вежливости, о которых так хорошо сказал писатель Х. Дерьев: «Вежливость на Востоке—

прежде всего. Вежливость и неторопливость, хотя бы под тобой горела земля. Если ты сразу, минуя вековой ритуал, заговоришь о деле, тебя сочтут грубым невежей» («Судьба», Ашхабад, 1963). Но вместе с тем нередко чувствуется (в хороших переводах и в произведениях туркменских писателей, написанных на русском языке) и более глубокое, структурно-стилистическое влияние, которое проявляется в использовании специфических метафор, сравнений, пословиц и поговорок, а иногда и некоторых языковых конструкций. Так, например, при описании природы в романе Х. Дерьяева «Судьба» река Мургаб сравнивается с храбрым джигитом; весна «набрасывает новые халаты зеленого бархата на озябшие и голые ветки деревьев»; первые лучи «отважными батырами бросаются на черное чудище». А вот описание звездного неба, распростертого над пустыней: «Вверху бредет на запад звездное овечье стадо, бредет за горизонт в свой небесный загон. А на востоке возникают все новые и новые точки, и кажется, нет им числа и предела. Но это только кажется. Беспредельны лишь человеческие невзгоды». Здесь не только специфическая метафора, но чувствуется как бы ритмическое покачивание ваездника Мурад-ага, который медленно едет через пустыню, погруженный в свои печальные думы²⁸. Яркость и национальное своеобразие языка Х. Дерьяева в описании внешнего облика Сухана Скупого сохраняется и в переводе:

«Толстый коротышка, похожий на надутый бычий пузырь, показался у входа в кибитку. Его лицо было кругло и плоско, как деревянное блюдо для мяса, и так же жирно лоснилось».

К стилистическим средствам создания национального колорита можно отнести и устойчивые эпитеты, специфические для туркменского языка. Например: «Плохо одинокому цветку у проезжей дороги, чем ярче и ароматней, тем хуже ему. Может и добрая рука сорвать его, а может и любой бродяга плешивый стоптать» (Х. Дерьяев, «Судьба»).

Своеобразную прелесть повествования создают «свои», национальные ласковые обращения — «мой ягнечок», «мой верблюжонок» и т. п., которые обычно сохраняются и в переводе.

Особую роль в создании национального стилистического

---

²⁸ Приведенные здесь и далее примеры из романа Х. Дерьяева взяты из статьи Дж. Азимовой «О национальном своеобразии романа Х. Дерьяева «Судьба». — Изв. АН ТССР. Серия общественных наук, 1964, № 6.

своеобразия выполняют и некоторые конструкции: условные и повелительные предложения, а иногда в этой форме — национальные пословицы, поговорки, афоризмы, которые придают житейскую мудрость повествованию. Например: «Беды, навалившейся на собаку, не избежать и волку, — говорит Сары, бедный дайханин, из романа «Судьба». — Я ни разу не видел, чтобы пословица исполнилась, но, наверно, не зря ее умные люди придумали, не пришло еще время для такой пословицы». «Сам не позаботишься — из пустой миски плов есть будешь», — наставляет Огульнияз-эдже, героиня того же романа.

При переводе туркменских сказок на русский язык передается характерный национальный зачин: *Бир бар экен, бир ёк экен. 'То ли было это, то ли не было...'*; *Было это или не было — в далекие времена жил-был падишах по имени Ширванадыл* («Туркменские народные сказки»); *«Один говорит: было, другой говорит: не было, а вы послушайте, что я расскажу. Было вот как...»*.

Многие выразительные средства, характерные для произведений туркменской художественной литературы, тесно связаны с культурно-историческими особенностями жизни народа, своеобразием структуры туркменского языка и обладают ярко выраженным национальным характером. Изучение стилистического контактирования в условиях двуязычия имеет важное значение для теории перевода.

Одной из важных социолингвистических проблем является изучение культуры русской речи в национальных республиках Советского Союза. Эта работа начата и в Туркмении. В настоящее время выявлены некоторые фонетические (орфоэпические), грамматические и отчасти лексико-семантические особенности. Важное значение, на наш взгляд, имеют наблюдения над употреблением функциональных стилей русского литературного языка различными слоями туркменского населения. Если в дореволюционный период и в первые годы после Октября русский язык на территории Туркмении имел ограниченные функции, преимущественно коммуникативно-бытового характера, то в настоящее время, наряду с расширением общественных функций туркменского языка, сфера употребления русского языка также расширилась.

В начальный период распространения русского языка в Туркмении, когда грамотность населения даже на родном языке составляла всего 0,7 процентов, ни о какой культуре русской речи с ее стилистическими тонкостями нельзя было и мечтать. В совершенстве владели русским языком лишь

единичные личности (известный в свое время художник Назар Иомудский, первая женщина-туркменка, получившая высшее образование, Артыкгуль Текинская и др.).

Ушли в прошлое межъязыковые жаргонизмы типа *топрак кушай* 'умер', 'погиб', *курсак пропал* 'проголодался' и т. п.

В настоящее время туркменское население, говорящее по-русски, не ограничивается стилем бытового общения, овладевая постепенно элементами общественно-публицистического и официально-бытового стилей.

В русской речи туркмен отсутствуют не только диалектные орфоэпические особенности, но и диалектно-окрашенные лексические элементы. Проверка словаря по методу семантических полей среди студентов, приехавших из различных районов республики, свидетельствует о широком употреблении в их речи многих общественно-политических и официально-деловых терминов. Характерно, что функционально-стилистические разновидности слов и фразеологических оборотов, как правило, усваиваются скорее и легче, чем грамматические или орфоэпические нормы. Замечено также, что отличия в употреблении лексико-фразеологических единиц, обусловленных функциональными особенностями (типа: *прошу предоставить какие будут высказывания?* и т. д.), вызывают значительно меньшие трудности, чем семантико-стилистические отличия, связанные не только с переносными значениями слова, но и с некоторыми семасиологическими различиями русского и родного языков. Своеобразной стилистической ошибкой является употребление слов, не свойственных списываемой исторической эпохе. Например: *Радищева как отличника взяли в пажеский корпус*. Некоторые стилистические отклонения связаны также с изменением эмоциональной окраски слова и, как результат этого явления, — даже переосмыслением, например, *интересный человек* (с отрицательной эмоциональной окраской) в значении 'человек со странностями', 'поступающий не так, как другие'; *принципальный* (также с отрицательной эмоциональной окраской) в значении 'упрямый', 'с кем трудно договориться'. Отклонением лексико-стилистического характера следует считать и встретившееся нам несколько раз вместо *глупость* слово *дурачество* в предложении типа: *я сделал дурачество, что не записал шифра учебника*.

Нельзя считать стилистическими нарушениями в собственном смысле этого слова случаи смешения семантически близких в русском языке слов, но с дифференцированными значениями типа *идет—едет*, однако они довольно характерны

для стиля бытового общения на начальной стадии усвоения русского языка. Подобные ошибки объясняются влиянием туркменского языка, где вместо семантически дифференцированных слов имеется один лингвистический знак с общим значением. Например: *Эти книги он принес на автобусе* (вместо *привез*); *Этого человека принес мой брат* (вместо *привел*). *Он поставил журнал в ящик стола* (вместо *положил*). *Товарищ учитель, я остался...* (вместо *отстал, не успел записать*). Ср. соответственно в туркменском языке: *Шу китаплары ол автобусда гетирди* (в туркменском языке ситуативному значению глагола *гетирди* соответствует обстоятельственное слово *автобусда*). *Бу адамы мениң доганым өз яны билен гетирди. Ол журналы столуң яшигинде гойды. Елдаш мугаллым, мен галдым.*

Замечено также, что слово *адрес* (надпись на конверте) нередко употребляется в более широком, неспециализированном значении: всякая надпись, например, на тетради, в начале письменной работы и т. д. В связи с этим следует признать необходимыми различные наблюдения над функционированием в русском и туркменском языках семантически близких, но не совпадающих слов и конструкций.

Взаимодействие стилистических систем туркменского и русского языков в условиях языковых контактов представляет известный интерес и для выявления некоторых общелингвистических закономерностей.

1. Стилистическая дифференциация структурных элементов туркменского языка зависит от расширения его общественных функций и сферы использования. Развитие туркменского языка в советский период характеризуется поливалентностью, применением его во всех сферах общественной и культурной жизни. Взаимодействие русского и туркменского языков в условиях сотрудничества и равноправия наций не приводит к монофункциональному развитию языков, как это было свойственно предшествующим историческим эпохам (языки «бытовые», культовые, книжные и т. д.).

2. Формирование стилей туркменского литературного языка происходит в процессе его функционального и внутриструктурного развития.

3. Степень дифференциации стилистических средств туркменского языка, относящихся к разным сторонам языка, неодинакова: максимальная дифференциация наблюдается на лексико-семантическом уровне, минимальная — на фонологическом уровне. В научном и производственно-техниче-

ском стиле стилистические оппозиции на грамматическом уровне только намечаются.

4. Вместе с процессом становления отдельных стилей действует и противоположный процесс — взаимопроникновения и взаимовлияния стилей, различного использования функциональных единиц в зависимости от целей высказывания и речевой ситуации.

5. Взаимодействие русского и туркменского языков на территории ТССР оказывает существенное влияние на формирование функциональных стилей туркменского литературного языка. Оно проявляется наиболее ярко в формально-функциональном плане (официально-деловые документы, личная переписка и т. д.), но также имеет известную, хотя и ограниченную структурную проницаемость (возникновение вариативности языковых единиц и новых синонимических средств за счет заимствования лексем, калькирования слов и конструкций, семантических изменений, появления аллофонов у отдельных фонем и т. д.).

6. Границы между стилями относительно. Стилистические оппозиции на разных уровнях охватывают незначительный процент всего языкового материала. Взятые не сами по себе, а лишь в определенной системе, они составляют признаки тех или иных функциональных стилей.

Н. КОРЛЭТЯНУ
(Кишинев)

ПРОБЛЕМА СТИЛЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

(преимущественно на материале романских языков)

Развитие современного общества зависит во многом от темпов развития науки и техники. Новые достижения в этих областях, новые теории и гипотезы, новые машины и аппараты, новые формы организации труда — все это говорит о поступательном движении вперед современного общества, и язык как общественное явление должен отразить все это движение вперед.

Одной из важнейших задач современного языкознания является стилевая дифференциация литературных языков, представляющих главнейшие разновидности или аспекты соответствующих общенародных языков. Нет необходимости доказывать, что литературный язык меняет свое назначение, свои общественные функции в зависимости от исторических условий, в которых развивается данное общество. Когда складывались национальные языки ярко выступала у всех народов тенденция к использованию единой унитарной формы экспрессии для всего языкового коллектива. В советский период совершившаяся культурная революция содействовала тому, что не одиночки, а вся масса членов данной нации активно пользуется литературным языком во всех его аспектах, то есть всеми стилевыми разновидностями. При этом диалектически разрешается противоречие: устойчивость — развитие. Идет речь о так называемой «гибкой устойчивости» — как ее

некогда характеризовал чешский языковед, глава Пражского лингвистического кружка В. Матезиус.

Согласно общепринятой марксистско-ленинской трактовке, основная функция языка — коммуникативная функция — быть важнейшим средством человеческого общения, передавать человеческие мысли, то есть передавать определенную информацию. Однако эта информация, как правило, сопровождается и социальной информацией, указывая так или иначе и на социальное положение говорящего. Л. Н. Толстой писал, что «каждый должен говорить своим языком»¹, и это как отражение действительной, реальной жизни.

Цитируется такой французский анекдот, выявляющий социальное положение трех человек, которые по-разному передают одну и ту же мысль, и соответственно используют разные стилевые особенности. Идет речь о распоряжении подать машину какому-то начальнику. Лицо, находящееся на высокой социальной ступени и преисполненное почтения к начальнику, говорит: *Avances l'automobile du patron!* 'Подайте автомобиль начальнику!'. По-иному выражается служащий, который, находясь ниже рангом, является более равнодушным по отношению к своему начальнику. Он просит так: *Sortez la voiture du chef!* 'Выводите машину шефа!'. Рабочий, который без всякого почтения смотрит и на хозяина, и на машину, и на самый приказ, высказывается более резко: *Amenez la bagnole du singe!* 'Давай мотор обезьяны' (так иронически и, собственно, презрительно называет он хозяина)².

В данном примере идет речь не только о собственно социальной информации, но и об эмоциональной окраске данного высказывания.

Социальная и эмоциональная информация изучается в так называемой «внутренней стилистике», или нормы изнутри.

Совершенно прав Ю. Степанов, когда пишет: «Слова, стилистически окрашенные, — книжные или фамильярные, хвалебные или уничижительные, — воспринимаются такими только по отношению к стилистически не окрашенным, нейт-

---

¹ Лев Толстой. Об искусстве и литературе, т. 2. М., 1958, стр. 410.
² Пример взят из книги: Ю. Степанов. Французская стилистика. М., 1965, стр. 21—22.

ральным. Нейтральные составляют норму, на фоне которой воспринимаются отклонения»³.

При этом следует учесть и то, что в восприятии стилистических разновидностей, решающую роль играет зачастую подсознательная интуиция (стилевое разнообразие вообще воспринимается больше интуитивными способами). Мы подсознательно сравниваем данное слово, выражение, конструкцию с теми, которые находятся еще в резерве сокровищницы языка. Если же других вариантов не имеется, то уже слово не может обладать яркой стилистической окрашенностью. Субстантивальные, адъективальные, вербальные и другие языковые формации, имеющие богатые ряды синонимов, поддаются стилистическому варьированию. В молдавском языке, например, существительное *bot* (из венг. *bot*) 'морда' стилистически окрашивается как уничижительное слово разговорного стиля или даже просторечия на фоне устаревшего книжного *rost* (из лат. *rostrum*) 'уста' и нейтрального *gură* (из лат. *gula*) 'рот'.

В отличие от общенародного языка специфика литературного языка состоит в выполнении им особой функциональной задачи:

а) быть в данном обществе носителем культуры данного народа, то есть выполнять функцию самого общего средства общения в экономической и культурной жизни;

б) быть посредником во взаимобмене культурными ценностями данного народа с другими народами.

Выполнение этой двуединой задачи ставит перед литературным языком особые требования в охвате самыми тонкими экспрессивными особенностями, четко дифференцированными в функциональном стилевом аспекте. В этом плане становится понятным то большое значение, придающееся сейчас стилистике, которая «изучает исторически изменяющиеся тенденции или виды соотношений стилей языка, характеризующихся комплексом типичных признаков»⁴.

В современном языкознании значение рассмотрения лингвистических явлений через стилистическую призму никак нельзя недооценивать. На IX Международном съезде лингвистов в Кембридже Эмиль Бенвенист остроумно заметил, что в настоящее время названия всех лингвистических об-

³ Ю. С. Степанов. Указ. соч., стр. 22.

⁴ В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, стр. 5.

шеств и журналов должны содержать также слова «и по поэтике» (то есть по стилистике). На конгрессе подчеркивалось, что имеются три синхронные измерения для определения различий как между языками, так и внутри языков, а именно: географическое, социальное и стилистическое⁵. Общеизвестно также пристальное внимание, которое уделялось вопросам стилистики и на отраслевых конгрессах лингвистов (славистов, романистов, германистов и т. п.)⁶.

Несмотря на такой большой интерес к вопросам стилистики, все же до сих пор нет еще общепризнанного определения, характеристики и классификации стилевых разновидностей современных литературных языков.

Когда говорится о стилевой дифференциации, в основном, имеется в виду деловой, научный, газетно-публицистический, функциональные стили книжного языка. Кроме того, различаются стили разговорной речи⁷, обслуживающие сферу бытового общения. Элементом, принадлежащим к разговорной речи, свойственна непринужденность с оттенком фамильярности. Далее следует просторечие, которое вообще можно включить в общий фонд нелитературных элементов.

Все эти стилевые разновидности выделяются на фоне так называемого нейтрального стиля, который представляется в виде нормы. Языковые элементы этого стиля употребляются в различных функциональных стилях.

Обычно принято говорить, что «нейтральный стиль обладает семантической самодостаточностью»⁸ и этим самым он отличается от других стилей, которые не самодостаточны. Это означает, что в нейтральном стиле или норме имеются синонимические соответствия для всех лексических и грамматических значений, которые передаются в других стилях маркированными элементами. Существование этих синонимов играет роль мнимого контекста. Так, в молдавском языке слова разговорного стиля *будихаче* 'пугало', *коблизан*

⁵ Р. Якобсон, Итоги девятого конгресса лингвистов. — «Новое в лингвистике», вып. IV. Составил В. А. Звегинцев. М., 1965, стр. 583.

⁶ См.: Программы IV конгресса славистов (Москва, 1958 г.), V конгресса славистов (София, 1962 г.) и будущего конгресса славистов в Праге.

⁷ Л. В. Щерба. Современный русский литературный язык. — «Избранные работы по русскому языку». М., 1957, стр. 118—119; В. В. Виноградов. Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры. — ВЯ, 1961, № 4 стр. 13.

⁸ М. В. Панов. Стилистика. — «Русский язык и советское общество», Алма-Ата, 1962, стр. 96.

'здоровый парень', а *отинжи* 'огреть' выявляются на фоне нейтральных в стилистическом отношении соответствующих слов: *спериетоаре* 'пугало', *флэкэу* 'парень'. Что касается этих слов, то они не имеют синонимических средств для всех значений нейтрального стиля, то есть они не самостоятельны. В связи с этим возможны тексты двух типов. В одних имеются элементы только нейтрального стиля. М. В. Панов приводит в качестве примера таких текстов некоторые произведения М. М. Пришвина⁹. В большинстве же текстов на фоне элементов нейтрального стиля введены единицы стилистически маркированных единиц из других стилей.

Следует, однако, отметить, что нейтральность нормы является не абсолютной, а весьма относительной, и правы лингвисты, которые считают, что норма «это стиль не вовсе лишенный эмоционально-экспрессивных и социальных элементов, а лишь обладающий ими в меньшей степени, чем другие стили»¹⁰. В общем нужно добавить, что норма является одним из уровней языка, противопоставляющихся как абстрактной системе, структуре в целом, так и индивидуальной речи¹¹.

В советском языкознании четко отличаются стили языка от индивидуальных стилей или стилей речи. Первые принадлежат общенародному языку и определяются самим содержанием языкового общения. Что касается индивидуальных стилей, то они носят сугубо личный характер в зависимости от темперамента и образования каждого говорящего. В этом смысле два писателя или ученых, будут по-своему описывать одно и то же явление. Каждый писатель имеет свой индивидуальный стиль. (Речь идет об индивидуально-стилистическом использовании лингвистических элементов, бытующих в данном языке в определенном периоде его развития). Конечно, и индивидуальный стиль писателя должен быть рассмотрен в плане его развития, в его изменениях и колебаниях, в его применении к различным жанровым проявлениям.

«Проблема индивидуального стиля писателя связана с выделением того стилистического ядра, той системы средств выражения, которая неизменно присутствует в произведениях этого автора, хотя бы в пределах отдельного периода его творчества»¹². Стили языка являются основой в процессе

⁹ М. В. Панов. Указ. соч., стр. 97.

¹⁰ Ю. С. Степанов. Указ. соч., стр. 219.

¹¹ Там же, стр. 218.

¹² В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 80.

осуществления дифференциации стилей речи. Таким образом, стилистика языка тесно взаимодействует со стилистикой речи. «Однако было бы слишком узко, односторонне и даже ошибочно представлять речь по образу сосюрковского *parole*. Специфику *parole* составляют главным образом те языковые явления, которые находятся именно в речи, то есть в практическом применении языка. Это, во-первых, те явления, которые присущи речи как таковой. К ним относится, например, то, что в английских работах это только именуется *voicing* интонация, 'ритм'. Это, во-вторых, те явления, которые возникают в речи в зависимости от реальных условий задач и способов высказывания. К ним относятся, например, темп, паузы, эмфазис, фразовый акцент»¹³, «Стили речи — это прежде всего некие композиционные системы в кругу основных жанров или конструктивных разновидностей общественной речи»¹⁴.

«Стили художественной литературы, особенно реалистической, так или иначе соотносены, и часто и непосредственно связаны со стилями и стилистическими явлениями современного им языка и современной речи»¹⁵.

В нашей работе не этот аспект стилевой дифференциации будет рассмотрен. Мы попытаемся осветить некоторые вопросы, относящиеся к стилям литературного языка.

Внутренняя дифференциация стилей современных литературных языков может проводиться на основе различных принципов. Обычно говорится о функциональных стилях. Функциональные стили представляются в виде особых языковых систем и подсистем, которым свойственны определенные отличительные черты: 1) наличие подсистем внутри систем общенародных языков, 2) эти подсистемы складываются на протяжении исторического развития соответствующих языков. 3) элементы этих подсистем используются в определенных типичных ситуациях¹⁶.

Обстоятельство, в котором происходит коммуникация, как известно, называется ситуацией. От ситуации зависит и оценка, которая дается определенным языковым элементом.

¹³ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 14.

¹⁴ Там же, стр. 80.

¹⁵ Там же, стр. 35.

¹⁶ См.: В. В. Виноградов. О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX вв. — «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. V, 1946, стр. 225; Он же. Итоги обсуждения вопросов стилистики. — ВЯ, 1955, № 1, стр. 60—87; Ю. С. Степанов, Указ. соч., стр. 218.

От ситуации зависит также и выбор этих элементов. В ситуациях, которые считаются особо важными, используются обычно элементы высокого стиля, который привлекает, как правило, элементы книжного стиля.

В обычных ситуациях, где не имеются в виду особые обстоятельства, используются элементы разговорного стиля.

В случае отсутствия оценки ситуации используются языковые элементы нейтрального, самого общего стиля.

В качестве примера можно привести здесь такое соотношение стилистически маркированных молдавских союзов или союзных словосочетаний: книжный стиль—*деоарече, дат фиинд фантул* 'поскольку' и другие, разговорный—*кэ, центру кэ* 'учитывая, что' и другие, нейтральный стиль—*кэч, фииндкэ* 'ибо, так как' и т. п.

В современном состоянии развития литературных языков норма выступает в виде ряда подсистем. Во всех современных литературных языках выделяются три основные системы: а) книжная речь; б) разговорная или фамильярная; в) просторечие; г) в некоторых языках, в частности во французском, немецком, различаются также и *арго*¹⁷.

Данные системы выступают в виде функциональных стилей.

Однако, как пишет акад. В. В. Виноградов, «в слове функциональный» заключен двойной смысл. Оно может указывать на связь стилей с разными функциями языка или с теми или иными разновидностями коммуникативной функции, и на функциональное разграничение сфер употребления этих стилей¹⁸.

На основе ведущей коммуникативной функции выделяются, во-первых, разговорный (или обиходно-бытовой) стиль, который характеризуется своей коммуникативно-бытовой функцией. В этом плане разговорный стиль противопоставляется книжному стилю. В систему книжного стиля включаются подсистемы:

¹⁷ Среди основных работ по *арго* особо следует выделить книгу А. Duizat. — *Les argots Caracteres, evolution, influence*. Paris, 1929. (Последнее издание 1966). См. подробную библиографию об *арго* в книге: I. Iorga et al. *Linguistica romanica*. Bucarest, 1962, стр. 366—378.

¹⁸ В. В. Виноградов. *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*, стр. 7.

1. Научный¹⁹, или специальный стиль, который характеризуется своей научно-коммуникативной функцией. Это и книга на научно-техническую тему, и статья в научном журнале, и т. п. Научный стиль характеризуется особой строгостью в точном и адекватном использовании терминов, то есть таких единиц наименований, которые имеют определенное специфически ограниченное значение по отношению к потребностям языковой коммуникации в определенной отрасли науки²⁰.

Научный стиль характеризуется большим количеством абстрактной лексики, не допускает эллиптических конструкций. Здесь нет места для эмоциональных элементов. Правда, если идет речь о полемических научных произведениях, то тут, конечно, элементы эмоциональности играют большую роль. В этом плане можно упомянуть высказывания В. И. Ленина о К. Марксе:

«Писатель, с неумолимой объективностью показавший, что воззрения, скажем, Прудона являются естественным, понятным, неизбежным отражением взглядов и настроения французского *petit bourgeois* — тем не менее с величайшей страстью, с горячим гневом «накидывается» на этого идеолога мелкой буржуазии»²¹.

2. Публицистический (газетно- или журнально-публицистический) стиль, которому свойственна агитационно-коммуникативная функция. Идет речь о статьях в газетах и общеполитических журналах, об официальных речах на общеполитические темы и выступлениях на митингах, собраниях и т. п.

3. Официально-канцелярский (или деловой) стиль, характеризующийся своей документально-коммуникативной функцией. Это и законодательный акт, и воинский устав, и деловое соглашение. В деловом стиле нет места для образности, эмоциональности. Здесь используются строгие выраже-

¹⁹ В лингвистической литературе используются различные термины, имеющие почти синонимическую значимость: «стиль научной прозы», «стиль научной литературы», «научный стиль», а также «научная речь», «стиль научно-технической литературы». (См. Н. С. Бахтиярова. Об изучении стиля научной прозы. — Сб. «Особенности языка научной литературы». М., 1965). Из всех этих терминов, нам кажется наиболее целесообразным термин «научный стиль», который и будет использован в дальнейшем изложении.

²⁰ K. Hausenblas. K specifickým rysům odborné terminologie. — Sb. «Problémy marxistické jazykovědy». Praha, 1962, стр. 248—260, особенно стр. 258.

²¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, изд. 5, т. 2, стр. 547.

ния, четкие формулировки, которые не допускают двусмысленности.

4. Художественно-беллетристический стиль, или стиль художественной литературы, которому свойственна эстетико-коммуникативная функция.

Классификация и общая характеристика стилей может быть осуществлена и на основе важнейших общественных функций языка: общение, сообщение и воздействие. Так, на базе общественной функции общения можно выделить разговорный, или обиходно-бытовой стиль, а на основе сообщения — научный, официально-канцелярский стиль, и, наконец, на базе воздействия — публицистический и художественно-беллетристический стили.

Иногда стилевая дифференциация осуществляется и на базе противопоставлений структурного порядка. Имеется в виду синонимия парадигматических форм или синонимия словосочетаний и предложений и т. д.²² Ведь известно, что структура языка содержит большие возможности стилистического варьирования синтаксических конструкций и использования морфологических форм.

Стилистическая значимость выражается различными языковыми средствами. Нет сомнения, что стилевая дифференциация осуществляется, в первую очередь, путем использования стилистически маркированной лексики, то есть употреблением определенных лексико-фразеологических единиц в соответствии с теми или иными ситуативными контекстами²³. Ученый в своей научной работе оперирует другими понятиями, а значит и соответствующими лексико-фразеологическими элементами, чем публицист или рядовой говорящий. Стилиевые отличия выражаются, таким образом, лексическими, синонимическими выражениями, которые имеют свое начало в дифференцированном восприятии определенных оттенков содержания. Однако не только стилистически маркированная лексика участвует в процессе создания жанрово-стилистических вариантов литературного языка. Имеются более глубокие обозначения, почерпнутые путем синтезирования всех

²² В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, стр. 7.

²³ Весьма характерными для определения процесса отбора языковых средств с целью уместного использования той или иной лексической единицы являются такие стихи из былины «Илья Муромец»:

Да ведь слово, оно что «яблочко»;

С одного-то боку зеленое,

Так с другого боку румяное,

Ты умей его, девица, повертывать.

языковых средств, используемых как говорящим, так и писателем и которые исходят, в конце концов, из определенного отношения к действительности, из их мировоззрения. Грамматические модели, конечно, сохраняются во всех стилях.

Однако создаются отличные синтагматические формации в зависимости от выражаемого содержания.

В меньшей степени, но все же играет определенную роль в этом отношении и отбор морфологических средств (уменьшительно-ласкательные, увеличительно-презрительные суффиксы, глагольные времена и др.). Книжному стилю молдавского языка свойственно, например, использование форм простого перфекта, в то время как народно-разговорному стилю такая форма чужда.

Молдавский писатель XIX в. И. Крянгэ, произведения которого написаны в основном в народно-разговорном стиле, умело использует формы простого перфекта в стилистических целях для создания атмосферы торжественности²⁴. Использование оборотов имеет в русском языке книжный характер.

Многочисленные формы и варианты личных местоимений молдавского языка (2 и 3-го лица) хорошо приспособляются к стилистическому окрашиванию. На фоне нейтрального *ту* 'ты' имеется фамильярное *мата* (с вариантом *матале*), форма вежливости *думнята* (*домния та*) (с вариантами *думнета*, *думнятале*), посредством которой обращаются к лицам, находящимся на немного высшей ступени по должности или по возрасту. Ср., например:

Иоргуле, мэ рог матале
Дэ-й куйва вр'о чинч парале,
Сэ-ць тае нукул дин кале.
(Фольклор)²⁵

(букв.) 'Иоргу, я тебя прошу дать кому-либо немного денег, чтобы срубить орех с твоего пути'

Думнета, мошуле, кум ведем ной, кауць причинэ
(И. Крянгэ, Повесть поркулуй)

(букв.) 'Как мы видим, Вы, дядя, ищите повода для ссоры'

Местоимение 2-го лица единственного числа *думнявоастрэ* (*домния воастрэ*) с вариантом *думневоастрэ*, употребляется по отношению к совсем незнакомым лицам или же к тем, кто

²⁴ См.: Н. Корлятяну. Студии асупра системей лексикале молдовенешть дин аний 1870—1890. Кишинэу, 1964, стр. 436—439.

²⁵ См. журнал «Sezatoarea» Falticeni, Anul 3, 1894, стр. 22.

стоит высоко по социальной (должностной) ступени или же по возрасту.

Бунэ каля, Иване... Мулцэмек д-воастрэ

(И. Крянгэ, Иван Турбинкэ)

(букв.) 'Приветствую тебя, Иван. Благодарю Вас'.

Я ласэ, ласэ, мош Никифор, кэ аша сынтець д-воастрэ, бэрбаций (И. Крянгэ, Мош Никифор Коцкарюл) (букв.) 'Оставь, дядя Никифор, потому что вот какие вы мужчины»'.

Личное местоимение 1-го лица как в единственном, так и во множественном числе имеет лишь одну форму (*eu, noi*), и это вполне понятно, если учесть, что в отношении 1-го лица стилистическое варьирование не мыслится. Также не поддаются варьированию большинство числительных, которые имеют одну форму для каждого числа (*патрузечь ши ноуэ* 'сорок девять', *о сутэ чинчзечь* 'сто пятьдесят' и т. п.). Однако литературные формы числительного *дойспрезече* 'двенадцать', *трейспрезече* 'тринадцать', *патрусспрезече*, *пайспрезече* 'четырнадцать', *чинчзечь* 'пятьдесят' и другие противопоставляются просторечным формам соответственно: *дойшне*, *трейшне*, *пайшне*, *чинчзечь* и т. д.

Функциональные стили характеризуются и определенными отличительными фонетическими чертами. В данном случае речь идет о так называемых стилях произношения, материализованных в соответствующих типах произношения²⁶.

Разумеется, названные стили современных литературных языков не образуют замкнутые системы и не изолированы друг от друга. Они находятся в процессе постоянного взаимодействия и взаимопроникновения.

Для современных литературных языков характерна тенденция расширения нейтральных элементов, за счет как книжного, так и разговорного стилей. Многие единицы книжного стиля, в связи с ростом культуры и образования, переходят в нейтральный пласт. Идет речь о нейтрализации различного рода научно-технических терминов.

Если в 30-е годы нашего столетия в словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова такие слова, как *проблема*, *принцип*, *перспектива* и другие считались еще книжными, то русские словари наших дней (четырёхтомный толковый словарь С. И. Ожегова и др.) помету «книжный» сняли перед указанными словами, и таким образом передали их в ней-

²⁶ См.: М. В. Панов. О стилях произношения. — Сб. «Развитие современного русского языка». М., 1963, стр. 5—38.

тральный стиль. Не только подобные термины, но и определенные лексические элементы профессиональной речи входят в нейтральный, стилистически относительно немаркированный слой лексики.

В связи с огромными научными успехами в области космонавтики и с большим интересом самой широкой общечеловеческой к этим проблемам, много слов и словосочетаний терминологического характера получили через периодическую печать, радио, телевидение, научно-популярную литературу самое широкое распространение. Такие лексические формации, как *ракета-носитель, космический корабль, сурдокамера* и многие другие, используются широкими массами говорящих, включаясь в нейтральный стиль или норму.

Самое широкое распространение во всех языках получают слова, связанные с практикой и теорией революционной борьбы, партийной жизнью. В большинстве случаев идет речь о терминах, имеющих интернациональное распространение: *авангард, аграрный, гегемон, декрет, демонстрация, директивы, дискуссия, мандат, национализация, пленум, режим, эксплуатация* и др.

Многие языки заимствуют или калькируют из русского языка термины типа: *беспартийный, кружок* ('группа людей'), *наказ, попутчик, самокритика* и другие и включают их в нейтральный слой лексической системы.

В процессе исторического развития находится не только нейтральный стиль. Остальные стили также изменяются, развиваются. Характерной чертой современных языков является расширение границ разговорного стиля. Сюда включается ряд просторечных единиц, которые раньше находились за рамками литературного языка и вводились в художественную литературу лишь как функционально оправданные определенной ситуацией. Затем они потеряли эту стилистическую формированность, становясь элементами разговорного стиля вообще.

Стили литературного языка обладают определенными общими чертами. Однако границы между различными стилями не являются незыблемыми, ибо многие лингвистические элементы принадлежат одновременно к различным стилевым особенностям. Кроме того, в процессе развития некоторые термины могут перейти из одной области употребления в другую. Так, например, когда-то русское прилагательное *диалектический* производилось от существительного *диалект* и лингвисты говорили: *диалектические особенности, диалектическая дифференциация* и т. п. Поскольку прилагательное *диалектический* включается сейчас в такие философские термины как

диалектическая философия, диалектический материализм и другие, то в лингвистических работах были введены прилагательные *диалектный, диалектальный*²⁷.

Общность стилевых особенностей еще не означает, что различные стили полностью совпадают в использовании и обилии языковых элементов. Каждый стиль имеет свои характерные черты, которые и образуют специфику данной стилевой разновидности. Стиль художественной литературы, например, располагает в большей степени, чем другие стили, следующими чертами: образность, эмоциональность, в большей степени использует слова с переносным значением, больше прибегает к специальным синтаксическим конструкциям (эллипсис и т. п.), не отказывается от отдельных диалектизмов, просторечных элементов. Кроме того, художественный стиль использует в большей мере языковые средства других стилей: книжно-литературных, народно-разговорного и, в настоящее время, особенно, научно-технического.

Наблюдается интенсивное проникновение терминологической лексики в стиль художественной прозы. Речь идет о введении производственной лексики, терминологии колхозного строительства и промышленности. В художественных произведениях используются лексические элементы, которые называют различные аспекты процессов колхозного производства (*зяблевая вспашка, проверка на всхожесть, культивация, пасынкование* и др.). В художественную прозу проникает лексика, связанная с агротехнической культурой колхозного производства (*снегозадержание, научный севооборот, полеводство, междурядье* и др.); с наименованием удобрений (*циперфосфат, сульфат-амоний, селитра* и др.), а также со спецификацией различных культур (*безостая 1, кишиневская 5* и др.). Надо также выделить в современной лексике слова, характеризующие отдельные коллективы или лиц, участвующих в колхозном производстве (*колхоз-миллионер, мастера высоких урожаев, Герой Социалистического Труда* и др.). Включаются названия специалистов колхозного производства (*старший агроном, агротехник, зоотехник, свекловод, огородник, дояр(-ка), телятник* и др.). Наконец, здесь следует упомянуть наименования различных сельскохозяйственных машин (*комбайн, трактор, сеялка, культиватор* и др.). Различные области промышленности и транспорта находят также свое отражение в лексике современных литературных языков

²⁷ Л. В. Щербачев. Избранные работы по русскому языку. М., 1937, стр. 127.

(энергетика, водный режим, генератор, геодезист, гидромеханизатор, бульдозер, земснаряд и др.). В художественную литературу, описывающую события Великой Отечественной войны, проникают различные военные термины или слова военного обихода (оперативные схемы, фланговый маневр, артиллерийский обстрел, блиндаж и др.), а также военные звания (майор, лейтенант, старшина, сержант, радист, минёр и др.).

Особо следует сказать о широком проникновении в художественную литературу социально-политической лексики. Речь идет о тех словах, которые называют различные явления, связанные с пафосом борьбы за претворение в жизнь начертаний Коммунистической партии по построению нового, коммунистического общества, с героизмом советских людей во время войны и в мирное время (трудолюбивый энтузиазм, коллективный труд, строители коммунизма, ленинские принципы руководства, творческая инициатива, ударники колхозных полей и др.), с развитием науки, просвещения (индустриализация, анализ, радиоактивная вода, научный паспорт и др.), с борьбой за мир (денацификация, демократизация, демилитаризация, миролюбивая страна||народ) и т. п. В плане влияния публицистического стиля на общелитературный язык следует рассматривать расширенное использование именных конструкций типа: *ne drumul ascendent al ınalteil efiicienle economice* 'на восходящем пути высокой экономической эффективности', *sosiya ekiep noi stre ын Англия* 'прибытие нашей команды в Англию', *festivitelile din Коаста де Филдеш* 'торжества в Республике Берег слоновой кости' и т. п.

Во французской стилистике подобные конструкции включаются в так называемые *style—substantif* и рекомендуются в качестве синонимического варьирования для глагольных конструкций. Ср. *Ils cederent parce qu'on leur promet formellement qu'ils ne seraient pas punis, ils cederent a une promesse formelle d'impunite*²⁸. С. Ульман считает, что эти конструкции вошли в стилистическую норму современного французского языка²⁹.

В дореволюционное время в условиях царизма в языках так называемых меньшинств развивались народно-разговорный стиль и, в некоторой степени, стиль художественной литературы. Что касается научного, публицистического стилей, то они получали небольшое применение в прошлом, будучи использованными лишь некоторыми писателями класси-

²⁸ F. Legrand. *Stilistique française*. Paris, 1924. стр. 265.

²⁹ S. Ullman. *Précis de sémantique française*, Berne, 1952, стр. 143.

ками. Понятия о литературном языке и о языке художественной литературы в основном совпадали вплоть до конца XIX века с языком художественной литературы.

В советский период в связи с развитием литературных языков народов СССР их объем намного расширился, охватив и другие стили (научно-технический, деловой, публицистический и т. д.).

Для развития литературных языков советских народов и, в частности, для их становления и стилевой дифференциации большое значение имеет влияние русского литературного языка. Ведь ясно, что такие функциональные стили, как научный, публицистический, деловой и другие, развивались у многих языков народов СССР в большей степени под воздействием русского языка, сохраняя, конечно, при этом определенные специфические черты, сформировавшиеся вследствие тех тенденций, которые характеризовали историко-национальное развитие данных языков.

Воздействие русского литературного языка на формирование функциональных стилей современных литературных языков народов СССР и других европейских языков выявилось, в первую очередь, в пополнении этих языков лексико-фразеологическими элементами, необходимыми для реализации стилевой дифференциации. В большинстве случаев речь идет или о непосредственном заимствовании русских слов (*спутник, лунник, совхоз, колхоз* и др.), или же о калькировании слов по русским образцам (русск. *радиосеть*, молд. *реця де радио*, укр. *родіомережа*; русск. *тракторостроительный*, молд. *де конструе а трактоарелор*, укр. *тракторо-будівний*; русск. *мистера высоких урожаев*, молд. *маештри ай роаделор ыналте*, укр. *майстри високих урожаїв* и др.). Через посредство русского языка в национальные языки вошел ряд общественно-политических, научных, профессионально-производственных, технических, военных, дипломатических и других терминов и фразеологических оборотов из западноевропейских языков (*митинг, лидер* и др.).

Относительно влияния русского языка на европейские языки, следует вспомнить высказывание выдающегося французского лингвиста А. Мейе: «Превращение русского языка в великий литературный язык и мировое политическое значение России поставили его в новое положение: русские слова также стали проникать в западные языки, увеличивая словарь этих языков»³⁰.

³⁰ А. Мейе. Общеславянский язык (русск. перевод). М., 1951, стр. 412.

В русском языке находят свое происхождение многие слова и выражения, отражающие новый мир и новую жизнь, ее мысли, сформировавшиеся на основе марксистско-ленинской идеологии. Ср. молд. *ленинизм*, рум. *leninism*; фр. *leninisme*, нем. *Leninismus*, англ. *Leninism*; молд. *колхоз*, рум. *colhoz*, фр. *kolkhoze*, исп. *koljos*, нем. *kolhoz*, англ. *kolhoz*.

Нельзя не отметить, что проникновение в западноевропейские языки новой общественно-политической терминологии, выражающей все передовое, прогрессивное вызывает у ряда зарубежных лингвистов определенную реакцию, определенное чувство страха, и в связи с этим появляются у них пурристические тенденции. Они ратуют за изгнание или, по крайней мере, игнорирование русских заимствований советской эпохи в составе западноевропейских языков. В качестве примера приведу такой факт. Говоря о распространении новых слов после первой мировой войны, известный датский филолог-романист, автор шеститомной исторической грамматики французского языка Кристофер Нюроп со всей откровенностью писал, что «во французском языке появилось два русских слова (*большевик* и *совет*), которые вызывают большую тревогу, нежели любое французское слово. Они вошли в обращение к концу войны после падения царизма, которое ознаменовало начало великой социалистической революции в 1917 году.; однако они с быстротой молнии обошли весь мир... Слово *совет*... напоминает о создании совершенно нового государства и знаменует победу четвертого и даже пятого сословия над имущими классами... Не менее угрожающий характер присущ и слову *большевик*»³¹.

И все же, несмотря на предостережения подобных ученых, русский язык является в современном мире одним из основных источников международных языковых влияний. В подтверждение этого положения можно привести пример из американского толкового словаря, включающего много слов и выражений русского происхождения. В последних изданиях этой лексикографической работы имеются такие лексические единицы, как *soviet* (существительное и прилагательное) и его производные *sovietize*, *Soviet Russia*, *Union soviet*³², *sputnik*³³, *bolshevik*, *bolshevism*, *bolshevist*, *bolshevice*³⁴ и др

³¹ Кр. Нюроп. *Linguistique et histoire des moeurs*. Paris, 1924, стр. 245.

³² «Thorndike-Barnhart». *Comprehensive Desk Dictionary* edited by Clarence L. Barnhart, vol. II. New York, 1958, стр. 739.

³³ Там же, I, стр. 749.

³⁴ Там же, I, стр. 115.

Все эти и подобные им лексические и фразеологические единицы несомненно способствуют оформлению и дифференциации различных стилевых разновидностей.

Изучение стилевой дифференциации общелитературного языка, выдвигаемое на основе функциональной целесообразности, имеет большое значение как с теоретической, так и с практической точек зрения, ибо при использовании той или иной стилевой разновидности имеется возможность обнаружить определенные логические взаимоотношения между различными событиями или поведением, сводить их к единому логическому целому и сделать определенные выводы для выявления используемого стилевого варианта.

С теоретической точки зрения исследование функционально-стилевых особенностей дает возможность проникнуть глубже в понимание закономерностей развития литературного языка, ибо общеизвестно, что ряд явлений, появившихся вначале в стилистическом использовании, проникает затем в общую структуру литературного языка на синтаксическом уровне.

Среди языковедов распространен диктон «*nihil est syntaxis quod non prius fuerit in stylo*»—«нет ничего в синтаксисе, прежде чем не было бы в стиле». По-видимому, в таком же смысле следует рассматривать высказывание Ш. Балли³⁵ о том, что собственно синтаксические конструкции являются ничем иным как грамматизованными стилистическими оборотами, ставшими строгими формулами и схемами, хотя они были в начале индивидуальными языковыми особенностями, творчеством одного индивидуума³⁶.

В этом же плане рассматривая взаимоотношения между стилистикой и синтаксисом, И. Иордан указывает, что «стилистика—это аффективный синтаксис, а синтаксис—это интеллектуальная стилистика³⁷. Определенный стилистический прием может стать нормативной синтаксической конструкцией, и в данном случае этот прием утрачивает стилистическую маркированность. В сопоставительном плане можно рассматривать некоторые эквиваленты, допускающие буквальный перевод близких сегментированных конструкций

³⁵ Ch. Bally. *Le langage et la vie*, ed. 2. Paris, 1926, стр. 126, 132, 196 и др.

³⁶ Ср.: Ch. Bally. *Impressionisme et grammaire* «*Melanges d'histoire littéraire et de philologie* offert à M. Bernard Bouvier, Genève, 1920; Elise Richter. *Impressionismus, Expressionismus und Grammatik* — «*Zeitschrift für romanische Philologie*». XLV, 1, II, 1927.

³⁷ I. Iordan. *Stilistica limbii romane*. Bucuresti, 1944, стр. 20.

французского и русского языков. При этом наблюдается большая грамматизация топики и большая формальная нагруженность местоимений во французском языке, нежели в русском. Так, во французском языке обязательной структурой формулы вопроса является следующий типовой образец: *Cette expression vous semble-t-elle juste?* в то время как буквальный русский эквивалент 'Это выражение, кажется ли оно вам точным?' является стилистически маркированным в соотношении с соответствующим утвердительным предложением: 'Это выражение, оно мне кажется точным'³⁸.

В практическом плане стиливая дифференциация поможет определить функциональные особенности строя данного языка и найти соответствия в другом языке, если речь идет о сопоставительном изучении различных языков.

Однако проблема стилистической дифференциации литературного языка в общем плане мало изучена у нас и за рубежом.

В романских языках, как и в других индоевропейских языках, проблема стиливой дифференциации литературных языков также изучена недостаточно. Даже в отношении французского языка, о котором так много писалось французскими и нефранцузскими языковедами, и то имеется очень мало работ, в которых разрабатывался бы вопрос о функциональных стилях. Следует упомянуть несколько монографических исследований, в которых вопрос о стилях изучается в сопоставительном плане (французский и английский³⁹, французский и немецкий⁴⁰, французский и русский⁴¹).

Во французском языкознании в общенародном языке (*langue commune*) отличается литературно-правильная речь (*bon usage*) от просторечия—«неправильной речи» (*langue vulgaire*). Что касается литературно-правильной речи, то она подразделяется на книжный стиль с функциональными специализациями (административный стиль, юридический стиль, научный стиль и др.). Кроме того, к литературно-правильной

---

³⁸ См.: Л. И. Илья. Синтаксис современного французского языка. М., 1962, стр. 182; Е. А. Иванчикова. О развитии синтаксиса русского языка в советскую эпоху.—Сб. «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966, стр. 11—12.

³⁹ J.—P. Vinay et Darbelnet. *Stylistique comparée du français et de l'anglais*. Paris, 1958.

⁴⁰ A. Mallanc. *Stylistique comparée du français et de l'allemand*. Paris, 1961.

⁴¹ Ю. Степанов. Французская стилистика. М., 1965.

речи относятся также поэтический язык (*langue poétique*), язык художественной литературы (*langue littéraire*) и разговорный стиль (*langue familière*). К «неправильной речи» французские лингвисты относят собственно просторечие (*langue populaire*), аргю (*argot*) и как функциональную специализацию жаргоны (*les jargons*).

Из этой классификации следует исключить поэтический стиль, который не имеет самостоятельного существования ни в романских языках, ни в русском языке⁴². В русском языкознании вопрос о стиле художественной литературы вообще оспаривается некоторыми лингвистами (см. в работах Е. Г. Эткинд и Р. Г. Пиотровского⁴³), хотя он безусловно имеет право на самостоятельное существование, как это доказал В. В. Виноградов, Р. А. Будагов⁴⁴ и др.

Конечно, нельзя обойти вниманием нейтральный стиль, который охватывает частично как книжный, так и разговорный стили и на фоне которого, собственно говоря, и выделяются все остальные стилевые разновидности. Рассмотренный в синхронном плане нейтральный стиль не имеет во всех языках одинаковые отличительные черты. Ю. Степанов отмечает, например, что «французский нейтральный стиль оказывается сдвинутым в сторону книжной речи, а русский нейтральный стиль отодвинут от нее в сторону фамильярной речи»⁴⁵. Эти отличительные черты должны быть учтены при сопоставительном изучении стилей данных языков и в особенности при осуществлении переводов с одного языка на другой.

Разработка проблемы стилевой дифференциации требует, в первую очередь, синхронного анализа системы литературного языка.

Функционально-стилевые разновидности литературного языка выявляются в их взаимоотношениях и связях с историческим развитием жанров литературы. Поэтому необходимо изучить стилевую характеристику не только древних памятников (что касается молдавского языка, то это относится к

⁴² См. также критику В. В. Виноградова работ о поэтическом языке чешского ученого Б. Гавранка в кн.: В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959, стр. 115.

⁴³ Е. Г. Эткинд. Так называемый «стиль художественной литературы» и система функциональных стилей языка.—Тезисы докладов межвузовской конференции по стилистике художественной литературы». М., 1961; Р. Г. Пиотровский. Стилистика и методы математического языкознания. Там же.

⁴⁴ Р. А. Будагов. В защиту понятия «стиль» художественной литературы». —«Вестник МГУ», 1962, № 4.

⁴⁵ Ю. Степанов. Указ. соч., стр. 235.

XV-XVI векам), а надо иметь в виду средневековую литературу (молдавские летописцы XVII-XVIII веков). Следует учесть тот факт, что в этих литературных памятниках по-разному отражается народно-разговорная речь, книжно-письменная традиция и иноязычные элементы (ср. в этом отношении произведения Досифея (XVII век), И. Некульче (XVIII век), с одной стороны, и литературу XIX века (или классическую) — с другой. Особенно следует изучить вклад писателей-классиков в общий процесс выработки и закрепления литературных норм, вернее, кодификацию этих норм, имея в виду объективно существующие языковые нормы.

Наконец, необходимо изучить советскую литературу, язык и стиль крупнейших современных писателей, пути усовершенствования и обогащения изобразительных средств современного литературного языка, языка советского периода.

Все языковые уровни: лексика и фразеология, фонетика, морфология и особенно синтаксис литературного языка должны подвергнуться тщательному исследованию.

Изучая в диахроническом плане вопросы развития литературного языка, можно выяснить вопрос, в каком направлении развилась стилевая система. Ведь каждый период предъявляет различные требования к литературному языку и, следовательно, к оформлению различных стилей.

В наше время одним из ведущих принципов современной науки является взаимодействие, взаимопроникновение, сближение и сотрудничество различных отраслей научных знаний в использовании одних и тех же методов исследования. Наблюдается скрещивание лингвистических методов с литературоведческими, историко-филологическими, с философско-эстетическими. Использование методов исследования других наук ведет обычно к расцвету наук, ведет к тому, что в процессе скрещивания появляются новые отрасли науки и новые теории с широкими возможностями синтеза добытых данных. Все больше дают себя знать математические и, в частности, статистические методы в исследовании вопросов экономики, истории, филологии, в том числе вопросов стилиевой дифференциации⁴⁶. Основная цель, преследуемая применением точных методов в языкознании—это проверка достигнутых результатов с таким расчетом, чтобы как можно точнее приблизиться к выявлению действительной природы языковых фактов.

В ряде случаев статистические данные служат основанием для некоторых качественных выводов. Так, например, на ос-

⁴⁶ См.: «Тезисы докладов межвузовской конференции по стилистике художественной литературы». М., 1961.

нове большого материала общеславянского атласа предполагается статистическим методом установить степень языкового родства и различия славянских языков.

В процессе изучения дифференциации стилевых разновидностей литературных языков возможно применение количественного анализа языковых фактов с использованием математических (статистических) методов. Такой подход может быть использован для определения лексических пластов у того или иного говорящего или писателя с определенной целью стилистического окрашивания высказывания.

Подобный количественный анализ не должен стать самоцелью, он может быть лишь рабочим приемом, который должен привести к более углубленному качественному анализу языковой структуры. Таким путем должен быть достигнут всесторонний охват характеристики того или иного стиля.

«Статистические закономерности языка, сами по себе очень важные, хороши, однако, только тогда, когда они дополняют другие закономерности языка, определяемые его основными функциями: 1) быть средством общения; 2) быть средством выражения мыслей и чувств людей, живущих в обществе»⁴⁷. Кроме того, количественные методы исследования стилевых разновидностей литературного языка должны дополнять качественный анализ этих же фактов, черпать их из разных жанрово-стилистических текстов. В противном случае могут получиться весьма односторонние выводы. Слово *код*, например, может появиться тысяча раз в трех юридических текстах, в то время как в девяноста семи других он может ни разу не появиться. Из этого, однако, нельзя делать выводы об общераспространенности данного термина.

Характерная черта развития современных литературных языков — это их тенденция к интернационализации, которую следует рассматривать в плане взаимовлияния литературных языков. Это стремление в общем аспекте было отмечено еще К. Марксом. Большое количество социально-политических, научно-технических, химических, биологических, философских, лингвистических и других терминов носят интернациональный характер. Во многих языках они имеют сходную языковую форму, подчиняясь, конечно, законам словоизменения соответствующих языков. Перевод или калькирование подобных терминов в большинстве языков не производится. Еще Ф. Энгельс указывал: «Ведь необходимые иностранные слова,

⁴⁷ Р. А. Будагов. Фердинанд де Соссюр и современное языкознание. — «Русский язык в школе», 1966, № 3, стр. 18.

в большинстве случаев представляющие общепринятые научно-технические термины, не были бы необходимыми, если бы они подавались переводу»⁴⁸.

В категорию интернационализмов входят слова, принадлежащие к различным областям жизни, науки, техники, производства и т. п. Во многих случаях речь идет не о словах русского происхождения, а о словах, получивших широкое распространение и активизацию именно через русский язык в советское время. Ср. несколько категорий интернационализмов: *коммунизм, социализм, политика, нота, пакт, меморандум, консул, виза, ассамблея, дискриминация, параллелограмм, синус, тангенс, блюминг, экскаватор, экскалатор, агрегат, бункер* и др. Много слов интернационального характера относятся к государственному, политическому или социальному строю различных стран (*фракция, парламент, сенат, президент, премьер-министр* и др.).

Некоторые из этих слов бытовали и в дооктябрьский период, но в советский период они получили особое распространение в связи с расширением функций литературных языков советских народов.

Однако тенденция к интернационализации наблюдается не только в отношении лексики и фразеологии в виде создания международного лексико-фразеологического фонда, наличествующего почти во всех современных литературных языках. И в грамматике, и в стилистике имеются такие же стремления в создании сходных средств во многих языках и в сгращивании слишком своеобразных средств выражения, которые в большинстве случаев функционально могут быть заменены такими языковыми элементами, которые соответствуют и другим языкам. За последнее время все больше говорят об «языковых универсалиях», имея в виду общие черты, которые развиваются в различных языках мира⁴⁹. Устанавливается, что единство функций, выполняемых языком, обуславливает и известное единство в строе языков мира. Такие тенденции наблюдаются и в отношении стилистики.

Известно, что Ш. Балли говорил об общеевропейской стилистике, так как самые отдаленные, с точки зрения происхождения, языки проявляют удивительные стилистические

---

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. II, т. XIX. М., 1961, стр. 322.

⁴⁹ Ср., например, сб. «Universals of language» ed. by J. Greenberg Cambridge, 1963.

совпадения, которые объясняются, по мнению швейцарского лингвиста, сходными условиями общественной жизни у разных народов⁵⁰. Р. А. Будагов в связи с этим считает, что создание общеевропейской стилистики показало бы общие тенденции в развитии стиля современных языков⁵¹.

Проблема стилевой дифференциации современных литературных языков представляет, как уже было сказано, один из краеугольных вопросов языкознания на современном этапе у всех народов. В данной работе были затронуты лишь некоторые вопросы, которые, на наш взгляд, заслуживают особого внимания. Дальнейшие исследования в этом направлении приведут к более углубленному представлению столь важных лингвистических проблем.

---

⁵⁰ См.: I. Jordan. *Lingvistica romanica*. Bucuresti, 1962, стр. 331.

⁵¹ Р. А. Будагов. Наблюдения над языком и стилем И. Ильфа и Е. Петрова. — «Уч. зап. ЛГУ». Серия филологических наук, вып. 10, 19.

Н. И. ТОЛСТОЙ
(Москва)

К ВОПРОСУ О ЗАВИСИМОСТИ ЭЛЕМЕНТОВ СТИЛЯ СТАНДАРТНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ОТ ХАРАКТЕРА ЕГО «СТАНДАРТНОСТИ»

(на материале славянских языков)

В заглавии нашей статьи содержатся три основных термина — стиль, стандартный литературный язык и стандартность, обозначающих явления или феномены разного порядка. Из них первые два давно вошли в научный оборот и стали многозначными, третий — только вводится в научную терминологию и завоевывает право на существование. Именно поэтому каждый термин-понятие требует сейчас своего «рабочего» определения, хотя бы краткого и подчиненного оставленной общей проблеме.

Элементы стиля. Стиль. Стилистика. В качестве исходной, «рабочей» хотя и достаточно абстрактной дефиниции стилистики можно принять определение Л. В. Щербы¹, которым оперируют В. В. Виноградов² и многие другие лингвисты. Л. В. Щерба не считал, очевидно, это определение полным и окончательным, так как привел его попутно, вместе с общими рассуждениями о современном русском литературном языке. «Русским филологам, — отмечал Л. В. Щерба, — предстоит еще большая работа по созданию настоящей полной стилистики русского литературного языка. В этой стилистике русский литературный язык должен быть представлен в виде концентрических кругов — основного и целого ряда дополнительных, каждый из которых должен заключать в себе обозначения (поскольку они имеются)

¹ См. Л. В. Щерба. Современный русский литературный язык. Сб. «Избранные работы по русскому языку». М., 1957, стр. 121.

² См.: В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, стр. 7.

тех же понятий, что и в основном круге, но с тем или другим дополнительным оттенком, а также обозначения таких понятий, которых нет в основном круге, но которые имеют дополнительный оттенок. Из всего сказанного ясно, что развитой литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимичных средств выражения, так или иначе соотнесенных друг с другом»³

Иными словами, всякая стилистика зиждется на системе синонимов, на синонимике лексической, словообразовательной, морфологической и синтаксической, на синонимике слова, сочетания слов и текста, на синонимике основных единиц языка и их комбинаций. При этом очевидно, что лексическая синонимика оказывается главным или наиболее ярким показателем дифференциации **основного и дополнительных** (по терминологии Л. В. Щербы) кругов. Ей преимущественно и будут посвящены наши дальнейшие наблюдения и примеры.

Принципиально возможны и практически известны языки, лишенные синонимии, а тем самым и разных стилистических «функций», — языки, имеющие одну только функцию — общения (обиходно-бытовую), или только функцию сообщения (научную, или обиходно-деловую). Такие «языки» нельзя назвать литературными языками (стандартными литературными языками), так как они не обладают всеми функциями последних лет (см. далее стр. 127). В лучшем случае о них можно сказать, что они созданы на базе стандартных литературных языков. Бессинонимичными языками являются, например, различные искусственно созданные «минимальные» языки, скажем, японский язык для английских летчиков, изобретенный во время второй мировой войны, или русский язык органической химии, высшей математики, либо ядерной физики и т. п., где все термины однозначны, строго соотнесены с денотатами и друг с другом в одной стилистически нейтральной плоскости. Такой нейтральный научный язык, эмоциональный показатель которого равен нулю, можно трактовать как стиль лишь в сравнении с другими сферами проявления языка, ибо сама по себе нулевая стилистическая функция, взятая в системе других стилистических функций, становится функционально (стилистически) окрашенной (отмеченной) подобно тому, как оказы-

³ См.: Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 124.

вается значимым нуль морфемы в парадигматическом ряду других морфем. Так можно говорить об особой стилистической нагрузке и функционировании научных терминов, например, в поэтическом языке, скажем, в стихах А. Вознесенского, но нельзя говорить о таковой в книге М. И. Корсунского «Атомное ядро» (М., 1956).

Таким образом, стилистическая окраска, стилистическая отмеченность слова, которую многие лингвисты считают даже компонентом его значения, зависит, так же как и само значение слова, от места, которое слово занимает в определенной системе, или ряду слов. Для стилистики наиболее существенны и показательны синонимические ряды слов. Именно на них в первую очередь обращается внимание исследователей каждого отдельного литературного языка.

Дело обстоит гораздо сложнее в тех случаях, когда нужно переходить к проблемам сопоставительной стилистики родственных или даже неродственных литературных языков. Здесь уже нельзя ограничиться просто конфронтацией (сопоставлением) отдельных синонимических дифференциальных признаков отдельных членов ряда хотя бы потому, что такие ряды в разных литературных языках не всегда окажутся структурно однородными. В задачу исследователя будет входить также, а может быть, и прежде всего, определение характера «стандартности» сравниваемых стандартных литературных языков, от которого зависит характер стилистической структуры, стилистических возможностей, стилистический инвентарь, а тем самым и принципы выбора синонимических средств для различных стилистических регистров того или иного стандартного литературного языка.

Стандартный литературный язык. В отличие от Д. Брозовича⁴, для которого термин «стандартный» является по сути дела синонимом термина «литературный» и который применяет, хотя и с некоторой оговоркой эпитет «стандартный» даже к таким древним периодам, как период XVI века⁵, мы считаем возможным называть стандартным литературным языком лишь литературный язык в эпоху сформировавшейся

---

⁴ См.: Д. Брозович. Славянские стандартные языки и сравнительный метод.—ВЯ, 1967, № 1.

⁵ См. рассуждения Д. Брозовича (указ. соч., стр. 22—23) о древнем штокавском письменном языке, о словенском языке. П. Трубара. Хотя справедливости ради следует отметить, что в общем все построения Д. Брозовича относятся к современному этапу развития стандартных (литературных) языков.

нации, то есть в принципе видеть в этом термине тот же смысл, что и в термине национальный литературный язык⁶.

Возможно, что значительная часть спора вокруг этой проблемы возникла по мотивам терминологического характера. А. В. Исаченко, например, предлагал литературным языком называть исключительно язык, обладающий четырьмя свойствами: 1. поливалентностью, 2. нормированностью, 3. общеобязательностью для всего коллектива, 4. стилистической дифференцированностью, то есть лишь современные национальные литературные языки, а для более ранних эпох употреблять соответственно только термин «письменный язык» (см.: ответ на вопрос «Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов?» в «Сборнике ответов на вопросы по языкознанию». М. 1958, стр. 24). Но здесь, вероятно, принципиально более важен другой момент, который был акцентирован А. В. Исаченко. Важно четкое осознание не столько структурного, сколько функционального различия между литературным языком донациональной и национальной эпохи.

Естественно, что, когда речь идет о языках середины XX века, другим синонимом термина «стандартный литературный язык» окажется современный литературный язык.

Термин «стандартный язык—диалект» впервые ввел в нашу научную литературу Е. Д. Полыванов, который воспринимал его как синоним термина «литературный», или «общерусский». Он говорил о «стандартном общерусском языке дореволюционной эпохи», являющимся «социально-групповым диалектом интеллигенции» и о «языковом стандарте наших дней», — социальный субстрат которого значительно расширился. (См.: Е. Поливанов. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и в частности русского стандартного языка.—В сб. «За марксистское языкознание». М., 1931, стр. 119 и др.). Вероятно, термин «стандартный язык» можно было бы не вводить в обиход, сохраняя устоявшееся — литературный язык, если бы от последнего можно было создать производное *литературность*, в нужном нам смысле слова. Этим собственно только и можно объяснить наше стремление в ряде случаев заменять термин литературный язык термином стандартный. Другие доводы, изложенные Д. Бровиным (указ. соч., стр. 6—8), нам не кажутся столь существенными, тем более, что в нашей науке достаточно четко различаются понятия «литературный язык» и «язык литературы».

Стандартность литературного языка. Под термином «стандартность» предлагается понимать совокупность релятивных

⁶ О неправомерности употребления термина «национальный язык» без определения «литературный» см. в нашем ответе на вопрос (Създаване на койне в славянските езици и неговото влияние върху литературните езици» в сб. «Славянска филология», т. IV. София, 1963, стр. 46. См. также: С. Б. Бернштейн. К изучению истории болгарского литературного языка в сб. «Вопросы теории и истории языка», 1963, стр. 41. Мысли о том, что «национальный язык» без литературной формы есть по сути дела ненужная функция, была высказана мною еще на «Совещании по проблемам образования русского национального языка в связи с образованием других славянских национальных языков»—Москва, декабрь, 1960 г. (см.: ВЯ, 1961, № 2, стр. 159. Там же.—о неопределенности и нецелесообразности употребления терминов «язык народности» — «национальный язык»).

признаков (свойств) национального (стандартного) литературного языка, определяющих его характер через отношение к нестандартным феноменам (к диалектам, койне и т. п.), к другим стандартным языкам, наконец, к другим историческим состояниям (эпохам) того же самого литературного языка донационального периода.

Релятивными эти признаки называются потому, что они выявляются лишь в результате соотношения, притом одна их часть выявляется в синхронном плане, а другая — в диахроническом (их не следует смешивать или рассматривать линейно, равноправно).

К синхронным релятивным признакам следует отнести:

1. Наличие диалектной базы и близость к ней стандартного литературного языка.

2. Близость стандартного литературного языка к фольклорно-поэтическому койне. Естественно, при условии его наличия.

3. Наличие разных типов — **вариантов** стандартного литературного языка.

4. Наличие автономных по отношению к стандартному литературному языку «диалектных», областных языков.

Если взять современные славянские литературные языки и применить к каждому из них анкетный метод, то ответы на анкету о их «стандартности» будут различного, иногда прямо противоположного порядка.

На вопрос, имеет ли современный польский литературный язык диалектную базу, близок ли он к народно-поэтическому койне и имеется ли вообще таковое, существуют ли разные типы — территориально очерченные варианты польского литературного языка и существуют ли современные польские областные языки (то есть художественная литература на диалектах), во всех случаях последует отрицательный ответ. На эти вопросы применительно к сербскохорватскому литературному языку ответы будут во всех случаях положительные. Для сербско-хорватского литературного языка выявляется с достаточной четкостью и диалектная база, и тесная связь с народно-поэтическим койне, и наличие разных типов-вариантов — сербского (белградского) и хорватского (загребского), и существование областных языков (чакавского и кайкавского), на которых существует поэтическая литература. Применительно к современному македонскому литературному языку на первые два вопроса будет дан положительный ответ, а на последние два — отрицательный и т. д., и т. п.

К диахроническим релятивным признакам следует отнести:

1. Разрыв с традицией в истории литературного языка.
2. Перерыв в общем развитии литературного языка. Иначе говоря, случай, когда век или несколько веков литературного языка не существовало.

3. Смена диалектной базы в истории литературного языка.

Если говорить о положении вещей в плане их исторического развития, то, естественно, состояние предшествующих эпох (диахронические признаки) определило современное состояние (синхронные признаки), то есть синхронные признаки зависят от исторических. Так, например, наличие диалектной базы, точнее, значительная близость грамматической, лексической и фонетической системы литературного языка к системе конкретного диалекта обычно оказывается вызванной разрывом с традицией в истории данного языка, так же как наличие разных типов-вариантов литературного языка в общем является следствием смены диалектной базы в истории литературного языка.

В ряде случаев наличие перечисленных признаков диахронического порядка находится в зависимости от наличия (resp. отсутствия) признаков синхронного порядка в отдельных славянских литературных языках. Так, обращаясь к истории того же польского литературного языка, мы опять получим отрицательные ответы по всем признакам-показателям и обнаружим непрерывность развития польского литературного языка, его связь с традицией «золотого века», а также в общем и отсутствие смены диалектной базы, так как таковая вообще и для польского литературного языка старшего периода трудно или вовсе не установима. Применительно к истории сербскохорватского литературного языка мы дадим на первый и третий вопросы положительный ответ, отмечая тем самым разрыв с традицией и смену диалектной базы, особенно для хорватского (загребского) варианта сербскохорватского литературного языка.

Попытка выделить основные признаки-критерии для характеристики современных славянских литературных языков была сделана автором статьи в предварительном виде в 1965 году. Отмечались следующие критерии: 1. Отношение к традиции (к церковнославянскому языку и т. п.); 2. Отношение к диалектной базе: а) опора на одну, основную диалектную базу; б) попытка контаминации отдельных диалектных баз (с учетом степени отвлеченности литературного языка от диалектной базы); 3. Наличие областных литературных языков (или их отсутствие); 4. Наличие разных

культурно-языковых центров и их конкуренции (или их отсутствие); 5. Наличие городского койне — просторечия и т. п., влияющего на литературный язык (или его отсутствие); 6. Наличие устно-поэтического койне, влияющего на литературный язык (или его отсутствие). (См.: Н. И. Толстой, О последней попытке применения «общеславянской азбуки» к словенскому литературному языку.—Сб. «Проблемы современной филологии», М., 1965, стр. 261). В том же 1965 году независимо от наших наблюдений более четко сформулированную и более подробно разработанную, хотя не во всем, по нашему мнению, бесспорную классификацию предложил Д. Брозович на основе восьми критериев: 1. Наличие высокой степени автономности и черт искусственности стандартных языков (или их отсутствие); 2. Наличие перерыва в истории стандартного языка (или отсутствие такового); 3. Наличие гомогенной и диалектной основы стандартного языка (или негомогенность грамматической и лексической структуры основы); 4. Отсутствие влияния больших соседних или родственных славянских языков (или его наличие); 5. Отсутствие существенно различных славянских элементов (или их наличие); 6. Наличие свободного перехода между разговорным стандартом и интердиалектами; 7. Наличие дублетных норм, сосуществующих без ощутимой поляризации (или с ощутимой поляризацией); 8. Наличие всех функций и возможностей передать при помощи национальной языковой формы особенности интернациональной цивилизации (культуры). (См.: D. Brozovic, Vuk novostokavska folklorna Koine. «Slavia», XXXIV. ses. 1. Praha, 1965; стр. 4). Позже Д. Брозович выделил 15 критериев для классификации славянских «стандартных» языков, перечислять которые нет необходимости, так как она известна нашему читателю по статье «Славянские стандартные языки и сравнительный метод» (ВЯ, 1967, № 1). Отметим, что эта статья Д. Брозовича, так же как и предыдущие, повлияла в значительной мере на форму и сущность положений, изложенных нами в настоящей статье, но в то же время побудила к некоторым построениям и выводам Д. Брозовича отнестись с осторожностью. Так, не совсем ясно критерии выделения 15 признаков, которых может быть и больше и меньше, спорно приписывание «весов» — цифровых показателей признаков. Однако критический разбор принципов выделения 15 критериев мы оставляем для другого раза, так как он не связан непосредственно с темой нашей статьи.

Таким образом, наличие или отсутствие отдельных релятивных признаков, так же как и их соотношение в конкретном языке, характеризуют особенности литературного языка в целом—его «стандартность», равно как и специфику его стилистической структуры, в частности.

Если обратиться к более знакомому нам русскому материалу, то можно отметить, что современный русский литературный язык отличается устойчивой связью с традицией, выражающейся в наличии значительного числа архаических церковнославянских элементов.

Следует заметить, что понятия «церковнославянизм» и «архаизм» не синонимичны, хотя бы потому, что не все церковнославянские элементы в современном русском литератур-

ном языке можно причислить к архаизмам. Такие церковно-славянизмы, как *враг*, *плен*, *горящий*, *кипящий*, воспринимаются как обычные нейтральные слова современного русского языка, лишенные дополнительной стилистической окраски, в то время как их исконно-русские соответствия *ворог*, *полон*, *горючий*, *кипучий* ощущаются теперь как архаизмы или элементы высокого стиля, то есть одного порядка с таким и церковнославянизмами, как *град*, *глас*, *вящий* и т. п. Связь русского литературного языка с диалектной средневеликорусской базой опосредствована, а роль народнопоэтического койне в формировании его современного состояния, так же как и состояния в XIX веке, была минимальна. Современный русский литературный язык не имеет локальных типов-вариантов литературного языка, подобно тому как имел его украинский в XIX веке или имеет сербскохорватский в наши дни. Он обслуживает все сферы бытовой, общественной и государственной жизни и является языком интернациональным, языком межнационального общения. В рамках современного русского языка не бытуют местные, областные русские языки, служащие орудием локальной, областной литературы, или хотя бы только поэзии. Русский литературный язык не знал перерыва в своем историческом развитии в отличие, например, от белорусского или словенского литературного языка, а также смены диалектной базы подобно хорватскому литературному языку (позже хорватскому варианту литературного сербскохорватского языка).

Все это во многом определило характер стилистических средств русского литературного языка, в котором дифференциация в пределах синонимического ряда опирается на признаки **архаичности** (церковнославянизмы и т. д.) и **неархаичности** (=нейтральности), затем **нейтральности** и **просторечности** и т. п.

Если обратиться к примерам, приведенным в уже упоминавшейся работе Л. В. Щербы, то мы найдем такие ряды, как *хладный—холодный*, *пламень—пламя* (можно было бы добавить *огонь* и *поломя*), *лик* — *лицо* — *морда* — *рожл*, *вкушать—есть—уплетать* или *жрать*⁷.

В той же работе Л. В. Щерба привел одно очень тонкое и важное наблюдение. «Любопытно только отметить, — говорил он, — что в литературном языке почти что нет способов лока-

---

⁷ См.: Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 121.

лизовать точнее русские крестьянские диалекты; по-видимому, здесь превалирует социальная точка зрения. Так называемые **областные слова** (подчеркнуто мною. — Н. Т.), в значительном количестве вошедшие в русский литературный язык, имеют целью характеризовать действующих лиц как крестьян: таковы—*зипун* в смысле кафтан, пальто, *панева* в смысле юбка, *рушник* (ручное полотенце), *зимник* в смысле санный путь, *избоина* в смысле жмыхи, *редина*, *реднина* в смысле редкая ткань, *рядно* в смысле грубый холст и т. д.»⁸.

Иначе говоря, в современном русском языке «областные слова» в большинстве случаев только по своему происхождению являются областными, диалектными, ибо при употреблении в литературном языке они не ощущаются как специфически локальные, ограниченные определенным ареалом распространения.

Иное положение наблюдается в современном сербскохорватском литературном (стандартном) языке. В нем ощущается достаточно четкая локализация значительной части лексического фонда, выступающего обычно в двух вариантах: сербск. (белградск.) *хлеб* — хорватск. (загребск.) *kruh* 'хлеб'; сербск. *железничка станица* — хорватск. *kolodvor* 'вокзал'; сербск. *недела дана* — хорватск. *tjedan* 'неделя' сербск. *после* хорватск. парокон 'после' т. д.⁹

Таково положение в простом нейтральном стиле. Однако и вся стилистическая система сербскохорватского литературного (стандартного) языка строится по несколько иному, чем в русском литературном языке, принципу.

Если в русском литературном языке есть ряд *плат—полотенце—рушник* (церковнославянское — нейтральное—«областное»), то в сербскохорватском языке нет соответствующего по стилистическим параметрам ряда, а есть ряд *пешкир—убрус — ручник — отирач—(отарак)—личнак* 'полотенце', в котором первые два, пожалуй, можно признать равноправными литературными вариантами, — первый *пешкир* характерен для сербского (белградского) варианта, второй *убрус*, да, вероятно, и третий *ручник* — больше для хорватского варианта. Одновременно *ручник* можно рассматривать как об-

⁸ См.: Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 120.

⁹ См.: P. Guberina, K. Krstić. Razlike između hrvatskoga i srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1940.

ластное слово (юго-западное — герцеговинское и далматинское), но в полной мере областными окажутся боснийское сараевское *отарак* (отчасти *отирач*) и боко-каторское, южно-далматинское *личнак*, которые, однако, могут встретиться в художественной литературе и представлены в словарях.

Любопытно, что некоторые слова, относящиеся к разным вариантам стандартного литературного сербскохорватского языка, то есть только к хорватскому, или только к сербскому варианту, выступающие или выступавшие в роли междиалектных, или межязыковых синонимов и подлежащих часто переводу с одного варианта на другой¹⁰, постепенно входят в единую для всего сербскохорватского литературного языка, то есть для обоих его вариантов, общую более усложненную и дифференцированную лексико-семантическую систему. Напомним приведенный Д. Брозовичем для такого случая пример. Еще в начале нашего века в сербском варианте стандартного литературного языка для обозначения 'товарооборота' и 'средства сообщения' существовало только слово *саобраћај*, а в хорватском — только *promet*, теперь же и хорваты и сербы употребляют *promet* в одном значении 'товарооборот', а *саобраћај* в другом — 'средства сообщения между людьми'¹¹.

Таким образом, в формировании единой стилистической системы сербскохорватского литературного языка, в создании стилистически дифференцированных синонимических рядов основную роль играли противопоставления не по линии архаичности — неархаичности и, наконец, просторечности, как в русском — (церковнославянское — «общерусское» нейтральное «областное», просторечное), а различные межрегиональные «стандартно» варианты и междиалектные синонимы.

Это произошло потому, что во второй половине XIX века сербскохорватский литературный язык после реформы Вука Караджича и Людевита Гая оказался в каком-то смысле в роли младописьменного языка, а русский литературный язык оставался старописьменным, в связи с тем, что, как говорилось выше, сербскохорватский литературный язык в своей недавней истории имел достаточно резкий разрыв с церковно-

¹⁰ Ср. разные, белградское и загребское издания газеты «Борба». См. также статью: В. П. Гудков. О различиях между двумя вариантами сербскохорватского литературного языка. — «Советское славяноведение», 1965, № 3.

¹¹ См.: Д. Брозович. Славянские стандартные языки и сравнительный метод. — ВЯ, 1967, № 1, стр. 17.

славянской традицией (сербский вариант) и смену диалектной базы (хорватский вариант). Он установил в период своего формирования прочную связь с народно-поэтическим койне и до сих пор обладает не только двумя локальными типами-вариантами, но и, что самое примечательное, так называемыми «диалектными» чакавским и кайкавским поэтическими языками.

Если сербский (белградский) и хорватский (загребский) варианты единого литературного языка, сохраняя еще значительные различия в лексике и в общем незначительные в фонетике (орфоэпии), обладают единым грамматическим строем (морфологией и синтаксисом) и близкой фонетической структурой на штокавской диалектной основе, то фонетика, морфология, синтаксис и лексика чакавского и кайкавского языков (диалекта) довольно резко отличаются от штокавского. Как известно, эти различия, может быть, даже большие, чем между великорусским, белорусским и украинским диалектными типами.

Однако чакавский и кайкавский языки (или диалекты) можно очень условно назвать «литературными», ибо их функциональная сфера крайне ограничена. Они моновалентны, так как ими пользуются только в поэзии, они не распространяются на прозу, а тем более в сферу делового языка. Будучи жанрово ограниченными, они могут рассматриваться как дополнительные компоненты стилистической системы сербско-хорватского литературного языка, как особый поэтический язык с автономным лексическим и морфологическим составом и иной фонетической и акцентуационной структурой, дающей новые метрические рисунки, обогащающей возможности сербско-хорватской стихотворной речи. Наиболее крупные представители хорватской «диалектальной поэзии» чакавцы Тин Уевич, Владимир Назор, Марин Франичевич, кайкавцы Иван Горан Ковачич, Мирослав Крлежа — «двуязычны», то есть писали и пишут также на сербскохорватском литературном языке на штокавской основе.

Ю. Д. ДЕШЕРИЕВ
(Москва)

РАЗВИТИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИИ В МЛАДОПИСЬМЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Стилистическая дифференциация характерна для старописьменных, младописьменных и бесписьменных языков. К числу наиболее развитых и исследованных, например, старописьменных языков, обладающих особенно сильно развитой стилистической системой, относится русский язык¹. Бесписьменные языки на всех этапах их функционирования и развития подвергались стилистической дифференциации под стихийным воздействием социальных факторов, а также внутрискруктурных процессов: обслуживание разных обрядов (религиозных, свадебных, похоронных и т. д.) и жанров фольклора разными стилистически специализированными языковыми приемами и средствами.

Образование стилей в старописьменных языках в процессе расширения их общественных функций в далеком прошлом также происходило в основном под стихийным воздействием социальных факторов. Роль сознательно предпринятых обществом мер по регулированию процессов развития их стилистических систем была весьма незначительна. Однако в нашу эпоху общество более активно вмешивается в формирование и развитие стилистических норм старописьменных языков.

¹ В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959; Он же. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; Он же. Стиль Пушкина. М., 1941; Он же. Стиль прозы Лермонтова. М., 1941; А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965, и др.

Что же касается младописьменных языков, то в их стилистической дифференциации главную роль сыграли сознательно предпринятые обществом меры по расширению их общественных функций и ускорению процесса формирования разных стилей — функциональных стилей, а также стилей художественной литературы. В стилистической дифференциации младописьменных языков известную роль играют стихийно действующие социальные факторы, а также изменения, обусловленные внутренними законами развития языка.

Стилистические оппозиции главным образом характеризуют лингвистическую стилистику. Стилистику художественной литературы могут обслуживать как стилистически специализированные, так и неспециализированные языковые средства. Особые стилистические оппозиции могут формироваться и в области стилистики художественной литературы (применительно к специфике прозы, поэзии и драматургии). Здесь же мы ограничиваемся рассмотрением стилистических оппозиций в области лингвистической стилистики.

Наблюдается взаимопроникновение разных стилей и подстилей, смешиваются языковые средства, характерные для различных стилей. Например, в публицистический стиль проникают элементы разговорного языка, диалектизмы, термины, употребляемые в научно-технической литературе. В так называемом «низком стиле» смешиваются явления, характерные для разговорного нейтрального стиля, вульгарного, фамильярного подстилей и т. д. Особенности стиля научной литературы проникают в художественную прозу².

Таким образом, «признаки одного стиля частично повторяются в признаках другого, но, повторяясь, они одновременно видоизменяются»³.

Подобно фонологической оппозиции на всех уровнях структуры языка исторически могут формироваться совершенно иного типа оппозиции — стилистические оппозиции. Стилистические оппозиции относятся к числу важнейших признаков, определяющих степень развитости стилистической системы языка. При прочих равных условиях, чем больше стилистических оппозиций, тем развитее стилистическая система

² Н. В. Черемисина. О языке и стиле советской научно-художественной прозы. (Канд. дисс., рукопись). Харьков, 1953.

³ Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1958, стр. 401.

языка. В лингвистической стилистике теория стилистических оппозиций должна занять ведущее место. Довольно значительна роль стилистических оппозиций в стилистике художественной литературы.

Здесь мы вынуждены ограничиться краткой характеристикой стилистической оппозиции на разных уровнях языка. Сущность стилистической оппозиции заключается в следующем. Слово, его фонологическая структура, фонетическая структура, морфологическая структура, семантическая структура, структура словосочетаний и предложений могут обладать такими признаками, которые позволяют отнести определенную фонетическую, фонологическую структуру слова, определенную форму слова, словосочетания и предложения к тому или иному стилю. Стилистические оппозиции формируются в разных условиях, они могут наслаиваться одни на другие (например, семантические).

Стилистическая дифференциация языка (следовательно и стилистическая оппозиция) может быть обусловлена факторами разного характера, разного содержания. Основными из таких факторов являются: 1) факторы, связанные с социальной дифференциацией общества и вызывающие возникновение «социальных» стилей в структуре данного языка; 2) факторы, связанные с художественным восприятием и осмыслением действительности, с жанрово-стилистической дифференциацией языка и литературы; 3) факторы, касающиеся функциональной дифференциации языка в разных сферах жизни общества. Все эти факторы образуют разные аспекты, сферы, области общественного развития.

С факторами первой группы связаны ломоносовская теория трех стилей, которая в определенном аспекте отражала не только социальную дифференциацию русского общества того времени, но и заключала в себе «важное теоретическое зерно: стили речи соотносительны и прежде всего любой стиль соотнесен с нейтральным, нулевым; прочие стили расходятся от этого нейтрального стиля в противоположные стороны: один — с «коэффициентом» плюс как «высокие», другие — с «коэффициентом» минус как «низкие» (ср. нейтральное *есть* и высокое *вкушать* и низкое *жрать* и т. п.)»⁴. С факторами второй группы переплетаются стили художественной литературы. Наконец, факторы третьей группы обуславливают воз-

---

⁴ А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1955, стр. 110.

Что же касается младописьменных языков, то в их стилистической дифференциации главную роль сыграли сознательно предпринятые обществом меры по расширению их общественных функций и ускорению процесса формирования разных стилей — функциональных стилей, а также стилей художественной литературы. В стилистической дифференциации младописьменных языков известную роль играют стихийно действующие социальные факторы, а также изменения, обусловленные внутренними законами развития языка.

Стилистические оппозиции главным образом характеризуют лингвистическую стилистику. Стилистику художественной литературы могут обслуживать как стилистически специализированные, так и неспециализированные языковые средства. Особые стилистические оппозиции могут формироваться и в области стилистики художественной литературы (применительно к специфике прозы, поэзии и драматургии). Здесь же мы ограничиваемся рассмотрением стилистических оппозиций в области лингвистической стилистики.

Наблюдается взаимопроникновение разных стилей и подстилей, смешиваются языковые средства, характерные для различных стилей. Например, в публицистический стиль проникают элементы разговорного языка, диалектизмы, термины, употребляемые в научно-технической литературе. В так называемом «низком стиле» смешиваются явления, характерные для разговорного нейтрального стиля, вульгарного, фамильярного подстилей и т. д. Особенности стиля научной литературы проникают в художественную прозу².

Таким образом, «признаки одного стиля частично повторяются в признаках другого, но, повторяясь, они одновременно видоизменяются»³.

Подобно фонологической оппозиции на всех уровнях структуры языка исторически могут формироваться совершенно иного типа оппозиции — стилистические оппозиции. Стилистические оппозиции относятся к числу важнейших признаков, определяющих степень развитости стилистической системы языка. При прочих равных условиях, чем больше стилистических оппозиций, тем развитее стилистическая система

² Н. В. Черемисина. О языке и стиле советской научно-художественной прозы. (Канд. дисс., рукопись). Харьков, 1953.

³ Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1958, стр. 401.

языка. В лингвистической стилистике теория стилистических оппозиций должна занять ведущее место. Довольно значительна роль стилистических оппозиций в стилистике художественной литературы.

Здесь мы вынуждены ограничиться краткой характеристикой стилистической оппозиции на разных уровнях языка. Сущность стилистической оппозиции заключается в следующем. Слово, его фонологическая структура, фонетическая структура, морфологическая структура, семантическая структура, структура словосочетаний и предложений могут обладать такими признаками, которые позволяют отнести определенную фонетическую, фонологическую структуру слова, определенную форму слова, словосочетания и предложения к тому или иному стилю. Стилистические оппозиции формируются в разных условиях, они могут насланяться одни на другие (например, семантические).

Стилистическая дифференциация языка (следовательно и стилистическая оппозиция) может быть обусловлена факторами разного характера, разного содержания. Основными из таких факторов являются: 1) факторы, связанные с социальной дифференциацией общества и вызывающие возникновение «социальных» стилей в структуре данного языка; 2) факторы, связанные с художественным восприятием и осмыслением действительности, с жанрово-стилистической дифференциацией языка и литературы; 3) факторы, касающиеся функциональной дифференциации языка в разных сферах жизни общества. Все эти факторы образуют разные аспекты, сферы, области общественного развития.

С факторами первой группы связаны ломоносовская теория трех стилей, которая в определенном аспекте отражала не только социальную дифференциацию русского общества того времени, но и заключала в себе «важное теоретическое зерно: стили речи соотносительны и прежде всего любой стиль соотнесен с нейтральным, нулевым; прочие стили расходятся от этого нейтрального стиля в противоположные стороны: один — с «коэффициентом» плюс как «высокие», другие — с «коэффициентом» минус как «низкие» (ср. нейтральное *есть* и высокое *вкушать* и низкое *жрать* и т. п.)»⁴. С факторами второй группы переплетаются стили художественной литературы. Наконец, факторы третьей группы обуславливают воз-

---

⁴ А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1955, стр. 110.

никновение функциональных стилей. Для развития стилистических систем современных литературных языков народов СССР нехарактерно сколько-нибудь существенное влияние факторов социальной дифференциации общества.

В любом стиле могут быть представлены не только стилистически специализированные языковые элементы, но и, разумеется, нейтральные слова, фонемы, звуковые явления, морфологические и синтаксические категории. Причем нейтральные элементы в каждом стиле чаще всего оказываются преобладающими.

Например, «есть слова нейтральные, то есть, такие, которые можно употреблять в любом жанре и стиле речи (в устной и письменной речи, в ораторском выступлении и в телефонном разговоре, в газетной статье и в стихах, в художественном и в научном тексте и т. п.)...: *лоб, глаз, земля, гора, река, дом, стол, собака, лошадь, родина, есть, работать, спать*. По сравнению с такими нейтральными, стилистически не окрашенными словами иные слова могут быть или «высокого стиля» (*чело, очи, чрево, отчизна, конь, вкушать, умение*), другие же «низкого стиля» (*одежа, буркалы, котелок, брюхо, жрать, вздрючка, барахло, шандарахнуть, намедни*)»⁵ Список нейтральных и стилистически специализированных слов можно было бы продолжить.

И всё же всякий стиль в лингвистической стилистике характеризуют стилистически специализированные лексические, звуковые и грамматические элементы, явления. По словам Л. П. Якубинского, в поэтическом языке звуки «всплывают в светлое поле сознания»⁶. Р. Якобсон утверждал: «... диссимилиация плавных возможна как в практическом, так и в поэтическом языке, то есть это по существу два различных явления»⁷. Об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что стилистические оппозиции на фонетическом уровне могут проявляться и в стилях произношения. Например, в русском языке, по мнению М. В. Панова, произношение [*шыис'ат*] «шестьдесят» функционально является однозначным с употреблением слов *сотенка, голубчик* и т. п. (*дай-ка, голубчик* [*шыис'ат*] *вот этих, а еще лучше сотенку; шы'з'дэс'ат*) при-

⁵ А. А. Реформатский. Указ. соч., стр. 110.

⁶ Л. П. Якубинский. О звуках стихотворного языка. «Сб. по теории поэтического языка», вып. 1, Пг., 1916, стр. 17.

⁷ Р. Якобсон. О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. Прага, 1923, стр. 17.

дает речи ту же окраску, что и использование книжных и вообще слабоокрашенных слов «высокого» (стиля, произношение же [шѣ'з'дѣс'ат'] стилистически нейтрально)⁸.

Как отмечал М. В. Панов, «лексика современного литературного русского языка распределена между отдельными стилистически сопоставленными разрядами. Сопоставив ряды стилистически соотнесенных слов (*очи—глаза—гяделки; грядет—идет; простой—немудренный*), замечаем, что стиль в лексике — категория оценочная: на лексические значения слова наслаиваются какие-то дополнительные оценки»⁹.

В последнее время языковеды начинают заниматься исследованием стилистических оппозиций на лексическом уровне¹⁰, стилистическим анализом образных фразеологических выражений¹¹.

В стилистических целях используются категория времени¹², личные формы глагола¹³, типы словосочетаний¹⁴, порядок слов в предложении¹⁵ и т. д.

Каждый стиль обростает «своими» идиомами, экспрессивными словами, устойчивыми словосочетаниями, терминологическими фразеологизмами. Постепенно образуется, пополняется, расширяется особый «лексический фонд» каждого стиля, то есть фонд слов, обычно употребляемых только в данном стиле. В этот «фонд» включаются слова разного происхождения. Например, в русском языке обычно только в «вы-

⁸ М. В. Панов. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики).—Сб. «Развитие современного русского языка». М., 1963, стр. 15—16.

⁹ М. В. Панов. Указ. соч., стр. 5.

¹⁰ Л. Н. Дзекиревская. Система стилистических оппозиций лексических значений слов (на материале современного немецкого языка). (Канд. дисс., рукопись). М., 1965.

¹¹ Г. Х. Ахунзянов. О стилистических особенностях образных фразеологических выражений на материале современного татарского литературного языка). (Канд. дисс., рукопись). Казань, 1964.

¹² А. С. Шехтман. Грамматические функции перфекта и стилистические особенности его употребления в современном немецком языке. (Канд. дисс., рукопись). Харьков, 1953.

¹³ П. М. Погосян. Стилистические употребления личных форм глагола в современном армянском литературном языке. (Канд. дисс., рукопись). Ереван, 1960.

¹⁴ А. Ф. Ефремов. Стилистика словосочетаний.—Сб. «Вопросы синтаксиса и стилистики». Куйбышев, 1963

¹⁵ К. Г. Вазбуцкая. Семантико-стилистические особенности первого места в простом повествовательном предложении немецкого языка. (Канд. дисс., рукопись). Л., 1964.

соком стиле» употребляются слова *чело, очи, кормчий, зодчий, глашатай, сыны, родина-мать*. Последней формой этот стиль обогатился в советскую эпоху. В одной из разновидностей так называемого «низкого стиля», как правило, употребляются слова и идиоматические выражения типа *жрать, брюло, дурак, косой чёрт, ни бельмеса не понимает, пёс его знает* и т. д.

В функциональных стилях и подстилях (например, в научно-технической литературе) чаще всего встречаются термины, терминологические фразеологизмы (*авангард, аудитенция, баллотировка, импорт, экспорт, абсолютная истина, дипломатический курьер, анютины глазки, капли датского короля*).

В каждом стиле и подстиле (или разновидности стиля) возникают синонимы, слова-дублиеты (например, в русском языке: *больной и пациент, ввоз и импорт, вывоз и экспорт, захватчик и оккупант, языковедение, лингвистика*).

В то же время слова, обозначающие одни и те же понятия, в зависимости от их происхождения и форм могут относиться к разным стилям: в «высоком стиле» — *град, врата, страж, уста*, а в нейтральном стиле — *город, ворота, сторож, губы*.

Соотношение стилистически специализированных и неспециализированных элементов в каждом стиле может быть различным. Это зависит от степени развитости данного стиля, источников и истории его формирования. Степень стилистической дифференциации каждого стиля определяется соотношением нейтральных и стилистически специализированных элементов в каждом стиле. Независимо от количества тех и других элементов специфику данного стиля характеризуют главным образом стилистически специализированные языковые явления.

Образование тех или иных стилей в структуре языка зависит в основном от развития его общественных функций, то есть от социальной роли языка в жизни народа. Лингвистическая стилистика и стилистика художественной литературы, как и любая функция языка (экспрессивная поэтическая), призваны отражать жизнь общества во всей ее сложности, во всем многообразии ее проявления. «Но вместе с тем все более заметным становится стремление к выделению проблем стилистики в особый, в той или иной мере самостоятельный, объект исследований. И тут сказывается, помимо всего другого, воздействие тех исканий, которые имеют место в линг-

вистической стилистике как науке, изучающей стили общенародного языка, экспрессивное значение различных слоев лексик, синтаксических форм и т. д. Литературоведческая и лингвистическая стилистика различаются и по предмету и по приемам своего исследования, но в то же время они тесно соприкасаются друг с другом. Это взаимодействие, судя по всему, должно способствовать формированию и росту каждой из названных дисциплин»¹⁶. На это следует обратить особое внимание, исследуя процессы стилистической дифференциации языка, в особенности младописьменного. В этой связи очень важным является вопрос о количестве стилей и принципах, критериях их разграничения. Для нас здесь главными критериями служат стилистические оппозиции на разных уровнях структуры языка.

Исходя из изложенных выше принципов и теоретических установок, остановимся на анализе фактического материала, характеризующего процессы образования стилистических оппозиций на всех уровнях структуры языка, используя главным образом данные чеченского и ингушского младописьменных языков.

Рассматривая вопрос о стилистической дифференциации ингушского и чеченского языков, следует различать две формы его существования: разговорный язык и письменный, литературный язык (чтобы не усложнять анализ материала, мы не останавливаемся здесь на проблеме разграничения стилей языка и речи). Стили не совпадают с формами существования языка. В то же время процессы, происходящие в них, перекрещиваются.

В ингушском и чеченском разговорных языках представлены в основном следующие стили: нейтральный, фамильярный, вульгарный, стиль почтительного обращения, стили фольклора (басен, прозы, поэзии), стиль устного варианта письменного, литературного языка. Последний можно рассматривать как проявление в разговорном языке стилей литературного языка (публицистического стиля, стилей художественной литературы). Следует указать еще на стилистические вариации, характерные для религиозных, свадебных, похоронных обрядов. Эти вариации не получили сколько-нибудь существенного отражения в литературном языке. Таким образом, общенародный разговорный язык как форма существования языка в стилистическом аспекте неоднородный.

¹⁶ М. Б. Храпченко. О разработке проблем поэтики и стилистики. — Изв. АН СССР. ОЛЯ, т. XX, вып. 5. М., 1961, стр. 402.

Для ингушского и чеченского литературных языков, сильно отошедших в процессе своего развития от разговорных языков, характерны следующие стили: публицистический, учебно-педагогический (слабо развит), стили художественной литературы (прозы, поэзии, драматургии). Нейтральный стиль весьма слабо представлен в младописьменных литературных языках.

Здесь невозможно дать обстоятельную характеристику каждого из указанных стилей. Поэтому ограничимся общей характеристикой каждого из них и более подробно рассмотрим публицистический стиль как наиболее специфический, новый для этих языков и наиболее развитый в них.

В общей характеристике стилей, представленных, например, в чеченском разговорном языке и литературном языке, здесь можно сказать немного. Нейтральный стиль употребляется в семье, в повседневной трудовой жизни, в деловых сношениях, в общественной жизни. В этом стиле в большинстве случаев представлены исконные фонематическая система, фонетические законы, слова, морфологические формы и синтаксические конструкции, которые употребляются в основном значении и в первичных функциях. Например, в чеченском языке слова *цла*, 'дом', *говр* 'лошадь', *йетт* 'корова', *дечиг* 'дерево', *да* 'отец', *нана* 'мать', *корта* 'голова', *бѳаьрг* 'глаз' и т. д.

В фамильярном стиле сочетаются элементы, характеризующие панибратские отношения, интимный разговор, оттенки ласкательного значения, тон вольного обращения. Он применяется в интимной жизни, в дружеской беседе и т. д.: вместо *говр* можно сказать *тпручи* (ласкательное название лошади), вместо *корта* употребляют *туьта* (основное значение этого слова 'декоративная тыква', вторичное значение — 'череп'); в место *барт* (в значении 'рот', 'гугы', 'уста') *бага* (*бага* леян 'болтать', *бага глатто* 'разинуть рот', *бага а глиттош ладийгар* 'слушать разинув рот').

Вульгарный стиль применяют, когда ссорятся, бранятся, говорят о ком-нибудь с резко уничижительным оттенком: вместо *харцлуйьриг* ('неправдивый') употребляют *аьшпийн клур* 'лжец' (букв. 'дым лжи'): сравн. *иза харцлов* 'он неправду говорит', *иза харцлуйьриг ву* 'он неправдивый' (букв. 'он неправильно говорящий есть'). С одной стороны, *иза аьшпийн клур бу* 'он презренный лжец' (букв. 'он лжи дым есть'): вместо *бѳаьрзийн стаг* ('слепой человек') *бѳаьрзийн гуьриг* (букв. 'слепой пень') и т. д.

Стиль почтительного обращения отличается подбором слов, синтаксических конструкций, особой интонацией, замедленным темпом речи.

В литературных ингушском и чеченском языках сформировался и учебно-педагогический стиль на базе школьной практики преподавания на этих языках, издания учебно-педагогической литературы. Особенности этого стиля проявляются в терминологии, фразеологии, в фонематической и фонетических системах, морфологии и синтаксисе. Впервые была создана лингвистическая терминология, которая главным образом употребляется в этом стиле. В ней сочетаются заимствованные термины, термины-кальки и термины, созданные путем осложнения семантической структуры исконных слов: *грамматика*, *дифтонг*, *мукъанаш* 'гласные', *мукъазнаш* 'согласные'. Последние два термина-неологизмы; *лург* 'дающий' (форма причастия), 'дательный падеж' (новое значение); *дийриг* 'делающий' (форма причастия), 'эргативный падеж' (новое значение); *саттам* 'наклонение' (от глагольной основы *сатта* 'наклонить', 'согнуть'— калька) и т. д.

В этом стиле обязательным является произношение *ф* в заимствованных словах (*фабрика*, *физика*, *фильм*, а не *пабрик*, *пизика*, *пилм*) в отличие от фамильярной и вульгарной стилистических вариаций. В нейтральном стиле разговорного языка допускается произношение *фабрика* и *пабрик*, *фильм* и *пилм* и т. д.

В учебно-педагогическом стиле употребление таких форм заимствованных слов, как *фонетически*, *морфологически*, *грамматически* (например, *грамматически бакъонаш* 'грамматические правила'), является обязательным. Между тем, в нейтральном стиле разговорного языка обычно используют формы *фонетикан*, *морфологин*, *грамматикан*.

В процессе формирования данного стиля возникли такие типы словосочетаний и предложений (по форме и содержанию): *Лааме а, лаамаза а причастеш* 'независимые и зависимые причастия'; *деепричастеш хенашца хилар* 'времена деепричастий'; *дацараллаш (ца, за) причастица нийсаяздар* 'правописание отрицаний (ца, за) с причастиями' и т. д. Для краткости изложения мы не приводим аналогичных примеров из ингушского. Выше приведены лишь некоторые особенности рассмотренных стилей. Более детальный их анализ не может быть дан в этой работе.

Что же касается публицистического стиля, то он—продукт развития ингушского и чеченского литературных языков в

советскую эпоху. Он является в основном продуктом советской действительности, влияния русского языка, развития самих чеченского и ингушского литературных языков. Этот стиль сформировался на базе народноразговорных языков из следующих источников: заимствований из русского и через него из других языков, калек и других явлений, возникших под влиянием русского языка, а также из собственного исконного материала и укоренившихся старых иноязычных элементов. Сочетание, сплав всех этих элементов в структуре данного языка в соответствии в основном с внутренними законами функционирования этой структуры, и представляет собой публицистический стиль. Его своеобразие определяется и его содержанием, в котором отражается сама действительность, социальная жизнь. Поэтому публицистический стиль имеет много общего во всех литературных языках. Это общее сложилось под воздействием русской публицистики, произведений В. И. Ленина. Наряду со специфическими особенностями, характерными для каждого языка, он имеет много общего во всех языках народов СССР. Вот почему Л. А. Булаховский назвал его «стилем советской эпохи».

Далее рассмотрим стилистические оппозиции на всех уровнях ингушского и чеченского литературных языков, характеризующие этот стиль в сравнении с нейтральным стилем народноразговорного языка (в литературных младописьменных ингушском и чеченском языках слабо представлен нейтральный стиль. Публицистический стиль можно было бы сопоставить (в целях характеристики стилистических оппозиций на всех уровнях структуры языка) с другими стилями, представленными в рассматриваемых языках. В этом случае не удалось бы достаточно ярко показать возможные стилистические оппозиции на всех уровнях структуры языка. Так, стилистические оппозиции на фонетическом, фонологическом и морфологическом уровнях не так богато и разносторонне представлены в функциональных стилях, как при сравнении нейтрального стиля народноразговорного языка с публицистическим стилем литературного языка.

В публицистическом стиле или в стиле общественно-политической литературы богато представлена заимствованная интернациональная и русская терминологическая лексика. Из общественно-политических терминов, употребляемых в этом стиле, примерно 70—80% являются заимствованными. Многие

из них из публицистического стиля проникли в нейтральный стиль народно-разговорного языка, в котором они используются для формирования устной разновидности публицистического стиля (в народно-разговорном языке):

Нейтральный стиль
(народно-разговорный язык)

Публицистический стиль

<i>агитаци</i>	<i>агитаци</i>	'агитация'
<i>палиткружок</i>	<i>политкружок</i>	'политкружок'
<i>даклад</i>	<i>доклад</i>	'доклад'
<i>лиеци</i>	<i>лекци</i>	'лекция'
<i>камунизм</i>	<i>коммунизм</i>	'коммунизм'
<i>сациализм</i>	<i>социализм</i>	'социализм'

До революции в народно-разговорном языке эти слова не употреблялись. О формировании публицистического стиля в то время не могло быть и речи.

Сложным был путь формирования терминологической системы в публицистическом стиле. Стиль должен был отражать его и наилучшим образом соответствовать этому содержанию. Сама действительность требовала, чтобы в плане языкового выражения в этой системе гармонически сочетались особенности внутренних законов функционирования чеченского и ингушского языков с признаками формирования публицистического стиля общими для большинства литературных языков страны в советскую эпоху. Этот стиль в своей основе является стилем общественно-политической литературы. Следовательно, его терминологическая система состоит главным образом из общественно-политических терминов, созданных путем сознательно предпринятых обществом мер. В первый период развития ингушского и чеченского литературных языков эти термины далеко не всегда отвечали изложенным выше требованиям. Например, интернациональный термин *пролетарий* переводился на чеченский язык словом *хьацархо* (букв. 'погный'): *Хьацархой массо а мехкира цхьа барт биелаш!*¹⁷ 'Пролетарии всех стран, соединяйтесь!'. Впоследствии термин *пролетарий* был включен в чеченский литературный язык: *Массо а мехкийн пролетарийи, цхьабнакхета!* 'Пролетарии всех стран, соединяйтесь'¹⁸. В значении термина *капитуляция* употребляли слово *юкъястар* (букв. 'таллю развязать', то есть 'распоясываться', 'снять пояс'): *Цигахь Па-*

¹⁷ Газета «Serlo» («Свет») от 22 апреля 1925.

¹⁸ Газета «Ленинан некъ» («Ленинский путь») от 6 января 1967.

рижо юкь яьстира 'Там Париж капитулировал'¹⁹. В терминологическом словаре 1930 года этот термин дается в двух вариантах: *karitulācij*, *jisar dar* (букв. 'плен, делание'), *капитулировать* — *karitulācij jar* (букв. 'капитуляцию делать||делание'), букв. 'пленение делать'), *jisar dar* (букв. 'в руки идти', то есть 'сдаться в плен')²⁰.

В настоящее время в общественно-политической литературе, в словарях употребляются формы *капитуляци* 'капитуляция', *капитуляци яр* (букв. 'капитуляцию делать') или *капитулировать дан* (букв. 'капитулировать делать') 'капитулировать'.

Но и сейчас в отношении применения этих терминов нейтральный стиль, стиль почтительного обращения, фамильярная и вульгарная стилистические вариации разговорного языка противостоят публицистическому стилю литературного языка. В первых обычно употребляют *йисар дар*, *кери вахар* в значении терминов 'капитуляция', 'капитулировать'. При этом только в контексте можно определить, каким термином переводить слова *йисар дар*//*йисардар* и *кери вахар*//*керивахар* 'капитуляция' и 'капитулировать'.

В терминологической системе публицистического стиля преобладают заимствованные термины и термины-кальки: *интернационал* 'интернационал', *интернационализиаци* 'интернационализация', *интернационалист* 'интернационалист', *марксизм* 'марксизм', *ленинизм* 'ленинизм', *партактив* 'партактив', *партийни актив* 'партийный актив'; *партийни дахар* 'партийная жизнь', *партизански тлом* 'партизанская война' и т. д.

Часто создаются полукальки разного типа: а) производное или сложносокращенное слово состоит из заимствованной основы и основы, дословно переведенной на родной язык: *партболх* 'партработа', *партбелхахо* 'партработник'; б) один или несколько компонентов сложного термина переводятся дословно: чеч. *хьалхара конференци* 'первая конференция (РСДРП хьалхара конференци, инг. РСДРП хьалхара конференци 'первая конференция РСДРП'; чеч. и инг. *Хьалхари интернационал* 'Первый интернационал'; КПСС юьхьанцари организаци 'первичная организация КПСС' и т. д.; чеч. *хьалхара дуйненан тлом*, инг. *хьалхара дунен тлом* 'первая мировая война' и т. д. Некоторые термины полностью калькированы: чеч. *харжаман бакъо*, инг. *хоржомо бокъо* 'избирательное право'.

¹⁹ Газета «Serlo» от 19 марта 1927.

²⁰ А. Г. Масіјев, М. Д. Исламов. Noxcia juqhuralin terminologin desnin zajna. Sölz-ghala, 1930. стр. 117.

Возникают многочисленные термины-дублеты, заимствованные и созданные на почве родного языка: чеч. *переписчик* и *юхаяздархо* 'переписчик'; *перерасчет*, *юхаларар*, *юхахьесап дар* 'перерасчет'; *переучет*, *юхи ларар* 'переучет'.

В ингушском более широко употребляются заимствованные общественно-политические термины, чем в чеченском: инг. *перерыв*, чеч. *юкъахдалар* 'перерыв'; инг. *потребительски*, чеч. *хьашталлин* 'потребительский'; инг. *общество*, чеч. *юнъаралла* 'общество'; инг. *обществоведение*, чеч. *юкъариллин* *Илма* 'обществоведение' и т. д.

С ориентацией на общие тенденции развития терминологической системы публицистического стиля в языках народов СССР осуществляется орфографическая унификация исходных форм общественно-политических терминов: чеч., инг. *конкретни истина* 'конкретная истина'; *исторически материализм* 'исторический материализм'; *легальни марксизм* 'легальный марксизм'; *национальни собрани* 'национальное собрание' и т. д. Между тем еще в начале 30-х годов в чеченском языке писали: *istoriĵn materializm* 'исторический материализм', *baqĥollin marksizm* 'легальный марксизм'²¹.

Лишь немногие из приведенных терминов проникли в стили общенародного разговорного языка. Правда, интенсивно разворачиваются процессы образования варианта публицистического стиля в общенародном разговорном языке. Если в первый период формирования ингушского и чеченского литературных языков, как и в других младописьменных языках, наблюдался отход литературных языков от разговорных²², то в последние 15—20 лет они стали постепенно сближаться, особенно если учесть язык интеллигенции, школьной молодежи.

Публицистический стиль широко обрастает в обоих языках специфической фразеологией, особыми оборотами: чеч. *болх ца бечо яан ца йоу* 'кто не работает, тот не ест', *пхеашаран план деашарахь* 'пятилетний план в четыре года'; *халкъан контролан комитетехь* 'в комитете народного контроля'. Особенно это заметно в газетных штампах: *керлицу кхи-амашка* 'к новым успехам', *бахамаллин реформа—дахаре* 'хозяйственную реформу—в жизнь'; *ночи-гIалгIайчовнан сийнна—доттагIаллин вечер* 'вечер дружбы в честь Чечено-Ингушетии', *сийлахьчу деношна текхочуш* 'накануне славных

²¹ А. Г. Масиџев, М. Д. Исламов. Указ. соч., стр. 111, 145.

²² Ю. Д. Дешернев. Развитие младописьменных языков народов СССР, М., 1958.

дней', *шеран план—хенал хъалха* 'годовой план—досрочно', *республикан нефтяникийн боккха толам* 'большая победа нефтяников республики'²³.

В старописьменных языках стилистические оппозиции на фонематическом и фонетическом уровнях не так ярко проявляются как в младописьменных. В последних формирование этих оппозиций происходило и происходит на наших глазах.

В чеченском общенародном разговорном языке до сих пор трудно найти случаи фонематического противопоставления *n* и *φ*. Больше того, фонема *φ* почти не употребляется в стиле почтительного обращения (по отношению к людям старшего поколения), а также в фамильярной и вульгарной стилистических вариациях разговорного языка. В нейтральном стиле общенародного языка *φ* встречается как вариант *n* (*панар*||*фанар* 'фонарь', *пабрик*||*фабрик* 'фабрика', *пранесар*||*прафесар* 'профессор' и т. д.).

Напротив, в публицистическом стиле, особенно в речи двуязычной интеллигенции *φ* в заимствованных словах фонематически противопоставляется *n* и *b*: *фунт*—*пунт* (<русск. пунд), *база*—*фаза*, *пакт*—*факт*.

Тенденции формирования и развития публицистического стиля способствовали выработке норм произношения *рʹ* [pʹ], *лʹ* [lʹ] как особых мягких звуков в заимствованных словах: *секретарь* 'секретарь', *читальни* 'читальня', *фильм* 'фильм', *потребительски* 'потребительский'.

В публицистическом стиле (как и в стиле учебно-педагогической литературы) обязательным является соблюдение новых фонетических закономерностей, сложившихся в чеченском языке под влиянием главным образом русского языка: а) сочетание *ст* в начале слова: *статистика*, *стачка*, *статья*, *стачечник*, *стенограмма*, *стенографистка* и т. д. (такое сочетание встречается в исконных словах, наряду с их вариантами: *тигал*||*сигал*, *стигал* 'небо'; *стаг*||*саг*||*саг* 'человек'); б) *пл*: *план*, *пленим*, *плакат*, *планёр*, *пластинка*, *пластмасса*, *плотина*, *плюс*, *плитка*. В стилях общенародного разговорного языка сочетание *n* и *л* в начале слова не встречается (обычно говорят: *палан*, *палакат*, *паластинк* и т. д.; в) *пр*: *программа*, *протокол*, *пропаганда*, *пропагандист*, *претарий* и т. д.

Общие тенденции развития публицистического стиля (а также стиля учебно-педагогической литературы) способ-

²³ Газета «Ленин некъ» («Ленинский путь») от 1 января 1967, стр. 1.

ствовали овладению произносительными нормами даже таких слов, которые начинаются с трех согласных: *спр: справки, спряжени* 'спряжение' (в стилях общенародного разговорного языка второе слово не употребляется, а первое произносится с протетическим гласным); *стр: стратег, стратосфера, стратеги* 'стратегия', *страховани* 'страхование', *страховать дан* 'страховать', *стрелочник* (эти слова почти не употребляются в общенародном разговорном языке, за исключением интеллигенции и школьников) и др.

Заемствованные слова, для которых характерны следующие фонетические структуры, в основном употребительны в публицистическом и учебно-педагогических стилях: *социалистически* 'социалистический', *коммунистически* 'коммунистический', *исторически* 'исторический', *материалистически* 'материалистический', *советски* 'советский', *профессорски* 'профессорский' и т. д. (в стилях народно-разговорного языка им соответствуют формы *социализман, социализмачу, коммунизман, коммунизмачу, советан, советачу; форм социализмачу, коммунизмачу, советачу* употребляются во всех падежах, кроме именительного).

Стилистическая оппозиция возникает на разных участках морфологического строя — в системах склонения, спряжения, словообразования и т. д.

Эмоционально-экспрессивные оттенки стилистического значения слову может придать и «...грамматический элемент как суффикс ср. *-ик, -ище, -к* и другие в русском языке (*глазок, бородачище, головка* и др.), *-ү, -е, -еч* и другие—в английском (*Tommy, doggie, auntie, Municheer...* и др.), *-chen, -lein*—в немецком языке (*Zimmerchen, Bächlein* и др.); *-aille, elle, -ette, -ulle* и другие—во французском (*mangeaille, antiquaille, ruelle, hachette*)»²⁴.

Стилистическая оппозиция на морфологическом уровне проявляется и при использовании в разных стилях служебных слов как части речи, то есть морфологической категории: *ибо—так как, коли, кабы—если* и т. д.²⁵

Различение форм слов *мне и для меня, камни и камнями* в следующих фразах имеет не только грамматическое, но и сти-

²⁴ В. П. Мурат. Об основных проблемах стилистики. Изд-во МГУ, 1957, стр. 31.

²⁵ И. С. Ильинская. Из наблюдения над лексикой А. С. Пушкина—«Труды Института русского языка», т. 2, М., 1950, стр. 83.

листическое значение: *сделал мне и сделал для меня; швырял камни, швырял камнями*²⁶.

К новым явлениям, характерным для публицистического стиля (общественно-политической литературы), относятся возникшие во всех младописьменных иберийско-кавказских языках формы исконных и заимствованных определительных слов типа аварск. *националист* или *милляб* 'националист', даргинск. *нацияна* или *миллатле*, лакск. *национальный* или *нациялул*, *миллатурал*, лезгинск. *национальный*, абазинск. *национально*; кабардино-черкесск. *национально*, ингушск. и чеч. *национални* 'национальный'; *абхазск. аафициантэ* или *официалла*, лакск. *официальный*, ингушск. *официальни* 'официальный' и т. д.

Некоторые падежные формы стали выполнять новые функции в публицистическом стиле. В чеченском дательный падеж выступает и в функции отсутствующего в нем русского винительного падежа с предлогом *на*: *Оцо советски адамиин дог-сийла гIаттайо башха дикачу керлачу гIуллакхашна, турпалчу кьинхьгамна* 'Это вдохновляет советских людей на новые грандиозные дела, на героический труд'. В этой фразе в дательном падеже стоят слова *гIуллакхашна* 'на дела' (букв. *делам*) и *кьинхьгамна* 'на труд' (букв. *труду*).

Новые глагольные формы возникли сначала в публицистическом (газетном) стиле (в общественно-политической литературе): абазинск. *агитировать чпара*, чеч. *агитировать дан* 'агитировать'. По этой модели образуются в указанных языках формы глаголов *пропагандировать*, *организовать* и некоторые другие. В народно-разговорном языке чаще всего употребляются формы, образованные по существующей в языке модели: имя существительное + связка, например, в ингушск. *агитаци я(н)* 'агитировать' (букв. 'агитацию делать').

Заемствованное междометие *ура!* получило широкое распространение через посредство общественно-политической, публицистической литературы, особенностей публицистического стиля: чеченск. *Ура! бохуш мостагIчунна гIелетира уьш* 'с криком ура! они перешли в наступление на врага'.

В стилистической вариации, характерной для религиозных обрядов, пользуются другими междометиями: *йоаллах!*, *ва веза дела, гIодиехьа тхуна!* 'О, аллах. О, великий бог, помоги нам!' и т. д.

Приведенные выше и другие явления, характерные для

²⁶ А. М. Пешковский. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М., 1930, стр. 153.

стилистической оппозиции на морфологическом уровне, получили широкое распространение в разных стилях. Например, стилистические оппозиции на морфологическом уровне, возникшие в публицистическом стиле, впоследствии распространились в народно-разговорном языке, художественной литературе.

К числу наиболее важных признаков, определяющих степень развитости стилистической системы языка, относятся стилистические оппозиции на синтаксическом уровне. Они возникают в разных типах словосочетаний, оборотов речи, синонимических рядов, фразеологизмов, простых и сложных предложений. Однако основной сферой образования стилистических оппозиций на синтаксическом уровне является сфера различных типов словосочетаний, фразеологизмов, синонимии, сложных терминологических образований.

Рассмотрим стилистические оппозиции на синтаксическом уровне, сформировавшиеся в публицистическом стиле. Для данного стиля характерны некоторые типы словосочетаний: аварск. *официальный малумат*//*официальный хабар* 'официальное сообщение', даргинск. *инструкцияличи балбикахъили* 'в соответствии с инструкцией', *къаманала (тухумтала) бургала совет* 'совет старейшин'; лезгинск. *СССР-дин Верховный Совет-дин указ* 'Указ Верховного Совета СССР'; лакск. *экскурсия бай чIун* 'экскурсионный сезон', *социалистическое соревнование*//*социалист бяс* 'социалистическое соревнование'; табасаранск. *классик произведение* 'классическое произведение', *социализмийн реализм* 'социалистический реализм'.

Различными типами словосочетаний, возникших в советскую эпоху в общественно-политической, публицистической литературе, обогатились и абхазо-адыгские языки: абазинск. *арабоча класси крестьян кхаг вчва-бзазаг вчви рсоюз* 'союз рабочего класса и трудящихся масс крестьянства', *социальна аъеца* 'социальное положение'; абхазск. *асоциалистгэ ецц-либра* 'социалистическое соревнование', *агеорнеи апрактике реимадара* 'сочетание теории с практикой'; адыгейск. *къвалэ совет* 'городской совет', *класс бан* 'классовая борьба', *анти-религиознэ офшIзы* 'антирелигиозная работа'; кабардино-черкесск. *культурнэ укуэньгъэ*//*культурнэ строительство* 'культурное строительство', *оптимистическэ характер*//*оптимистическэ хъэл* 'оптимистический характер'. Анализируя эти простые примеры, следует иметь в виду, что мы имеем дело с младо-

письменными языками, которые до революции были бесписьменными.

Можно было бы привести различные типы словосочетаний, фразеологизмов, сложных терминологических построений, характеризующих специфические особенности стиля учебно-педагогической и научно-популярной литературы на младописьменных языках. Но мы вынуждены ограничиться рассмотрением текстового материала, показывающего стилистическое своеобразие языка общественно-политической публицистической литературы.

Чеченский язык:

Социалистически индустри — коммунизм материально-технически бух 'Социалистическая индустрия — материально-технический фундамент коммунизма'. Это калька, созданная по русским образцам.

Иштта доккха исторически маьна долуш, ерриге Советски Союзан социалистически экономикан гуллакхаш тебаргалашо йолуш бу хинца КПСС-н ЦК-н сентябрьски Пленумо тлезна сацамаш 'Принятые сентябрьским Пленумом ЦК КПСС решения имеют большое историческое значение, имея своей целью дальнейший подъем социалистической экономики всего Советского Союза'.

*КПСС-н ЦК-н сентябрьски Пленумо лаххийна дайоху халкъан бахаман урхалла дарахь ширгелла форманаш, юкъайоху и куьйгалла дарна тлехь демократически централизиан принципаш*²⁷ 'сентябрьский Пленум ЦК КПСС упразднил (букв. 'начисто убрал') устаревшие формы руководства (букв. 'увращения') народным хозяйством, вместе с тем решения этого Пленума дают широкий простор для применения принципов демократического централизма в улучшении руководства'.

Вся конструкция первого предложения специфична для публицистического «советского стиля». В нем только одно слово *бух* 'основа' (букв. 'дно'), представляющее собой кальку (неологизм в таком значении) является собственно чеченским; словосочетание *социалистически индустри* 'социалистическая индустрия' заимствовано из русского; конструкция *коммунизм материально-технически бух* 'материально-техническая основа (база, фундамент) коммунизма' в своей основной части восходит к русскому языку.

²⁷ Газета «Ленинан пекъ» («Ленинский путь») от 17 февраля 1965, стр. 1.

Конструкции второй и третьей фразы являются типичными для публицистического стиля, то же самое следует сказать об их лексическом составе: *экономика, Советски Союз, исторически, принципаи сацамаи* (неологизм) 'постановления', 'решения', о морфологических формах некоторых основ (*социалистически, демократически* и т. д.), о типах словосочетаний (*исторически майна* 'историческое значение'), *демократически централизман принципаи* 'принципы демократического централизма', *халкъан бахаман урхалла* 'управление народным хозяйством' и др.).

Ингушский язык:

Дукха деза повкъостий кхалнах, вай сийлахь йоккхача Советски Даьхен сий дола патриоткаш 'Дорогие (букв. много любимые) товарищи женщины, славные (букв. 'честь имеющие') патриотки нашей великой Советской Родины!'.

Сий дола къахъегамхой — болхлойи колхозницаши, Илман а, техникан а, просвещени а унаццено лораяра а, транспорта, торговле, общецтвенни питане, литература а, искусства а деятелаш—тха ноаной, доттастай, йижарий! 'Славные трудящиеся — работницы и колхозницы, деятели науки и техники, просвещения и здравоохранения, транспорта, торговли и общественного питания, литературы и искусства!'

Советски кхалнах, деррига Советски халкъ санна... клавца луш, коммунистически хъисапе доша, къахъога... 'Советские женщины, как весь советский народ, неустанно, по-коммунистически учатся, трудятся!'

Даькъала хийла низ бола вай Даьхе, машарие, демократен, социализман члоаггале! 'Да здравствует наша могучая Родина — оплот мира, демократии и социализма!'

В приведенных примерах из ингушского языка советизма-ми-неологизмаи, формировавшимися в публицистическом стиле, являются следующие типы словосочетаний: *новкъостий кхалнах* 'товарищи женщины', *Советски Даьхен сий дола патриоткаш* 'славные патриотки Советской Родины', *болхлойи колхозницаши* 'работницы и колхозницы'; *Илман а, техникан а, просвещени а унаццено лораяра а, транспорта, торговле, общественни питане, литература а, искусства а деятелаш* 'деятели науки и техники, просвещения и здравоохранения, транспорта, торговли и общественного питания, литературы и искусства'; *машарие, демократен, социализман члоаггале* 'оплот мира, демократии и социализма' и др.²⁶

Для публицистического стиля весьма характерными в

²⁶ Газета «Сердало» («Свет») от 8 марта 1960, стр. 1.

чеченском и ингушском языках являются сочетания определенных слов типа *социалистически* 'социалистический'; *советски* 'советский', *социальни* 'социальный' и *революционно-демократически* 'революционно-демократический' и т. д., которые с исконными и заимствованными словами, образуют особые типы словосочетаний, употребительные главным образом в этом стиле. Например, в чеченском: *советски халкъе долу керлачу шеран декъалдар* 'новогоднее поздравление советского народа', *Лакхарчу Советан Президиум* 'Президиум Верховного Совета', *социалистически Телацамаш Тлеэцна* 'взяли социалистические обязательства', *коммунальникийн профсоюзан группикоман председатель* 'председатель группикомма профсоюза коммунальщиков', *Серноводски минеральни хин заводан, Шелковски а, Шелана райпищескомбинатийн коллективаш* 'коллективы Серноводского завода минеральных вод, Шелковского и Шалинского райпищесторгов'. В этом примере мы находим сочетание определенных форм, употребительных главным образом в публицистическом стиле литературного языка (*Шелковски*) и нейтральном стиле разговорного языка (*Шелан*, т. е. '*Шалинский*', правда, форма *Шелан* выступает в двух основных функциях: *Шелан райпищескомбинат* 'Шалинский райпищескомбинат' (в функции определения при определяемом), 'райпищескомбинат Шали' (в функции родительного дополнения при дополняемом), которое (сочетание) объясняется следующими фактами: форма *Шелковски* заимствована из русского, форма же *Шелан* восходит к чеченскому народно-разговорному языку.

Как явствует из изложенного, стиль — это единство содержания и системы языковых средств его выражения даже применительно к лингвистической стилистике, к функциональным стилям. Стиль — это не просто оценка содержания. Оценка содержания — это лишь одна из особенностей стиля. Те или иные оценочные моменты (положительный, отрицательный, восторженный и т. д.) могут быть представлены в любом стиле, выражены системой языковых средств, характерных для всякого стиля. Важно главным образом, какое содержание оценивается, как оценивается, какой системой средств языкового выражения оценивается.

Разумеется, при этом можно в исследовательских целях анализировать отдельно, специально систему средств языкового выражения, как это делается и в этой работе, или содержание. Но в том и другом случае, исследуя систему средств языкового выражения данного стиля, следует помнить и

учитывать, какое содержание выражается данной системой языковых средств. И наоборот, изучая содержание (идейное, научное и т. д.), нужно обращать внимание на систему языковых средств выражения рассматриваемого содержания. Это «взаимный контроль», «взаимный учет» цели и средств ее выражения, содержания и системы языковых средств его выражения имеет *принципиальное* значение. Например, системой языковых средств выражения содержания фамильярного стиля нельзя пользоваться в чеченском языке для выражения содержания стиля почтительного отношения и т. д. Здесь, как и во всех сферах применения языка, возможны разные пути взаимопроникновения разных стилей и средств их выражения.

Для младописьменных языков в общем плане наиболее характерным является противопоставление разновидности устного языкового стиля или устных языковых стилей разновидностям письменного языкового стиля или письменным языковым стилям²⁹.

---

²⁹ Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1958, стр. 395.

Б. А. КАРРЫЕВ
(Ашхабад)

МАХТУМКУЛИ И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

Туркменский язык и литература складывались в течение веков и в истории своего существования претерпели огромные изменения. Вместе с расширением общественных функций языка и литературы развивались и совершенствовались их стили.

До эпохи образования самой туркменской нации круг функций, сфера жанрово-стилистического применения туркменского языка и литературы были ограничены.

Появление речевых, поэтических стилей и их постоянное совершенствование связаны с развитием функции туркменского языка и письменной литературы в различные исторические периоды формирования и развития туркменского языка и художественной литературы. В создании разнообразных стилей огромную роль играли и играют выдающиеся представители национальной культуры, среди которых первое место занимает Махтумкули Фраги.

Расцвет туркменской классической поэзии относится к XVIII—XIX векам. Объясняется это многими обстоятельствами, в том числе сдвигами в социально-экономической жизни туркмен, постепенным ростом народного самосознания, усилением тенденций объединения страны во имя отпора иноземному врагу. Некоторой консолидации сил туркмен способствовали, в частности, распри и борьба за власть в соседних государствах — Иране, Хиве, крушение кровавой империи Надир-шаха (1747 год). Иначе говоря, формирование и подъем литературных сил Туркмении были подготовлены общим историческим развитием.

Богатое по своему идейному содержанию и художественной форме творчество Махтумкули явилось определенным этапом и в то же время вершиной в развитии туркменской классики. Его поэзия питалась соками устной и письменной литературы туркмен и некоторых других народов Востока, складывавшейся на протяжении веков. Велика роль Довлет-Мамеда Азади, отца Фраги, в формировании мировоззрения и поэтического творчества прославленного сына.

Азади является автором ряда лирических стихов и единственного в туркменской литературе трактата в стихах «Ваги-и-Азад» ((1753—1754 годы), посвященного многим актуальным вопросам патриархально-феодалного общества туркмен XVIII века. Сочинение Азади, написанное традиционным живым языком, распадается на четыре главы, в соответствии с затрагиваемыми в них вопросами современности.

Махтумкули родился в ту эпоху, когда грозный шах Ирана Надир совершал кровавые походы на племена и народы Средней Азии, Афганистана, Кавказа и Индии.

Неутомимый поборник и искатель правды, Махтумкули совершает неоднократные путешествия по Средней Азии, Афганистану, бывал в Иране (туда он попадал и в качестве пленника), на Кавказе и т. д. Эти поездки расширяли кругозор поэта, непосредственно знакомящегося с бытом, нравами, условиями жизни и культурой близких и дальних соседей. В его стихотворениях и поэмах встречаются названия многих стран и народов. Примечательно, что Махтумкули питал большую симпатию ко всем народам, независимо от их расовой или религиозной принадлежности. В деле утверждения туркменской классической поэзии и письменной речи он провел примерно такую же работу, какую Данте, Назои-Физули провели по отношению к своей литературе и литературному языку.

Махтумкули конкретизировал, углубил и развил дальше положительные мысли Азади о государстве, о благоденствии страны и благополучии народа, выдвинув целый ряд новых вопросов общественно-философского, морально-этического и гуманистического характера.

Одна из отличительных черт литературного наследия Фраги — органическая связь его творчества с народной мудростью, с фольклором. Известно, что многие слова поэта превратились в пословицы и поговорки, к которым туркмены часто обращаются и в минуты трудных испытаний, и в часы досуга, веселья, и во время острых словопрепий. Причина такой популярности творчества поэта не только в содержа-

тельности его строк, но и в отточенности и легкости художественной формы его произведений.

Глубокая искренность, стилистическая отточенность поэзии Махтумкули, общедоступность и образность языка сделали его лучшие произведения образцами творчества для многочисленных представителей туркменской литературы.

Поразительна художественно-стилистическая емкость, афористичность и высокое звучание при редком лаконизме созданных Махтумкули произведений.

Литературное наследие Махтумкули составляет национальную гордость советского туркменского народа. Он сделал для родной литературы то, что не сделал до него ни один из его предшественников. Он синтезировал и отразил в своем богатом творчестве все положительные устремления различных туркменских племен.

Он совершил настоящий переворот в туркменской художественной литературе, сделав ее общедоступной, народной как по художественному языку и поэтической форме, так и по идейной направленности.

Махтумкули в своем творчестве затрагивает разнообразные вопросы — о смысле жизни, об устройстве вселенной, о природе человеческой психики, об общественном строе, о воспитании детей; выражает любовь к свободе, ненависть ко всем проявлениям насилия, ратует за объединение разобщенной туркменской земли, бичует общественные пороки.

Глубина мысли, многообразие переживаний, богатая гамма эмоциональных средств вместе с чрезвычайным совершенством языка и художественной формы делают его поэзию исключительным явлением в истории культуры туркменского народа.

Поэзия Махтумкули возвышает человека, поднимает его человеческое достоинство, требует уважения к правам людей независимо от их социального происхождения.

Общезвестно огромное значение языка как надежного средства подъема национальной культуры, как первоэлемента самой литературы. Язык, особенно в условиях Туркмении XVIII—XIX веков, играл исключительную роль в сплочении масс, родов и племен, в объединении их между собой. Одна из великих заслуг Махтумкули заключается в том, что он разрушил преграду, стоящую между книжным, малопонятным языком письменной литературы и народной речью. Он заложил основу нового языкового стиля в письменной литературе XVIII века. До него поэты, не исключая и Азади, сочиняли свои произведения на непонятном или малопонят-

ном народным массам книжном языке, насыщенном архаизмами, варваризмами. Поэт создал литературный язык и стиль для массы. Характерно и то, что он сочинял свои вдохновенные песни не на своем диалекте, а на понятном всем туркменским племенам простом языке, легшем в дальнейшем в основу общепародного, литературного. Художественный язык и поэтические формы произведений Махтумкули сделались для поэтов XVIII—XIX веков нормой в выработке литературного стиля эпохи. Этим он резко отличается от всех своих предшественников.

Для ознакомления с языком и стилем Махтумкули нам необходимо произвести сопоставление его стихотворений с произведениями других авторов, предшественников Махтумкули.

Начиная с XV века в туркменском обществе получила некоторое распространение книга поэта Вепай «Розанкул-Ислам» (1463—1464 годы). Ею пользовались в мектебе как «стабильным учебником». Язык книги изобилует арабо-персидскими и чагатайскими (арханческими) словами. Кроме того, написана она в соответствии со старочагатайскими грамматическими нормами. Вот две строфы из этой книги:

*Бабы-ашыр ким кылур ховзы беян,
Хем кыдуглар хөкмүни эйлэр аян*

‘Глава десятая толкует водоемы
И правила (содержания) колодцев поясняет’.

Далее:

*Ол кылуг арыг суфы я хид легер,
Кар, ягмур, нэ ким ол көкден ягар*

‘Того колодца вода чиста, или, может быть,
Снег, дождь, когда с неба падают’.

Для сравнения с языком и стилем Махтумкули более ценными являются произведения его старших современников — поэта Андалиба и отца Азади. Нурмухамед Андалиб известен рядом своих эпико-лирических произведений. В народе особенно большое распространение имела его поэма «Юсул и Зулейха», однако она не только по своему идейному содержанию, но и по лексическо-формальным признакам далеко уступает творениям Махтумкули. Для того, чтобы иметь некоторое представление о языке поэмы, приведем несколько

строки из ее вступительной части, где поэт рассказывает о том, что побудило его написать о легендарном красавце Юсупе

*Көп махал рахатда иди ишим,
Ек или хич кимсе бирле данышым...*

‘Долгое время провел я в покое,
Ни с кем я и не разговаривал.’

Далее

*Гелди кашымга мени бир шахсувар,
Нуткы неза, ягшы, сөзе интизар*

‘Явился ко мне один — «царский всадник»,
Жаждающий приятного, хорошего слова...’

В этих строках особенно бросается в глаза большое количество чагатаизмов, которые буквально заслоняют собою простые туркменские слова и туркменские аффиксы: *рахатда иди* вместо *рахатдады*, *кимсе*, *бирле* вместо *биле*, *ким*, *мени* вместо *мениң* и др.

Остановимся на языке произведений Азади, отца Махтумкули. Язык и стиль Азади еще более сложен, чем язык и стиль Андалиба. Здесь мы имеем в виду основное сочинение Азади, книгу «Вагзи-Азад». Оно написано в форме «месневи» (двустушия), который не являлся чисто туркменским народным размером. Это обусловило характер лексики «Вагзи-Азад». Известно, что «Вагзи-Азад» не предназначена для массового исполнения в качестве народных песен, а написана как своеобразный трактат о справедливом управлении страной. Отсюда и своеобразность языка поэта. Он малопонятен туркменам, так как книга Азади полна варваризмов и чагатаизмов.

Между языком отца и сына лежит целая пропасть. В этом легко убедиться, обратившись непосредственно к произведениям поэта. Ограничимся примером из третьей главы трактата, которая начинается строками:

*Бабы—суом ичре висфы-алыман,
Зикр эдейим анлары беллу-беян*

‘Глава третья—восхваленье ученых,
Расскажу о них, ясно изложу’.

В них нет ни единого слова и грамматической формы, которые соответствовали бы народному языку — его нормам. Здесь преобладают арабизмы и фарсизмы — *баб* ‘глава’, *суом* ‘третья’, *васф* ‘восхваление’, *алыман* ‘ученых’ и другие, а имеющиеся два-три слова с тюркским корнем даны в архаической форме — *ичре* ‘в’, ‘внутри’, *эдейим* ‘сделаю’, *анлары*

'их', 'о них'. То же самое видим и в последующих строфах указанной главы:

*Бес ылым дурдур, аның ёк кыматы,
Хак аңа берди быгаят хуммети*

'Никакое сердце не порадует, —
Тот мужчина, который не огорчит (хоть) одно сердце'.

В этой строфе нет ни единого слова, которое бы не было понятно каждому туркмену. Глубокой содержательностью и выразительностью наделены эти строки Махтумкули.

Махтумкули произвел переворот в письменно-литературном языке туркмен XVIII века, он разрушил стену, которая стояла между языком поэтов-книжников и языком народной массы в XVIII веке. Сказанным, конечно, не ограничивается заслуга Махтумкули — преобразователя туркменского литературного языка и литературной формы. Для полноты картины мы должны познакомиться с богатством поэтических приемов, художественных выражений, свойственных стилю Махтумкули.

Как мастер слова поэт употребляет слова и в прямом смысле, и в переносном, украшает свой язык разнообразнейшими средствами художественного выражения. Достаточно взять один-два примера, чтобы убедиться в этом. Вот строка, где Махтумкули выражает свое недовольство тем, что

*Ким нан тапмаз иймәге,
Ким ер тапмаз гоймага!*

'Кто хлеба не имеет, чтоб съесть,
Кто места не находит его класть!'

Здесь все слова использованы в прямом смысле. Популярно в народе стихотворение поэта, в котором он описывает рождение человека, его рост, его путь в жизни. Оно также построено в основном на словах прямого значения:

*Биримде билмедим яшы-янаны,
Икимде танадым атам-энеми*

'Годовалым я не мог определить, что хорошо, что плохо,
Двух лет я узнал отца и мать'.

Изучение художественного языка поэта свидетельствует о том, что в его творчестве прекрасно сочетается употребление слов и прямого, и переносного значения. Язык Махтумкули

богат сравнениями, эпитетами, гиперболами и литотами, тропами и фигурами, которые являются действенным средством художественного выражения.

Сравнение с послелогом *дек*:

Аш үстүнде ит дек арлар

‘Из-за еды «рычит» как собака’.

Примером сравнения, образованного с помощью *дей-дай*, может служить помещаемая ниже строка, где поэт высмеивает алчность мулл, ишанов:

Ач бөри дей ёртды niche моллалар

‘Словно голодные волки, рыскали многие муллы’.

Самым активным послелогом, используемым для образования сравнения в современном туркменском языке, служит послелог *ялы*. По нашему мнению, этот послелог образован от архаического *яңлыг* ‘подобие’, ‘словно’. Он нередко встречается в стихах Махтумкули, притом обычно приводится в сочетании с недостаточным глаголом *дыр//дир*.

Яман ягша ёлдаш болса,

Авылык ичен ялыдыр.

‘Когда добрый имеет спутником скверного,
Он будто (словно) выпил зелья’.

Сравнения, образованные с помощью послелога *мисли*. Этот послелог выступает менее активно, чем предыдущий. Существует два варианта послелога: *мисли* и *мусли* (лабиализованная форма). Наши наблюдения свидетельствуют о том, что последний вариант представляет собой явление сравнительно новое, он — продукт позднейшего времени. В форме *мисли* этот послелог встречается, в частности, в следующей песне Махтумкули:

Гепин тапыл, ягшы сөзлэн, —

Мисли дур сачан ялыдыр

‘Кто, слова находя, приятно говорит, —
Тот словно рассыпает жемчуг’.

Итак, рассмотренные нами стилистические образцы говорят о том, что Махтумкули мастерски пользовался сравнениями, которые так широко известны в туркменском литературном языке.

Эпитеты. Для утверждения своих идей, с целью под-

нения выразительности языка, Махтумкули прибегает к эпитетам различных видов и сочетаний. Эпитеты часто образуются с помощью имен существительных — в прямом и косвенном падежах, имен прилагательных — качественных и относительных, причастий положительной и отрицательной формы. Кроме того, мы находим у Махтумкули эпитеты комплексы, которые образуются за счет различных частей речи. Например, эпитет, выраженный именем существительным в строке:

*Та өлнчө, гоч йигитден
Парх етер, зыян өтмезлиш.*

‘От тура-молодца до смерти
Благо увидишь, вреда он не причинит.’

В данном случае в качестве эпитета взято слово *гоч-тур* ‘горный баран’. Такое сравнение очень понятно для туркменско-скотовода. Добавим, что *тур* символизирует не только твердость природы, но и мужчину.

Значительное количество эпитетов образовано из имен существительных с суффиксом *-лы||-ли*.

*Гөзлеримден ганлы яшы
Дөкем, «Юсуп!» дие-дие*

‘Из глаз моих кровавые слезы
Проливаю, твердя «Юсуп!»’

Целый ряд эпитетов образован из имен прилагательных. И здесь, наравне с чисто туркменскими словами, Махтумкули местами использовал арабо-персидские элементы. Например, если в строке:

*Йигитлик бир гызыл гүлдүр
‘Молодость словно красный цветок’*

имеем туркменский эпитет *гызыл* (качественное прилагательное), то в последующих строках эпитетами являются слова арабо-персидского происхождения:

*Ажар мензил, ажар жая саташдым
‘Я в чудесный проник дом’ (ажар ‘чудесный’, арабск.).*

*Хуп мекана, хуп сарая саташдым
‘Я проник в обителище, хороший дворец.’*

Встречающийся здесь эпитет *хун* 'хороший, хорошее' этимологически представляет собой персидское слово.

Добавим, что повторы в данных примерах (*ажан, ажан, хун, хун*) служат усилению звучания контекста.

Наконец, обратимся к эпитетам, образованным от причастий. Они бывают положительной и отрицательной формы. Например, в строке:

Устасыз ишленен, киргисиз гатылан.

'Без мастера изготовленный, без тетивы натянутый'

эпитет выражен причастием положительной формы, а в строке:

Нефг алмаян киши сөзден, өвүтден —

Энайысы болмаз гуры сөвүтден

'Не извлекающий пользы от слова, наставления—

Не отличается от сухого тальника'.

эпитет образован из причастия отрицательной формы.

Гипербола. Гипербола весьма характерна для языка эпических произведений. Очень часто прием гиперболы использовался Махтумкули. Вот строки из его песни, воспевающей любовь.

Кырк йыл гол говшурп, гулдукда дурсам,

Алты айча гөрмен, алтмыш йыл йөрсөм.

'Хоть сорок лет я, скрестив руки, буду слушать,

Не сочту (и) за шесть месяцев, хоть шестьдесят лет буду в слугах'.

Ирония и сарказм. При изображении отрицательных сторон характера человека, современной ему действительности поэт обращается к приемам иронии и сарказма. Приведем следующий пример:

Не бела сен. адамзат,

Чыплак догдуң, дон герек!

'Что за беда (напасть) ты, человек!

Голым ты родился, — одежда нужна...'

Слова саркастического характера мы обнаруживаем в тех произведениях Махтумкули, где поэт обрушивается на трусов, бездельников, нечестных людей, носителей отсталых обычаев, от которых обществу нет пользы.

В частности, Махтумкули отмечает, что «двоеженец уже не мужчина: он, да его две жены—это три бабы». В другом

месте поэт говорит, что «духовный глава—шир, кому он себя хотел вручить, оказался хуже сатаны».

Исследование языкового стиля Махтумкули мы продолжим обзором тропов, обильно представленных в его поэзии. Тропы в произведениях Махтумкули встречаются в виде метафоры, метонимии, синекдохи, символа, аллегории, олицетворения и др.

Метафора встречается весьма часто. Например, Махтумкули, желая сказать, что он уже стар, пишет:

Нигитлик паслыны гыша етирдим

‘Пору молодости я довел до «зимы» (то есть до старости)’.

Примером метонимии может служить строка из элегии поэта, посвященной разлуке с милой:

Ширин гуфтардан айрылдым

‘Разлучился я с сладкими устами’.

Как известно, разновидностью метонимии является синекдоха, которая также входит в поэзию Махтумкули в качестве одного из элементов его художественного языка. Синекдоха применена поэтом в программном произведении «Истэр элден чыка дөблет хумайым» («Птица счастья»), в котором поэт как передовой человек своего времени и выразитель чаяний туркменского народа при помощи следующей синекдохи передает желание видеть разрозненные туркменские племена в единстве и дружбе:

Бир суфрадан эда болсун ашымыз

‘Пусть с одной скатерти подается нам еда’.

В языке Махтумкули сравнительно богато выступает аллегория. В этом отношении характерной является песня поэта, которая начинается со строки «Пикир кылдым ер-гөге» и имеет постоянный рифм *ичинде* (стих «Жан ичинде» — «Семь цветов радуги»). В ней описывается жизнь птиц и животных, говорится об их повадках и нравах. Поэт наделяет их речью и разумом.

В поэзии Махтумкули олицетворены и такие отвлеченные понятия и неодушевленные предметы, как небо, земля, счастье и т. д. Например, говоря о всеокрушающей силе любви, поэт отмечает, что завидев любовь, *Пелек гөрди—горкуп дүшиди гердана* ‘Небо с испуга пришло во вращение, Земля жүнбүш

эйлэп, олды лерзана 'Земля, приняв движение, стала трепетать'.

Слово Махтумкули не имело бы столь действенной силы, если бы его глубокое содержание не было облечено в художественную форму, если бы поэт не выражал свои мысли с помощью богатого, образного и общедоступного языка. Этому он добился благодаря употреблению и таких элементов художественного слова, как повторение, антитеза, градация, инверсия, эллипсис, риторические вопросы, риторические обращения и т. д., рассмотрение которых отняло бы у нас слишком много времени.

Махтумкули первым в истории туркменской литературы ввел обыкновенную форму народного стиха «мурабба» (четверостишие). Поэт использовал песенный, строфический строй тюркского «гошги» при сочинении преобладающего большинства своих стихотворений и поэм. Он наполнил свои произведения глубиной мысли при легкости, звучности стихотворной формы. Поэт применяет в основном народный силлабический размер, так как его стихи предназначались главным образом для песенного исполнения. Силлабика у Махтумкули представлена семи-, восьми- и одиннадцатисложными размерами. Все это обеспечило создание нового стиля в языке и поэтической форме туркменской литературы XVIII—XIX веков.

Этот новый стиль приняли и развили дальше почти все современники и последователи Махтумкули. Вместе с тем, следует сказать, что и старый книжный язык и традиционный стиль, в частности поэта Азади, исчезли не сразу — и у него нашлись последователи даже в XIX веке. Например, известная «Книга рассказов о битвах Дженг-нама» поэта Абдысетдара Казии написана в традиционном книжном стиле, малопонятном широкому кругу читателей и слушателей.

После революции в условиях всеобщей грамотности и расцвета национальной культуры (возникновение печати, открытие школ, создание учебников, переход на современную графику, зарождение новых литературных жанров: прозы, реалистических поэм, детской литературы, драматургии и т. д.) нормированный язык и художественная литература проникают во все сферы общественной жизни туркменского народа.

Значительна роль крупнейших представителей современной туркменской литературы (Б. Кербабаев, А. Каушутов, Б. Сейтаков и др.) в становлении и развитии стилей современной реалистической литературы.

Туркменский общенациональный литературный язык ныне обслуживает различные жанры художественной литературы,

пауку и технику, административно-юридические потребности страны, публицистику. В современном туркменском языке и литературе существуют различные стили и разнообразные способы использования речевых, художественно-поэтических средств выражения. Они более подробно рассмотрены в других работах, поэтому мы на них не останавливаемся.

Одной из важнейших задач филологов Советского Туркменистана является исследование закономерностей возникновения и развития стилей родного языка и литературы. К сожалению, данная проблема на сегодня остается почти неизученной.

Основная тенденция в развитии стилей туркменского языка и литературы — их постоянное совершенствование и обогащение. Неиссякаемым источником роста и обогащения стилей являются языково-лексические, фольклорно-литературные ресурсы современного общенародного языка, творческое воздействие и взаимный обмен лексикой, литературными и культурными ценностями братских народов Советского Союза.

А. И. ИСКАКОВ
(Алма-Ата)

ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СТИЛЕЙ КАЗАХСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В своем докладе нам хотелось бы остановиться на некоторых общих вопросах исторического развития стилей казахского литературного языка национальной эпохи. Проблемы развития стилистической системы казахского литературного языка до сих пор не изучены. Некоторые имеющиеся работы, посвященные изучению языка произведений отдельных писателей и поэтов, пока еще не могут стать основанием для получения исчерпывающих выводов и серьезного обобщения.

В истории развития казахского литературного языка существуют два больших периода: донациональный и национальный.

Национальный период занимает особо значительное место как в отношении отработки и совершенствования общенациональных черт и норм казахского литературного языка, так и в отношении развития его стилистических вариантов, образуя систему последних. Однако в национальном периоде не равнозначны его два этапа: досоветский — с середины XIX века и вплоть до Октябрьской социалистической революции в Казахстане — и советский.

Поскольку стилистическая система в основном является неотъемлемой частью письменной формы литературного языка, то разработка истории литературного языка и в отношении далекого прошлого, и в отношении эпохи, примыкающей к современному периоду языка, весьма необходимы, так как только в этих условиях возможно полное научное осознание закономерностей современного литературного языка.

В изучении истории казахского литературного языка проблема истоков его происхождения представляет особый интерес. Очень важно выяснить, является ли современный казахский литературный язык продолжением традиционного общетюркского литературного языка (в XIX веке он назывался «тюркй»), получившего путем постепенного изменения новое качество, или же он развивался во взаимодействии с общетюркским литературным языком, обогащаясь за счет него тем, в чем он нуждался (особенно в области лексики и фразеологии)? Одно ясно, что казахский язык относится к тюркским языкам, в нем имеются многие общие черты, свойственные последним. Неоспоримо также и то, что казахский литературный язык связан и с древнетюркским, и позднетюркскими литературными языками. Однако, с величайшим сожалением приходится отметить, что казахский литературный язык изучался вне связи с ними, и поэтому он рассматривался как язык безродный и лишенный определенной основы. Правда, такое изучение не превратилось в традицию. Но все же иногда в исследованиях совершенно не учитывались связь, взаимодействие и соотношение народно-казахских и общетюркских элементов в истории казахского литературного языка; не принималось во внимание то, что в эпоху средневековья общетюркский литературный язык имел, если можно так выразиться, свои зональные¹ варианты (кыпчакский, огузский и карлукский), состоящие из народно-разговорных основ, которые позднее постепенно выделились в народно-литературные языки², легшие потом в основу современных тюркских национальных литературных языков.

Историю развития каждого из этих языков следует определять на основании конкретного языкового материала в связи со своеобразным развитием социально-исторических и культурно-общественных условий того или иного народа.

Весьма сложным, в частности, были условия и путь развития казахского литературного языка донационального периода. Вплоть до середины XIX века в казахской степи, помимо самобытного казахского народного литературного язы-

---

¹ А. Н. Самойлович. К истории литературного среднеазиатского турецкого языка.—Сб. «Мир-Али-Шер. К пятистолетию со дня рождения». Л., 1928.

² В. В. Решетов. Узбекский национальный язык. «Вопросы формирования и развития национальных языков.—Труды Ин-та языковедения», г. X. М., 1960, стр. 122—142.

ка с общекрыпчакской основой, сложившегося и бытовавшего на протяжении веков и бывшего достоянием самых широких казахских народных масс, имели распространение, с одной стороны, общетюркский литературный язык («туркше» или «тюрки») с его татаризированным, чагатаизированным (узбекизированным), туркизированным вариантами, доступный и понятный лишь по-мусульмански грамотной части казахов, и, с другой стороны, классический арабский язык, служивший орудием пропаганды и распространения исламской религии и религиозной литературы, и изучавшийся не только во всех официальных и неофициальных мусульманских мектебах и медресе, но и в русско-казахских училищах, предназначенных для обучения казахских детей.

Кроме того, как известно, в XVIII и XIX веках в казахской степи имел также большое распространение общегосударственный («общеотечественный» в употреблении И. Алтынсарина) язык — русский. На русском языке не только составлялись все официальные документы и велось делопроизводство в высших и местных учреждениях царской администрации, печаталась и распространялась общественно-политическая, культурно-экономическая, художественная и другая литература, благодаря которой казахская передовая интеллигенция тех времен познакомилась с русской передовой общественной мыслью и воспитывалась на ее традициях, но на русском же языке казахская народная масса непосредственно общалась с русским населением там, где вместе с ним ей приходилось жить и работать.

В связи с этим нужно сказать еще и о том, что в казахской степи в течение полутора столетий (XVIII—середина XIX века) параллельно с общегосударственным русским языком, в качестве второго официального языка — языка-посредника (или «языка-толмача») функционировал татарский язык (вернее, татаризированный вариант общетюркского литературного языка). Всякие заявления, прошения и прочие документы на местах — там, где не было возможности составить их на русском языке, оформлялись на татарском языке. Татарский язык, как и арабский, изучался не только в мусульманских, но и в русско-казахских школах, открытых специально для подготовки кадров из казахской молодежи. Татарские купцы и торговцы, их приемщики и продавцы, а также служители религиозного культа, которые обычно обучались в Петербурге, Казани, Уфе, Оренбурге, Троицке и других городах и посылались в казахскую степь, общались с казахами или на татарском языке, или на татарско-казахском жаргоне.

(ср. *Лопаты блэн земля капайт итэргэ кушалар*. 'Они приказывают копать землю лопатой'). Как известно, на татарском языке в те времена, как и на чагатанизированном и туркизированной вариантах общетюркского литературного языка, выпускались различные книжки на религиозные, светские и иные темы.

Так выглядели крайне сложные условия языковых отношений и связей в Казахстане до середины XIX века, когда, с одной стороны, весьма малочисленная грамотная часть казахов пользовалась литературными языками, различными в структурно-типологическом отношении и в тенденциях своего развития, с другой стороны, когда самая широкая народная масса жила духом и стихией своего родного разговорного языка, языка богатейшего устно-поэтического народного творчества. Следует подчеркнуть, что тогда образованных поэтов насчитывались единицы. Причем, некоторые из них свои произведения создавали по законам и образцам письменных традиций тех времен, другие—на основе традиционных приципов народного устно-поэтического творчества. Однако из-за отсутствия печатных органов на родном языке произведения и тех и других поэтов в конечном счете включались в фонд устно-поэтического творчества и постепенно растворялись в нем, получая обработку в соответствии с языковыми нормами фольклора. В результате их первые авторы становились неизвестными, а их первоначальные стилевые особенности утрачивались.

Условия этих сложных языковых взаимоотношений, а также связанные с ними закономерности развития казахского литературного языка донациональной эпохи в Казахстане до сих пор не изучены. Поэтому сейчас прямолинейно ставить вопрос о каких-то единых письменно-литературных нормах или традициях казахского литературного языка донационального периода невозможно и тем более невозможно решать его очень сложные и трудные проблемы без специального изучения и без учета всех зигзагов и тенденций, определивших его судьбу и путь развития. В связи с этим, я хотел внести предложение о том, чтобы на этой конференции мы приняли решение о проведении в ближайшее время специальной научной конференции, посвященной проблемам закономерностей в развитии тюркских, монгольских и ряда других литературных языков донациональной эпохи. В этой области тюркологии еще много неясного и спорного.

Сейчас, когда самые основные и узловые вопросы истории становления и развития казахского литературного языка до-

народного творчества, которые вошли в его учебник—хрестоматию, до сих пор включаются во все ежегодно выпускаемые школьные учебники по родной литературе. Таким образом, И. Алтынсарин был и остается одним из деятелей культуры казахского народа, который сознательным устремлением своих взоров к передовой культуре и образцами своей практической работы над языком показал и доказал, как можно сделать литературным народный язык. Язык и стиль произведений И. Алтынсарина определили направление и пути дальнейшего развития казахского литературного языка.

Языковая практика упомянутых выше двух первых казахских газет (при всех их недостатках) в основном была созвучна с направлением развития литературного языка, которое было дано И. Алтынсаринном и соответствовала его принципам. Однако в газетах не сразу были преодолены традиции общетюркского литературного языка с их джадидским духом⁴. На страницах этих двух газет на казахском языке опубликовались не только официальные документы (сообщения центральных и местных учреждений царской администрации), но также оригинальные и переводные научно-популярные статьи на различные темы, оригинальные стихи, рассказы казахских поэтов и писателей (И. Алтынсарина, А. Кунанбаева, М. Копеева и др.), произведения народного фольклора, переводные рассказы, новеллы, очерки отдельных классиков русской, европейской и восточной литературы.

Итак, в результате деятельности И. Алтынсарина и указанных двух газет в казахском литературном языке зародились и оформились новые стили художественной прозы и поэзии, а также общественно-публицистический, газетно-журнальный, научно-популярный и официально-деловой стили. Возникновению и оформлению этих стилей способствовала большая практика перевода с русского и других языков на казахский.

Мощным толчком как для развития и совершенствования только что зародившегося на народной основе казахского национального литературного языка и его единых общенациональных норм, так и для его литературно-языковых стилей послужило творчество Абая Кунанбаева (1845—1904 годы). Абай Кунанбаев писал свои оригинальные произведения и создавал переводы на чистом казахском литературном языке,

---

⁴ Б. А бил к а с и м о в. Язык газеты «Дала уалаяты». (Автореф. канд. дисс.). Алма-Ата, 1964.

которые до сих пор остаются непревзойденными образцами в плане отбора, использования и употребления слов, создания и совершенствования образно-речевых и стилиевых средств языка. Кроме того, он автор научно-популярных стилей на философские, исторические, педагогико-психологические и другие темы.

В предреволюционные годы в связи с увеличением выпуска печатной продукции на казахском языке казахский письменный литературный язык, его общенациональные черты и признаки и его стилистические разновидности развиваются еще больше. В этот период, наряду с дальнейшим развитием существующих жанров, форм и стилей литературного языка, появляются новые его разновидности и разветвления в связи с созданием романов, повестей, рассказов, драматических произведений, новых серий учебно-педагогической, научно-популярной, общественно-публицистической литературы, газет, журналов и др.

Таким образом, заложенные во второй половине XIX века основы современного казахского национального литературного языка и его функциональных стилей в предреволюционные годы значительно расширились и получили свое дальнейшее развитие и совершенствование. Однако казахский национальный литературный язык во всех своих структурных элементах и стилистических вариантах достиг своего наивысшего расцвета только в советское время в связи с необычайным расширением сферы его употребления и общественных функций.

Современный казахский национальный литературный язык в настоящее время располагает всеми теми видами стилистических вариантов, которые свойственны любому высокообразованному литературному языку.

Все его основные стилистические разновидности развиты. Исключение же в этой системе составляет некоторая специальная литература по производственно-техническим профессиям, транспорту, связи и частично медицине, так как до сих пор литература на казахском языке по ряду узких специальностей или весьма малочисленна, или же отсутствует вообще. Это, видимо, можно объяснить тем обстоятельством, что количество кадровых рабочих — профессионалов из казахов, а в некоторых из них специалистов-казахов с высшим и средним образованием еще малочисленно, в связи с чем спрос на специальную литературу на казахском языке невелик. Однако, например, для всех отраслей сельскохозяйственного производства публикуются сейчас на казахском языке не только

популярные брошюры, статьи, но и учебники, учебные пособия, монографические исследования.

Особенно развиты в стилистической системе казахского литературного языка стили художественно-беллетристической, общественно-публицистической, научно-педагогической литературы и газетно-журнальный стиль с их различными разветвлениями. Стиль художественно-беллетристической литературы, начало создания которого принадлежит И. Алтынсарину и Абаю Кунанбаеву, получил дальнейшее развитие во всех жанровых и стилевых разновидностях (романы, повести, рассказы, очерки, новеллы, мемуары, драмы, комедии, водевили, скетчи, поэмы, баллады, стихи, различные виды лирики, сатиры, юмора, пародий и т. д.), в которых отражены и отражаются индивидуально-авторские языковые особенности. Сейчас этим стилем написаны такие крупнейшие произведения, как, например, четырехтомный роман-эпопея М. Ауэзова «Путь Абая», романы: Б. Майлина «Азамат Азаматыч», С. Муканова «Ботагоз», «Адаскандар», Г. Мусрепова «Сянган өлке», Г. Мустафина «Караганды», пьесы С. Сейфуллина «Кызыл суңкарлар», М. Ауэзова «Еңлік и Кебек», Б. Майлина «Майдан», С. Муканова «Чокан Валиханов», мемуары С. Сейфуллина «Тар жол и тайгак, кешу», С. Муканова «Өмір мектебі», Г. Мустафина «Көз корген», классические поэмы С. Сейфуллина «Көкшетау», С. Муканова «Сүлү шаш», И. Жансугурова «Күйші», «Кулагер» и др.

В связи с развитием казахского национального письменного литературного языка и его всей стилистической системы нельзя не отметить большую роль и заслуги таких выдающихся казахских писателей и поэтов, как И. Алтынсарин, Абай Кунанбаев, М. Сералин, С. М. Тарайгыров, Б. Майлин, С. Сейфуллин, И. Жансугуров, М. Ауэзов, С. Муканов, Г. Мусрепов, Г. Мустафин и другие, которые вместе с тем выступали и в качестве редакторов, журналистов, авторов научных и публицистических работ. Они сделали очень многое как для развития отдельных функциональных стилей, так и для формирования в целом стилистической системы, отвечающей потребностям и нуждам казахского национального литературного языка, а следовательно, для выработки специфических стилевых приемов и индивидуальных способов отбора, использования и употребления лексических, фразеологических, грамматических и стилистических средств и ресурсов народного языка.

Так, Абай Кунанбаев, ставя перед собой специальную задачу обновления и усовершенствования казахского литератур-

ного языка, очистил его от лишнего иноязычного груза и различного рода других напластований. Он, чутко относясь к богатству народного языка, умело отобрал и мастерски использовал народно-речевые средства, создал новые, своеобразно стилизованные сочетания и обороты, которые впоследствии превратились в норму, и, благодаря которым, многие слова приобрели новые дополнительные значения и оттенки, а также расширили свои возможности употребления. Наряду с этим Абай Кунанбаев не чуждался древнетюркских, общетюркских и казахских архаических слов и их форм, а также арабских, иранских и русских слов. По мере необходимости он употреблял их как для точного обозначения соответствующих понятий и содержания, так и для создания определенных стилистических условий. У нас, в казахской филологии, сейчас сложилось весьма бережливое отношение ко всему тому, что создано пером Абая Кунанбаева, в том числе и к оценке его стиля и языка.

Оригинальный казахский писатель, одновременно выступавший как поэт, прозаик, драматург, публицист, журналист, крупнейший общественно-политический деятель, активный участник Октябрьской революции и установления Советской власти в Казахстане Сакен Сейфуллин создавал свои произведения тогда, когда на его глазах происходили большие изменения в социально-политической, хозяйственно-экономической и культурной жизни народа, требовавшие отражения в языке. Он активно и сознательно вводил в свои произведения новые слова, образованные как от собственно казахских, так и от интернациональных корней и основ, которые соответствовали новому духу и новому содержанию его произведений и их стилю. С. Сейфуллин, выступая в качестве инициатора и новатора в создании казахской литературы с новым содержанием, с новой формой, сознательно изменяя структуру и состав, форму и содержание многих традиционных фразеологических сочетаний, образовал новые устойчивые сочетания слов, которые также способствовали стилистическому своеобразию его произведений.

Большой писатель — прозаик и драматург, крупный ученый и публицист Мухтар Ауэзов вложил очень много труда в дело развития казахского литературного языка вообще и его функциональных стилей, в частности. Особенно велика его роль в отработке свойственных различным стилям литературного языка специфических языковых средств. Мухтар Ауэзов свои самые значительные художественные и научные

произведения посвящал исторической тематике (например, роман «Путь Абая», драма «Еңлик и Кебек», научные труды по истории дореволюционной письменной литературы), создавал произведения на темы фольклора (например, циклы рассказов и новелл о дореволюционной жизни казахов, пьесы «Аймаи и Шолпан», «Кобланды» и др.), а также писал научные работы по дореволюционному казахскому фольклору и т. д. Создавая свои произведения, он, конечно, исходил из общественно-исторических условий и обстановки описываемых событий, учитывал образ мышления людей того времени, что не могло не найти отражения в языковых, стилистических особенностях произведения. Сознательно и с большим знанием привлекал он архаические и исторические пласты казахской лексики, своеобразные приемы и нормы словоупотребления устно-поэтического творчества и устно-разговорной речи народа. Наряду с этим как великий классик современности он не мог не считаться с уровнем современного высокоразвитого казахского литературного языка. Он употребляет в своих произведениях не только многие новые слова, слова с новой стилистической окраской, но и создает новые типы периодических, плеонастических, придаточных оборотов, усложненных синтаксических форм и т. д.

Общественно-публицистический, газетно-журнальный стили современного казахского национального литературного языка имеют тоже свою историю. Они возникли во второй половине прошлого века, главным образом благодаря выпуску вышеназванных двух газет, и, продолжая развиваться, достигли своего совершенства в казахской национальной прессе советского периода. В этой связи достаточно указать на то, что в период с 1910 по 1916 год на казахском языке издавалось всего один журнал и три газеты, а в 1957 году — 20 названий журналов, бюллетеней, блокнотов и других периодических сборников и 157 названий республиканских, областных и районных газет (не говоря уже о различного рода брошюрах, сборниках, книгах и т. д.).

Массовое открытие и дальнейшее развитие различного типа казахских школ и приобщение всего народа к культуре и науке после осуществления мероприятий по ликвидации неграмотности среди взрослого населения служили основным условием для создания научно-педагогической и учебно-педагогической литературы на родном языке, а издание последней, в свою очередь, обусловило становление и развитие функциональных стилей по этим отраслям и связанным с ними смежным разновидностям литературных стилей, так

как этим отраслям научной литературы свойственна своя развитая научно-отраслевая терминология, которая требует определенной системы приемов и способов изложения и объяснения, разъяснения и толкования фактов, от специфики употребления и своеобразия стилистического приема которых зависят не только дифференциация самой стилистической системы, но и ее стилистических средств.

Как было отмечено выше, ведущую роль в развитии стилистических вариаций современного казахского национально-го письменного литературного языка сыграли традиционные стилевые разновидности казахского литературного языка донациональной поры (главным образом его народный вариант) и частично некоторые стилевые образцы общетюркского литературного языка (в частности, его татарский вариант).

Наряду с этим на широкое развитие и совершенствование как самого казахского литературного языка, так и его стилистических вариантов весьма благотворное влияние оказал русский литературный язык. Еще на заре оформления казахского национального письменного литературного языка его основоположники Ибрай Алтынсарин и Абай Кунанбаев уделяли очень большое внимание переводу с русского на казахский язык лучших образцов русской художественной и учебно-педагогической литературы. В частности, они перевели на казахский язык отдельные произведения Крылова, Лермонтова, Пушкина, Л. Толстого и других классиков⁵.

Практика перевода с русского языка на казахский самой разнообразной литературы, относящейся ко всем жанрам и стилевым разновидностям русского литературного языка, с течением времени получала все большее и большее место и в настоящее время достигла особенно большого размаха: опубликованы на казахском языке полное собрание сочинений В. И. Ленина, избранные произведения К. Маркса и Энгельса (в том числе первый том «Капитала», «Анти Дюринг» и др.), основные произведения Крылова, Лермонтова, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Некрасова, Л. Толстого, Чехова, Горького, А. Толстого, Серафимовича, Фадеева, Шолохова и многих других. В печати было отмечено, что на казахский язык переведены произведения 15 дореволюционных и 72

---

⁵ Э. Дербісәмен, Ибрай Алтынсарин, Алматы, 1965; Эбен Сатыбалдиев, Рухани қазына, Алматы, 1965.

советских русских писателей, через посредство русского языка на казахский язык переведены произведения более 30 писателей и поэтов других народов СССР и свыше 40 писателей зарубежных стран⁶. К этому следует добавить переводы многих книг по учебно-педагогической, общественно-политической, социально-экономической, научной, технической, сельскохозяйственной, официально-документальной литературе и литеартуры, посвященной вопросам культуры, здравоохранения, торговли, военно-спортивного дела и т. д.

Следует указать и на другие источники влияния русского языка на казахский (например, обучение в русской школе, специальное изучение русского языка в казахской школе и в других местах, длительное и непосредственное общение с русским населением на русском языке, изучение и чтение книг, журналов и газет на русском языке и т. д.). В результате практики перевода многочисленной, разнообразной по жанру и стилю, по тематике и содержанию литературы казахский литературный язык подвергся значительному влиянию русского литературного языка в плане дифференциации стилистической системы и стилистических средств выражения, специфических для той или иной ее разновидности.

Остановимся на некоторых вопросах влияния русского языка на формирование и развитие стилистической системы казахского языка и ее отдельных вариантов.

В донациональном казахском литературном языке научного стиля не было. Стиль официально не получил должного оформления, причем был татаризирован. Традиционная восточная наука, имевшая в своих рядах таких величайших корифеев, как Габбас Жаухари, Абунасир Фараби, Ахмет Фергани, Абу-Райхан Бируни, Махмуд Кашгари, Улугбек, Мухамед Хайдар и другие, создавалась преимущественно на арабском и персидском языках, которые народу, в том числе казахскому, были чужды. Следовательно народу наука оставалась недоступной. В связи с этим же научный стиль не имел своих прочных традиций в общетюркском литературном языке.

Позже в связи с установлением близких отношений казахов, туркменов, узбеков и других братских народов Востока с русским народом и приобщением их к русской культуре зарождению, возрождению и развитию различных отраслей общественных и естественных наук в наших краях способствовало

⁶ См.: «Печать Казахской ССР (1921—1957 гг.). Статистические материалы». Алма-Ата, 1928.

ла и оказала громадное влияние передовая русская наука. Русская наука особенно интенсивно стала проникать в казахскую степь в XIX веке, когда ее проводниками были не только передовые русские ученые, но и выдающиеся казахские просветители и ученые Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев и их последователи, которые уже 100 лет тому назад не только выступали в качестве пропагандистов, но и сами писали и опубликовывали свои научные произведения на русском и казахском языках. С тех пор в Казахстане постепенно, под непосредственным влиянием русской передовой науки на казахском языке складывались и развивались различные отрасли общественных и естественных наук и соответственно с ними — определенные стили, вырабатываются и совершенствуются стилистические типы и приемы использования языковых средств, отвечающих требованиям, вкусу, манере изложения и объяснения, разъяснения и толкования фактов в больших и малых научных произведениях, составляющих специфику научного стиля.

Научный стиль, естественно, имеет свои особенности, отличные от стиля художественной литературы. Как известно, если стиль художественных произведений обычно стремится показывать, то научный стиль старается доказывать, если первому свойственны метафоричность, эмоциональность, многозначность, неограниченность сферы употреблений слов, то лексическому составу научного стиля присущи профессиональность, терминологичность, неэмоциональность, узость значения, ограниченность сферы обращения и т. д. Язык казахской научной литературы показывает, что грамматическая структура стиля научной литературы тоже имеет свои особенности, ей больше свойственны книжность, сложность. Например, морфологической структуре данного стиля свойственны обилие местоимений, предлогов, союзов, вводных слов, которые обычно служат средством установления взаимоотношений и взаимосвязи между компонентами высказывания. Синтаксические конструкции в научной литературе обычно бывают полны определений, определительных оборотов, определительных придаточных предложений, обстоятельственных слов. Все это связано с тем, что языковая форма научной литературы подчинена логике мысли, то есть основной цели высказывания.

Что же касается формирования стиля официально-деловых документов в казахском литературном языке, то он возник и развивается в связи с образованием казахской госу-

дарственности и созданием административно-правовых и иных учреждений в советские годы под непосредственным влиянием русского делового стиля. Указы и законы, издаваемые Верховным Советом СССР, постановления и распоряжения, выпускаемые союзным правительством как общегосударственные документы для всего Советского Союза, составляются на общегосударственном языке — русском, с которого переводятся на национальные языки народов СССР. Указы и законоположения Верховного Совета республики, постановления и распоряжения правительства республики, удостоверения и справки, выдаваемые гражданам местными (аульными, районными, областными) органами Советов, обычная формально-деловая переписка, производимая между административно-хозяйственными учреждениями и предприятиями, составляются по образцу и подобию стиля (и даже структуры и состава) тех же документов русского делового акта. Тем самым на казахском языке вырабатываются специфические приемы и манеры изложения, а также языковые средства, свойственные этому стилю.

Функциональные стили казахского литературного языка, возникшие в разное время, способствовали выработке и развитию в системе литературного языка типических приемов использования языковых средств в стилистическом плане. Следует подчеркнуть, что в связи с этим в казахском литературном языке, наряду с расширением значения функции и сферы употребления многих слов, словосочетаний и т. д., появились новые грамматические формы, в частности, синтаксические обороты, конструкции. Например, в современном казахском литературном языке стали нормой такие сочетания: *беске оку* 'учатся на пять', *еңбекке козқарас* 'згляд на труд', *егішілік мәдениеті* 'культура земледелия', *тіл мәдениеті* 'культура языка', *ресми оппонент* 'официальный оппонент', *ресми кездесу* 'официальная встреча', *жалынды сәлем* 'горячий привет', *жалынды уран* 'пламенный призыв', *түсіндірме сөздік* 'толковый словарь', *кетерме сауда* 'оптовая торговля', *сырттан оку* 'заочное обучение', *жалпы халықтық* 'всенародный', *жалпы одақтық* 'всесоюзный' и т. д.

В современном казахском национальном литературном языке, в основном, сложились и развиваются дальше такие стилевые приемы языковых средств, когда те или иные слова, словосочетания, грамматические и другие компоненты языка употребляются сообразно своему «стилистическому паспорту» в тех или иных формах письменного сочинения (книги, статьи и другие) или устного высказывания (доклада, сообщения и

другие), в зависимости от конкретных целей и задач, их структуры и содержания.

Изучение стилистической системы литературного языка необходимо не только для практических и теоретических целей, но и для разработки самой истории литературного языка, так как каждая стилистическая разновидность его имеет свою историю возникновения и развития, связанную и с внутренне-лингвистическими, и с экстралингвистическими факторами.

Изучение различных стилистических вариантов того или иного национального литературного языка в наших республиках только-только начинается. Это дело очень сложное, необходимо принимать во внимание и традиции устно-поэтического народного творчества, народного разговорного языка, и традиции его письменно-литературных форм, опыт и практику печатных органов прошлых и настоящих времен, роль и место отдельных исторических лиц, имеющих определенные заслуги в развитии и нормализации литературного языка и его стилей, влияние русского и других языков; большое значение имеет также анализ языка отдельных значительных произведений фольклора, письменной литературы (писателей, поэтов, публицистов, ученых и т. д.).

В казахском национальном литературном языке, являющемся глубоко народным в своей основе, процесс его демократизации в советский период происходил успешно и ускоренным темпом. Это обстоятельство обусловило взаимодействие и взаимопроникновение элементов устно-разговорной и письменно-книжной форм литературного языка и его стилей, в результате чего границы между ними стали подвижными и постоянно происходили изменения в соотношении стилей. Такие перемещения речевых средств систематически вызывали влияние одних стилей на другие, создавали почву для возникновения новых стилей и т. д. В этом процессе, с одной стороны, казахский устный разговорный язык, веками накопивший в себе все богатства и широчайшие возможности речевых средств народного языка, очень сильно влиял на развитие литературной формы языка и, наоборот, с другой стороны, литературный язык, в частности его книжно-литературные стили (благодаря развитию письменной формы языка и росту общей и языковой культуры народа, ставшего поголовно грамотным и в значительной части образованным), сказал и продолжает оказывать мощное воздействие на устный разговорный язык. Таким образом, современный казахский национальный литературный язык во всех своих струк-

турных элементах и слагающих его стилевых разновидностях, не только близок к устной разговорной речи народа, но и во многом совпадает или, вернее, имеет тенденцию совпасть с ней. Дело в том, что устный разговорный язык интеллигенции имеет (где в значительной, а где в незначительной мере) обработанную и обновленную форму, соответствующую нормам письменно-литературного языка.

Работа по изучению вопросов становления и развития стилей литературных языков в наших национальных республиках и областях нуждается в ее координации, в соединении усилий ученых, занимающихся исследованием этой проблемы на местах, так как многие национальные литературные языки, получившие свое особенное развитие после Великой Октябрьской социалистической революции, имеют общую судьбу и единую историко-культурную линию развития как в возникновении отдельных стилей, так и в темпах и характере их развития. Например, известно, что в развитии казахского, киргизского, узбекского, туркменского, башкирского, татарского и других национальных литературных языков много общего и единого. Это общее и единое не только связано с историко-генетическими, социально-экономическими, географическими, культурно-языковыми отношениями этих народов в прошлом и в настоящем, но и одинаковыми их отношениями к русскому языку и влиянием русского языка и русской культуры на них.

В современном казахском литературном языке стилистическая дифференциация лексики и грамматики (особенно синтаксиса) в основном определилась, но процесс ее совершенствования продолжается. В связи с этим нужно проводить специальные исследования как по частным, так и по узловым вопросам стилистической системы языка с тем, чтобы установить специфические явления каждого стиля, а также определить место и роль стиля в данной системе.

Б. М. ЮНУСАЛИЕВ
(Фрунзе)

О СТИЛЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КИРГИЗСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Стилевая система тюркских литературных языков в лингвистическом аспекте рассматривается впервые. Тематика исследования подсказана самой жизнью, самым бурным развитием литературных языков советских народов. Все возрастающая роль письменных литературных языков в разносторонней жизни советских народов, в особенности младописьменных, неизбежно приводит к необходимости ускорения процесса нормализации устных и письменных форм литературных языков, стилистической их отточенности, что непосредственно связано с задачей по повышению культуры речи строителей коммунизма. Отсюда и практическая значимость рассматриваемой проблемы.

Материалы киргизского языка подтверждают, что языковый стиль — явление историческое. Он имеет свою историю возникновения, становления и развития; на известной ступени развития он видоизменяется.

Общеизвестно, что, прежде чем приступать к исследованию любого явления, необходимо разработать его методику, его конкретные объекты. Лингвистический аспект исследования стиля, конечно, предполагает исследование конкретного языкового материала, различных приемов и способов его применения в письменной и устной речи. Однако язык функционирует в разных формах — в разговорной и письменной, диалектной и междиалектной. В каждой из этих форм и в зависимости от речевой ситуации имеются различия в способе употребления речевых средств разных уровней языка. Поэтому, нам кажется, было бы целесообразнее искать стилистические различия в каждой форме функционирования языка в стдальности.

Исходя из вышеуказанных соображений, мы рассматриваем возникновение и развитие стилистической системы в современном киргизском языке лишь в аспекте его письменной литературной формы, не касаясь стилистических разновидностей его устных, диалектных и иных форм.

Степень дифференцированности литературного языка в стилевом отношении находится в прямой зависимости от уровня культурно-экономического развития народа—носителя языка и от того, на какой ступени развития находится сам письменный литературный язык. Такая взаимообусловленность и взаимосвязанность подтверждается фактами после-революционной истории киргизского народа и его языка.

В период феодальной разобщенности и отсутствия экономического и политического единства между киргизскими племенами письменный литературный язык функционировал в диалектной форме, что подтверждается изучением языка до-революционных письменных памятников литературы, которая имела две разновидности: рукописную, преимущественно стихотворную, создаваемую на одном из территориальных диалектов, и официально-печатную, испытывавшую в орфографическом и лексическом отношении сильное влияние среднеазиатского (чагатайского) литературного языка. Диалектный характер имел и имеет язык устно-поэтического творчества.

Как видно, низшая форма литературного языка в до-революционный период соответствовала феодальной раздробленности до-революционного киргизского общества.

Великая Октябрьская социалистическая революция и реализация ленинских принципов национальной политики нашей Коммунистической партии внесли коренные изменения в развитие народов бывшей царской России. Экономическое и политическое воссоединение киргизов в пределах республики создало благоприятные условия для консолидации племен и образования киргизской социалистической нации; оно прервало длившийся на протяжении многих веков процесс расхождения этнических групп и их диалектов. И если этот процесс не дошел до своего полного завершения, то есть до окончательного распада этнической и языковой общности, в течение многих веков, то это объясняется прежде всего ранним завершением процесса образования киргизской народности. Только Октябрьская революция и национальная политика КПСС могли спасти киргизский народ от катастрофы и положить начало новой эры в истории народа и его языка.

эры превращения народности в нацию. В этот период происходит сближение диалектов и на их основе образование общенационального языка.

Реализация задач политического раскрепощения и резкого подъема экономики и культуры трудящегося населения поставила на очередь дня практические вопросы всеобщего обучения детей и взрослых, создания печатного слова, учебных пособий на родном языке и т. д. В связи с этими и другими изменениями в политической, экономической и культурной жизни народа резко расширилась коммуникативная функция киргизского языка, изменились и формы его функционирования. Если в дореволюционный период киргизский язык функционировал в основном в устной форме, в разговорной речи, в устнопоэтическом творчестве при неразвитости письменной литературы, то после революции киргизский язык постепенно, по мере развития самого общества расширяет свою функцию, обслуживая все сферы общественной деятельности народа. Киргизский язык стал служить с первых же дней Советской власти средством устной и письменной пропаганды идей марксизма-ленинизма, средством получения сперва начального, затем среднего и ныне уже высшего (пока еще не по всем специальностям) образования. На киргизском языке за прошедший послереволюционный период уже создана довольно богатая многожанровая профессиональная художественная литература, отдельные образцы которой широко известны не только в нашей стране, но и за ее пределами (например, произведения А. Токомбаева, Т. Сыдыкбекова, Ч. Айтматова и др.). Киргизский язык стал языком развитого сценического искусства и экрана, языком радиопередач и телевидения, языком законодательства и судопроизводства.

В полном соответствии с изменениями общественной функции языка находятся и его формы функционирования. После революции на базе столичного северного диалекта, фонетические, морфолого-синтаксические и лексические признаки которого оказались характерными для всех других диалектов, возник общенациональный письменный литературный язык. На его письменном оформлении вначале сказывалось некоторое влияние дореволюционной письменности, оно чувствовалось и в лексике. Однако дальнейшее развитие письменного литературного языка в полном соответствии с демократическим строем общества проходило под постоянным влиянием двух факторов. С одной стороны, на его развитие сильное воздействие оказывали и оказывают территориальные

диалекты, которые представляют собою неиссякаемый источник пополнения словарного состава и фразеологизмов, а также служат постоянным ориентиром в совершенствовании орфографических и орфоэпических правил, в грамматической и лексической нормализации литературного языка. Этот далеко еще не исчерпавший всех своих возможностей процесс взаимодействия и взаимовлияния общенационального языка и местных диалектов играет определенную роль в возникновении и развитии стиля.

С другой стороны, в формировании киргизского литературного языка и в его стилистической дифференциации существенное воздействие оказывал и оказывает русский литературный язык. Благотворность его влияния сказывается прежде всего в развитии словарного состава киргизского литературного языка, особенно в формировании его научно-технической и искусствоведческой терминологии, в совершенствовании его синтаксиса сложных предложений, в оформлении его орфографических и произносительных норм. Влияние русского языка на киргизский литературный язык настолько сильно, что оно коснулось таких малопроницаемых сторон языка, как фонетическая система (например, заимствование согласных звуков *ф, в, ц, х*), структура слогов (например, к ранее существовавшим шести типам слогов вместе с заимствованными словами в литературный язык проникли еще шесть новых типов слогов).

Наряду с отдачей материальных элементов роль русского языка сказалась также в том, что он в развитии киргизского языка служил и служит в качестве импульса для мобилизации его внутренних возможностей для создания способом калькирования многочисленных новых слов, словосочетаний, фразеологизмов, новых типов синтаксических конструкций, в развитии разных видов синонимии—лексической, фразеологической и синтаксической, — что весьма важно в расширении стилистических возможностей литературного языка.

В результате максимального использования всех своих внутренних возможностей и широкого заимствования русских и интернациональных элементов (слов, моделей, конструкций), киргизский письменный литературный язык 60-х годов нашего столетия по своей выразительной способности существенно отличается от его состояния, например, в 20-х годах. За этот весьма короткий для истории языка срок он развился от языка начального образования до языка вузов и науки, от языка скотовода до языка инженера и ученого.

Такой невиданный темп развития продиктован в свою очередь невиданным в истории общества темпом развития экономики (создание многочисленных новых отраслей промышленности и сельского хозяйства), расцветом национальной культуры и искусства, интеллектуальным и духовным развитием носителей языка.

Только такой чрезвычайно быстрый темп взаимосвязанного развития общества и его языка мог привести и действительно привел к стилевой дифференциации.

Проблема стиля в лингвистическом аспекте не раз становилась предметом обсуждения в научной литературе в нашей стране и за рубежом. Почти отсутствуют работы, касающиеся стиля молодых литературных языков. Стилeвая дифференциация в разных языках имеет различный характер; в старописьменных языках с многовековой традицией обычно наблюдается большая степень дифференцированности нежели в младописьменных. Степень стилистического развития находится в зависимости и от других условий, в том числе от социального расслоения общества, от характера общественной функции литературного языка и т. д. Однако, на наш взгляд, общие объективные признаки различения стилей литературных языков, независимо от их принадлежности к различным системам, не имеют принципиальных различий. Стилистические различия в любом литературном языке связаны с установлением стилистических оппозиций по всем уровням языка. Если брать синхронно, то стилистические признаки на разных уровнях количественно неодинаковы. Например, стилистические оппозиции на фонологическом уровне современного киргизского письменного литературного языка, пожалуй, невозможно найти, в то время как его стилевая дифференциация зиждется на противопоставлениях главным образом на уровне лексики, включая фразеологию, и синтаксиса.

При исследовании стилистических разновидностей современного письменного киргизского литературного языка применяются те же методы и приемы, какие использованы при исследовании других языковых систем, например, при исследовании стилевой системы русского литературного языка. Иначе говоря, стилистические оппозиции должны устанавливаться в зависимости от приемов употребления, отбора и сочетания речевых средств по следующим рубрикам: 1) на лексическом уровне: употребление слов и фразеологизмов в прямом и переносном значениях, отбор антонимов и синонимических параллелей по степени активности и пассивности употребления терминологической лексики, звуко- и образо-

подражательных слов, архаизмов, диалектизмов, общих и индивидуальных неологизмов, употребляемости условных знаков, символов, схем и других условностей; 2) на уровне синтаксиса обращает на себя внимание отбор синтаксической синонимии, характерность применения тех или иных типов предложений и словосочетаний, а также конструкций предложений, выходящих за пределы или в пределах нормативной грамматики; 3) на уровне морфологии противопоставление чаще всего обнаруживается по отбору морфологической синонимии, по активности или пассивности применения тех или иных форм; 4) на любом уровне языка стилистическую окраску придают порою чисто количественные показатели, то есть частотность употребления тех или иных форм. Как мы увидим ниже, частое или даже постоянное употребление определенных типов синтаксических конструкций, отдельных морфологических форм и определенных лексических групп или даже постоянное применение некоторых слов составляют характерную черту письменной речи, функционирующей в определенной сфере деятельности общества.

Беглое и выборочное наблюдение над языком письменной литературы, эпистолярными и другими документами за прошедший период создания общенационального киргизского литературного языка показывает, что речевые стили и сами признаки, по которым различаются стили, возникли не сразу и не одновременно. Если пока оставить без внимания частные письма, стилевые особенности которых следовало бы рассмотреть в связи с языком дореволюционной письменности, то на первом этапе становления литературного языка наблюдаются различия по использованию речевых средств лишь между художественной литературой и газетной публицистикой. При этом следует иметь в виду, что стилевые различия между ними проводятся не всегда достаточно четко и не по всем уровням языковой структуры, особенно по синтаксису. Язык газетной публицистики выделяется прежде всего широким употреблением социальной лексики, которая в дальнейшем еще больше закрепляет свою позицию. В ней общенародная лексика используется в нейтральном стиле, для коротких информационных сообщений вырабатываются постоянные конструкции предложения, для рубрик и заголовков — именные словосочетания (шаблоны).

В последующие годы развития литературного языка в зависимости от многочисленных изменений в экономике, идеологии и культурной жизни народа усиливаются различия в уже появившихся стилях и начинают возникать новые.

Дальнейшее развитие народного образования, создание средней школы, а за ней специальной средней и высшей школы сопровождалось появлением на родном языке переводных и оригинальных учебников по всем дисциплинам учебной программы. Это, конечно, привело к созданию элементарной научно-технической терминологии.

Все большая оснащенность колхозов и совхозов машинами, возникновение новых отраслей промышленности, строительство новых заводов и фабрик вызвали необходимость подготовки массовых кадров механизаторов на селе, квалифицированных рабочих и среднетехнической интеллигенции, что привело, в свою очередь, к созданию на родном языке профессионально-технической литературы и научно-популярных брошюр. Надо иметь в виду, что вся эта литература почти целиком переводится с русского языка. Отсюда просто объясняется возникновение на киргизском языке научно-популярной литературы со стиливыми различиями, сходными признаками, имеющимися в русском литературном языке. Для данного стиля характерно на уровне лексики активность отраслевой терминологии, наличие условных знаков, символов, схем, формул и т. д. На уровне синтаксиса больше всего бросается в глаза частота употребления сложных синтаксических конструкций, копируемых обычно с русского языка.

Ведомственная переписка на киргизском языке в масштабе республиканских и областных учреждений составляет незначительную долю, чего нельзя сказать о внутрирайонной и внутриколхозной (внутрисовхозной) переписке и делопроизводстве вообще. В местностях с преобладанием киргизского населения протоколы и постановления собраний, договора, акты, справки и другие документы составляются на киргизском языке. Заседания Верховного Совета республики также ведутся чаще всего на родном языке. На киргизский язык переводятся и публикуются все важнейшие постановления, резолюции, призывы и другие документы партийных и советских органов, а также все Законы, создаваемые Верховными Советами СССР и Киргизской республики.

Изучение приемов употребления и отбора речевых средств перечисленных выше документов позволяет объединить их в одну стилевую группу, которая в свою очередь может быть подразделена на более мелкие стилевые подгруппы. Для языка официально-канцелярских документов в отличие от других стилей весьма характерным является количественный при-

знак, то есть частое повторение речевых средств на грамматическом и лексическом уровнях. Дежурные слова, часто повторяемые словосочетания и конструкции предложения, а также частота употребления одних и тех же морфологических форм придают стилю этих документов однообразность, стандартность. Таковы, например, лексика, грамматическая форма указов о награждении (где, наряду с постоянной конструкцией предложения, постоянно употребляются слова типа *сыйлансын* 'наградить' — в 3-ем лице единственного числа страдательного залога повелительного наклонения), указов о назначениях и т. д. Для договоров различного типа, актам, официальным справкам, наряду со стандартностью лексики и грамматических форм, характерна инверсия (необычная расстановка членов предложения).

Для стиля языка художественной литературы характерна не стандартность, а многообразие приемов и отбора речевых средств. Это многообразие в основном берет свое начало от различных жанров фольклора, в котором в течение веков выработывались определенные приемы воздействия на слушателей и соответственно с этим отбирались наиболее эффективные формы словесно-грамматических средств языка.

В стиле художественной литературы первостепенная роль принадлежит лексическим средствам и различным типам фразеологизмов, которые в целях создания художественных образов и эмоционального воздействия на читателей очень часто употребляются в метафорическом значении. В стиле художественной литературы неотъемлемым признаком является довольно частое применение таких лексических групп, как общие и индивидуальные неологизмы, архаизмы, историзмы, лексические и отчасти грамматические диалектизмы, образно-подражательная и звукоподражательная лексика.

Для выражения субъективных отношений к изображаемому явлению в этом стиле в авторских подтекстах и в речи персонажей нередко участвуют устойчивые фразеологические сочетания — идиомы, поговорки, пословицы.

Синтаксис художественной речи обычно отличается своей простотой, близостью к синтаксису народного разговорного языка. Прослеживается некоторое различие в подборе лексики и в построении предложения, имеются различия между авторским подтекстом и речью персонажа.

В стиле художественной литературы нетрудно выделить подстили, различаемые между собою по использованию речевых средств в зависимости от жанра, вида, рода литературы.

По-прежнему ближе к стилю художественной литературы находится стиль газетно-публицистический (язык газеты, радио, телевидения), в котором в отличие от первого общественно-политическая лексика составляет самую активную часть словаря. В нем участвует терминологическая лексика, особенно социально-экономическая, общезначимая часть отраслевых терминов, довольно активны разнообразные формы именных конструкций. В ряде заметок и статей наблюдается стандартность в употреблении лексики, в конструкциях предложений.

В современном письменном киргизском языке каждый из кратко охарактеризованных выше стилей имеет ярко выраженные отличительные признаки по употреблению речевых средств на уровне морфологии, синтаксиса и лексики. Однако они не изолированы друг от друга: они скреплены между собою общенародной основой языка — фонологической системой, морфолого-синтаксическим строем и основным словарным фондом с его словообразовательными моделями. С другой стороны, эти функциональные стили в своем развитии оказывают влияние друг на друга, отдельные признаки одного стиля проникают в другие, иногда становясь общими для нескольких стилей. Например, признак частотности или стандартности оказывается характерным в той или иной мере и для научно-технического стиля, и для официально-канцелярского стиля.

Исследование функциональной дифференциации литературных языков и их стилей в разных аспектах и в тесной связи с развитием общества — носителя языка должно помочь познать внутреннюю закономерность развития языка для сознательного на него воздействия.

Э. Г. ТУМАНЯН
(Москва)

СТРУКТУРНО-СТИЛЕВЫЕ АВТОНОМНЫЕ ВАРИАНТЫ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Основной задачей статьи является изучение ряда лингвистических явлений, связанных с процессом становления и нормирования старописьменных литературных языков. При этом центральное место отводится понятию «автономный (замкнутый) структурно-стилевой вариант», его роли и значению в истории развития и формирования литературных национальных языков.

Материал извлечен в основном из истории восточноармянского литературного языка. Тем не менее нам кажется, что многие явления, о которых здесь будет идти речь, характерны и для других языков со старописьменными традициями.

Прежде чем перейти к изложению основного материала, считаем необходимым с самого начала установить, что нами понимается под термином «автономный структурно-стилевой вариант» и каковы границы его применения.

Понятие стиля меняется в зависимости от исторического развития языка и его состояния. Так, например, в эпоху нормированного национального языка, когда установлена относительная стабильность всех его уровней, понятие стиля иное, чем в эпоху становления и развития того же языка, когда отсутствует четкая система нормативов, а сам новый литературный язык значительно ограничен в своих функциях. Поэтому мы различаем понятие стиля для двух стадий языка и во избежание смешения употребляем два термина: термин «функциональные стили» для стадии нормализации и «автономные (замкнутые) структурно-стилевые варианты» для переходной стадии. Другими словами, функциональные стили характерны для стабильного, нормированного состояния языка (общенационального), автономные же структурно-стилевые вариан-

ты — для языка, находящегося в процессе становления и формирования, иначе говоря, переходящего из письменно-литературного состояния в общенациональное.

Необходимо рассмотреть, какие особенности наблюдаются в процессе формирования письменно-литературного языка и его перехода в общенациональный, какие факторы влияют на этот процесс, а также, как отражается влияние этих факторов на структуру самого языка.

На развитие и формирование письменно-литературного языка влияют, с одной стороны, экстралингвистические факторы (развитие производства, экономики и т. д.) и внутрилингвистические факторы, которые в отличие от первых имеют непосредственное влияние на структуру самого языка. К числу последних следует отнести прежде всего наличие или отсутствие старописьменных традиций, существование диалектов, их количество и характер (сильно дифференцированные или слабо дифференцированные), смену диалектной базы, наличие художественной и публицистической литературы и письменности вообще и т. д. Наконец, немаловажную роль в обработке литературного языка имеют и различные общественные течения, которые стимулируют или, наоборот, тормозят то или иное направление и в конечном счете регулируют и ставят в определенные рамки общий процесс развития. Нас интересуют те факторы, которые играют существенную роль во внутривидовом развитии языка. Перейдем к их анализу.

Во-первых, одним из наиболее существенных факторов следует считать длительное существование древнеписьменных традиций. Влияние древнеписьменного языка на процесс формирования и развития литературных языков, безусловно, весьма значительно. Древний язык, как правило, накладывает свой отпечаток на структуру формирующегося нового литературного языка. Исторически сложившийся и закрепленный письменностью и традицией древний язык, став уже мертвым, непонятным массам языком, нередко еще долго сохраняет свои коммуникативные функции в письменном общении и сосуществует наряду с новым, письменно-литературным языком.

Однако древнеписьменный язык не только сосуществует рядом с новым, ограничивая его функции. Он вступает с ним в сложные взаимоотношения. Новому языку еще не хватает литературных и культурных традиций, свойственных древнему языку. Он еще не обработан и не упорядочен, как древний язык, но у него есть великое преимущество, чего нет у древнего языка, — он понятен всем. Правда, его функции еще

ограничены, но в нем уже заложена тенденция к расширению и проникновению во все сферы общения. Борясь с господством старого языка, новый язык вместе с тем заимствует у древнего языка не только отдельные слова и словоформы, но и ряд структурных особенностей. Так в результате взаимодействия древнего и нового языков рождается архаичный стилевой вариант.

Следует попутно отметить, что почти всем литературным языкам со старописьменными традициями на какой-то стадии своего развития приходится бороться с длительным господством старописьменного языка с целью постепенного вытеснения его из всех сфер общения. При этом ведущую роль играют различные общественные течения. Повсеместно наблюдался факт, когда борьба со старописьменным языком и литературно-отборочная обработка нового письменно-литературного языка в том или ином направлении всегда сопровождалась появлением ряда общественных течений.

Деятельность Лютера в XVI веке, в эпоху Реформации (в частности, его перевод Библии на немецкий язык) в определенной степени была связана с борьбой против гнета средневековой латыни и стремлением расчистить путь для создания общенемецкого литературного языка.

Грамматическое движение во Франции в середине XVI века, возглавляемое поэтами Плеяды, направлено было прежде всего на то, чтобы освободиться от влияния латыни, поднять в глазах ученого мира значение французского языка, доказать, что французы должны писать на французском языке, на котором могут быть созданы литературные произведения.

Общественные течения, связанные с вопросами обработки и нормирования литературных языков, имели различные направления и цели. Для деятелей одних общественных течений характерно понимание общего хода развития языка, другие, наоборот, стремились повернуть колесо истории вспять, что выражалось в попытках сохранить максимально старописьменные традиции, которые шли вразрез с общим ходом развития языка. Третьи впадали в иную крайность, стремясь поднять отдельные, локальные диалекты до уровня письменно-литературного языка, в то время как уже был представлен, хотя и в несовершенной форме, определенный литературный эталон общенационального языка.

Другим значительным фактором, влияющим на внутривидовое развитие литературного языка в период его становления являются диалекты. Диалекты играют весьма существенную роль в процессе развития и формирования лите-

ратурного языка. Вообще существование множества диалектов наряду с письменно-литературной и народно-разговорной разновидностями — факт, отмеченный в истории почти всех языков.

Проникая в развивающийся письменно-литературный язык, диалекты образуют так называемые автономные диалектные структурно-стилевые варианты.

Таким образом, влияние древнеписьменного языка на развивающийся литературный язык отражается в виде различных архаичных замкнутых структурно-стилевых вариантов. Влияние же диалектов и проникновение их элементов в литературный язык может быть причиной образования диалектно-окрашенного, замкнутого структурно-стилевого варианта.

В структурном плане замкнутые стилевые варианты (как архаичные, так и диалектные) отличаются от письменно-литературного языка суммой лексических, морфологических, синтаксических и иногда фонетических признаков, которые обуславливают их автономное существование в рамках последнего.

Благодаря своему автономному существованию стилевые варианты в значительной степени ограничивают коммуникативные функции нового литературного языка, заменяя его в различных сферах письменного общения.

В стадии общенационального языка замкнутые стилевые варианты исчезают. Они противоречат характеру общенационального языка как носителя общенациональной формы, где все другие формы существования языка растворены и подчинены единой системе. Общенациональный язык противостоит как диалектам, так и древнелитературному языку. Он выступает как высшая форма общенародного языка, представляющая собой объединяющую и организующую силу. По этой причине общенациональный язык функционально неограничен, ему принадлежат все сферы общения. В таких условиях существование автономных стилевых вариантов явилось бы лингвистическим анахронизмом.

Совершенно иная картина обнаруживается, когда мы характеризуем этот язык в стадии его развития и становления.

В этот период письменно-литературный язык еще не в состоянии противостоять диалектам и древнеписьменному языку, как это имеет место в общенациональный период, а находится в процессе тесного взаимодействия с ними. Именно поэтому и письменно-литературный язык не может в этот период

выступить как носитель единой, общенациональной нормы и завоевать все сферы общения.

В этой стадии язык не обладает достаточной структурной устойчивостью и универсальностью. Отсутствие четко установленных границ в развивающемся литературном языке, с одной стороны, и его недостаточная функциональная организованность, — с другой, способствуют интенсивному образованию в его рамках автономных стилевых вариантов, представляющих собой подсистемы в общей системе.

Характеристика структурно-стилевых автономных вариантов в истории развития армянского языка. Современный литературный армянский язык представлен двумя литературными вариантами общенационального языка — восточноармянским и западноармянским. Западноармянский литературный язык формировался на базе диалектов ветви *кэ* (преимущественно константинопольского), восточноармянский — на базе диалектов ветви *ит* (преимущественно араратского диалекта). Благодаря разной диалектной основе, они имеют и ряд дифференциальных признаков. Западноармянский литературный вариант является языком турецких армян, эмигрировавших в другие страны. Восточноармянский литературный язык — это язык коренного населения Советской Армении. Мы остановимся на вопросе формирования восточноармянского литературного языка. Следует отметить, однако, что процессы, о которых здесь будет идти речь, в большинстве случаев характерны и для развития западноармянского литературного языка. В частности, структурно-стилевые варианты основных типов в общих чертах наблюдались и при развитии западноармянского литературного языка.

В истории современного восточноармянского литературного языка середина и особенно вторая половина XIX века являлись решающим периодом в процессе формирования и становления единого литературного языка для восточных армян, начало которого следует отнести к XVI—XVII векам.

В этот период создается армянская классическая литература, благодаря которой нормализация постепенно начинает охватывать всю систему литературного языка и завершается к концу XIX века. Этому способствует бурный рост периодической печати, на страницах которой находила свое отражение почти вся классическая художественная литература. Ввиду того, что армянская периодическая печать XIX века по ряду причин становится одним из наиболее важных средств развития армянского литературного языка и полностью отражает

те процессы, которые имели место при переходе из письменно-литературного состояния в общенациональный, мы отдали предпочтение материалу, извлеченному в основном из периодической печати середины XIX века. В каком состоянии находился армянский язык¹ в середине XIX века и какие факторы влияли на его развитие?

Во второй половине XIX века уже в общих чертах был сформирован армянский литературный язык, тот костяк, который в дальнейшем, благодаря художественной и особенно периодической литературе должен был стать нормированным и унифицированным языком армянской нации и затем национальным языком коренного населения Советской Армении.

Одним из наиболее существенных факторов, влияющих и формирующих новый литературный язык, был древнеармянский язык, или иначе грабар. Грабар занимал господствующее положение (особенно на ранних этапах) почти во всех сферах письменного общения. Влияние древнего языка было огромным. Его считали образцом, ему старались подражать при письменной обработке нового языка. Однако для народных масс он оставался непонятным. Прогрессивные общественные деятели понимали, что дальнейшее развитие общества и прогресс невозможны на базе языка, непонятного народу. Под их давлением новый язык был признан и узаконен как язык письменного общения. Борьба развернулась на новом этапе вокруг вопроса о том, в каком направлении развивать дальше новый литературный язык. Представители консервативных направлений предлагали обрабатывать его так, чтобы постепенно сблизить с древним языком. Так теоретически обосновывалось появление на страницах периодики и в печати вообще множества произведений, язык которых в разной степени был насыщен архаичными элементами. Эти архаичные автономные варианты представляли собой в общих чертах либо древний язык с рядом отклонений в сторону литературного или народно-разговорного языка, либо народно-разговорный язык, пронизанный множеством архаичных форм.

С другой стороны, на новый литературный язык влияли диалекты, которыми армянский язык весьма богат, а также и народно-разговорный язык. Многие представители ряда прогрессивных направлений стимулировали это естественное влияние диалектов. Они признавали за диалектами ведущую роль в процессе развития языка. Новый язык должен быть

---

¹ Термин «армянский язык» и далее мы употребляем в значении «восточноармянский литературный язык».

близким и понятным всему народу, поэтому его надо обрабатывать, сближая с диалектами.

Осуществляя это кредо, ряд представителей армянской художественной литературы и прогрессивной мысли создавали произведения, которые нельзя признать написанными ни на диалекте, ни на литературном языке. Язык их произведений — это скорее всего литературно обработанный диалект, точнее полудиалект. Язык этих произведений (включая и различные статьи в периодической печати) именуем диалектным стилевым вариантом общеармянского языка (ср. кафаревусу).

Так, на фоне становящегося литературного языка, который по своему состоянию уже отражает общие контуры современного восточноармянского литературного языка и является его прообразом, можно выделить ряд промежуточных образований, выраженных разными стилевыми модификациями. Эти образования структурно отличались от литературного языка, во многом ограничивали его функции и в силу этого могут быть рассмотрены как подсистемы в общей системе.

Сейчас, когда уже имеется нормализованный общелитературный язык с неограниченными функциями, с устоявшейся нормой, можно сравнить состояние армянского языка середины прошлого века с современным и из ряда вариантов, представляющих совокупность языка того времени, отобрать тот вариант, который ближе всего стоит к современному состоянию. Этот язык и является прообразом современного языка. Все остальные варианты, отклоняющиеся от первой модели, могут быть рассмотрены как модификации этой основной модели.

Представителям языковых направлений прошлого века чаще всего довольно трудно было ориентироваться в этой массе вариантов. Неудивительно, что они именовали «ашхарбаром», то есть литературным языком, почти все перечисленные здесь структурно-стилевые варианты, в том числе и тот основной, который явился действительно прообразом современного состояния литературного языка.

Изучение и классификация материала позволяет нам выделить на фоне большой пестроты следующие структурно-стилевые варианты, характеризующие состояние армянского литературного языка середины XIX века.

Ранний образец общеармянского литературного языка

Этот образец представляет собой еще далеко не совершенный тип общелитературного языка для восточных армян се-

редины XIX века, который, однако, уже приобрел наддиалектный характер. В дальнейшем он подвергается обработке и превращается в национальный язык для восточных армян.

В описываемый период этот язык обладал двумя существенными особенностями:

а) функционально он был ограничен и имел небольшой удельный вес благодаря наличию еще живых традиций древнеармянского языка (грабара), с одной стороны, и структурно-стилевых вариантов — с другой:

б) структурно он был еще недостаточно оформлен и в целом мало нормирован. Это выражалось в свободном употреблении различных словоформ для выражения одного и того же значения, в употреблении синонимичных пар и в колебаниях в выборе тех или иных форм вообще.

Однако, наряду с существованием определенной суммы признаков, которые допускали многочисленные отступления и колебания, состояние этого раннего образца современного литературного языка, с другой стороны, обнаруживало и определенную систему признаков, которые современниками рассматривались как обязательная норма. Эти признаки представляли собой совокупность константных элементов, которые были лишены как узко диалектных черт, так и сугубо архаичных форм.

Архаичный структурно-стилевой вариант

В формировании этого варианта большую роль играет древнеармянский язык, степень насыщенности которым может варьироваться до перехода в собственно древнеармянский язык (особенно на сравнительно ранних стадиях развития).

В середине и особенно в начале XIX века старописьменные традиции были настолько сильны, что грабар играл примерно такую же существенную роль в развитии нового литературного языка армян, как латынь в истории ряда западноевропейских языков.

Грабар господствовал в науке, религии, праве, в деловых документах, в публицистике и даже в устной речи (проповеди, лекции). Стремление к употреблению обработанного языка, который сохранил «благородство и изысканность», было настолько сильным в то время, что не сдерживалось даже опасностью остаться непонятым народу. Образованность в те времена не мыслилась без знания грабара.

Наряду с произведениями, написанными на этом изысканном, но непонятом большинству древнем языке в середине XIX века можно встретить произведения, язык которых пред-

ставляет смесь архаичных форм с новолитературными или диалектными. Желая сохранить верность древнеписьменным традициям, авторы этих произведений не могли не считаться с необходимостью писать на общепонятном языке. Они шли на компромисс, внося элементы бытовой речи в свой «изысканный» язык. В других случаях значительной архаизации подвергался общеармянский литературный вариант, который, в зависимости от степени использования в нем архаичных элементов, мог в значительной степени сблизиться с грабаром.

В одних случаях мы имеем дело с грабаром, подвергшимся частичной модернизации, в других случаях — с общелитературным языком архаичного типа².

Диалектный структурно-стилевой вариант

Основным компонентом в формировании этого варианта является диалект или группа диалектов.

Армянский язык является одним из наиболее сильно дифференцированных в диалектном отношении языков.

В середине XIX века наряду с общеармянским, так называемым гражданским языком, существовало и множество локальных диалектов, которые находились в весьма сложных взаимоотношениях с ним.

Общелитературный язык, который формировался на базе зраратского диалекта (наиболее распространенного и очень близкого к грабару по своей фонетической системе), не мог еще полностью взять на себя функции общенародного литературного языка. Как уже сказано, с одной стороны, его функции значительно ограничивал грабар, который к тому же имел очень большую поддержку в консервативно настроенных общественных слоях. С другой стороны, он был ограничен существованием диалектных структурно-стилевых вариантов, которые также имели своих сторонников среди уже более прогрессивных кругов.

В середине XIX века проблема дальнейшего развития новоармянского литературного языка становится предметом горячих споров. В центре внимания оказывается вопрос о том, в какой степени следует использовать диалекты и грабар в целях дальнейшей обработки нового языка.

С одной стороны, делались попытки поднять местные диалекты до уровня общелитературного языка, а с другой сто-

---

² По техническим причинам подробный лингвистический анализ этих типов не может быть здесь приведен.

роны, уже впадая в другую крайность, старались приблизить общелитературный язык к диалектам или народно-разговорному языку путем внедрения диалектных особенностей в систему нового языка. В ряде же случаев наблюдались и серьезные попытки объединить западноармянский литературный язык с восточноармянским.

Так возникли диалектные структурно-стилевые варианты, характер которых зависел, во-первых, от степени насыщенности общелитературного языка диалектизмами, во-вторых, от особенностей того или иного диалекта и, в-третьих, от принципов различных комбинаций, в которые входили диалекты. Рассмотрим более подробно эти случаи.

1. Становящийся общелитературный язык, являясь наддиалектным образованием, не был безразличен к окружающему его диалектному дроблению. Он в значительной степени подвергался влиянию диалектов, которые проникали в этот язык, отражаясь в его структуре. В образцах этого диалектного структурно-стилевого варианта можно обнаружить стремление сблизить литературный язык с диалектами, вести обработку его в сторону сближения с отдельными диалектами или народно-разговорной формой языка. В литературный язык проникают диалектные формы местоимений, наречий, глаголов, множество лексических заимствований из диалектов и народно-разговорного языка.

2. Степень насыщенности диалектизмами и их характер зависели от автора, от характера того диалекта, носителем которого он являлся, и от его лингвистических взглядов в вопросе о дальнейших путях развития нового литературного языка.

Стремясь сделать новый язык наиболее понятным и близким народу, определенная группа писателей и публицистов на основе отдельных, локальных диалектов создавала произведения, язык которых подвергался лишь частичной литературной обработке, оставаясь очень близким к диалекту. Образцом может служить язык известного романа Х. Абовяна «Раны Армении», который написан на родном автору канакерском наречии, подвергшемся частичной литературной обработке. Автор в ряде случаев вместо узко диалектных слов и форм употребляет либо грубые, либо общеразговорные. Но и это осуществляет непоследовательно.

Позже его примеру последовал другой писатель — П. Прошьян, который под влиянием романа Х. Абовяна написал роман «Сос и Вардигер» на своем аштаракском наречии.

В целом надо отметить, что эта тенденция обрабатывать отдельные диалекты дальнейшего развития не получила.

3. В основе этого типа лежит попытка соединить, скомбинировать особенности западноармянских диалектов (и литературного языка) с восточноармянским литературным языком с целью их сближения. В середине XIX века многие видные писатели и публицисты, носители западноармянского языка жили и творили на территории Восточной Армении. Создавая свои произведения преимущественно на восточноармянском литературном языке, они вносили туда особенности своего родного диалекта. На более ранних стадиях это делалось бессознательно, но позже уже целенаправленно. Образцы этого типа обнаруживаются в языке журнала «Ара-рат», «Масяц агавни», в ряде произведений Р. Паткяняна, в ранних произведениях М. Налбандяна и т. д.

Влияние западноармянского языка выражалось, в частности, в формировании родительного и дательного падежей множественного числа, где наряду с восточноармянскими литературными формами *-eri* (*-neri*) употреблялись и западноармянские *-eru* (*-neru*), в формировании отложительного падежа единственного числа, где вместо восточноармянского *-ic* встречается преимущественно западноармянское *e*. Влияние западноармянского диалекта отражается в ряде случаев и в фонетическом облике самих слов (аспирация глухих и оглушение звонких, например, *p, t, k > p', t', k'*) и т. д.

В заключение отметим, что последующее развитие восточноармянского литературного языка шло в двух направлениях. С одной стороны, все указанные структурно-стилевые варианты постепенно вытеснялись из всех сфер общения, так как их существование было несовместимым с полифункциональным характером общенационального языка — носителя единой нормы. С другой стороны, в самом новоармянском литературном языке вырабатывались единые лексические, грамматические и орфоэпические нормы, действующие как в устной, так и письменной разновидности языка.

Н. С. ...

С. К. КЕНЕСБАЕВ
(Алма-Ата)

**К ВОПРОСУ ОБ ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ
ФУНКЦИЯХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ**
(на материале казахского языка)

Успешная разработка общих вопросов стилистики конкретного языка или группы конкретных языков во многом зависит от частных исследований. Выявление стилистической роли лексическо-фразеологических напластований, синтаксических и других языковых явлений содействует более правильному осмыслению и более вероятному установлению предмета стилистики, типизации стилистических функций слов, словосочетаний и т. д. Слабая разработка этих относительно частных проблем отрицательно сказывается на уровне изучения общей проблематики стилистической системы литературного языка. Именно этим надо объяснить, что изучение стилистической дифференциации слов и выражений языка и речи — одна из трудных проблем в языкознании.

Можно без преувеличения утверждать, что и решение более общей проблемы разграничения языка и речи, выходящей за пределы стилистики в узком ее понимании, небезотносительно к степени разработанности стилистической дифференциации разных языковых напластований. Правомерность такой постановки подтверждается тем, что речь в отличие от языка, по мнению многих исследователей, носит несколько индивидуализированный характер. Это обстоятельство выявляет необходимость углубленной научной разработки стилистики речи и языка.

Определение объекта, задач и характера стилистики как самостоятельной лингвистической дисциплины не будет иметь доказательной силы, пока отсутствует углубленная и разнообразная работа над всеми ее сторонами, которая не отвергает, а предполагает частные штудии. В этом отношении нам нужно учесть положительный опыт в исследова-

нии различных вопросов, например, грамматики или фонологии, в области которых теоретические достижения обусловлены в значительной степени методикой исследования—индуктивным подходом, то есть переходом от частных рассуждений к общим. Умелое сочетание разных рассуждений и приемов исследования находится в зависимости от самого исследователя. Эту, так сказать, субъективную сторону дела надо учесть при разработке сложных вопросов стилистики, включающей все звенья языка (лексику, фразеологию, семантическую, грамматическую и фонетическую системы). Сложность этой проблемы вытекает еще из того, что звенья (структурные элементы) языка имеют, естественно, свои (свойственные данному структурному элементу) особенности, причем эти особенности настолько различны, насколько различно само стилистическое функционирование структурных элементов.

Трудность теоретической интерпретации стилистических явлений заключается еще в том, что лексика как одно из звеньев языка гораздо более «индивидуализирована», чем другие звенья: ограниченное количество объединяющих закономерностей (узусов) в лексике и фразеологии не может не затруднять теоретического построения курса лексикологии и фразеологии. Прав проф. А. И. Смирницкий, который утверждал: «... лексика какого-либо конкретного языка представляет собой совокупность многих тысяч отдельных единиц (слов и эквивалентных им словосочетаний), из которых каждая в той или иной степени индивидуальна, неповторима...»¹.

Надо полагать, что это разнообразие обуславливает и разнообразие стилистических функций. Конечно, нельзя дело представить таким образом, что грамматические явления стоят особняком в отношении лексики или фонетики и не имеют линий схождения. Их взаимообусловленность проявляется особенно в их стилистическом использовании.

Стили языка (речи) восприимчивы к внешним влияниям в отношении своего функционирования. Так, например, говорящий в зависимости от конкретной ситуации может прибегать к разным приемам использования стилистических средств, в том числе и в области фразеологии.

Внешние влияния — фактор исторический: сам язык, будучи общественным явлением, способен создавать нужные для обогащения и стилистического функционирования эле-

¹ А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 5.

менты, обусловленные социальными факторами. К числу этих факторов, как известно, относятся экономические, культурные и другие преобразования, под воздействием которых (не говоря о лексических заимствованиях) могут образоваться новые обороты, новые словосочетания, включая сюда кальки, переосмысленные слова и выражения. Вряд ли есть необходимость в иллюстрации этого положения. Каждый язык располагает достаточным количеством примеров в этой области.

Нам не на этом хочется сосредоточить внимание, а хочется подчеркнуть, что историческая и социально-коммуникативная обусловленность стиля органически сочетаются с внутрилингвистическими факторами развития языка. Дело в том, что потребность говорящего разнообразить свою речь, сделать ее внешне эффективной, а по смысловому содержанию доходчивой является небезразличной к внешним факторам и к самим внутренним закономерностям развития языка. При этом, конечно, нельзя упустить из виду, что доминантная роль принадлежит экстралингвистической, следовательно, исторической стороне этого дела.

При исследованиях этой проблемы надо подчеркивать, таким образом, не только и не столько социальную, сколько социально-лингвистическую обусловленность стилистической системы языка. Ведь существование, функционирование, например, синонимии внутри фразеологии, с одной стороны, фразеологической синонимии по отношению к слову, — с другой, можно объяснить на основе именно социально-лингвистической обусловленности. Само отсутствие (вернее, почти отсутствие) абсолютных синонимов (ср. слова типа: *өте-аса* 'очень', *сүлу-көркем* 'красивый', *алла-күдай* 'бог' и многие другие) говорит о наличии важной роли стилистического функционирования как слов, так и особенно фразеологизмов. Показательно, что фразеологическая синонимия стилистически выступает более ярко и выпукло, чем синонимия слов. Закономерности в их значении и употреблении можно понять при полном анализе их стилистического функционирования. Общелексическая характеристика недостаточна для полного представления о природе фразеологизмов. Это становится понятным, если иметь в виду одно важное обстоятельство, а именно, что семантика слова (особенно компонентов определенного фразеологизма) — вопрос иного порядка, чем стилистическая функция слова или устойчивого словосочетания, хотя не приходится отрицать связь между ними. Понятие «связь» не равнозначно понятию «тождество». Отож-

дествляя эти две категории (семантику и стилистическую функцию), мы совершили бы грубейшую ошибку.

Нельзя, разумеется, подыскать абсолютно идеальное определение для любого фразеологизма, так как в составе фразеологизмов даже в узком понимании, с точки зрения структурно-типологической легко обнаружить те или иные отклонения. Наряду с фразеологизмами, эквивалентными слову, например, *су журек* 'трус', *салган беттен* 'тут же', 'вдруг', *суканы кашып* 'растерявшись', *сөз кәтере алмай* 'не поняв шутки', в языке бытуют фразеологические единицы предикативного характера типа *аузынан ак ит кіріп*, *кара ит шығрады* 'браниться', *ак түйенін карны жарылды*, 'изобилие', 'из рога изобилия', *жүрек жалгады* 'червячка заморил'. Фразеологизмы обеих групп объединяются цельностью семантики, которая отличает их от иных устойчивых выражений. Положение об однородной смысловой цельности фразеологизмов требует оговорки, потому что фразеологизмы ограниченного круга могут различаться между собой то оттенками значения, то стилистическо-синтаксическими функциями, хотя они имеют больше моментов сходства, чем остальные устойчивые сочетания в сравнении с фразеологическими единицами в узком смысле.

Не менее сложным является раскрытие значений и типизация употреблений фразеологизмов в словаре (под «употреблением» мы имеем в виду стилистическую функцию и выразительную окрашенность фразеологизма). Сложность этого вопроса обусловлена самой природой фразеологизмов как средств выражения, главным образом эмоций человека. Следовательно, лучше говорить не столько о чисто лексической, сколько о лексико-стилистической функции фразеологизма. Если учесть преобладание стилистического функционирования фразеологизма, то не трудно прийти к выводу о том, что употребление фразеологизма находится в большей зависимости от разнообразных внутрilingвистических и внешнелингвистических факторов, чем отдельно взятое слово. Это положение не противоречит ни воспроизводимости, ни стабильности значения, следовательно, цельности семантики или цельности номинации.

Текстуальное окружение, то есть наличие переходящих или сопутствующих элементов, не входящих в состав фразеологизма, играет большую роль в разграничении фразеологизма от нефразеологизма.оборот типа *бармагын тістеді* (в прямом значении 'укусил палец') может обратиться в фразеологизм, например, в предложении: *Ол мұнда келе*

алмаганына бармагын тістеді (бармагын тістеп өкініп қалды 'Он горько сожалел о неявке сюда'). Контекст помогает определить значение многозначного фразеологизма, ср., например: *жүрегі елжіреді*: а) *Әскери жолдасына жүрегі елжіреді* 'Он сильно сочувствовал своему боевому другу', б) *Ол баласын сағынып жүрегі елжіреп сүйді* 'Он соскучился и крепко поцеловал своего ребенка', в) *Ол музыканы жүрегі елжірей тыңдады* 'Он слушал музыку с наслаждением'.

Стилистическая окраска фразеологизма не может быть отнесена к рубрике основных лексических значений потому, что последние, как правило, имеют предметные значения, которые могут быть использованы с дополнительными оттенками, непосредственно не вытекающими из семантики слова (иногда эти оттенки могут находиться в противоречии с нею). Эти оттенки носят то торжественный, то шуточный и т. п. характер, что мы обычно называем стилистическим функционированием. Последнее имеет тесное соприкосновение с употреблением слова и выражения, что в свою очередь соотносится (но вовсе не совпадает) с метафорическими значениями, ср., например, *Ой, бір қасқыр екенсің* 'Ох, какой ты смельчак!' (букв. 'Ох, какой ты волк!'). Пословица *жаман ағайыннан жаксы жолдас артык* 'предпочтение хорошего товарища плохому родственнику' при полном сохранении лексического значения может быть использована (вернее, всегда используется) и в метафорическом значении о том, что дружба предпочитается всем другим взаимоотношениям людей, в том числе родственным. Дело несколько осложняется при тех фразеологизмах, компоненты которых вовсе лишены первоначальных лексических значений (по терминологии акад. В. В. Виноградова, при фразеологических сращениях). Эти фразеологизмы характеризуются большей стилистической окрашенностью, причем в зависимости от речевой ситуации они выполняют довольно часто функции контрастные: то они бывают стилистически нейтральными, то стилистически окрашенными.

Нам кажется, что «стилизация» фразеологизмов не является нейтральной к степени употребляемости фразеологизма: большая частота его употребления во многих случаях прямо пропорциональна стилистической нейтральности. Этот признак особенно свойственен определительному устойчивому словосочетанию типа *қыпша бел* 'тонкая талия' (говорится о красивой женщине), *аскар тау* 'высокая гора'. То же самое надо сказать об идиоматических выражениях типа *карным ашты* 'есть хотелось', *таң атты* (букв. 'наступила заря').

Данные глагольно-именные сочетания также показывают, что функции фразеологизмов различны между собой. Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняется не только экстралингвистическими факторами. В той или иной степени здесь играет роль структурное и семантическое своеобразие фразеологизмов. Говоря иными словами, микролингвистическая сторона не всегда нейтральна к стилизации фразеологизмов.

Семантика слов, вошедших в состав фразеологизмов, сказывается в том, что стилистически окрашенные фразеологизмы могут дифференцироваться по своим функциям. Поэтому исследователь не может быть безразличным к вопросу о типизации фразеологизмов с точки зрения их стилистического функционирования.

Фразеологизмы в любом языке имеют различное назначение: большая (если не подавляющая) часть фразеологических единиц (включая, первым делом поговорки и пословицы) выполняет специфические стилистические функции, то есть выражает экспрессивные оттенки. Собственно стилистическая функция не охватывает эмоциональной стороны слова или словосочетания (поэтому наш доклад назван «К вопросу об экспрессивно-стилистических функциях фразеологизмов»). Экспрессивность более тождественна с эмоциональностью, нежели стилистические функции с функцией эмоциональной. Так, например, проклятие тесно смыкается со значением повеления, ср.: *жерге кіргір!* 'будь проклят!' (букв. 'провались сквозь землю!'), *көсегең көгермегір!* (проклятие в значении 'умри в раннем возрасте!') и т. д. Эмоция ласкательности, как известно, тесно связана с соответствующим же значением ласкательности: *шыбын жаным!* 'моя душенька!', 'моя душа!', ср. выражение *менің кулыным!* 'мой маленький!' (букв. 'мой жеребеночек!') и в том же значении: *менің козым, менің ботам* (букв. 'мой ягненок', 'мой верблюжонок'); ср. передачу значения ласкательности путем специальных формантов: *апатай* 'тетенька', *агажан* 'дяденька' и т. д.

В данном случае допустимо говорить о разных степенях приближения эмоционально-экспрессивной функции к стилистической функции. Однако к этому вопросу нельзя подходить схематически, то есть нельзя разделить все фразеологизмы по стилистическим либо по эмоционально-экспрессивным функциям, ибо часто наблюдаются взаимопереходящие явления.

И последний вопрос, на котором хотелось бы остановиться. Чем объяснить, что стилистическая «фронтальность», по

нашему мнению, первым долгом присуща пословицам и поговоркам, тогда как среди остальных фразеологизмов, в большинстве своем эквивалентных слову (в силу семантической и структурной особенности последних), встречаются выражения стилистически нейтральные? Это определяется двумя моментами: во-первых, большей прозрачностью (или сохранением) лексических значений компонентов пословицы, которая позволяет говорящим недвусмысленно употреблять ее в желаемом стилистическом назначении; во-вторых, штампованность многих идиоматических фразеологизмов (в отличие от пословиц) затрудняют стилистическое варьирование последних. А пословица и поговорка, несмотря на большую синтаксическую устойчивость, выступают с четко очерченной стилистической окраской, ср., например: *Әдет, емес, жөн әдет* 'Надо предпочесть всякое разумное всякому обычно-традиционному'. *Алыстан алты жасар бала келсе, ауылдагы алып жасар адам алдынан шығар* (букв. 'Если придет в гости шестилетний мальчик, то шестидесятилетний человек должен сделать честь в виде встречи его' — о гостеприимстве).

Есть основание сказать, что относительная синтаксическая автономность, лексико-семантическая законченность пословиц и поговорок (что не во всех случаях встречается в других фразеологизмах) в определенной (пожалуй, в значительной) мере обуславливает своеобразие, а не единообразие фразеологизмов.

Идиома *журек жалған алайық* в современном казахском языке в большей степени употребляется не столько в стилистически окрашенном значении «червячка заморить», сколько «слегка закусить». Два одинаковых по своей природе идиоматических оборота в казахском и русском языках при равных условиях (при одинаковом лексическом содержании) стилистически используются по-разному. И это понятно. Дело в том, что национальная специфика, кроме прочих условий, не может не сказаться на стиле языка.

Специфика языка является категорией исторической: нет ничего неизменного, раз и навсегда данного. Факторам времени и пространства принадлежит решающая роль: когда-то стилистически окрашенные фразеологизмы могут перестать быть таковыми, и наоборот; фразеологизмы своеобразно используются представителями разных социальных прослоек.

Постановка и успешное разрешение всего этого комплекса вопросов зависят от общей дружной работы большой армии советских языковедов.

Э. Ю. КУМАХОВА, М. А. КУМАХОВ
(Москва)

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАЗВИТИИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

Вопрос о влиянии экстралингвистических факторов на развитие стилистической системы входит в общую проблему проницаемости различных сфер языка. Поэтому процессы языкового взаимодействия в развитии стилистической системы рассматриваются нами с точки зрения проницаемости различных языковых уровней и различных языковых стилей. Нужно признать, что проблема проницаемости языковой структуры хотя и давно привлекает внимание исследователей, до сих пор не получила удовлетворительного решения. Этой проблемы касались (в связи с «вечной» проблемой смешения и скрещивания языков) представители самых различных лингвистических направлений, начиная еще от Гумбольдта.

В советском языкознании указанная проблема была очень модной после известной лингвистической дискуссии в 1950 году. В этот период у нас появилось большое количество работ, в которых рассматривалась проницаемость разных систем и подсистем языка. Дискуссия кончилась констатацией довольно простого и известного со времен младограмматиков факта, что из всех компонентов языка на внешние факторы активно реагирует лексика, а фонетика и грамматика в этом отношении более консервативны.

Проблема взаимопроникновения лингвистических систем вновь привлекла внимание советских лингвистов. Она обсуждалась на совещании по проблеме «Язык и общество», состоявшемся в мае 1966 года в Москве. Некоторые участники совещания отстаивали известную точку зрения, согласно которой фонема не заимствуется, если она встречается только в заимствованных словах. С защитой этого тезиса, выдвиг-

Фонема не заимствуется

нутого еще младограмматиками, выступили М. И. Исаев, Е. М. Верещагин и др¹.

Одной из основных причин неудовлетворительного состояния разработки проблемы проницаемости языковых систем и подсистем является то, что при ее решении не всегда четко разграничиваются некоторые явления. В частности, наблюдается неразличение таких понятий, как стиль, речь, язык, вариант, инвариант.

Пути и степень взаимопроникновения языков определяются конкретными историческими и лингвистическими условиями, в которых происходят контакты между языками. Формы адаптации иноязычных лингвистических элементов в новой языковой среде многообразны. Не только различные сферы языка (фонетика, фонология, словообразование, словоизменение, синтаксис, лексика и т. д.), но и различные языковые стили по-разному реагируют на внешние факторы. При наличии письменной формы у взаимодействующих языков существенную роль в развитии и становлении письменного языка играют внешние факторы.

В нашем докладе делается попытка показать отражение некоторых процессов языкового взаимодействия в развитии стилистической системы языка на материале абхазо-адыгских языков, находящихся в различных условиях с точки зрения взаимодействия языков². Так, адыгейский и кабардино-черкесский языки развиваются под сильным воздействием русского языка. Абази́нский язык развивался в тесном контакте с кабардино-черкесским языком. А убыхский язык является бесписьменным, к тому же он совершенно изолирован территориально от других абхазо-адыгских языков. Такое положение убыхского языка в какой-то мере способствует решению вопроса о том, что является автохтонным и заимствованным в других абхазо-адыгских языках и какова проницаемость письменной речи при взаимодействии языков.

Фонетические особенности письменной речи, обусловленные взаимодействием языков, составляют главным образом иноязычные фонемы, отсутствующие в устной речи. При наличии определенных условий некоторые из них проникают в фонологическую систему языка. Это происходит чаще

¹ См.: «Язык и общество». (Тезисы). М., 1966.

² В связи с применяемой нами терминологией нужно сделать оговорку: вслед за Р. А. Будаговым, термины «письменная речь» и «устная речь» мы употребляем как синонимы терминов «писменный стиль», «устный стиль». См.: Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1958, стр. 396.

Изолированные фонемы

всего тогда, когда в заимствующем языке имеются непарные, изолированные фонемы. В этом случае «пустые клетки» заполняются посредством заимствования. Непарная фонема становится коррелятивной сначала в письменной речи, а затем в устной. Так возникла, например, новая фонологическая оппозиция в:ф в адыгейском языке, в котором отсутствовал маркированный (звонкий) член.

в:ф

Долгое время иноязычная фонема *в* заменялась в устной речи исконным среднеязычным сонантом *у*. Такая субституция фонем до сих пор имеет место в старых заимствованиях. Ср., например, *уэж* 'возжи', *хьэлауэ* 'халва', *самауыр* 'самовар', *диуан* 'диван'. Эти слова проникли в язык до создания письменности.

Звонкий спирант *в* функционирует как свободный вариант исконного сонанта *у* и в настоящее время во многих поздних заимствованиях. Ср., например, параллельные формы в поздних заимствованиях: *тэуар*, *тэвар* 'товар', *стэлоу*, *столов* 'столовая'. В этих примерах выбор вариантов обусловлен стилистически: *у* произносится в устной разговорной речи, *в* — в письменной речи. Имеются случаи, когда противопоставление *у:в* носит чисто фонетический характер. Речь идет о возможности замены как в письменной, так и в устной речи исконного сонанта *у* согласным *в*, или, наоборот, согласного *в* сонантом *у*.

Наконец, можно привести множество примеров, иллюстрирующих акклиматизацию, точнее, фонемизацию губного спиранта *в*. Это происходит в силу того, что спирант *в* становится членом фонологической оппозиции и вместе с тем стилистически нейтральным.

Взаимозаменяемость сонанта *у* и губного *в* в этом случае исключена, поскольку стилистическая оппозиция *у:в* нейтрализуется в пользу *в*. Ср., *ваз:фаз* 'ваза:фаза'.

Как отмечалось, в развитии абазинского языка важную роль сыграл кабардино-черкесский язык. Губные спиранты в кабардино-черкесском языке образуют не бинарную оппозицию, а пучок из трех членов в составе звонкого, глухого и абруптивного *в-ф-фʰ*. В абазинском языке, как и в адыгейском, из трех членов был представлен только один глухой спирант *ф*. Но в этом языке, как и в кабардино-черкесском, согласные других рядов образуют такую же трехчленную оппозицию, как в кабардино-черкесском языке, ср., например, в абазинском языке губные *б-п-пʰ*, зубные *д-т-тʰ*, заднеязычные *гь-кь-кьʰ*. До создания письменности на абхазо-адыгских

языках из устной речи кабардинцев были заимствованы абазинцами недостающие в их языке фонемы — звонкий губной спирант *в* и абруптивный губной спирант *фl*. Тем самым в заимствующем языке изолированный глухой губной спирант *ф* вошел в трехчленную оппозицию, которая характерна не только для кабардино-черкесского языка, но и для других губных согласных заимствующего (абазинского) языка. Возникшие в результате контактирования разговорных языков фонемы *в* и *ф* вошли и в письменную речь абазинцев.

При наличии комбинаторной возможности чужая фонема может стать достоянием основных языковых стилей, в том числе нейтрального, если даже имеет минимальную функциональную нагрузку. Так, функциональная значимость звонкого ларингала *h* в адыгских языках невелика. Тем не менее фонема *h* через книжный стиль проникла из арабского языка в фонологическую систему этих языков. Это стало возможным благодаря тому, что в заимствующих языках ее коррелят — глухой ларингал *х* не входил в парную фонологическую оппозицию. В названных языках оппозиция *h:x* стала фонологической. С физической стороны, т. е. с точки зрения произношения фонема *h* также полностью адаптирована: её произношение является стилистически нейтральным (ср. произношение этой фонемы, лишенной стилистической окраски в кабардино-черкесском языке, в таких словах, как *мыһэнэ* 'значение', *һэзаб* 'страдание' и т. д. Факты показывают, что в данном случае восстановлен один из членов фонологической оппозиции — звонкий ларингал *h*, который был утрачен адыгскими языками в результате спонтанного развития. Образовавшаяся «пустая клетка» заполнена за счет заимствованной фонемы, которая реализуется во всех функциональных стилях языка.

При отсутствии типологических сходств чужая фонема сравнительно долго остается стилистически зависимой, т. е. реализуется не как фонема, а как звук. В устной речи, как правило, происходит субституция. Подобные явления функционируют в письменной речи как стилистические неологизмы.

На этом этапе адаптации чужая и исконная фонемы сосуществуют как стилистически маркированные варианты одной фонемы. Но когда процесс этот получает распространение, постепенно охватывая исконный материал, чужая фонема начинает проникать из системы речевого стиля в систему языка. Иллюстрацией к этому положению может служить разрушение двухчленной и трехчленной систем вокализма в абхазо-адыгских языках под воздействием внешних языковых фак-

h:x

торов. В абхазском и абазинском языках имеются две гласные фонемы: долгая *a* и краткая *ы*. В адыгейском и кабардино-черкесском языках, кроме этих двух гласных, имеется еще гласная фонема *э*.

Гласные среднего и верхнего подъема типа *и, у, е, о* отсутствуют в этих языках. Однако под влиянием огромного пласта иноязычного материала с гласными среднего и верхнего подъема в системе вокализма литературных языков происходят определенные процессы. Во-первых, закономерная субституция иноязычных гласных фонем среднего и верхнего подъема собственными гласными, что имеет место в старых заимствованиях, становится иррегулярной, непоследовательной. Во-вторых, — и это главное — гласные среднего и верхнего подъема начинают проникать в систему языка, они встречаются не только в заимствованных словах, но и в исконных словах. Правда, в исконных словах они функционируют пока в определенных позициях и являются не самостоятельными фонемами, а алофонами, вернее, свободными вариантами собственных кратких гласных или дифтонгов (ср. перед сонантами *й, у*: *кльйын||кльйын* 'кричать', *нэйпэ||непэ* 'сегодня', *псэу||псэ* 'живой', *ежьбу||ежьбу* 'мелодия'). Это явление относится к инновациям. Оно получило широкое распространение в литературных языках и проникает уже в устную речь.

Можно было бы привести и другие примеры, иллюстрирующие многообразие форм адаптации иноязычных фонем, что бесспорно находит отражение в развитии стилистической системы языка. Можно было бы остановиться также на различиях между функциональными стилями в дистрибуции фонем, вызванных внешними факторами развития языка, в частности, взаимодействием языков. Но приведенные примеры уже показывают, что решение вопросов «фонологической стилистики» (термин Н. С. Трубецкого) требует углубленного и системного анализа процессов языкового взаимодействия.

Утверждение, что фонема не заимствуется, если она встречается только в словах иноязычного происхождения (как и, впрочем, противоположная точка зрения, согласно которой в систему другого языка включается весь языковый материал, встречающийся в заимствованиях) не предполагает глубокого исследования языковой структуры, но оно, естественно, и не решает этой сложной и многоаспектной проблемы. Для разработки этой проблемы необходимо привлечь материал самых ~~разнообразных языков.~~

Морфология, хотя менее проницаема, чем фонетика и фо-

нология, также реагирует на внешние факторы, что находит отражение в развитии стилистической системы языка.

Случай взаимопроникновения морфологических элементов нередки. В абхазо-адыгских языках имеются аффиксальные морфемы, заимствованные из других языков, в частности из тюркских, например, суффикс *-лы*, с помощью которого в адыгских языках от исконных основ образуются новые слова: *губылэгъу* 'жалость'—*губылэгъулы* 'жалостливый' *шыхь* 'почет'—*шыхьлы* 'почтенный', 'уважаемый'. Этот суффикс, усвоенный в составе тюркских слов устным путем и носил иноземный характер, будучи окрашен стилистически. В настоящее время он стал стилистически нейтральным, получив распространение на материал заимствующих языков.

Как правило, в лингвистической литературе не разграничиваются критерии заимствованных фонем и морфем. Между тем такое разграничение очень важно для изучения процессов взаимодействия языков. Как было показано выше, вхождение в фонологическую оппозицию заимствующего языка является основным признаком освоения иноязычной фонемы. В отличие от фонемы морфему можно считать проникшей в систему другого языка, если она выступает как конститутивный элемент исконных слов заимствующего языка. Способность сочетаться с основами исконных слов говорит о том, что чужая морфема проникла в систему другого языка.

Суффиксы типа *-изм*, *-ировать*, *-ция* и другие, рассматриваемые некоторыми исследователями как заимствованные аффиксы, встречаются лишь в словах, проникших в абхазо-адыгские языки через русский язык (ср. *социализм* 'социализм', *агитировать шын* 'агитировать', *революция* 'революция'). Подобные морфемы не входят в морфологическую систему этих языков. В данном случае воздействие одного языка на другой происходит на лексическом уровне. Иначе говоря, из другого языка заимствуются слова, а не морфемы. Заметим, что эти суффиксы только начинают проникать в морфологию самого русского языка: имеется лишь несколько русских основ, с которыми они сочетаются.

От взаимопроникновения морфологических элементов, что возможно при определенных исторических и лингвистических условиях, следует отграничить развитие существующих в заимствующем языке тенденций под влиянием другой языковой среды. Это наблюдается в первую очередь при наличии во взаимодействующих языках типологически тождественных или близких явлений. Языки народов СССР дают множество примеров, подтверждающих указанное положение.

Более проницаемой является морфология письменной речи. Кроме того, наблюдения над инновациями в области морфологии показывают, что межязыковые контакты оказывают наибольшее воздействие на развитие описательных, точнее, аналитических форм. Синтетические (аффиксальные) формы в этом отношении менее подвижны.

Так, в кабардино-черкесском языке синтетическая форма давнопрошедшего времени типа *клуат* '(он) тогда ходил'. **клатэкъым* '(он) тогда не ходил' может быть заменена аналитической формой, состоящей из деепричастия и вспомогательного глагола, ср. *клуауэ цытац* '(он) тогда ходил', *клуауэ цытакъым* '(он) тогда не ходил'. Аналитическая форма не имеет широкого распространения в разговорном языке. Но в литературном языке, в особенности в языке периодической печати, все чаще встречаются аналитические формы вместо синтетических форм. Ср., например: *Языныкъуэ хозяйствэхэм мэкъумылэу ялар тэмэму учет яшлауэ, ар зыхтумэнцхэм иратауа цытакъым* («Ленин гъуэгугу») 'Отдельными хозяйствами не был правильно произведен учет фуража, он не был передан тем, кто его должен беречь'; *Республикэм и колхозхэм. совхозхэм планыр цагъээшиллауэ цытакъым* («Ленин гъуэгугу») 'Колхозами и совхозами республики не был выполнен план'.

То же самое нужно сказать о синтетических и аналитических формах, выражающих обстоятельственное значение. Так, в адыгских языках с помощью префикса *-зэр(ы)* образуются причастные формы, выражающие обстоятельственное значение, например: каб.-черк. *унафэ зэрыхуашлым* 'как они осуществляют руководство над ними'. Синтетическая форма *зэрыхуашлым* 'как они осуществляют' может быть заменена аналитической формой *зэрыхуашл шлыкэм*. Ср. *унафэ зэрыхуашл шлыкэм-унафэ зэрыхуашлым* 'как они осуществляют руководство над ними'. Аналитические формы типа *зэрыхуашл шлыкэм* характерны для письменной речи.

На формирование разных стилей внутри литературного языка существенное влияние оказывает перевод. В области морфологии это выражается прежде всего в расширении функции отдельных словообразовательных суффиксов и словообразовательных моделей.

Так, для образования новых слов с отвлеченным значением в адыгских языках используются с давних пор суффиксы *-гъ* (адыг.), *-гъэ* (каб.-черк.), например, адыг., каб.-черк. *лыгъэ* 'мужество', адыг. *цлыфыгъ*, каб.-черк. *цлыхугъэ* 'человечность'.

В советскую эпоху под влиянием перевода огромного количества новых слов и терминов, выражающих отвлеченные понятия, заметно увеличился объем функций, выполняемых суффиксом *-гъ, -гъэ*. С помощью этого суффикса образуются слова с отвлеченным значением от основ исконных и заимствованных слов, относящихся к различным функциональным стилям. Ср. адыг. *хэдзыныгъэхэр*, каб.-черк. *хэхыныгъэхэр* 'выборы'; адыг. *зэгъэгъуэтыныгъэ*, каб.-черк. *зэгъэгъуэтыныгъэ*, *къэгъуэтыныгъэ*, 'соискание'; адыг. *активнагъэ*, каб.-черк. *активнагъэ* 'активность'; адыг. *агрессивнагъэ*, каб.-черк. *агрессивнагъэ* 'агрессивность'; каб.-черк. *авторыгъэ* 'авторство'.

В адыгском литературном языке под влиянием переводов изменилось значение масдарных форм: они широко используются в качестве специальных терминов с отвлеченным значением. Ср. в письменной речи такие аффиксальные неологизмы, как *къэгъушыгъэныр* 'высказывание', *къэгъэхъуныр*, *къэкъыныр* 'выращивание', *хэхыныр* 'вычисление', *уплъэкъуныр* 'исследование', *укъэтхэныр* 'подписка', *хэутыныр*, *тедзэныгъэ* 'печатание'.

В адыгейских языках основослоложение является одним из главных способов словообразования. В связи с тем, что по мере развития общества возрастает необходимость в новых словах и терминах, увеличивается роль основослоложения-способа словообразования в адыгских языках. Более того, активизируются некоторые словообразовательные модели, которые раньше имели ограниченное применение. Так, в кабардино-черкесском литературном языке расширилась область применения словообразовательной модели: именная основа + основа глагола *дэсын* 'быть, находиться в чем-либо' (например: *налышыкдэсхэр* 'жители Нальчика', *москвадэс* 'москвич').

Наблюдаются инновации другого типа. Так, разговорный язык не допускает замены личного местоимения 1-го лица единственного числа *сэ* 'я' местоимением 1-го лица множественного числа *тэ||дэ* 'мы'. Но под влиянием русского языка в адыгских литературных языках употребляется местоимение *тэ||дэ* 'мы' в значении *сэ* 'я'. Это имеет место (как и в русском языке) в авторской речи, преимущественно в публицистической и научной. Ср., например: *Абы къыхэкъ|к|э дэ къыдолгытэ дызыхъуцыцъ|эр япэ къыгъхыцын хуейуэ, ди ныкъусаныгъэ-хэр къыш|эгъэцын хуейуэ, ехъэкъ|лэпкъ хэмылт|и*

(А. Шортэн, Аскэрбий) 'Исходя из того, мы считаем, что во главу угла нужно ставить наши недочеты, нужно смело выявить наши недостатки'.

То же самое нужно сказать о личной форме глагола. В письменной речи форма 1-го лица единственного числа заменяется формой 1-го лица множественного числа, ср., например: *Мыр зыхэдгэжкыным инэклэ глаголым кытекла цлэхэм дытэпсэлтыхын хуейц...* (Елбэд Хьэсан) 'Прежде, чем мы это выясним, мы должны рассмотреть отглагольные имена'.

Изменения в синтаксисе, обусловленные контактом с иной языковой реальностью, затрагивают преимущественно письменную речь. Кроме того, нужно отметить, что сдвиги в синтаксисе более заметны в построении сложного предложения. Языковые процессы, происходящие в синтаксисе под воздействием другого языка, бывают двоякого типа. К первому типу относится заимствование синтаксических моделей. Так, под непосредственным воздействием русского языка в письменной речи происходит формирование сложных предложений с новыми подчинительными союзами типа адыг. *сыда нлома*, каб.-черк. *сыт шъхэклэ жыплэмэ, сыту жыплэмэ* 'потому что', ср. *Тэ бэрэ чыгы члэгым тычлэтыгъ, сыда нлома ошхы къешьхышьтыгъ* 'Мы долго стояли под деревом, потому что шел дождь'. Эти новые конструкции особенно характерны для научного стиля, например: *Иджыпстуклэ ар анхуэдүэ нэм кыиудзэрктым, сыту жыплэмэ а шлалэхэм иджыри яшлэ шлагъуэ шылэктым...* (Нало Заур) 'В настоящее время это еще не так заметно, потому что эти молодые люди пока создали (написали) не очень много...'

Конструкции разбираемого типа встречаются в языке периодической печати, например: *Дунейтсом гуацлэрэпсууэ тетыр мамырыгъэм хушлокъу, сыт шъхэклэ жыплэмэ арцуэру зауэр къэхуным хуейктым* («Къэбэрдей пэж») 'Трудящиеся всего мира борются за мир, потому что не хотят новой войны'.

К новым подчинительным союзам можно отнести также адыг. *ац къыхэклыклэ*, каб.-черк. *абы къыхэкклэ* 'потому', 'вследствие этого'. Последнее имеет место не только в языке периодической печати, в переводной литературе, но проникает также в язык художественной литературы, ср., например, у А. Шогенцукова: *Биргадирыр зауэм инэклэ мэкъумэным пышлауэ зэрыцыта шлагъуэ цытактым, абы къыхэкклэ ар Іэнкуну трактористым еуицлац...* («Софят игъатхэ») 'Бригадир не очень тесно был связан с сельским хозяйством до войны, поэтому он спросил тракториста...'

Появление в адыгских литературных языках сложноподчиненных предложений типа каб.-черк. *Хэг мылажьэми ар шхэркъым* 'Кто не работает, тот не ест' объясняется также влиянием русского языка на синтаксическую структуру адыгских языков. Для адыгских языков характерна конструкция безотносительных союзов типа адыг. *Мылажьэрэр шхэрэн*, каб.-черк. *Мылажьер шхэркъым* 'Неработающий не ест'. Сложноподчиненные предложения указанного типа представляют собой стилистически окрашенные книжные эквиваленты нейтральных конструкций, образованных не путем подчинительных союзов, а посредством аффиксальных элементов.

Во всех этих случаях представляется возможным говорить о заимствовании синтаксической модели в письменной речи.

От заимствования новых моделей предложений следует отграничить развитие существующих в языке конструкций в результате взаимодействия разноструктурных языков. В качестве примера можно указать на активизацию различных типов сложносочиненных предложений с сочинительными союзами в адыгских литературных языках.

Так, например, соединительный союз адыг. *ыкли*, каб.-черк. *икли* 'и' имеет весьма ограниченное употребление в разговорном языке. Последний обходится соединительными морфемами. Ср. адыг. *Къэсхы естыгъ* 'Я принес и отдал ему', каб.-черк. *Унэм сшылэхъэри ситысащ* 'Я зашел в комнату и сел'. Но в письменной речи значительно расширилась функция союза *ыкли*, *икли*, что непосредственно связано с воздействием русского синтаксиса на адыгские языки. В результате — в письменной речи получают распространение сложные предложения с соединительными союзами *ыкли*, *икли*. Иными словами, расширяется не только функция соединительного союза, но становится более продуктивной синтаксическая модель — тип построения предложения, ср., например: *Тэ тиклуэ едгъэхъугъ ыкли бэклэ нах сакъы тыхъугъ* (В. Арсеньев) 'Мы прибавили шаг, и мы стали более осторожными'; *Залымджэрий илъэс зыбжанэ мэхъури бригадиру мэлажьэ, икли абы а луэхур къызыхуэтыншэу зэклэжьегъакулэ* (Хь. У. Елберд) 'Залимджери уже несколько лет работает бригадиром, и он безукоризненно выполняет эту работу'.

То же самое нужно сказать о сложносочиненных предложениях с союзами адыг. *ау*, каб.-черк. *ауэ*, *арцхъэклэ*, *атлэ*, 'но', 'однако'. Ср., например: *Къуэклынлэжкэ пиэклэху къышлу шидзащ, ауэ вагъуэхэр иджыри япэм хуэдэу мэлыд*

(Хь У. Елберд.) 'На востоке показалась заря, но звезды по-прежнему горят'.

Воздействие русского синтаксиса на письменную речь проявляется в построении прямой и косвенной речи. Живой разговорный язык имеет свои приемы построения речи. Если прямая речь представляет собой небольшой отрывок или небольшое предложение, то, как правило, она вставляется в середину авторского повествования. Чаще всего прямая речь ставится между подлежащим и сказуемым авторской речи, ср. например: *Лым, — нобэ мэз соклуэ, — жилац* 'Мужчина — сегодня в лес иду, — сказал'.

Если в предложении два сказуемых, то одно из них вместе с подлежащим ставится перед прямой речью, ср., например: *Лыр кбызэллэри, — Нобэ мэз соклуэ, — жилац* 'Мужчина посмотрел на меня, — сегодня в лес иду, — сказал'.

Но в письменной речи и вообще в литературном языке встречаются различные варианты сочетания прямой речи и авторского повествования. В частности, указанная конструкция может иметь такой вариант: *Нобэ, — жилац лым, — мэз соклуэ* 'Сегодня, — сказал мужчина, — иду в лес'. Встречается также вариант *Нобэ, — жилац кбызэллэри лым, — мэз соклуэ* 'Сегодня, — сказал мужчина, посмотрев на меня, — иду в лес'. Эти варианты, не свойственные живому разговорному языку, возникли в письменной речи под влиянием языка русской художественной литературы.

Поэтому в письменной речи сосуществуют разные приемы передачи прямой речи. Традиционная адыгская конструкция, характерная для устного стиля, преимущественно встречается в фольклорных текстах, ср., например: *Ятэ пщым дэж клонэу зежъэм — хьау, сэ сыгъаклу, — ылуи рилуагъ. (Адыгэ пшысэхэмрэ тхыдэжъэхэмрэ)* 'Когда отец хотел отправиться к князю. «Нет, разреши мне идти», — сказал он ему; *Блужырэ пчэдыжъым джэгум клон зэхъум, ипхъуици анэхъыжъым — Мы пшгашъэ ибэм зэрицлыгъэм фэдэу зы коцы дзыо укъэбзыгъэу сыкылыубгъэкIэжъыцт, — кбырилуагъ (Шортэн Аскэрбий).* 'Когда на следующее утро нужно было идти на свадьбу, старшей из трех дочерей, — к моему приходу очищай мешок пшеницы, как это сделала эта девушка-сиротка, — сказала она'.

Нетрудно заметить, что приведенные предложения по своей конструкции существенно отличаются от следующих предложений:

— *Илгэс данцэ ухъурэ?*

— Штэх илэс шыкълул сыхъунуш,—штигталъэу жилац абы.

— Анхуэдизу клуэн цыфлэфлэ иреклуэ, товарищ капитан—къыщхьэщыжащ Алий и лейтенантыр (Шортэн Аскербий).

— Тогда я спросил его:

— Сколько тебе лет?

— Скоро мне исполнится четырнадцать лет! — сказал он преувеличивая.

— Раз он так хочет идти, пусть идет, товарищ капитан! — заступился за Алия его лейтенант'.

В данном случае весь механизм построения прямой и авторской речи заимствован из языка русской художественной литературы.

Вполне понятно, что стиль адыгской художественной литературы не вмещается в рамки устного народного творчества, а обогащается за счет заимствования приемов повествования из языка с давней письменной традицией. Но при этом не следует забывать, что не всякое заимствование обогащает язык художественной литературы.

К сожалению, не единичны примеры нетворческого, механического перенесения приемов передачи прямой речи из русского языка в адыгские литературные языки. Ср., например:

— Икъуклэ уз шынагъуэц,— игу къегъкълуж Марусхан.

— Сыт къызыхэкълыр а узыр, Марусхан?—доуницл абы.

— Нэхъыбэу а узыр зэрыфкълыр сабийхэриц,—къыдет жэуап Марусхан.—Фэри зэрыфилэщи, сабий цыкълухэм яфлэфлц сабэм хэсын (Кхъуэлуфа Хьэжбэт).

— Очень серьезная болезнь, — вспомнила Марусхан.

— Что является причиной этой болезни, Марусхан? — спрашиваем мы ее.

— Этой болезнью страдают преимущественно дети, — дает нам ответ Марусхан.

— Как вы знаете, маленькие дети любят валяться в пыли'.

В приведенном отрывке как приемы передачи прямой речи, так и конструкция авторской речи (къыдет жэуап Марусхан 'дает нам ответ Марусхан') носят явно искусственный характер.

К новым синтаксическим явлениям в адыгских литературных языках относится инверсия. В адыгских языках порядок слов в предложении может быть фиксированным (значимым) и свободным. В предложении *Ащ тхылъыр ащ реты* 'Он книгу ему дает' имя деятеля и косвенный объект имеют

форму эргатива, что исключает возможность взаимозаменяемости в их расположении. Более свободен порядок слов в предложении типа *Ар тхылъым еджэ* 'Он книгу читает'.

Возможны следующие варианты этого предложения: *Тхылъым ар еджэ*, *Ар еджэ тхылъым*, *Еджэ тхылъым ар*. Но ни один из этих вариантов не является стилистически нейтральным. Они не характерны для живого разговорного языка. Нейтральным в стилистическом отношении в языке оказывается вариант *Ар тхылъым еджэ* 'Он книгу читает'.

С созданием письменности и появлением различных жанров художественной литературы, а также под влиянием переводов порядок слов в предложении стал более гибким и свободным. В языке прозы и особенно поэзии широко используются все указанные варианты, хотя живому разговорному языку они не свойственны. Обычный традиционный порядок слов в предложении изменяется в целях выделения смысловой значимости слова. Поэтому порядок слов в предложении стал более подвижным не только в языке поэзии, но и прозы. Ср. например: *Схьац сэ апхуэдэу илъэситI ней. Схьац гурыгъум сихьу, ауэ си гугъэр гъашIэм хэмышIулэу. (ХьэхъунашIэ Амырхъан)* 'Провел я так целых два года. Провел в страданиях, но веря в жизнь'.

Но изменение обычного порядка слов особенно характерно для языка поэзии, где инверсия используется в силу необходимости следовать новому стихотворному размеру, не укладывающемуся в каноны дореволюционного адыгского стихосложения. При выработке стилистических норм и отборе идиоматических форм важную роль играет сознательное, умеренное вмешательство в развитие литературного языка.

Так, например, обращает на себя внимание тот факт, что с рассматриваемой точки зрения в языке кабардино-черкесской поэзии произошло больше изменений, чем в языке адыгейской поэзии. Большим новатором в этом отношении выступил известный кабардинский поэт Бетал Куашев, в произведениях которого смело использовалась так называемая грамматическая инверсия, свойственная синтаксису русской поэзии. Ср., например: *КъэкIуац yi деж гуфIакIуэ, къохъуэхъур Кашкон* (КIуаш Бетал) ('Пришел к тебе с визитом радости, провозглашает в честь тебя здравицу Кашкон' (Кабардинец); *Уэ умышI Iумпэм сигуашIэр* (КIуаш Бетал) 'Ты не брезгуй трудом моим'.

Поэт нередко производил совершенно непривычные для традиционного стихосложения, но в сущности очень удачные перестановки слов в предложении по аналогии с синтакси-

сом русской поэзии, например: *Шытц Гухауэ и бжэр кЫш* (Кгуац БетГал) 'Стоит с открытой дверью кузница'. Ср. также конструкции в поэзии Ф. Балкаровой: *Гухэлгыр мэхьур нэхъри ин* 'Мечта становится еще сильнее'; *Лъагъуныгъэм сеццыр плейтей* 'Любовь вселяет в меня беспокойство'.

Изменение порядка слов в предложении, которое не так давно рассматривалось как нововведение, как книжный эквивалент традиционного порядка слов, в настоящее время становится обычным для синтаксиса языка адыгейской художественной литературы.

Известно, что лексика испытывает наибольшее влияние элементов внеязыковых структур. Однако подвижность лексики объясняется не только ее проницаемостью, но также её способностью реагировать на внешние факторы и создавать новые единицы на собственном материале. Иначе говоря, если бы в лексику не проникали иноязычные элементы, она все же осталась бы менее стабильной по сравнению с другими языковыми уровнями (ср., например, лексику исландского литературного языка, которая развивается в основном за счет внутренних ресурсов).

При межязыковых контактах особенно интенсивно происходит процесс обогащения словарного состава заимствованиями. Но более специфичным для развития лексики литературных языков в период развитого двуязычия является не обычное заимствование, а создание новых слов и выражений по моделям другого языка. Так, кабардинцы, хорошо владеющие родным и русским языком, говорят: *зэман силэкъым* 'у меня нет времени' вместо *сыхуш эхьркъым* 'мне некогда, у меня нет времени'.

Выражение *зэман силэкъым*, созданное по модели русского языка, совершенно не характерно для языка представителей старшего поколения, которые не являются двуязычными. Но оно широко употребляется в письменной речи, а также двуязычными лицами и становится достоянием литературного языка.

Для разговорной речи двуязычных характерно использование иноязычных слов, словосочетаний и нередко предложений. Это явление находит широкое отражение и в языке художественной литературы, ср., например, у Т. Керашева в романе «Дорога к счастью»: *Значит, ахэмэ сэ сагъаццли сылуащыгъ. Значит — факт: тэ пшъашгъэр зэрэтыухъумэрэр ашл эцтыгъ, тащыц гуэрэм арилотэгъэны фае* 'Значит, они меня обманули и увели меня. Значит — факт: они знали,

что мы охраняем девушку, об этом кто-то из нас, по-видимому, им сообщил'.

В первом предложении использовано вводное слово *значит*, хотя оно имеет эквивалент в адыгейском языке: *арышг, зэрэхъурьмкIэ, ацыгъум* 'значит'. Во втором сложном бессоюзном предложении первую часть (*значит* — факт) персонаж произносит на русском языке, а вторую часть на адыгейском.

В рассказе А. Евтыха «Судьба женщины» есть такой диалог между председателем колхоза и звеньевой:

— *СыкIон ау, хэт кыыздэкIоцтыр?*

— *Узфаер ахэх суагъэба.*

— *КысэдэIуцтха?*

— *Узвеньевой — понятно? — пхъашэу кыIуагъ Паши — Правлением егъэуцу. Доверенности къостыцт чылапхъэмкIэ,*

'— Я пойду, но кто со мной пойдет?

— Выбирай, кого сама захочешь.

— Разве они меня послушают?

— Ты звеньевая, понятно? — сердито сказал Паш. — Правление (колхоза) постановляет. Относительно семенного фонда дам тебе доверенность'.

В этом диалоге (действие происходит в послевоенный период) употребляются не только слова *председатель, доверенность*, которые переводятся в двуязычных словарях, но также использовано русское вопросительное слово — предложение *понятно?* Ср. у этого же автора диалог между девушкой и почтальоном в повести «Солнце над нами»:

— *Сыда итIанэ бзылфыгъэ горэм фэтхэу цу зыкIуубытагъэр?*

— *Хэт ада зыфитхырэр?*

— *Может быть, учреждение горэм Iоф дириIэу мэтхэнкIи мэхъуба?*

'— Зачем в таком случае ты думаешь, что он пишет какой-то женщине?

— Кому же тогда он пишет?

Может быть, он пишет в какое-нибудь учреждение, с которым имеет дело'.

В той же повести председатель колхоза Рамазан говорит:

— *Адэ выключатъ пIцIыгъи... А радиор бэу шIу шъозгъэ-лгагъуцт! Ау зы шыкIагъэ иI мыц — ар шъуазрэсмылб-агъуэр ары. Ау, ничего, техникэм хъхъузэныт, ари къаугуншысын!* '— Но ты же выключил... Я заставлю вас полюбить это радио! Но оно имеет один недостаток — вас я не вижу. Но, ничего, техника развивается, и это придумают!'

Из диалога между бригадиром того же колхоза Мустафой и колхозником Хасапом:

— *Тыгъуасэ строительнэ площадкэм газетхэр къахыгъэх.*

— Интересно — *ыцугъ Мустафэм, цуакъэмэ арыцозэ.* —
Сыда къылуон ихысэпыр?

— Вчера приносили газеты на строительную площадку.

— Интересно,—сказал Мустафа, надевая свои туфли.—
Что ж он хочет сказать?

В приводившихся примерах нет ничего необычного, искусственно созданного авторами произведений. Указанные явления выходят за пределы обычных лексических заимствований. Но они весьма типичны для языка лиц, владеющих родным языком и языком межнационального общения.

Еще более разнообразны процессы, происходящие при билингвизме в разговорном языке. Соотношение исконных и заимствованных (в частности, русских) элементов в разговорной речи определяется степенью знания обоих языков не только говорящим, но и собеседником.

Обычная беседа у двуязычных лиц пересыпана заимствованными словами, включает иноязычные фразы и предложения, собеседники нередко переходят с одного языка на другой.

Обращает на себя внимание тот факт, что и при двуязычии не все слои лексики одинаково проницаемы. Наши наблюдения над речью двуязычных адыгейцев и кабардинцев показывают, что более подвижны в этом отношении слова, выражающие приветствие, благодарность, некоторые наречия, количественные числительные в сочетании с существительными, названия дней недели. Указанные лексические группы слов, хотя и имеют точные эквиваленты в заимствующих языках, в разговорной речи билингвов легко уживаются с исконным лексическим материалом. Эти слова (и сочетания слов) грамматически изменяются по нормам заимствующего языка. Так, в сочетаниях типа *семь часов* 'в семь часов' в соответствии с нормой адыгских языков грамматически оформляется лишь второй компонент: ср. адыг. *семь часовым къакло* 'в семь часов приходи'; *семь часовыр къэсмэ* 'когда будет семь часов'; каб. *Школым идиректорыр двадцатэхэм прихъэллэу къокуэж* 'Директор школы возвращается числа двадцатого'.

З. Б. МУХАМЕДОВА
Ашхабад

К ВОПРОСУ О СТИЛЯХ В ТУРКМЕНСКОЙ ПОЭЗИИ XVIII—XIX ВЕКОВ

В своем обстоятельном докладе Н. А. Баскаков дал общую классификацию стилей тюркских языков. В качестве уточнения и иллюстрации положений доклада Н. А. Баскакова мы хотели бы сказать несколько слов о тех стилях, которые наблюдаются в туркменской поэзии XVIII—XIX веков.

Как хорошо известно, книжная поэзия в Средней Азии, которая своими корнями уходила в так называемую чагатайскую литературу, имела и своих туркменских представителей. Это Вепаи (XV век) — автор «Ровнак-уль-ислама», Давлет Мамед Азади (XVIII век) — автор «Вагзы азад» и Абду-с-Саттар Казы (XIX век) — автор «Книги рассказов о битвах текинцев», уже А. Н. Самойловичем язык их верно определен как «новоджагатайский». Для этой поэзии, кроме большой насыщенности ее лексики малоупотребительными арабско-персидскими заимствованиями и архаическими тюркскими словами, было характерно еще крайне слабое отражение особенностей окружающего автора живого языка. Вследствие этого произведения книжного стиля были чрезвычайно мало распространены, исключая, пожалуй, лишь сочинение Вепаи, так как его изучали в дореволюционных мектебах. Что же касается произведений двух других авторов, то рукописные списки с их текстами — большая редкость.

Книжный стиль соблюдался и в прозе, как прозаической части дестанов, так и деловых бумагах, письмах. Образцом этого может служить изложение легенды о Шейхе Шерефе в записи корреспондента А. Н. Самойловича Ходжели Моллы¹.

¹ См.: А. Н. Самойлович. По поводу издания Н. П. Остроумова «Свегоч ислама», ЗВОРАО, т. 18. СПб., 1907—1908, стр. 0158—0166.

С большой долей определенности можно сказать, что книжный стиль оказал очень незначительное влияние на развитие языка. Поэту и могли появляться написанные этим стилем весьма близкие между собой тексты то в XV, то в XVIII, то в XIX, а то и в XX веке.

Что же касается той поэзии, которая читается до сих пор, то она своими корнями, видимо, уходит в фольклор (в широком смысле слова) и близко стоит к творчеству тех музыкантов и поэтов, которых в Азербайджане именуют ашугами, в Казахстане — акынами, в Туркменистане — бахши. Произведения этого народного стиля под пером образованных и одаренных поэтов достигли уровня литературных текстов, наделенных всеми чертами художественного произведения. Эти тексты и позволяют сказать, что, хотя у туркменских поэтов и не было создателя теории о трех стилях, все же стили существовали.

Так, у поэта XVIII в. Махтумкули встречаются порой одни и те же словосочетания, лексические компоненты которых меняются в зависимости от стиля. В мухаммесе оборот *Ашык болмушам* 'предать жизнь ветру' (т. е. 'прожить ее напрасно') содержит персидское слово *бад* 'ветер'.

وهدر يفا اوتدی عيريم زايه بريديم بادهمي
(песня 124, строка 14).

'О, прошла моя жизнь загубленная, предал я ее ветру'.

Здесь стилю произведения соответствует и квантитативный размер *رمل متن مضبوط*, и все содержание песни. В другом произведении с дидактическим содержанием персидское *бад* уступает место тюркскому *ел*.

عيرينك يله برمه دنياده يल्ली
(песня 247, строка 8)

'Не бросай же на ветер своей жизни в этом мире'.

Если это даже просто умелая калька с персидского *برباد دادن* все же данное словосочетание, нам кажется, не могло не вызвать ассоциации с обычаем туркмен бросать на ветер пер-

¹ Махтумкули. Диван. (Критический текст составлен С. Ахаллы). (Рукопись).

вую пряжу — чтоб впредь работалось быстро, как веет ветер. Это подтверждается самим поэтом: в одном из своих произведений, которое по тематике отнесли бы теперь к лирике раздумья, он употребляет оборот с *el* 'ветер', но уже, как кажется, свободный от персидского прототипа:

محتومقلى بو دتياينيك هاموين
يعيب دوريب بله برديم ناموين
(песня 166, строка 17—18).

'Махтумкули! Весь этот мир — целиком собрал я,
Свернул и бросил его на ветер—с его позором и почестями'.

Такую ассоциацию мы вправе усмотреть потому, что Махтумкули, как правило, арабские и персидские элементы вводит в текст из лексики живого туркменского языка, с учетом фонетических и семантических изменений, которым подверглись эти заимствования в устах туркмен. Особенно ясно видно это из следующего двустишья:

دوشى عشقبنگ آتايينه قيلجه جانيم گوندى بار
قورى حميم اوتون انااب اوتفد ناصمه ته بار
(песня 125, строки 7—8).

'Попала в огонь любви (*ышкың аташына*)
моя душа, слабая, как волосок, о друг!
Что пользы в этом сжигании в огне (*отга*) моего сухого
тела, превратив его в дрова?'

Характерно, что одно понятие «одежда» в зависимости от задач стиля выражается различно. Нами при сугубо предварительном обзоре замечено шесть синонимов:

1) *Дон* 'одежда', 'халат'.

بوريشين يانگيش ناسير
ينكى دون كيمان يكيده
(песня 187, строка 7—8).

'Новая одежда заставит оступиться
Юношу, который прежде ее никогда не носил'.

2) *Халат* 'одежда с плеча хана, подаренная, пожалованная'.

3) *Килим* 'грубошерстная одежда деревнишей'.

Док талашар себзе халат геймэге,
Килим гөзел затдыр, дон тапылмаса.
'Сытый стремится надеть зеленую (свежую?)

пожалованную ему одежду'.
'Килим—прекрасная вещь, если нет одежды (дон)'.

4) Каба (араб. قبا) 'род кафтана, надеваемого под джуббу'.

Это слово может означать все ту же одежду — и даже просто туркменский красный шелковый халат, но тональность стиля, размер и все содержание стихотворения не допускают иного синонима:

اڭ اڭى بوزوك يكيٲ اوزى قوجاڭ كلكون قبا
(145, строка 11).

'О юноша, чей конь такой резвый, о ты, столь величавый, одетый в розовое каба!'

5) Слово *джубба* (جبه) также выполняет чисто стилистические функции: обращаясь к красавице, поэт называет ее:

Усса Жафар и:ши, сенжап жуббеси,
Исфаханда гурлан яйы гезел сен

'Ты работа мастера Джафара, ты — джубба из меха серой белки,
Ты—лук, натянутый в Исфахане, красавица!'

Здесь «джубба» — да еще из меха серой белки — нечто сказочное, редкое, как и произведение имама Джафара Садыка, покровителя мастеров, и лук из Исфахана — своего рода чудеса творения, шедевры.

6) *Пушеш* 'одежда'.

Этот синоним к *дон* выполняет также функцию высокого стиля:

اڭى ئالدين اوزىڭا پوشش ك.م.اڭى
(песня 113, строка 7).

'Кроме старой шали, он не носил иной одежды (*пушеш*)'.

В произведениях, которые мы отнесем, следуя Ломоносову, к среднему стилю, заимствованных слов меньше, зато много идиоматических словосочетаний, афоризмов. Видимо, граница между стилем книжным и просто высоким исчезает в тех произведениях, в которых лексика настолько насыщена заимствованными словами (в непонятных для массы формах и значениях), что они становятся непонятны в целом. Конечно, низкий художественный уровень также является одной из причин того, чтоб текст при самом возникновении оказался мертвым. Но порой даже художественная сила не может оживить такой текст. Примером может служить мухаммес из «Зехре—Тахир» Молланепеса, начинающийся строкой:

Хаб эйледи дилдарым бу ваг-ы зовал үзге
‘Заснула моя милая в это тревожное мгновенье’.

С точки зрения художественности в нем есть просто пер-
воклассные строки:

Од нукта сьа халлар хуснуна мукам этиши
Хинду бечелер чыкмыш гул харманы ол үзге
‘Те точки черных родинок так расположились по
ее прекрасному лицу,
Что похоже на то, как индийские дети взбираются на
бугорок из розовых лепестков’.

И все-таки этот мухаммес — пожалуй, единственный из
дестана Молланепеса «Зөхре—Тахир», который никем не рас-
певаается, нигде не распространен. Даже рукописные списки
этого дестана не всегда содержат данный мухаммес.

Все сказанное должно считаться сугубо предварительным,
но факты туркменской поэзии позволяют сделать вывод, что
поэты XVIII—XIX веков придерживались определенных сти-
листических норм. Стиль высокий, более насыщенный варва-
ризмами, оставался живым, если эти заимствования брались
из лексики живого языка и если тексты высокого стиля не
были лишены таких элементов живого языка, как идиомы,
устойчивые сравнения и проч.

Стиль средний богаче фразеологическими словосочета-
ниями, лексика здесь проще, сами размеры стихов — тюрк-
ские.

Работа старых поэтов принесла свою пользу: если они
создали в стесненных размерах стиха и религии два стиля,
то стиль нейтральный был создан в послереволюционный пе-
риод.

А. А. КЕРИМОВА
(Москва)

О ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРОВ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

Таджикский литературный язык, возникший еще в IX веке, несмотря на свою длительную историю, до Октябрьской революции оставался в целом функционально ограниченным. Кроме делопроизводства, основной сферой употребления данного языка была поэзия. Художественная проза на таджикском языке была слабо развита. Научная литература состояла лишь из отдельных произведений, главным образом, исторического и литературоведческого характера. Драматургии не было вовсе.

До Октябрьской революции таджикский литературный язык был достоянием лишь незначительных слоев общества, имевших доступ к образованию. Основная масса таджикского населения не владела литературным (письменным) языком по причине неграмотности.

Между тем литературный язык существенно отличался от разговорного, причем различие между ними наблюдалось как в лексике, так и в грамматике, особенно в части глагола. Литературный язык был насыщен арабизмами. В нем использовались формы, отсутствующие в живой речи или встречающиеся лишь в отдельных говорах, имеющих архаический характер. Вместе с тем в него не включались многие формы, распространенные в таджикских говорах.

С победой Октябрьской революции происходят большие сдвиги в общественных функциях таджикского литературного языка. На нем ведется преподавание в школе и высших учебных заведениях, печатаются газеты и журналы, составляются учебные пособия, развивается научная литература, на таджикском языке ведутся передачи по радио, пишутся первые повести и романы, рассказы, очерки, новеллы; созда-

тся таджикская драматургия. Таким образом таджикский литературный язык становится подлинным орудием народной культуры.

Благодаря культурной революции, начавшейся в Таджикистане с установлением Советской власти, таджикский литературный язык сближается с языком народных масс. Лексический состав литературного языка освобождается от неопытных таджикам арабизмов. Вместе с тем из него исключаются формы, ставшие архаичными, и, наоборот, в него входят новые формы, употребительные в северных таджикских говорах, а именно, городов Бухара и Самарканд и прилежащих к ним областей, представляющих собой древнейшие центры таджикской культуры.

Однако этот процесс в разных жанрах таджикской литературы проявился неодинаково. По ряду признаков отчетливо различаются: а) язык художественной прозы; б) язык драматургии; в) язык поэзии. Более того, в художественной прозе имеется различие между собственно авторской речью и речью персонажей.

Авторская речь является канонизированной. Она строго следует принятым нормам. Так, например, соответственно им формы настоящего определенного и прошедшего определенного времени в ней имеют полный вид, а не стянутый, присущий разговорному языку: *карда, истодааст*, а не *карда истодас* или *карсодас* 'делает сейчас', *карда истода буд*, а не *карсода буд* 'он делал в тот момент'.

Грамматические новообразования в авторской речи используются довольно умеренно. В частности, это касается причастий на *-ги* вошедших в литературный язык совсем недавно. Круг их употребления в отдельных случаях с некоторых пор стал заметно сужаться за счет других причастных форм. Так, например, причастие прошедшего времени на *-ги* типа *кардаги* в определительной функции все более вытесняется старой причастной формой с суффиксом *-а* типа *карда*. Это хорошо видно у известного таджикского писателя Рахима Джалила на двух изданиях одного его романа, вышедшего в свет сначала под названием «Гулру», а затем «Одамони човид». Там, где в «Гулру» стояло причастие с элементом *-ги*, в «Одамони човид» часто выступает причастие с суффиксом *-а*. Приведем некоторые предложения из «Одамони човид» с причастием прошедшего времени на *-а*, которому в «Гулру» соответствует причастие на *-ги*: *Салимбой гайр аз карнайчаҳои пеш-пеш фурухтааш то рузи арафа кариб панҷсад дони карнайча тайёр кард* («Одамони

човид») 'Салимбай, кроме дудочек, проданных им понемногу, до дня праздника заготовил еще пятьсот штук дудочек'; *Каровулхои аз таркиши захмдоршуда фаръёд мекарданд* 'Часовые, рапенные при взрыве, кричали'.

В авторской речи имеются черты, присущие старописьменному языку, например, употребление послелога *-ро* при косвенном объекте: *Шояд он бадбахтон ба ёри мухточанд, шояд ба хурдан нон ва ба нушидан обашон нест... аммо оксаколро ба ин коре нест* (Ч. Икромӣ) 'Возможно, те несчастные нуждаются в помощи, возможно, у них не имеется хлеба поесть и воды для питья... но аксакалу нет до этого дела'; *Лекин маро гайр аз сабр чора набуд* (*Улугзода, Субҳи чавони*) 'Но у меня не было выхода, кроме терпения'. Принадлежностью именно авторской речи является очень распространенная в языке классической литературы такая конструкция, как *дух-таре буд боақлу бохуш* 'Девушка была умная и чуткая'; *марде буд панҷохсола* 'мужчина был пятидесяти лет'.

В авторской речи наблюдаются черты, связанные явно с влиянием русского языка на таджикский. Так, в таджикском разговорном и старописьменном языке, если подлежащее во множественном числе обозначает неодушевленный предмет, сказуемое ставится, как правило, в единственном числе. В современном таджикском литературном языке при таком подлежащем активно вводится полное согласование, то есть сказуемое, как и подлежащее, ставится во множественном числе. Однако эта особенность в художественной прозе отмечается большей частью в тексте, идущем непосредственно от автора, и объясняется исследователями влиянием русского языка¹. Приведем примеры: *Аммо дар Бухоро мактабҳои духтаракона кам набуданд* (Ч. Икромӣ) 'Но в Бухаре было не-мало женских школ'; *Дар лаби чари якҷанд хавличаҳо буданд* (*Улугзода, Субҳи чавони*) 'На краю обрыва было несколько домиков'.

В речи персонажей, в отличие от авторской, допускаются отклонения от установленных норм, связанные с особенностями разговорного языка. В частности, в ней могут быть стяжения, которые не приняты в нормативном письме. Приведем примеры: *Нисфи шаб ба кишлок даромада равем шудааст-дил* (<шудааст-дия) *охир* (Р. Чалил, Одамони човид) 'Ну, если мы в полночь прибудем в кишлак, достаточно'; *Майлаш, мегун, руз гузарад шудаагеш* (<шудаагаш!') (Ч. Икромӣ. Му-

¹ См. Б. Н. Ниязмухамедов. О развитии современного таджикского литературного языка. — «Вопросы развития литературных языков народов СССР». Алма-Ата, 1964, стр. 267.

хаббат) 'Ладно, говоришь, день пройдет и достаточно'; -*Ичи гуфтагетон (<гуфтагетон)?* (Улугзода, Навобод) 'Что значит сказанное вами?'

В употреблении различных форм речь персонажей очень близка к разговорному языку. Так, например, причастие будущего времени на -и типа *кардани* в предикативной функции при обозначении намерения, относящегося к настоящему времени, в диалогах часто стоит без связки, то есть так же, как в разговорном языке, например: *Акнун вай... духтари Мансурбойро гирифтани* (Ч. Икромӣ, Шоди) 'Теперь он собирается взять в жены дочь Мансурбая'; *Мо хам колхоз ташкил додани, — гуфт Шоди ба вай* (Ч. Икромӣ, Шоди) 'Мы тоже думаем организовать колхоз', — сказал Шоди ему'; *Имсол правленияи колхоз маро ба Москва фиристодани — гуфт Бахром* (Р. Чалил, Хикояхо) 'В этом году правление колхоза собирается отправить меня в Москву, — сказал Бахрам'.

В речи персонажей могут быть диалектизмы. Так, например, в реплике одной героини романа Ниёзи «Вафо» замечена нами диалектная форма перфекта с полной глагольной связкой типа *кардасти* 'ты сделал', присущая отдельным южным говорам таджикского языка: *Хониши мургонро магар акнун шундасти? — боз пурсид модар* 'Пение птиц разве теперь ты услышала? — снова спросила мать'. Примерами диалектизмов могут служить такие образования, как *чутунгин* (<*читаврин*) 'какие', *хамту* (<*хамин тавр*) 'такой', *инту* (<*ин тавр*) 'такой', *унчохо* (<*он чохо*) 'те места', перфектная форма *мекардиян* (<*мекардаанд*) 'оказывается делают', отмеченные в речи персонажей в рассказе Хакима Карима «Пешвозгири». Ср., например: *Дар унчохо чутунгин одамон зиндаги мекардиян?* 'В тех местах какие люди живут?', *Биё, хамту ки бошад, на ман туя озор медихам, на ту мана* 'Давай, раз так, ни я тебя не буду обижать, ни ты меня'; *Ана гап инту шудааст, — гуфт Зебинисо* 'Вот так следовало, — сказала Зебинисо (Х. Карим, Хикояхо).

Из сказанного можно заключить, что речь персонажей стоит ближе к разговорному языку, чем собственно авторская речь.

В языке драматургии существуют те нормы, которые установлены для современного таджикского письма. Так, например, глагольные формы с вспомогательным глаголом *истодан* 'стоять', 'пребывать' употребляются в своем полном виде: *гуфта истодааст*, а не *гуфта истодас* или *гуфсо'ас* 'го-

ворит сейчас'. Но вместе с тем в драматургии, так же как и в речи персонажей художественной прозы, наблюдаются некоторые отклонения от нормативного письма.

Так, например, в пьесах активно используется послелог *-а*, представляющий собой элемент разговорной речи и не включаемый в норму письменного языка. Этот послелог встречается и в художественной прозе, но он там бывает только в диалогах, причем в основном при обозначении прямого объекта. В языке драматургии послелог *-а* отмечается как при прямом объекте, так и косвенном, в частности, в сочетании с предлогом *то* 'до': *Аз хафтобус хам то хонети хело рох* (Ф. Ансори) 'От автобуса тоже до твоего дома порядочно пути'; *Биё, ба хона дароем. То мехмоно омадана маслихат кунем* (Ф. Ансори) 'Идем, войдем в дом. До прихода гостей посоветуемся'.

Некоторые формы и конструкции больше всего отмечаются в языке драматургии в их несколько необычных, но очень специфичных для живой речи значениях, например, настояще-будущее время сослагательного наклонения при подчеркивании чего-то неожиданного: *Боёди дарс бо дугонахо ба лолачини рафтам. Биёям, ба хавлиамон аз шаҳр мехмон омадааст* (Р. Чалил) 'После урока с подругами я пошла на сбор тюльпана. Прихожу домой, а к нам из города гости приехали; *Ман аз ин хавотир шуда, охиста ба хавли нигоҳ кунам, чор кас омад* (Р. Чалил) 'Я встревожилась из-за этого, потихоньку заглянула в дом, а там пришли четыре человека'.

Отдельные типы предложений разговорного языка получили наибольшее распространение в языке драматургии, например, такая разновидность простого предложения с именным сказуемым, как *ин кас муаллима* 'она — учительница', сложного предложения с пропуском сказуемого, как *ту хам раву ин кас хам* 'ты тоже иди и она тоже'.

Таким образом, можно сказать, что в языке драматургии особенно активно используются выразительные средства устной речи.

Язык поэзии представляет собой некоторое отклонение от общепринятых норм. В нем почти не употребляются многие новообразования, вошедшие в современный литературный язык из таджикских говоров, например, причастия на *-ги*, формы настоящего определенного времени типа *гуфта истодааст* 'говорит сейчас', прошедшего определенного времени типа *гуфта истода буд* 'он говорил в тот момент' и др. Вместе с тем в нем широко представлены архаические формы,

присущие старописьменному языку, то есть языку классической литературы.

Некоторые архаизмы, употребительные в поэзии, образуются с помощью элементов, являющихся мертвыми для современного таджикского языка. К числу таких относятся глагольные приставки *хаме* и суффикс *-и*, используемые при обозначении длительности действия. Приставка *хаме* входит в состав настоящего-будущего времени типа *хамекунам* и прошедшего длительного времени типа *хамекардам*, например:

Зи субхи номуроди то шаби тор
Хамекардам ба куху дашт очор
(М. Турсун-Зода, Хазон ва бахор)

‘С утра безутешности до темной ночи
Я хожу вынужденно по горам и равнинам’;

Вакте ки фашистони лаин хамла намуданд
Аз мурданашон мужда хаме дод дили мо
(А. Шукхи, Шод дили мо)

‘В то время, когда проклятые фашисты напали,
об их гибели радостную весть давали наши сердца’.

Глагольный суффикс *-и* входит в состав форм прошедшего времени длительного типа *карди* и *хамекарди*:

Ду гесуяи мисоли хирмани гул
Хабар доди зи рангу буи сунбул
(М. Турсун-Зода, Хазон ва бахор)

‘Две ее косы словно гора цветов
Говорили о цвете и аромате гиацинта’;

Ба стол сурати Исхок ёраш
Хамекарди ба руи у табассум
(Коргар, Истикболн ду ёр)

‘На столе фотография ее друга Исхака
Улыбалась ей’.

Очень широко используется в поэзии архаическая приставка *би-*. Она образует следующие формы: 1. Повелительное наклонение типа *бикун*:

Бихон, эй Гунчаи боги Совети!
(Г. Сулаймонова, Хонед)

‘Учись, о бутон сада страны Советов’;

Фархат, бисаро шеъри наву тозаи худро
Тавсиф бикун мулки пурузоаи худро
(М. Фархат, Бо номн Сталин)

'Фархат, произнеси свой новый стих,
Восхваля свою прославленную страну'.

2. Настояще-будущее время сослагательного наклонения
типа *бикунад*:

Шаъни ту, вале, боло бишавад
Хусни ту чахоноро бишавад
(Фархат, Ба ватаи)

'Твоя слава, однако, пусть станет выше
Твоя красота пусть сияет над мирами'.

3. Простое прошедшее время типа *бикард*:

Солхо биззашту Хотам шуд бузург
(Фархат, Орзуи Хотам)

'Годы прошли и Хотам стал большим'.

Хаёти халкро бинмуд танвир
(Фархат, Китоб калиди дониш аст)

'Жизнь народа сделана светлой'.

4. Преждепрошедшее время типа *бикарда буд*:

Дарон колхозчиён биншаста буданд
(М. Турсун-Зода, Хазон ва бахор)

'В нем сидели колхозники';

Пас ба дасти дилбараш биспурда буд
(Фархат, Орзуи Хотам)

'Затем в руки любимой дал он'.

5. Перфект типа *бикардааст*:

Якин шуд ки яке аз гусфандон
Бияфтодаст дар чанголи гургон
(М. Турсун-Зода, Хазон ва бахор)

'Ясно стало, что одна из овец
Попала в лапы волков'.

6. Инфинитив типа *бикардан*:

Зи бигрехтан—гуфт—мурдан накуст
(М. Миршакар, Як далер)

'Чем бежать, — сказал он, — лучше умереть';

Тарзи биншастану бинвиштану хондан омуз
(Сухайли, Гулзор)

‘Как сидеть, писать, читать научись’.

7. Усеченный инфинитив в сочетании с глаголом *тавони-стан* ‘мочь’ типа *бикард*:

Ба одам инчунин хуриед хам гуфт
Ки:—натвонад касе мехр аз ту бинхуфт
(М. Турсун-Зода, Писари ватан)

‘Человеку также и солнце сказало:
Не сможет никто любовь от тебя утанти’.

8. Деепричастие (а также причастие) типа *бикарда*:

Кунун биншаста бо мехру мухаббат
Хамекардани хурсандию сухбат
(А. Шукухи, Сухбат)

‘Теперь усевшись
Они радовались и говорили с любовью’;

Эй нигорам
Гули бишкүфтаи фасли бахорам
(А. Шукухи, Сухбат)

‘О любимая,
Распустившийся цветок моей весны’.

9. Причастие будущего времени типа *бикардани* в сочетании с глагольной связкой:

—*Азизам, ахди ман бишкастани нест*
(М. Турсун-Зода, Писари ватан)

—‘Дорогая, моя клятва нерушима’.

Инфинитив (*бикардан*) и причастие будущего времени (*бикардани*) являются редкими.

Довольно широко употребляется также в языке поэзии! архаическая частица отрицания *ма-*:

Бахри ман гам махур
(Бобо Рачаби, Мактуби Давлат ба Фатхия)

‘За меня не переживай’;

Табассум карду лабро лек макшод
(М. Турсун-Зода, Хазон ба бахор)

‘Улыбнулась, но губ не раскрыла’.

К архаичным элементам в языке поэзии относятся также формы желательности *бод*, *бодо*, *мебод* и настояще-будущее

время сослагательного наклонения (аорист) *бувад* от глагола *будан* 'быть' (вместо *бошад*). Примеры:

Ба саломат расида бод салом
(Бобо Рачаби, Мактуби Фатхия ба Давлат)

'На твое приветствие да будет привет';

Бу у бодо ташаккур аз дилу чоң
(Фархат. Китоб калиди дониш аст)

'Да будет ей спасибо от сердца и души';

Чид у саду дисту чор кило
Тахсин ба хунарвареш лобед
(Фархат, Зайпура)

'Собрала она сто двадцать четыре килограмма
хлопка

Да будет хвала ее мастерству';

Кушиши маро набувад интихо
Дар-рахи омухтани илмо
(Фархат, Дар талаби илм)

'Мои стараниям не будет конца
На пути усвоения знаний'.

Деепричастие прошедшего времени в языке поэзии, как и в старописьменном языке, широко употребляется в качестве самостоятельного сказуемого:

Чу булбул ки ба гул ошик хамеша
Чи мегуи, ки ман дил бар ту дода
(А. Шукхи, Ба дилдор)

'Как соловей, который в розу влюблен всегда,
Что скажешь, если и сердце тебе отдам';

Ришояш расида то ба камар
То ба китфаш расида муи сар
(М. Миршакар)

Его борода спустилась до пояса,
До плеч спустились волосы'.

В разговорном языке как самостоятельное сказуемое данное деепричастие используется только в абсолютной конструкции, например, в такой фразе, как: *вай наомада ман рафтаи* 'он еще не пришел, я ушла' (букв. 'он не придя, я ушла').

В произведениях современных таджикских поэтов под влиянием старописьменного языка часто употребляется арабская форма множественного числа, используемая в отноше-

нии арабских слов, например: *ахсом* от *хасм* 'враг', *атфол* от *тифл* 'дитя', *амвоч* от *мавч* 'волна'.

Местоименные суффиксы в поэтических произведениях наряду с значением принадлежности, как и в старописьменном языке, выступают в функциях субъекта и объекта:

Ханузаш харфи хуш наинида аз кас
Ханузаш мархамат надида аз кас
(М. Турсун-Зода, Хазон ве бахор)

'Она еще не слышала доброго слова от человека
Она еще не видела добра от человека';

Хечгах боре намегуфташ «бале»
(Фархат, Орзун Хотам)

'Никогда не говорил ему «да»'.

В языке художественной прозы и драматургии эти суффиксы, кроме принадлежности, лишь иногда встречаются при обозначении объекта.

Прямое дополнение с конкретным значением в языке поэзии может стоять и без послелога *-ро*, что объясняется также влиянием традиций старописьменного языка, например:

Аз ин огох кардам бои судхор
Вале бисъёр тарсидам дарин кор
(М. Турсун-Зода, Хазон ве бахор)

'Об этом сообщил я богачу-ростовщику,
Но сильно испугался я этого дела';

Дили сангини онхо нарм кардан
Хазорон бор мушкилтар зи мурдан
(М. Турсун-Зода, Хазон ве бахор)

'Их каменные сердца смягчить
В тысяча раз труднее смерти'.

Как видно, язык поэзии отличается архаичностью. В нем сильно ощущается влияние традиций старописьменного языка, языка классической литературы, в которой поэзия была основным и очень развитым жанром.

Мы указали лишь некоторые, лежащие на поверхности грамматические особенности, благодаря которым различается язык трех литературных жанров, а именно: художественной прозы, драматургии и поэзии. Выявление особенностей, характеризующих язык каждого из этих жанров в отдельности, представляет интерес с точки зрения развития современного таджикского литературного языка и подлежит специальному исследованию.

И. К. ИЛИШКИН
(Элиста)

О СТИЛЯХ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Обсуждаемые доклады на данной конференции являются очень интересными. Особенно интересны доклады, показывающие достижения в области развития стилей за годы Советской власти и намечающие пути глубокого исследования в этой области.

Калмыцкий литературный язык не относится к числу тех языков, которые имеют широкую общественную функцию и, следовательно, широкую перспективу развития, как языки союзных республик. Он не может равняться с языками, на которых ведутся преподавание от начальной школы до вузов, где делопроизводство, доклады и лекции, постановка пьес, написание больших художественных произведений и научных трудов осуществляется на родном языке.

Калмыцкий литературный язык складывался в течение веков и претерпел большие изменения. Следовательно, и стилевые разновидности с течением продолжительного времени изменялись, дифференцировались и стандартизировались. Еще до Октябрьской революции старописьменный литературный язык достиг определенной функциональной и жанрово-стилистической дифференциации. Об этом свидетельствуют различные по содержанию и форме письменные памятники, а также многожанровое устное народное творчество, которое, на наш взгляд, можно подразделить на повествовательно-эпический жанр, включающий произведения сказок, героических сказаний, эпоса («Мазан Баатр и Джангар») и на лирико-песенный жанр, охватывающий различные песни, пословицы, поговорки, благопожелания, заклинания и т. д. К письменным памятникам относятся такие произведения, как монголо-ойратские законы 1640 года, законы 1822 года, пере-

писки калмыцких ханов с русскими царями (Петром I и другими), различные указы и приказы на калмыцком языке. Кроме того, в начале XIX века впервые появляются учебники и учебные пособия для улусных и народных школ; в 1804 году были изданы буквари на двух языках — калмыцком и русском. Естественно, что в то время материалами для хрестоматии и букваря служило главным образом устное народное творчество, рассказы из быта и истории.

В связи с созданием кафедры калмыцкого и монгольского языков при Казанском университете в середине XIX века были изданы грамматики калмыцкого языка, русско-калмыцкие словари.

Создатель калмыцкой письменности монах-просветитель Зая-Пандита еще в XVII веке перевел с тибетского языка на калмыцкий буддийские философские сочинения, сочинения по медицине, а также религиозного содержания. Эти переводы (а их было более 170) были достоинством богатой верхушки калмыцкого народа — зайсангов, духовных лиц, нойонов. Таким образом, можно говорить, что в дореволюционный период в калмыцком литературном языке существовали стиль художественной литературы, официально-документальный, стиль учебно-педагогической литературы и частично научный стиль.

После Октябрьской революции общественная функция литературного языка неизмеримо расширилась. Родной язык в 20—30-х годах являлся одним из мощных средств в осуществлении ленинской национальной политики в преобразовании экономики и культуры Калмыкии на социалистических основах. На родном языке, как и всюду, издавались в большом количестве учебно-педагогическая литература в объеме начальной и семилетней школы, издавались журналы массовым тиражом, издается и сейчас переводная литература по различным жанрам: общественно-политическая, профессионально-техническая, художественная и др. Кроме того, зародились новые литературные жанры: пьесы, поэмы, проза, очерки, басни. На калмыцком языке проводилась агитационно-массовая работа, ставились пьесы, шли концерты. Все эти большие мероприятия явились причиной зарождения новых стилей в литературном языке.

Таким образом, на калмыцком литературном языке в настоящее время издаются художественная литература, публицистические работы, и калмыцкий язык обслуживает отчасти науку и технику. В соответствии с этими изменениями — расширением функции — мы рассматриваем развитие

стилистической системы современного калмыцкого литературного языка.

Прежде всего надо сказать о наличии стиля разговорной речи, поскольку сам общенародный калмыцкий язык представляет собой своеобразную систему стилей.

Разговорный стиль в основном проявляется во взаимной беседе, в диалоге, в кругу семьи и товарищей. Особенность разговорного стиля заключается в «легкости» и краткости предложений, в употреблении относительно свободного порядка слов, неполных предложений, сильной роли интонационных средств.

Если в дореволюционный период в стиле разговорной речи почти не было заимствованных слов, то в современном языке этого стиля часто наблюдаются и заимствованные слова из русского языка, которые в ряде случаев являются лексическими синонимами: *хөөч* ~ *чабан*, *шүлчи* ~ *поэт*, *жөгжэ* ~ *стол*, *сеңси* ~ *чашка* и др.

Общественно-публицистический стиль образовался в калмыцком языке в годы Советской власти. Задачи и общая направленность публицистики обуславливают подбор определенных средств языка. Характерными для этого стиля являются употребление общественно-политических слов, фраз и терминов, как, например, *социализм*, *республика*, *класс*, *колхоз*, *фонд*, *культура* (*мана колхозин культурин фондин мөңгн* 'деньги из культурного фонда колхоза'). Обычно тексты газет, докладов и лекций на общественно-политические темы отличаются от других текстов тем, что в них представлены единицы общественно-публицистического стиля.

Литературно-художественный стиль, можно сказать, является основным. Особенность этого стиля заключается в том, что в нем употребляется также общенародная лексика в прямом и переносном значении, фразеологические сочетания, пословицы и поговорки. Романы А. Балакаева, Б. Доржиева являются характерными в этом отношении.

Приведем некоторые примеры, подтверждающие, что каждое предложение в художественном стиле имеет одну направленность — построение образов:

*Сказывают: когда заорал богатырь,
лопнул у тигра оглохшего
железный пузырь;*

(Джангар)

*Широкую желтую пшалу
Семь раз опрокинул он.*

*Семьдесят и один человек
Поднимают ее с трудом.
(Джангар)*

Или такие острые и меткие выражения, которые встречаются в сказках: на вопрос, почему у тебя волосы седые, а усы черные, следует такой ответ: *Потому что волосы мои — мои ровесники, усы мои моложе волос на 25 лет и потому они черные.*

Элементы научного стиля появились в калмыцком литературном языке в связи с переводом научно-популярных и научных трудов, таких, как биография В. И. Ленина, история партии, составление словарей научно-технических, общественно-политических терминов и др. За последние годы несколько сокращается количество переводной научной литературы, так как калмыцкая интеллигенция и учащаяся молодежь предпочитают изучать научные труды в подлинниках. Объясняется это тем, что калмыцкое население стало двуязычным. Относительно быстрому образованию двуязычия у калмыков способствовало то, что они живут в окружении русской среды уже больше 350 лет. Глубокое изучение родного языка в 20—30—40-х годах в школах, средних специальных учебных заведениях, вузах способствовало быстрому усвоению русской речи. Такой закономерный процесс образования двуязычия происходит и в других автономных республиках Российской Федерации.

А. Т. КАЙДАРОВ
(Алма-Ата)

ЧАСТИЦЫ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОТТЕНКОВ РЕЧИ В УЙГУРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Развитие стилистических систем и их функциональная дифференциация в современных литературных языках народов СССР имеют почти общую закономерность, которая прежде всего обусловлена экстралингвистическими факторами — расширением их общественных функций в советскую эпоху. Однако эта общность в тенденции развития литературных языков не означает еще единообразия и однотипности стилистических явлений. В этом отношении, безусловно, большое теоретическое и практическое значение приобретает комплексное исследование фактов самых различных по типологии и объему общественных функций языков, имеющих и не имеющих старописьменных традиций. Такой подход к изучению стилистических систем языков, безусловно, выявит новый разнообразный фактический материал, который не только может отражать специфику и степень развития этой системы конкретного языка, но и может служить для осмысления и теоретического обобщения изучаемого вопроса в более широком плане.

Стилистическая система языка настолько многогранна, что она охватывает все сферы языковой деятельности и пронизывает все категории языковых уровней. Это обстоятельство, однако, несколько осложняет возможность в выработке каких-либо общих теоретических выводов на основе фронтального изучения фактов на всех ярусах языка.

Попытка интерпретировать стилистические явления на основе констатации наиболее общих, а не частных и характерных фактов или подгонять их под готовые уже формулы, как мы это часто наблюдаем в трудах по младописьменным

языкам. По крайней мере не может претендовать на оригинальность исследования. Здесь, на наш взгляд, как никогда нужен вполне дифференцированный подход к каждому конкретному явлению языка, тем более если оно прежде не исследовано в целях выяснения его стилистических возможностей и принадлежности к той или иной разновидности стиля.

Исходя из этих соображений, мы вполне сознательно избрали темой своего выступления один из частных вопросов грамматической стилистики — вопрос о стилистической природе частиц в современном уйгурском языке, относящихся к разряду служебных элементов.

Как показывает анализ, эти «микроэлементы» языка, если так можно выразиться, как и другие грамматические разряды, играют исключительно большую роль в языковой экспрессии и служат в руках мастеров художественного слова и в живом общении представителей языка важным стилистическим средством, с помощью которого можно передать весьма утонченные оттенки мысли, разнообразные нюансы эмоциональных и модальных значений, которые в полном объеме доступны только лицам, в совершенстве владеющим данным языком. Уже на этом основании можно возразить против некоторых категорических и односторонних утверждений о том, что образность мысли достигается благодаря различным фигурам речи, тропам (с их разновидностями: метафора, сравнение, эпитет и т. д.), а также благодаря фразеологическим оборотам, что экспрессивно-поэтическая сила слова заключена лишь в самой их семантике и т. д. Такое неправомерное ограничение количества стилистических факторов и недооценка внутривидовых возможностей языка, на наш взгляд, объясняется недостаточной изученностью стилистических потенций многих языковых явлений, в том числе и служебных элементов.

Между тем, эти сравнительно малочисленные, но удивительно гибкие и живые элементы языка обладают исключительно важным семантико-синтаксическим свойством выражать самые разнообразные эмоционально-экспрессивно-оценочные «обертоны», которые не исходят из основного лексического значения слова, а наслаиваются на него. Служебные элементы характеризуются не только совокупностью своих стилистических признаков, но и отнесенностью к той или иной разновидности стиля.

Попытаемся показать это на конкретных примерах употребления частиц в уйгурском языке, которые, как противо-

поставляемые элементы грамматической стилистики, могут быть рассмотрены в разных аспектах: в фонетическом, семантико-грамматическом и функциональном.

Так, в фонетическом отношении собственно уйгурские частицы характеризуются односложностью и реже двухсложностью своего состава, преимущественно безударностью, но специфической интонацией, которая во всем своем многообразии, в зависимости от значения основного слова и речевой ситуации, всегда способствует выделению в слове, словосочетании, синтаксической конструкции или в целом высказывании самых различных экспрессивно-эмоциональных модально-оценочных коннотаций.

Так, путем варьирования интонации в глагольной форме с одной и той же частицей можно передать разные оттенки в общем значении этой формы: например, *кэлгинэ* 'приходи-ка' (*кэл*—основа глагола: *-гин* — аффикс повелительного наклонения 2-го лица единственного числа; *-э*—препозитивная модально-волевая частица с оттенком просьбы) при резком произношении с акцентуацией на первый слог выражает оттенок побуждения или решительного призыва собеседника к какому-то совместному действию; когда же мы *кэлгинэ* произносим несколько протяжно, с ударением на последнем слоге (то есть на частице *-э*), то появляется уже иной оттенок—оттенок ласкательно-умоляющей просьбы.

Интонационная возможность уйгурских частиц может быть реализована не только для различения значений полисемантических частиц, но и для разграничения и дифференциации значений омонимичных частиц в соответствующих ситуациях речи.

Благодаря разным интонациям, разную эмоционально-экспрессивно-оценочную окраску имеют такие уйгурские частицы, как: *-э*, *-чу*, *-ла*, *-му*, *-гу* и др. Например, при таких омонимичных словоформах, как *барэ*¹ и *барэ*², соответствующее интонационное оформление служит как бы средством их семантического разграничения и, вместе с тем, стилистической дифференциации. Словоформа, состоящая из глагольного корня *бар-* 'иди' и энклитической частицы *-э* со значением императивности, имеет характерную интонацию с весьма кратким ударением на последнем гласном *-э*, тогда как вторая словоформа, состоящая из омонимичного неглагольного корня *бар* 'есть' и вопросительной частицы *-э*, обычно реализуется относительно протяжным произношением последнего гласного. В первом случае императивное значение сло-

ва (*барә*¹) приобретает некоторый дополнительный оттенок «пренебрежительности», «фамильярности». Во втором же случае (*барә*²) частица *-ә*, со свойственной ей интонацией, выражает не просто вопрос, а вопрос, требующий как бы согласия или подтверждения собеседника («есть? да?»).

Аналогичную особенность частиц можно отметить в любом тюркском языке. Например, сравним следующие три омонимичные словоформы из казахского языка: *сенші*¹, *сенші*², *сенші*³. В основе первой словоформы мы имеем глагольный корень *сен-* «поверить» и императивную частицу *-ші* с оттенком мольбы, просьбы (*айтқаныма сенші* «поверь, пожалуйста, моему слову»), во второй словоформе — местоимение 2-го лица единственного числа *сен* «ты» и вопросительную частицу *-ші*, которая обычно употребляется в вопросно-ответных конструкциях диалогической речи (*-Мен бүгін келдім, сенші? 'Я приехал сегодня, а ты?'*); в третьей словоформе — то же местоименное слово *сен* «ты» в сочетании с частицей *-ші*, но уже имеющий оттенок подчеркнутого указания (*Сенші, бұл жұмасты бүгін қоя түр! 'Знаешь, ты, давай-ка эту работу сегодня отложи!'*).

Во всех этих примерах мы обнаруживаем разное интонационное оформление, которое способствует не только семантической дифференциации омонимичных частиц, но и определению их стилистических оттенков, благодаря которым они противопоставляются друг другу.

Для стилистической характеристики частиц немаловажное значение представляет их грамматическая природа. Это хорошо видно из определений данной категории служебных элементов, имеющих в грамматических исследованиях тюркологов¹, в которых частицы рассматриваются как самостоятельные элементы языка, употребляющиеся только в сочетании со знаменательными словами в роли их «сопроводителя» или «грамматического помощника». Частицы обычно не связаны ни с одной определенной морфологической категорией слов; они выполняют в языке вполне определенную грамматическую функцию, выступая в составе предложения как семантически дифференцирующий конструктивный элемент, а в структуре слова — большей частью пост-

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 129—131; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II. Фонетика и морфология, ч. I, М., 1952, стр. 477—481; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 334—336 и др.

позитивным элементом. Частицы сами по себе не выражают ни конкретных, ни абстрактных понятий, но обладают свойством придавать словам, словосочетаниям или целым синтаксическим конструкциям, к которым они относятся, самые различные дополнительные оттенки. Причем эти оттенки, благодаря наслоению двух и более синонимичных или семантически разнохарактерных частиц, могут быть настолько усложнены, что иногда трудно поддаются точному переводу на другой язык. В этих случаях в языковой практике часто прибегают к описательной передаче смысла высказывания. Такова грамматическая природа уйгурских частиц.

Определенный интерес представляет и семантическая природа частиц. Говоря о собственно уйгурских частицах, функционирующих в языке, мы можем констатировать, что они в количественном отношении немногочисленны: их насчитывается около тридцати. Но эта малочисленность частиц вдвое компенсируется их семантической многоплановостью, точнее полисемантичностью. Как показывают некоторые исследования², уйгурские частицы отличаются не только своей многозначностью, но и омонимичностью, а также стабильным характером звукового состава, тогда как в некоторых тюркских языках³ они этими свойствами не обладают.

Так, например, у частицы *-ла* (имеющей единственный фонетический вариант) в языке уйгурской художественной литературы зафиксировано по крайней мере восемь четко дифференцированных оттенков значения, появляющихся в самых разных ситуациях речи⁴. Аналогичную картину имеют и другие частицы: *-чу*, *-гу*, *-э*, *-му* и т. д.

Какие же оттенки мысли выражают частицы? Самые разнообразные, включая идею вопроса с оттенками конкретности и отвлеченности, немедленного или желательного ответа; просьбу с тоном настойчивости, переходящей в требование или, наоборот, просьбу с оттенком ласкательности и мольбы; резко выраженное повеление с тоном категорического приказа или смягченного требования; подчеркнутое указание или предупреждение; призыв или приглашение, подтвержде-

² А. Кайдаров. К вопросу о частицах в уйгурском языке. «Труды сектора востоковедения», т. I. Алма-Ата, 1959, стр. 117—136; И. Мусазаев. Уйгур тилидики уланмазар. Алмута, 1958.

³ См., например, А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 345; Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 23.

⁴ См.: А. Кайдаров. Указ. соч., стр. 120—124.

сурова «Дедушка Азим обходит больных», опубликованного на страницах газеты «Коммунизм туги» от 15 января 1964 года, частицы повторяются 68 раз.

Что же касается живой разговорной речи уйгуров на различные бытовые темы, то в ней частицы встречаются гораздо чаще, чем в любых жанровых и стилистических разновидностях уйгурского языка. Можно установить также степень активности или пассивности каждой из этих частиц и преимущественной соотнесенности их с той или иной разновидностью стиля, а также причину ограниченного употребления отдельных частиц и склонности к повторению некоторых из них в самых различных стилях (что может быть объяснено признаком их нейтральности).

Таким образом, на основе приведенных фактов, полученных нами путем простейшего подсчета количественных данных частиц, характеризующих их стилистическое функционирование, можно сделать следующие предварительные выводы:

1. Частицы как эмоционально насыщенные элементы грамматики преимущественно являются принадлежностью разговорной речи. Об этом же свидетельствует полнейшее отсутствие или ограниченность употребления частиц в стиле официальной и научной литературы, которому не свойственна всякая эмоциональность.

2. Частицы, будучи элементами общенародного языка, имеют тенденцию проникать в сферы различных стилей. Этот процесс особенно осязателен и интенсивен в тюркских языках, в которых, в связи с формированием стилей и установлением литературных норм, происходит постоянная стилистическая дифференциация и развитие стилей, которые питаются сокровищницей общенародного языка.

3. В литературный язык элементы общенародного языка и разговорного стиля, в том числе и частицы, проникают наиболее интенсивно через газеты, а в художественную литературу — через типизированную и индивидуализированную речь действующих персонажей и реже — через авторскую речь.

4. Отсутствие частиц в передовице газеты и исключительная насыщенность ими языка газетного фельетона говорит о том, что стиль газеты сам по себе представляет совмещение наиболее противопоставленных стилей: книжного и разговорного. Чередование «шаблонизированных схем» с «экспрессивно нагруженными конструкциями», как об этом

справедливо замечает В. Г. Костомаров⁶, действительно присуще так называемому газетному стилю и это подтверждается также нашими примерами. В этой связи следует особо подчеркнуть, что в условиях нашей советской действительности газеты и журналы, выходящие на национальных языках, не только выполняют роль массовой коммуникации, но и являются своеобразной «ареной» интенсивного взаимопроникновения различных стилей, способствующей сглаживанию резких границ противопоставленных стилистических элементов.

В заключение хотелось бы обратить внимание участников конференции на следующие, на наш взгляд, немаловажные обстоятельства, связанные с общей постановкой вопроса о методе исследования стилистической системы тюркских языков.

Нам представляется, что наиболее верным путем достижения эффективных результатов в исследовании проблем стилистики является предложенный в своем докладе С. К. Кенесбаевым дедуктивный метод исследования, который предполагает переход от изучения частных языковых фактов к изучению более сложных явлений, от конкретных суждений о стилистической природе многих языковых явлений — к более общим теоретическим выводам. Думается, что наша попытка анализировать конкретные грамматические элементы — частицы (как и подобные работы других языковедов) будет рассмотрена как частичная иллюстрация этого весьма эффективного, на наш взгляд, приема исследования стилистической системы особенно тюркских литературных языков, в которых процесс становления и модификация различных стилей происходит почти одновременно с процессом их практического изучения и теоретического осмысления.

Следует признать нежелательным механическое перенесение уже готовых теоретических суждений и выводов, различных классификаций, вполне приемлемых в отношении более развитых языков с большой письменной традицией, на факты многих тюркских языков, не имевших соответствующих традиций. Стремление подгонять факты одного языка под готовые системы стилистики других языков и представ-

---

⁶ В. Г. Костомаров, Возможные критерии выделения совокупности газетных стилей. — «Тезисы докладов конференции «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР». Ашхабад, 1966, стр. 35.

Лять почти одинаковую картину, как это делается иногда в республиках, мало что дает для науки.

В изучении выразительно-стилистических средств языка никак нельзя пренебрегать также методами экспериментального исследования и статистического анализа происходящих сдвигов на всех уровнях стилистических оппозиций. Необходимость решения этой задачи диктуется еще тем, что экстралингвистические факторы или функциональное развитие любого языка, как справедливо указывал в своих трудах проф. Ю. Д. Дешериев, предполагают в свою очередь не только развитие коммуникативной функции языка вообще, но и развитие и активизацию его экспрессивно-выразительных функций⁷.

---

⁷ Ю. Д. Дешериев. К вопросу о функциональном и внутривидовом развитии младописьменных языков народов СССР в советскую эпоху. — «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху», Улан-Удэ, 1965, стр. 8—17.

В. Ф. БЕЛЯЕВ
(Москва)

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ СТИЛИСТИКИ

Одним из важнейших эстралингвистических факторов развития языка является целенаправленное воздействие общества на процессы изменений, совершающихся в языке. При этом значительная устойчивость языковой системы и ее носительная независимость от внешних условий отнюдь не лишают нас права и не избавляют от необходимости попыток такого рода сознательного воздействия, хотя вместе с тем степень устойчивости той или иной области языка должна, наряду с другими факторами, приниматься во внимание при определении направления и меры этого воздействия.

Относительно большая устойчивость одних областей языка (например, фонетики и морфологии) по сравнению с другими (лексикой и стилем) объясняется не только внутренними законами функционирования языка, но и различной степенью связанности той или иной языковой области с изменениями в жизни общества. В то время как одни и те же произносительные навыки или одна и та же морфологическая система могут быть без ущерба для практических потребностей использованы в пределах значительных промежутков времени, не будучи при этом непосредственно подвержены влиянию социальных перемен, — напротив, всякий сколько-нибудь значительный сдвиг в развитии общества требует обновления и пополнения лексического фонда языка и неизбежно отражается на стилистическом оформлении речи. В частности, как уже было отмечено авторами основного доклада на настоящей конференции, «расширение общественных функций языка создает благоприятные условия для его стилистической дифференциации»¹. Правда, и при этом следу-

¹ Тезисы докладов конференции «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР». Ашхабад, 1966, стр. 4.

ет предостеречь от слишком прямолинейных выводов относительно механизма влияния социальных причин на систему языковых стилей.

Неодинаковая степень связанности отдельных сторон языка с процессами общественного развития и различие в возможностях сознательного воздействия на ту или иную из них налагают также ограничения и на возможности создания теоретических построений и вынесения практических рекомендаций, касающихся целенаправленного влияния на процессы языкового развития в отношении одних сторон языковой действительности и благоприятствуют такого рода построениям и рекомендациям в отношении других сторон этой действительности, в то время как, например, с точки зрения возможностей описания существующего состояния все области языка находятся в принципиально одинаковом положении.

Эта различная степень подверженности отдельных областей языка внешним воздействиям и была, вероятно, одной из основных причин того, что в литературе высказывались совершенно противоположные мнения по поводу возможности сознательного регулирования происходящих в языке процессов. В то время как одни, например, полагают, что «ревнителей чистоты и правильности родной речи, как и ревнителей добрых нравов, никто слушать не хочет», что «сколько ни скажи разумных слов против глупых и наглых слов..., они... оттого не исчезнут, а если исчезнут, то не потому, что эстеты или лингвисты ими возмущались» и что «доводы от разума, науки и хорошего тона действуют на язык не больше, чем курсы геологии на землетрясение»², другие убеждены, что «фактор стихийной эволюции сдает свои позиции, а на передний план выступает целенаправленное развитие языка, который из субъекта развития **полностью**³ превращается в объект сознательного воздействия человека», что обществу под силу не только «целенаправленное и научно обоснованное руководство **функционированием существующих языков**», но и «**созданием и совершенствованием новых языковых средств общения**»⁴.

Общей чертой обоих приведенных мнений, несмотря на их противоположность, является субъективизм, поскольку в

² А. Г. Горнфельд. Муки слова. М.—Л., 1927, стр. 195, 204 и 197.

³ Здесь и в следующей цитате подчеркнуто мною. — В. Б.

⁴ В. П. Григорьев. Культура языка и языковая политика:—Сб. «Вопросы культуры речи», вып. 4, М., 1963, стр. 20 и 8.

настоящий период мы не располагаем достаточными основаниями для того, чтобы иметь возможность делать подобного рода утверждения о языке в целом, и достоверные заключения о соотношении субъективных и объективных факторов в процессе языковых изменений могут быть сделаны лишь на основании тщательно проведенных наблюдений, причем наблюдений на протяжении длительных промежутков времени. Что же касается различного рода общих соображений, то даже в тех случаях, когда они исходят из как будто бы бесспорных предпосылок, они отнюдь не возводят в степень объективной закономерности те выводы, которые как будто бы вытекают из этих общих положений. Иллюстрацией может служить следующее высказывание М. В. Панова, касающееся только что упомянутой проблемы: «Литературный язык соединяет людей не только в пространстве, но и во времени: чем больше на нем накоплено культурных ценностей, тем сильнее (и объективно оправданнее) стремление остаться в пределах этого языка. Поэтому постепенное замедление в темпах языковых изменений становится объективным законом развития литературного языка»⁵. Не подвергая сомнению первую часть приведенного утверждения, следует отвергнуть попытку его автора вывести объективные законы языкового развития из субъективных стремлений человеческого коллектива, тем более что возводимый М. В. Пановым в степень закона развития литературного языка прогрессирующий консерватизм (возможно, и оправданный субъективно) едва ли может быть приведен в соответствие с убаюкивающимся темпом развития общественной жизни.

Едва ли есть надобность умножать число примеров, поскольку нашей задачей является не исчерпывающий анализ всей совокупности мнений относительно возможностей целенаправленного влияния на происходящие в языках процессы, а лишь иллюстрирование отсутствия единства взглядов по этому вопросу среди теоретиков и субъективизма их выводов, что является необходимым вступлением к изложению основной темы.

Не имея — при современном состоянии изученности вопроса — достаточных данных для того, чтобы высказывать какие-либо суждения по поводу возможности или невозможности воздействия на язык в целом, мы тем не менее можем выделить некоторые части этой проблемы, дающие в наше

⁵ М. В. Панов. О развитии русского языка в советском обществе. К постановке проблемы. — ВЯ, 1962, № 3, стр. 3.

распоряжение более значительное количество фактического материала, на который мы могли бы опереться, и указать те области языка, где такого рода воздействие не только целесообразно, но и в значительной степени реально, что в свою очередь создает весьма благоприятную ситуацию в отношении теоретического осмысления целенаправленных тенденций развития и тем самым вынесения обоснованных практических рекомендаций, поскольку с полным основанием отмечалось, что какое бы то ни было сознательное воздействие на язык (даже в тех случаях, когда это бесспорно возможно) «обречено на бесплодие без твердой научной базы»⁶. Все это справедливо прежде всего в отношении стилистики, начало разработке проблем которой было положено античной наукой, теория и практика которой дают убедительное подтверждение возможности вполне осознанной разработки самых разнообразных стилистических приемов.

В силу исключительного вклада, который был внесен классической древностью в изучение проблем риторики и стилистики, а также огромного влияния античной традиции на филологическую науку средних веков и нового времени знакомство с античным наследием в области стилистических учений (как, впрочем, и во многих других областях) в полной мере сохраняет свою актуальность до настоящего времени — в частности и в особенности для рассматриваемой проблемы о возможности целенаправленных воздействий на язык.

Так, знакомство с античным наследием позволяет заключить, что древние — по крайней мере на практике — вполне представляли себе степень тех различий, которые существуют в области возможностей сознательного воздействия на те или иные стороны языка. Это видно хотя бы из того, что в то время как в области собственно-грамматики античная филология ограничивалась преимущественно **описанием**, то есть констатацией наблюдаемых фактов, в области учения о стилях, разрабатывавшегося в древности, преимущественно в связи с риторикой, значительное место занимает **предписание**, то есть вынесение тех или иных рекомендаций, связанных с организацией речи для целей более глубокого воздействия на слушателей.

Вполне четко была осознана в древности зависимость стиля речи от тех или иных задач, которые ставил перед собой в

---

⁶ В. Г. Костомаров. Культура языка и речи в свете языковой политики. — Сб. «Язык и стиль», М., 1965, стр. 4.

каждом отдельном случае писатель или оратор. Аристотель говорит по этому поводу: «Не должно оставаться вне нашего поля зрения, что каждому роду речи соответствует свой особый способ выражения (*Lêxis*); действительно, он далеко не один и тот же у речи письменной и у речи полемической, у речи политической и у речи судебной»⁷. При этом, по мнению древних, «форма речи, ее стиль, играет роль одного из средств убеждения: языковая сторона представляется действующей на настроение и психику слушателя наравне с доказательствами»⁸.

Поскольку более или менее обстоятельное изложение стилистических воззрений древних можно сделать лишь в обширной монографии, но никак не в кратком сообщении, нам придется ограничиться тем, что составляет основу их учений в этой области — тщательно разработанной античными филологами классификацией тропов и фигур речи. Это необходимо не только в силу того особого места, которое занимают в античной теории и практике названные стилистические приемы, но и в большом теоретическом интересе предложенной классификации, в некотором отношении превосходящей теоретические построения лингвистов новейшего времени.

Тропы определяются древними как слова и выражения, перенесенные в силу какого-либо сходства или так или иначе представляемого подобия с одного понятия, которое они, собственно, и передают, на другое понятие, т. е. употребление слов и выражений в переносном смысле.

Наиболее распространенным и потому наиболее известным видом тропа является метафора, причем в ранний период развития античной филологии этим термином обозначалась большая часть тех языковых явлений, которые впоследствии получили название тропов.

«Метафора есть перенесение признака с одного предмета на другой по какому-либо сходству между ними; например, когда на неодушевленный предмет переносится свойство или действие, нормально присущее одушевленному предмету, и наоборот, когда на одушевленный предмет переносится свойство или состояние, нормально присущее неодушевленному предмету»⁹. Например: *Fabius scutum Romanorum fuit, Mar-*

⁷ Aristoteles. *Ars rhetorica* III, 12 (1-413B).

⁸ Античные теории языка и стиля. М.—Л., 1936, стр. 152.

⁹ С. И. Соболевский. Грамматика латинского языка. М., 1950, § 1300.

ще, совершенно иного рода. Они не опираются на протяженность; их местопребывание — в мозгу; они составляют тот запас, который у каждого индивида образует язык. Эти отношения мы будем называть *ассоциативными отношениями*.

Синтагматическое отношение всегда налицо (*in praesentia*) оно покоится на двух или нескольких элементах, в равной мере наличных в актуальной последовательности. Наоборот, ассоциативное отношение соединяет элементы отсутствующие (*in absentia*) в потенциальный, мнемонический ряд¹⁴. «Образуемые по умственной ассоциации группы не ограничиваются сближением терминов, представляющих нечто общее; ум схватывает и характер связывающих их в каждом случае отношений и тем самым создает столько ассоциативных рядов, сколько есть различных отношений... Налицо таким образом то двоякая общность по смыслу и форме, то только по форме или только по смыслу. Любое слово всегда может вызывать в памяти все, что способно тем или иным способом с ним ассоциироваться»¹⁵.

Приведенное сопоставление убеждает нас в том, что учение древних о тронах и фигурах по существу весьма близко напоминает современное нам деление на ассоциативный (парадигматический) и линейный (синтагматический) ряды, получившее столь широкое распространение после выхода в свет основополагающего труда Соссюра. Отмечая это сходство, следует вместе с тем воздержаться от отождествления обеих классификаций и подчеркнуть, что речь здесь идет об аналогии, а не о тождестве, тем более, что античные филологи, вполне отдавая себе отчет в различии между двумя рассматриваемыми рядами, не оставили нам столь четкой теоретической формулировки этого различия, как то удалось сделать Соссюру.

В связи с этим можно сделать весьма поучительное отступление общего характера и обратить внимание на то внешне несколько парадоксальное, но внутренне, вероятно, вполне закономерное обстоятельство, что классическая древность не раз приближалась к осознанию некоторых истин, но не отваживалась сделать последнего шага на пути к ним. Один из наиболее ярких примеров этого мы находим в области философии: у Цицерона¹⁶ есть изречение *Vivere est cogitare* 'Жить — значит мыслить', откуда, казалось бы,

¹⁴ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 121.

¹⁵ Там же, стр. 121.

¹⁶ *Tusculanae disputationes* V, 38 (111).

весьма просто вывести заключение Cogito — ergo vivo 'Мыслю, — следовательно, живу'; но тем не менее лишь в новое время Декарту удалось сформулировать свое эпохальное изречение Cogito—ergo sum 'Мыслю, — следовательно, существую'.

Учение древних о тропах и фигурах — лишь одна из многих идей античной науки, предвосхищающая достижения науки нового времени; так, например, в сочинениях древних филологов можно найти весьма любопытные соображения, относящиеся к иллюстрации различий между понятиями языка и речи¹⁷, которые здесь, естественно, не могут быть рассмотрены подробнее, поскольку не имеют непосредственной связи с темой настоящего сообщения и должны стать предметом специального исследования.

Однако, сколько бы ни был велик **теоретический** интерес рассмотренных классификаций, им не ограничивается ценность для нас античного наследия, которое занимает вместе с тем весьма значительное место в современной **практике**, в частности, в области научной терминологии (притом отнюдь не только филологической).

Подтверждение только что высказанному положению дает обследование современной лингвистической литературы как отечественной, так и зарубежной. В настоящий момент эта задача в большой степени облегчается выходом в свет обширного словаря О. С. Ахмановой¹⁸, который на современном научном уровне дает наиболее исчерпывающий свод употребляемого в русском и советском языковедении метаязыка и тем самым избавляет от необходимости приводить большое число иллюстраций, наглядно показывая вклад классических языков в современную стилистическую терминологию. Обследование специальной литературы убеждает нас в том, что все наиболее широко распространенные в метаязыке лингвистилистические термины, понятия, категории восходят к античной филологии. Сюда относятся такие кардинальные понятия стилистики, как троп, фигура речи, фигура мысли, пернод, колон, варваризм, солекизм, евфония, метафора, метонимия и т. п.

Разумеется, все многообразие выработанных античностью стилистических приемов, в том числе тропов и фигур, едва ли может быть введено в современный нам рече-

¹⁷ Например, у Дιονисия Галикарнасского, De compositione verborum 12 (65).

¹⁸ О. С. А х м а н о в а. Словарь лингвистических терминов. М., 1963.

вой обиход; тем не менее значительная их часть вполне может стать необходимой принадлежностью различных жанров литературной, в частности, публичной речи.

Более глубокое знакомство с античным наследием в области риторики и стилистики, без сомнения, способствовало бы также плодотворной разработке как теоретических проблем стилистики современных языков, так и рекомендаций по практической стилистике, являющейся важнейшей составной частью так называемой «культуры речи». Например, столь тщательно развитое древними учение о периодах речи было бы весьма полезным при разработке принципов построения сверхфразовых единств (в частности, абзаца), полное отсутствие которых столь остро ощущается в современной нам практической стилистике.

У. Т. ТУРСУНОВ, У. Н. НАСЫРОВ
(Самарканд)

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ СТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ

(на материале узбекского языка)

Стилистика художественной литературы остается все еще мало исследованной областью узбекской филологии. Если не считать отдельных работ и статей, то можно утверждать, что узбекское художественное творчество в стилистическом плане еще не изучено на уровне современных требований. Между тем узбекская классическая и советская литература имеет немало замечательных мастеров слова, таких как Навои, Бабур, Мукими, Фуркат, Х. Ниязи, Х. Алимджан, Г. Гулям, Айбек, А. Каххар, Зульфия, Ш. Рашидов, Х. Гулям, А. Мухтар и другие, известные не только в узбекской литературе, но и внесшие определенный вклад в сокровищницу мировой литературы. Изучение языка и индивидуального стиля писателей на основе созданных ими лучших произведений является одной из неотложных задач стилистики узбекской художественной литературы.

Малоизученными остаются проблемы стилистики художественной речи, проблемы культуры речи. Основное направление в изучении языка художественного произведения, включая конкретные вопросы (принципы изучения, состав терминов и определений), либо последовательно не изучены, либо остались совершенно не затронутыми. В частности, это обусловлено отсутствием учебного пособия по стилистике узбекского литературного языка.

К тому же перед исследователями, работающими над языком и стилем художественных произведений, немало трудностей возникает из-за отсутствия цельного пособия по истории узбекской литературы. В связи с этим в произведениях и

статьях, посвященных языку и стилю художественной литературы наблюдается разноречивый в методическом подходе, а также в решении теоретических вопросов.

Изучение языка и стиля художественной литературы — это изучение богатства и возможностей языка народа в период создания данного произведения, изучение мастерства художника, умения использовать для художественного изображения силу и эстетическое воздействие языка. В художественном произведении слово приобретает свою полную значимость лишь тогда, когда оно стоит на нужном месте, когда художник мастерски использует заключенные в слове оттенки значения.

Язык произведения составляет основу авторского стиля, является первостепенным показателем его мастерства. Вот почему писатели производят тщательный отбор языковых средств при создании своего произведения.

О языке и стиле художественных произведений узбекских писателей написан ряд кандидатских диссертаций (Х. Назаровой, Ш. Шабдурахманова, А. Шомакудова, С. Турабековой и др.¹). Они содержат положительные моменты, но и не лишены недостатков. Главный из них заключается в отсутствии постановки вопросов проблемного характера.

За последние десять лет на страницах периодической печати стали чаще появляться статьи, посвященные языку и стилю писателей и поэтов. Разработка вопросов стилистики осуществлялась в следующих направлениях:

1. Изучалась лексика произведения. При этом анализировались синонимы, антонимы, историзмы, архаизмы, неологизмы, фразеологизмы, пословицы, крылатые слова, термины, диалектизмы и определялись особенности их употребления.

2. Определялись индивидуальные особенности речи персонажей. Здесь следует отметить весьма содержательную книгу Х. Даниярова и С. Мирзаева «Суз санъати»².

3. Выявлялись художественно-языковые приемы, которыми пользуется автор: сравнение, эпитет, метафора, метонимия.

¹ Х. Назаров, Х. Х. Ниёзийнинг тили ҳақида. Тошкент, 1944; Ш. Шабдурахманов, «Равшан» достонининг бадий тили ҳақида. Тошкент, 1949; А. Шомахмудов, Муқимий сатирасининг тили. Тошкент, 1956; С. Турабекова, Г. Гулом поэмаларининг тили ва стили. Тошкент, 1962.

² Х. Дониёров, С. Мирзаев. Суз санъати. Тошкент, 1962.

мия, персонификация, гиперболы и т. д. На эту тему написано немало статей, но особенно ценным в теоретическом плане можно считать труд Н. Каримова о поэтическом мастерстве Х. Алимджана³.

4. Исследовалась авторская речь. Однако об авторской речи имеется лишь одна статья Х. Даниярова и С. Мирзаева в сборнике «Относительно вопроса изучения языка художественного произведения»⁴.

5. Описывались синтаксические конструкции поэтического произведения⁵.

Все это позволило определить одну из категорий стилистики — индивидуальный стиль писателя.

Мы не ставим своей целью дать подробный анализ работ по стилистике. Нам хотелось бы остановиться на вопросе, как понимается индивидуальный стиль писателя различными авторами и высказать свои суждения.

Наиболее полную разработку вопрос об индивидуальном стиле писателя получил в вышеназванной книге Х. Даниярова и С. Мирзаева. На их понимание индивидуального стиля опираются теперь и другие исследователи. Поэтому необходимо прежде всего остановиться на понимании индивидуального стиля Х. Данияровым и С. Мирзаевым.

В статье сборника «Относительно вопроса изучения языка художественного произведения» правильно определены наиболее важные моменты в изучении индивидуального стиля писателя, иллюстрированные примерами из различных произведений. В статье изучение языка художественного произведения рассматривается в двух аспектах — лингвистическом и стилистическом. Но ряд суждений авторов в отношении этих аспектов вызывают возражения. Во-первых, на наш взгляд, аспект, который Х. Данияров и С. Мирзаев имеют лингвистическим, не соответствует своему названию. Дело в том, что изучение языка художественного произведения в том или ином аспекте должно привести к определенному выводу относительно языка и стиля произведения. Изучение же языка художественного произведения в лингвистическом аспекте лишь способствует развитию теории в области грамматики и не представляет ценности для изучения языка художественного произведения. Это признают и сами

³ Н. Каримов. Хамид Олимжоннинг поэтик маҳорати. Тошкент, 1964.

⁴ См.: Х. Данияров, С. Мирзаев. Суз санъати.

⁵ С. Турабекова. Тил ва услуб. Тошкент, 1963.

авторы. Лингвистический аспект изучения языка художественного произведения нашел свое отражение также в статье Г. Абдурахманова «Об изучении языка художественного произведения»⁶.

Но вполне соответствует своему назначению и другой аспект, который Х. Данияров и С. Мирзаев называют «стилистическим». Материалы, которыми оперируют авторы, и их выводы показывают, что его правильнее было бы назвать лингво-стилистическим аспектом.

Особого внимания заслуживает тот факт, что изучение языка и стиля произведения в узбекской филологии одними исследователями проводится в лингвистическом плане⁷, другими в литературоведческом⁸. Характерно, что А. Шарафудинов, который считает изучение языка и стиля художественного произведения целиком предметом литературоведения, в ряде случаев ведет исследование в чисто лингвистическом плане⁹. В работах по стилистике можно встретить общие суждения, не вытекающие из приводимого конкретного материала. Отсюда часты формулировки типа «стиль произведения богатый, сочный, красочный, музыкальный, оригинальный» и т. п. Такие формулировки, разумеется, не увеличивают научную ценность этих трудов.

На вопрос, что такое индивидуальный стиль писателя, в узбекской филологии имеются разные ответы. Так, известна точка зрения, согласно которой язык и стиль писателя — понятия тождественные. При этом оценка, данная языку писателя, считается оценкой и его стиля. Эта точка зрения, видимо, основывается на том, что стиль художника находит свое выражение именно в его языке. К тому же многие авторы рассматривают стиль писателя в чисто лингвистическом плане. Между тем, стиль писателя заключается не только в языке. Это неоднократно подчеркивалось многими советскими

⁶ Г. Абдурахманов. Адабий асар тилини урганни хақида: — «Ўзбек тилини уқитиш методикаси масалалари». Тошкент, 1966.

⁷ См., например: С. Турабекова. Тил ва услуб. Тошкент, 1963; А. Шомаксудов. Муқимий сатирасининг тили ва стили. — «Ўзбек адабиёти масалалари». Тошкент, 1959; Ш. Шоабдурахманов. Ўйбек романларининг тили. — «Шарқ юлдузи», 1955; Х. Дониёров, С. Мирзаев. «Қушқинвор чироклари» романининг тили ва стилига доир баъзи мулохазалар. — «Суз санъати». Тошкент, 1962.

⁸ Ф. Насриддинов. «Ўтган кунлар» романида тил ва услуб — «Адабиётшунослик ва тилшунослик масалалари», 5-китоб. Тошкент, 1963. стр. 477—493.

⁹ О. Шарафудинов. Замон-калб-поэзия. Тошкент, 1962, стр. 170—199.

филологами¹⁰. Конечно, стиль и язык нельзя отождествлять, «но основой стиля, его душой является язык. Это—король на шахматной доске стиля. Нет короля—не может быть никакой игры. Нет языка — нет писателя»¹¹.

Между тем, Х. Данияров и С. Мурзаев, определяя индивидуальный стиль писателя, указывают: «Стиль автора — это слог автора, выраженный в его творчестве средствами общенародного языка»¹². Прежде всего хочется подчеркнуть, что в своем определении авторы книги лишь констатируют то, что писатель по своему усмотрению пользуется языковыми средствами из общенародной сокровищницы.

Конечно, язык художественного произведения возникает на базе общенародного языка. Но художественное слово— это слово, перешедшее через творческую лабораторию художника. Поэтому, с одной стороны, язык художественного произведения несет идейно-эстетическую нагрузку, а с другой, — является своеобразным выражением общенародного языка. Индивидуальный стиль писателя не исчерпывается тем, что он по-своему использует народный язык. На это указывал еще В. Г. Белинский, который при определении стиля, наряду с своеобразным использованием слов, указывал на их особую смысловую нагрузку, на силу их воздействия на читателя. Уместно привести оценку, данную им стилю Н. В. Гоголя:

«Но у Гоголя есть нечто такое, что заставляет не замечать небрежность его языка, — есть слог. Гоголь не пишет, а рисует: его изображения дышат живыми красками действительности. Видишь и слышишь их. Каждое слово, каждая фраза резко, определенно выражает у него мысль, и тщетно бы хотели вы придумать другое слово или другую фразу для выражения этой мысли. Это значит иметь слог, который имеют только великие писатели»¹³.

Каждый художник стремится по-своему изобразить описываемые им события. И если мы имеем перед собой произведение оригинальное и самостоятельное, то мы можем изучать «секреты» индивидуального стиля художника. Чтобы полностью раскрыть суть этих «секретов», исследователь прежде всего должен глубоко и правильно понять цели и задачи стилистики художественного слова. Как подчеркивает

¹⁰ См., например: В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, стр. 79.

¹¹ К. Федин. Писатель, искусство, время. М., 1961, стр. 380.

¹² Х. Донёров, С. Мирзаев. Суз санъати, стр. 183.

¹³ В. Г. Белинский. Сочинения, т. 3, стр. 817.

Акад. В. В. Виноградов, цель стилистики художественной литературы заключается в том, чтобы «путем соответствующего анализа вскрыть закономерности и приемы стилиевой организации литературного произведения, охарактеризовать и определить индивидуальный стиль писателя, индивидуальное своеобразие строевой системы, литературной школы, литературного произведения и т. п.»¹⁴.

При изучении стиля писателя, его конкретного произведения наиболее важным и сложным является определение того, что надо изучать, какие аспекты подвергать научному анализу. Часто случается, что исследователи только говорят об индивидуальном стиле, но в чем заключается индивидуальность, так и остается нераскрытым. Акад. В. В. Виноградов указывает, на что должен обратить внимание исследователь при изучении индивидуального стиля писателя: «... при анализе индивидуального стиля рассказа, новеллы, повести внимание исследователя сосредоточивается не только на личных своеобразных признаках повествовательного стиля (автора или рассказчика), на разных формах повествовательной речи в их движении, взаимодействии и сменах, на приемах построения и развития диалогической речи, на структуре реплик персонажей, но и на способах и правилах переключения стиля рассказа или сказа в диалог персонажей, в драматическую речь, на принципах соотношения авторского повествования с воспроизводимой разговорной речью героев, на «образе автора», на его отношении к изображаемым событиям и речам изображаемых лиц, характеров. В этом и состоит задача раскрытия внутреннего единства стиля прозаического литературно-художественного произведения»¹⁵.

Лишь после уяснения вопросов, исследователь может прийти к самостоятельным, обоснованным выводам об индивидуальном стиле писателя. Но надо иметь в виду, что при изучении языка и стиля художественного произведения, как указывает В. В. Виноградов, если исследователь исходит из лингвистического аспекта, то, наряду с анализом вышеперечисленных сторон, все же освещение ряда моментов будет ограниченным. Лингвист зачастую довольствуется изучением путей и средств подачи содержания произведения. Однако стилистическое исследование, основанное на принципах лингвистики, позволяет точнее определить сюжетно-идеологические основы стиля художественного произведения.

В. В. Виноградов. фс ршйзхжкмпнпэтлынуазояухкжмпифршж

¹⁵ Там же, стр. 84—85.

Если же при исследовании опираться на принципы литературоведения, тогда выводы о содержании и строении художественного произведения будут носить общий характер, еще шире будет понятие термина «стиль». Причиной этому является то, что «литературоведческий анализ шире и свободнее пользуется фактами и показаниями социально-политической истории, психологии национальных и социальных характеров, истории общественно-идеологической борьбы, а также параллелями из других видов искусства, особенно из искусств изобразительных»¹⁶.

Индивидуальный стиль писателя в литературоведческом плане анализируется, как указывалось выше, С. Турабековой. «Все художественно-эстетические средства, использованные для организации формы и содержания в соответствии с идеей произведения — составляют его стиль», — пишет С. Турабекова¹⁷. Останавливаясь на особенностях метода социалистического реализма, автор подчеркивает их выражение в стиле и языке писателя и тем самым стремится расширить понятие стиля. А между тем, такое расширенное понимание стиля может только отрицательно сказаться на оценке индивидуального стиля художника. Ср., например, вывод С. Турабековой о стиле Г. Гуляма: «Все же его стиль в изображении жизненной правды, в ее конкретно-историческом и революционном развитии, является подлинно реалистическим»¹⁸. А ведь такую мысль можно высказать и относительно творчества Айбека, Х. Алимджана, Уйгуна, А. Каххара и других писателей. При таком подходе к изучению стиля писателя об его индивидуальности не может быть и речи.

Неоспоримым является то, что индивидуальный стиль писателя включает такие элементы, как творческий почерк автора, его своеобразное мастерство в использовании идейно-эстетических возможностей общенародного языка, своеобразность композиционного построения художественного оформления идеи произведения. Акад. В. М. Жирмунский пишет: «В понятие художественного стиля литературного произведения входят не только языковые средства (составляющие предмет стилистики в точном смысле), но также темы, образы, композиция произведения, его художественное содержание, вопло-

¹⁶ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 187.

¹⁷ С. Турабекова. Тил ва услуб, стр. 10.

¹⁸ Там же, стр. 11.

щенные словесными средствами, но не исчерпывающиеся словами»¹⁹.

В самом деле, у некоторых художников даже в экспозиции произведения встречаются признаки творческого поиска. Например, у талантливого писателя Ш. Рашидова часто в начале книги описывается пора ранней весны, и события разворачиваются весной. А. Каххар нередко начинает описывать события с самых характерных деталей.

Анализировать содержание произведения, его композицию, образы в плане определения индивидуального стиля писателя очень трудно. В связи с этим необходима разработка всех проблем стилистики и, в частности, проблемы индивидуального стиля писателя, которая в узбекском языковедении еще не получила единого решения.

---

¹⁹ См.: «Тезисы докладов межвузовской конференции по стилистике художественной литературы», М., 1961, стр. 29.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Х. ДАНИЯРОВ
(Самарканд)

РОЛЬ КЫПЧАКСКОГО НАРЕЧИЯ В РАЗВИТИИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ УЗБЕКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Узбекский язык отличается от других тюркских языков своей многодиалектностью. Об этой особенности узбекского языка писали в своих трудах такие авторитетные диалектологи, как Е. Д. Поливанов, Гази Алым Юнусов, А. К. Боровков, В. В. Решетов, У. Т. Турсунов и др. Большой знаток узбекского языка и диалектов Е. Д. Поливанов, объясняя причины многодиалектности узбекского языка, писал: «Узбекский язык (как целое, то есть как совокупность узбекских диалектов) создан путем объединения языковых систем, а не путем диалектологического дробления единой системы: узбекского праязыка, как такового, никогда, следовательно, не существовало». В работе «Узбекская диалектология и узбекский литературный язык» Е. Д. Поливанов устанавливает, что узбекский национальный язык образовался на базе трех самостоятельных диалектов: чагатайского, кыпчакского и огузского¹.

Эти диалекты исторически восходят к трем группам тюркской языковой семьи. Носители данных диалектов (наречий), которые являются тремя главными компонентами² уз-

¹ Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1934. В диалектологической классификации Э. В. Решетова чагатайский диалект именуется карлук-чигильским, А. К. Боровков называет его среднеузбекским. См.: А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских турок. VI—VIII вв. Фрунзе, 1946; М. Ш. Ширалиев. Азербайджан тилида кыпчак элементлари.—«Узбек тили ва адабиёти масалалари», 1961, № 6; В. В. Решетов. Узбекский язык, ч. I. Ташкент, стр. 60.

² См.: М. Вахабов. Узбек социалистик миллати. Тошкент, 1960. (Следует отметить, что наше разделение на основные компоненты узбекской нации отличается от разделения М. Г. Вахабова).

бекской социалистической нации³, осели на нынешней территории Узбекистана в разные времена.

1. Тюрки-узбеки (другие названия: чагатайцы, сарты), которые являются первым основным компонентом узбекской нации, являются исконными жителями Узбекистана и живут здесь с самых древних времен. Их расселение на территории Узбекистана увеличивается сначала в IV веке в связи с разрушением эфталитского государства, а затем во время западно-тюркского Каганата в середине VI века. В этот период происходит ассимиляция тюрками некоторой части хорезмийцев и согдийцев. Окончательное заселение тюрками нынешней территории Узбекистана происходит во время завоевания Караханидами саманидского государства и затем во время Кара-китаев (IX-XII века). В XI-XII веках впервые формируется узбекская народность и тюрки-узбеки составляют основу узбекской народности⁴.

2. Вторым основным компонентом узбекской нации являются узбеки-кыпчаки. Их проникновение на территорию Узбекистана также можно разделить на три периода.

а) С древних времен до начала XIII века. В это время узбеки-кыпчаки жили в основном вне территории Узбекистана, но имели тесную экономическую и политическую связь с Средней Азией⁵.

б) Второй период с 1220 по 1506 год, то есть от нашествия Чингизхана до нашествия кочевых узбеков. По свидетельству восточного историка Рашид-ад-дина, основные части войска Чингизхана не были монголами, как до сих пор думают многие историки, а были тюркскими племенами (в основном кыпчаками), которые в те времена назывались монголами⁶. В это время на территории Узбекистана оседали такие племена узбеков-кыпчаков, как кият, баяут, джалар-ир, керент, бакрин, дурман, кенагас и др.

в) Основная часть узбеков-кыпчаков осела в Узбекистане в период с 1501 по 1506 год, то есть в период завоевания ими во главе с Шейбаниханом Мавераннахра и Хорасана.

3. Третьим большим компонентом узбекской нации являются узбеки-огузы. Часть узбеков-огузов осела еще в XII ве-

³ М. Вахабов. Указ. соч.

⁴ См.: А. Ю. Якубовский. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941.

⁵ См.: В. В. Бартольд. Соч., т. I. М., 1963, стр. 404—405; Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 54—55.

⁶ См.: Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I. М.—Л., 1952.

ке — во время турецко-сельджукидской миграции, смешавшись с остальными узбеками. Другая часть узбеков-огузов сформировалась в результате тесных связей узбекского народа с туркменским (в основном) и азербайджанским народами.

Следует отметить, что третий компонент узбекской нации по сравнению с двумя первыми составлял меньшую часть; незначительна была и его роль в социально-экономической и политической жизни государства.

Сложность этнического состава узбекской нации обусловила многодиалектный характер узбекского языка, в котором, помимо трех наречий, выделяется большое количество диалектов, говоров и подговоров.

Узбекский народ в течение длительного исторического периода (в отличие от других тюркских народов) был и должен был быть в самой близкой и тесной связи с таджикским народом, что нашло соответствующее отражение в узбекском языке. В связи с этим вполне объяснимо наличие в узбекском языке диалектов с особенностями, присущими как кыпчакским языкам, так и огузским, а также наличие диалектов с системами вокализма, совпадающими с вокализмом таджикского языка, и, наконец, наличие говоров, совершенно отличающихся от них по фонетике — говоров с сингармонистическим укладом. И, хотя все наречия, диалекты, говоры узбекского языка являются ответвлениями одного национального языка и между ними имеется очень много общих черт, вместе с тем каждый из них имеет свои специфические особенности в фонетике, лексике, грамматике, а значит и в стилистике. Так, например, карлуко-чигильское или средне-узбекское наречие характеризуется шести — восьмифонемной системой вокализма, следовательно, утратой сингармонизма, обилием арабских и таджикских слов, шестью и пятью показателями падежей и т. д.

В говорах кыпчакского наречия обычно отмечается девять гласных, из них четыре парные. В большинстве этих говоров сохранился закон гармонии гласных. Такие звуки, как *ф* и *х*, в них часто отсутствуют. Этим звукам литературного узбекского языка в говорах соответствуют звуки *н* и *к*. На месте *н* в начале слова обычно употребляется *дж*. В большинстве этих говоров сохранилось шесть падежей. Они приближаются к казахскому и каракалпакскому языкам.

В огузском наречии имеется еще больше гласных, число которых увеличивается долгими гласными. По некоторым

фонетическим, грамматическим и лексическим особенностям (например, озвончение согласных в начале слова) они сближаются с туркменским и азербайджанским языками.

Особенно ярко проявляются различия между наречиями узбекского языка в области лексики ср., например, слову *сигир* 'корова' в бухарских говорах соответствует *инак*.

В кыпчакских говорах слово *там* имеет значение 'дом', тогда как в остальных говорах оно обозначает 'крышу дома'. В ферганских говорах слово *эшик* употребляется в значении 'дом', 'двор', а в других говорах оно значит только 'дверь'. Различия имеются в области фонетики и даже в области грамматики. Например, в самаркандско-бухарских городских говорах не различают заднерядное *о* (*у*) от переднего *о*. В связи с этим одинаково произносятся такие слова, как *ор* 'возвышенность', 'плести' и *ор* 'кость', 'яма', *бол* 'стать', 'быть' и *бөл* 'делить' и т. д.

Глагольная форма *келинглар* 'приходите' в речи узбеков-горожан употребляется в значении формы повелительного наклонения 2-го лица множественного числа и при вежливом обращении к одному лицу. В кыпчакских говорах она во втором значении не употребляется, поэтому, когда молодые горожане к старшим кыпчакам обращаются со словом в этой форме, например, *келинглар* 'приходите', 'заходите', то старшие обижаются, думая, что их не почитают. А для того чтобы их не обидеть, надо говорить *келингизлар*. В свою очередь городские жители обижаются на кыпчаков, когда они в отношении старших людей говорят, например, *келди* '(он) пришел'. Чтобы не обидеть горожан, надо говорить *келдилар* '(они) пришли', то есть употреблять в отношении одного человека форму глагола во множественном числе.

Наличие больших диалектных различий в узбекском языке обусловило и те споры, которые шли в 20—30-х годах по вопросу о том, какие диалекты брать за основу для литературного языка, на какие диалекты следует опираться в нормировании узбекского литературного языка.

Вначале решили опираться только на кыпчакские говоры, считая, что они являются наиболее «чистыми» говорами, то есть не испорченными элементами чужих языков. Это, конечно, было крайностью в решении вопроса. Затем решили в основу узбекского литературного языка принять характерные особенности всех трех вышеназванных наречий. Но вскоре это решение изменилось и была признана только роль город-

ских говоров в образовании и развитии литературного языка. Так, в 1940 г. были разработаны правила новой орфографии с учетом шестигласной фонемной системы вокализма только городских говоров. В соответствии с этими правилами орфографии в течение 15—20 лет составлялись некоторые учебники и учебные пособия. Но тогда еще не все диалекты и говоры узбекского языка были достаточно изучены. В течение последних 15—20 лет в основном под руководством проф. В. В. Решетова, а также проф. А. К. Боровкова и У. Т. Турсунова велась очень большая работа по всестороннему и глубокому изучению многочисленных наречий, диалектов и говоров узбекского языка. Именно в этот период были написаны большие и содержательные монографии, защищенные как докторские диссертации Ф. А. Абдуллаева, С. И. Ибрагимова, Ш. Ш. Шаабдурахманова, М. М. Мирзаева; были защищены десятки кандидатских диссертаций, в числе которых было немало оригинальных и самостоятельных исследований.

В результате этих исследований появились новые выводы по вопросам и проблемам не только узбекской диалектологии, но и затрагивающие также большие проблемы узбекского национального литературного языка и стилистики. Например, некоторые диалектологи Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои уделяли большое внимание таким вопросам, как нормирование узбекского литературного языка и узбекской орфографии, роль наречий и диалектов (в особенности кыпчакского наречия) в формировании и развитии узбекского литературного языка и его стилистики, отношение народных говоров (особенно кыпчакских) к современному литературному языку, к его стилистике и к староузбекскому литературному языку (то есть к языку Алишера Навои и его современников) и т. д.

Оказалось, что кыпчакские (джекающие) говоры узбекского языка играют большую роль в развитии и обогащении узбекского литературного языка и его стилистики.

Остановимся на конкретных фактах.

В современном узбекском литературном языке существуют две параллельные формы сравнительной степени прилагательных: с аффиксами *-дай* и *-дек*. Из них форма на *-дек* вошла в литературный язык из городских говоров, где этот аффикс имеет варианты *-дак*, *-док*, *-даг*, *-дог* и т. д. Аффикс *-дай* бытует только в кыпчакских говорах, где он имеет два варианта *-дэй* и *-дай*.

Являясь по существу одной формой сравнительной степени, эти два варианта, вошедшие в литературный язык из разных диалектов, вполне «мирно сосуществуют». При этом они не только заменяют друг друга, а вместе с тем и часто дополняют друг друга. Имеется и определенная граница употребления этих форм в литературном языке. Например, местоимения *шундай* 'так' и *шундай килиб* 'таким образом' всегда имеют в своем составе аффикс *-дай*. Но стоит добавить к этому местоимению показатель родительного падежа, как требуется употребление другого аффикса *-дек*: *шунингдек* 'подобно тому'. При этом местоимение приобретает новую грамматико-стилистическую окраску.

Следует здесь отметить, что в художественной литературе аффикс *-дай* употребляется гораздо чаще, чем аффикс *-дек* (ср., например, в произведениях Айбека, Абдуллы Каххара, Ш. Рашидова, Аскада Мухтара и др.). В романе «Сестры» Аскара Мухтара, по подсчету нашего аспиранта Урала Насырова, аффикс *-дек* употребляется в пять раз меньше, чем аффикс *-дай*.

Аналогичное явление наблюдается и в употреблении имен действия на *-мок*, *-(y) в*, *-(u) ш*. Из этих трех форм первая вошла в литературный язык из городских говоров, а остальные — две из кыпчакских говоров. Все три формы являются широко употребительными. Вначале их функция, равно как и значение, были, в общем, одинаковы. Однако за последние примерно 30—40 лет наметилась дифференциация в их значении и употреблении. Форма на *-мок* больше употребляется в значении инфинитива, *-(y) в*, *-(u) ш* — в значении имени действия и отглагольного имени. Но это еще не главное. Главное в грамматико-стилистической дифференциации этих форм.

Так, например, во фразеологическом сочетании *бориш-келлиш килмок* 'иметь тесную связь' имя действия *бориш-келлиш* может иметь только данную форму, то есть *бормок-келмок*, или *борув-келув* в этом сочетании употребить нельзя. Употребление последних было бы грубым нарушением грамматико-стилистических норм литературного языка. Интересна дифференциация рассматриваемых форм от глагола *хайда*, 'пахать': *хайдамок* — это форма инфинитива, *хайдаш керак* имеет значение 'следует (нужно) пахать' и, наконец, *хайдов бермок керак* 'нужно пахать как следует'.

Следует заметить, что форма на *-ув* часто выступает как форма имени существительного, образованного от глагола: ср., например, *кечув* 'переход реки', *оклов* 'побелка стен',

кишло 'зимовка' и т. д. Однако в литературном языке имеются синонимичные аффиксы с отмеченным значением аффикса *-ув*. Один из них аффикс *кӀг*, характерный для городских говоров.

Так, слово *кишлак* 'село', 'селение' из городских говоров вошло в литературный язык вместе с *кишло* в том же значении, но с определенной стилистической окраской. В результате произошла дифференциация значений этих слов: слово *кишлок* в литературном языке употребляется только в значении 'село', 'селение', а слово *кишло* — только в значении 'зимовка' (причем чаще в отношении скота).

Заслуживает внимания соотношение форм настоящего времени на *-япти*, *-ётир* и *-мокда*. Первая форма из городских говоров (андижанско-ферганских), а две последние из кыпчакских говоров. Вначале они существовали в литературном языке параллельно без особой дифференциации в значении. Но затем за каждой из них стало закрепляться особое значение, определилась и сфера их употребления. Форма на *-япти* заключает в себе оттенок конкретности (ср., например: *у келаяпти* 'он идет', *сенга гапирьяман* 'тебе говорю'). Форма на *-ётир* обозначает более длительный период действия (*узокдан келаетир* 'идет издалека'; *Бу ходиса куп вақтдан бери давом этиб келаетир* 'Это продолжается давно').

Форма на *-мокда* указывает на продолжительность действия (*Пахта топишириш давом этмокда* 'Сдача хлопка продолжается'; *Суръат кундан-кунга ошиб бормокда* 'Темп увеличивается день за днем'). Таким образом, вышеуказанные формы настоящего времени уже окончательно дифференцировались. Существовая параллельно, они, однако, очень часто заменяют друг друга, то есть являются средством стилистического разнообразия узбекского литературного языка.

Как было упомянуто, кыпчакские говоры узбекского языка сохранили шесть падежей с соответствующими аффиксами. Представителями городских говоров смешиваются родительный и винительный падежи. В них один аффикс является показателем этих двух падежей. В литературном узбекском языке имеется шесть падежей. Есть основание считать, что эта система падежей принята в литературном языке на основании шести падежей кыпчакских говоров.

Следует заметить, что в произведениях некоторых авторов встречаются случаи опущения показателя родительного падежа. Такая практика приводит к серьезным стилистическим погрешностям. Например, два тома очерков истории узбек-

ской советской литературы, выпущенные Академией наук в 1961—1962 годах, называются «Узбек совет адабиёти тарихи очерки». Здесь опущен показатель родительного падежа в словах *адабиёти* и *тарихи*, что противоречит нормам современного литературного языка.

Основную часть стилистических разнообразий литературного языка составляют лексико-фразеологические материалы. Многие стилистические модификации образованы на базе материалов кыпчакских говоров. Приведем несколько примеров.

В узбекском литературном языке параллельно существует три фразеологизма: *юзи очик*, *бети очик* и *чехраси очик* 'человек с открытым лицом' (букв. '(его) лицо открыто'). Имея общее значение, эти фразеологизмы имеют каждый свою стилистическую окраску. Первый фразеологизм можно считать нейтральным, второй употребляется при отрицательном отношении говорящего, а третий, напротив, указывает на его симпатию в отношении третьего лица.

В узбекском языке имеется несколько стандартных форм приветствия: *ассалому алайкум*, *салом алайкум*, *ассалом*, *келинг* и *хорманг*.

Первые четыре являются вариантами одного приветствия арабского по происхождению, но каждый из них имеет свой стилистический оттенок. Так, *ассалому алайкум* носит религиозно-культурную стилистическую окраску. Вместе с тем в староузбекском литературном языке это приветствие включает оттенок уважения и почтения. *Салом алайкум* употребляется как обычное приветствие и выступает, следовательно, в нейтральной стилистической позиции. *Ассалом* раньше употреблялось только женщинами-горожанками для приветствия мужчин. Законы ислама не разрешали женщинам приветствовать мужчин в иной форме.

В настоящее время приветствие *салом* употребляется в нейтральной поэзии. Вместе с тем оно характерно для делового стиля. Так приветствуют преподаватели студентов, руководители учреждений — своих работников и т. д.

Интересно употребление приветствия *келинг* (букв. 'приходите'), которое вошло в литературную норму из речи женщины — представительницы кыпчакских говоров. Сначала с помощью *келинг* женщины приветствовали мужчин. Сейчас эта форма приветствия употребляется часто не только женщинами, но и мужчинами, причем последними после обычного приветствия для выражения любезности.

Новую стилистическую окраску приобретает и форма *хорманг* (букв. 'не уставайте'), которая также употребляется после обычного приветствия и содержит оттенок доброго пожелания.

Среди лексико-фразеологических сочетаний, вошедших в литературный язык из кыпчакских говоров, следует отметить такие, в составе которых имеются слова терминологического характера, относящиеся к области животноводства, хлопководства и зерноводства.

Так, в современном литературном языке (особенно на страницах периодической печати) часто встречаются такие устойчивые сочетания, как *отни камчиламок* 'заставить бежать лошадь' (букв. 'хлестать лошадь'), *отга камчи босмок* — значение то же (букв. 'оставить след, отпечатку петли у лошади'), *улокни олиб чикмок* 'достичь цели', 'выполнить', *соврунни эгалламок* 'завоевать приз' (букв. 'владеть призом'), *маррага етмок* 'финишировать', 'достичь цели', *каралаб бормок* 'подойти близко к осуществлению цели' (букв. 'идти по его силуэту, то есть по пятам'), *бостириб утмок* 'перегнать' (букв. 'перешагнуть', 'переехать через него верхом'), *узиб кетмок* 'перегнать', *жиловни буш куймок* 'брать высокий темп' (букв. 'ослабить узду', 'создать лошади условия для свободного бега'), *Которда норинг булса, юкинг ерде колмайди* 'когда у тебя есть хорошие товарищи, ты в беде не останешься' (букв. 'Когда у тебя в составе каравана имеется сильный верблюд, самый твой груз на земле не останется').

Хотелось бы высказать некоторые мысли о роли диалектизмов вообще и о роли кыпчакских говоров, в частности, в формировании художественной стилистики (например, использование диалектальных средств индивидуализации языка персонажей), но это не входит в задачу нашего выступления.

Сама же проблема о роли кыпчакских говоров в развитии стилистических систем узбекского литературного языка является одной из актуальных и злободневных в узбекском языкознании и узбекской стилистике.

Б. К. МАНАСБАЕВ
(Алма-Ата)

О СТИЛИСТИЧЕСКОМ «ПАСПОРТЕ» СЛОВ

Стилистика расширяет возможности изучения литературного языка с точки зрения его употребления. По мнению Г. О. Винокура, «язык вообще есть только тогда, когда он употребляется...». Стилистика изучает нормы литературного языка во всех его видах речи и, обобщая в какой-то мере, дает рекомендации. В этом и заключается практическое значение стилистики, ее прикладной характер.

Основное внимание нами будет уделено стилистической характеристике казахской лексики, хотя этот вопрос в языкознании ставится на повестку дня не впервые.

Русские и зарубежные лингвисты давно обратили внимание на стилистическую дифференциацию не только лексики, но и всех видов языковых единиц. Об этом свидетельствует многочисленное количество работ, посвященных стилистическому описанию языковых средств. Эти труды могут быть полезными и при решении того или иного вопроса стилистики национальных языков, в частности стилистики казахского языка. Наша задача состоит в том, чтобы, опираясь на многолетний, богатый опыт русских и зарубежных лингвистов, дать некоторые сведения о стилистическом «паспорте» слов казахского языка.

Прежде всего необходимо указать на некоторые особенности казахского языка. Казахский язык не расчленяется на резко очерченные диалекты. Он отличается от других тюркских языков относительной монолитностью; в нем имеются лишь незначительные диалектные расхождения в фонетике, лексике и грамматике¹.

Казахский язык, как и другие языки, охватывает все сто-

¹ «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962, стр. 8.

роны общественной жизни и выполняет такие из «важнейших общественных функций языка, как общение, сообщение и воздействие...»². Но эти функции языка были не одинаковы в различные периоды общественной жизни казахского народа. Это объясняется тем, «...что казахская народность до Октября обладала несколькими типами письменного языка. Из них только опубликованные фольклорные материалы, несколько газет, журнал «Айкап» и произведения прогрессивных писателей XVIII—XIX вв. отражали истинный разговорный язык казахского языка»³. Естественно, в казахском языковедении отсутствовало деление общенародного языка на стили. Таким образом, вышеуказанные общественные функции языка в полной мере можно отнести к современному казахскому литературному языку. И это свидетельствует о том, что казахский литературный язык получил интенсивное развитие после Октябрьской революции, благодаря преобразованию общественно-политической и культурной жизни народа.

С развитием языка все больше возрастает интерес к нему. За последние годы казахские языковеды создали серию книг по лексике, фонетике и синтаксису, а также о культуре речи и по стилистике казахского языка. Но сделано очень мало. Очевидно, с этим связано то, что в казахской лексикографии слова пока еще не снабжаются стилистическими пометами «разговорное», «книжное» и т. п., как это делается в отношении слов других языков, например, славянских, романо-германских и др.

Возможно, преддверием к созданию таких словарей должен быть ряд работ, посвященных общим теоретическим, но непосредственно связанным одной темой вопросам, которые, к сожалению, не приобрели полной ясности.

Очень затрудняет то положение, что до сих пор нет ясного определения стилистики. Определения, которые даются по вопросам стилистики, в большей или меньшей степени субъективны.

Наблюдается ненужное дублирование терминов или различное их понимание, а ведь именно термины должны быть предельно однозначны, например, стилистическая специализация — закрепленность языковых средств за тем или иным стилем: разговорный стиль, литературный язык и др. Даже само понятие стиль не всеми определяется как одно из основ-

² В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, стр. 6.

³ «Современный казахский язык», стр. 9.

ных понятий стилистики (имеется в виду лингвистическое и литературоведческое его толкование). Известно нам также и то, что пока нет единого мнения по самой системе стилей. Очевидно, все это мешает языковедам при составлении словарей давать словам стилистические пометы.

Но незавершенность и неразрешенность в любой науке будет всегда. Поэтому надо исходить из того, что уже в какой-то степени приемлемо.

Нам кажется, что в настоящее время в казахской речи наблюдаются такие стили, как устно-разговорный, нейтральный и книжно-письменный со своими разновидностями (официально-деловой, общественно-публицистический, научный и стиль художественных произведений). Давая стилистические пометы, следует помнить о лексической дифференциации слов и их эмоционально-экспрессивной окраске. Поэтому одному и тому же слову с точки зрения лексико-стилистической придется давать две, а иногда и больше помет. Это можно проследить на материале синонимов.

В казахском языке синонимический ряд может иметь от 2 до 30 слов, среди синонимов можно выделить как смысловые, так и стилистические. Например, слово *жарык* 'свет' имеет такие синонимы, как *сәуле* 'луч', *нұр* 'луч (свет)'. Из них *жарык*, *сәуле* можно отнести к нейтральному стилю а *нұр* — к высокопоэтическому, книжному. Слово *журу* 'ходить', 'идти' имеет синонимы *Ілбу* 'еле-еле идти', *сүйретілу* 'плестись'. Если *журу* нейтральное, то *Ілбу* просторечное, разговорное. *сүйретілу* эмоционально-экспрессивное, разговорное. Слово *жиналыс* 'собрание' имеет четыре синонима: *жиын* 'сбор', *жиналылыс* 'собрание', *кенес* 'совещание', *мәжіліс* 'заседание'. *Жиын* просторечное, *жиналыс* нейтральное, а *кенес*, *мәжіліс* книжные.

Учитывая все это, мы представляем себе в нормативном словаре словарную статью с ее стилистическим «паспортом» и другими пометами в следующем виде:

ҮЛКЕН. Прил. 1. Значительный по размерам, по величине (нейтр.). *Үлкен қала*. *Үлкен өзгеріс*. 2. Выдающийся (нейтр.). *Үлкен ғалым*. *Үлкен адам* (разгов.). 3. Старший (нейтр.). *Үлкенді сыйлау*. 4. Взрослый (разгов.). *Үлкендер келді*. 5. Глава, управ. (разгов.). *Аулыңның үлкені кім*
◆ *Үлкен үй* (перенос., разгов., устар.). *Жолы үлкен* (разгов.). *Үлкен театр* (нейтр.). *Үлкен Кеңес* (разгов.). *Үлкен Ғылыми Кеңес* (официальн. книжн.), *Үлкен химия* (книжн.)

публиц. неологизм). *Үлкен спорт* (книжн. публиц. неологизм).

ҮЛЫ. Прил. 1. Превосходящий общий уровень обычную меру, в значении выдающийся (нейтр.). *Ұлы Октябрь социалистік революциясы*. 2. Превосходящий (книжн. публиц. экспрессив. почтительн.). *Ұлы орыс халқы. Ұлы орыс тілі*. 3. Необыкновенно одаренный, гениальный (книж. публиц.). *В. И. Ленин дүние жүзі пролетариатының ұлы көсемі. Ұлы жазушы*. 4. Почтительная форма, обращение (официальн. устар.). *Ұлы мәрте бел...* 5. Большой (поэтич. экспр.) *Ұлы той. Ұлы думан. Ұлы дубір*. 6. Старший (нейтр.). *Ұлы жүз* ♦ *Ұлы сәске* (разговор.). *Ұлыстың ұлы күні*.

Пометы в данных примерах в какой-то мере несут субъективный характер. Чтобы избежать этого, нам необходимо (видимо, этим должен заняться Институт языкознания АН КазССР) составить вопросники с объяснительной запиской, разработать полученные данные. Таким образом, будет учтено, хотя и не полностью, мнение носителей языка, будет видна частотность употребления в том или ином стиле речи, можно будет проследить все возможные варианты сочетаемости слов. Это, безусловно, намного поможет нам избавиться от элементов субъективизма.

Хочется отметить весьма актуальный проблемный доклад П. А. Азимова и Е. Н. Ершовой, посвященный изучению культуры русской речи нерусских в национальных республиках. В условиях двуязычия такого рода исследования необходимы. В связи с этим возникает еще такая проблема, как элементы русизмов в системе стилей национального языка.

В казахском языке русизмы особенно часто наблюдаются в разговорном и официально-деловом стилях, причем в последнем тоже по-разному. Видно, это объясняется тем, что делопроизводство в канцеляриях в большинстве случаев ведется на русском языке, а информации официально-правительственные носят, в основном, «переводной» характер. Наблюдения в области научного стиля тоже показывают некоторую раздвоенность: гуманитарные науки исследуются на казахском языке, а работы по естественным и техническим наукам пишутся казахами на русском языке. Нам кажется, интересно было бы сопоставить уровень культуры русской речи и уровень культуры казахской речи у ученых-казахов гуманитарных наук, с одной стороны, и у ученых-казахов естественно-технических наук, с другой стороны.

В этом плане много полезного можно почерпнуть из кни-

ги Ю. С. Степанова⁴. По мнению автора, «каждый разговорный национальный язык строго регламентирует пропорцию книжных и разговорных элементов в нейтральном стиле». Так, в казахском языке нейтральный стиль по сравнению с русским оказывается сдвинутым в сторону разговорной речи. Разница нейтральных стилей обнаруживается при сравнении одного языка с другим. При переводе это необходимо учитывать. Вот почему изучение русской речи казахов (интеллигенции, студенчества и др.) представляет большой интерес. Видимо, в нашей республике надо кому-то этим заниматься.

В данное время работы, посвященные проблемам стилистики родного языка, его культуре речи, а также всевозможные словари со стилистическими пометами, где бы можно было черпать знания для правильного построения речи, нужны, как воздух: это духовный запрос советских людей—строителей коммунизма, это неотъемлемая часть их культуры.

---

⁴ Ю. С. Степанов. Основы языкознания. М., 1966. Он же. Французская стилистика, М., 1965.

З. И. БУДАГОВА, К. АЛИЕВ
(Баку)

О ТРОПАХ (на материале азербайджанского языка)

На современном этапе развития науки о языке стилистика является одной из тех важных областей лингвистики, которая нуждается в более тщательном и углубленном изучении. Как совершенно справедливо отмечено в коллективном докладе П. А. Азимова, В. В. Виноградова, Ю. Д. Дешериева и И. Ф. Протченко, проблемам стилистики уделяется все еще недостаточное внимание, тогда как в этой области есть очень много нерешенных вопросов и недостатков как в теоретическом, так и в практическом плане.

В азербайджанском языкознании, несмотря на то, что многие проблемы в данной области пока не разработаны, все же имеются отдельные монографические исследования, стилистические экскурсы в работах по грамматике и т. п. В этом году коллектив научных сотрудников отдела современного азербайджанского языка Института литературы и языка им. Низами АН Азербайджанской ССР подготовил к печати книгу «Очерки по стилистике художественной речи», в которой впервые в азербайджанском языкознании проблемы стиля языка художественных произведений получают всестороннее освещение. Здесь исследуются на материале азербайджанской художественной литературы такие вопросы, как предмет художественной стилистики, классификация функциональных стилей и определение стилистических категорий, стилистические особенности лексики и фразеологии, отличие художественного языка от других стилей, роль метафоризации слова в художественном языке, различные тропы, аллитерации и т. д., стилистические возможности морфологических и синтаксических категорий (частей речи, сложного предло-

жения, порядка слов, повторов, типов предложения по цели высказывания, знаков препинания и интонации и др.).

Избрание художественного стиля объектом специального исследования было вовсе не случайным: среди функциональных стилей азербайджанского литературного языка художественный является древнейшим и богатейшим стилем, представленным во всей полноте и целостности. Виднейшие представители азербайджанской литературы — писатели-классики Насими, Хатаи, Физули, Вагиф, Закир, М. С. Ордубади, Самед Вургун, Сулейман Рагимов, Мирза Ибрагимов и многие другие художники прошлого и современности подняли азербайджанский литературный язык на такую высоту, что он может теперь считаться одним из самых развитых и богатых языков мира.

В прослушанных докладах, наряду со стилиевыми особенностями отдельных литературных языков как в диахронном, так и в синхронном аспекте, затрагивались и вопросы, посвященные характеристике определенных категорий стилистики в общем плане и на основе материалов конкретных языков.

В своем выступлении мы поставили задачу охарактеризовать на материале азербайджанского языка одну из стилистических категорий — тропы.

В тюркологической литературе почти нет специальных работ о тропах. Последние в самых общих чертах рассматриваются обычно лишь в книгах по лексикологии, поэтике и теории литературы.

Система тропов является одним из главнейших средств отражения действительности в образной форме. Она уходит своими корнями в глубокую древность. В языке тропы обнаруживаются как в устойчивых, так и в свободных словосочетаниях.

Тропы более всего употребительны в поэзии. Поэтическая красота немыслима без них.

По своему происхождению, степени национальной специфичности и месту среди аналогичных явлений в литературах других народов тропы в азербайджанской художественной литературе можно разбить на несколько групп. Прежде всего, существует целый ряд довольно употребительных тропов, связанных с общими для всех народов ассоциациями ср. понятия, заключенные в словах типа *зима, ночь, день, утро, звезда, луна, алмаз, осел, медведь* и др. В азербайджанской классической литературе отразились также многие обычные для восточной поэзии эпитеты, сравнения, метафоры

и т. д., в связи с исторической общностью материнской и духовной культуры в странах Ближнего и Среднего Востока (например, персидские изафетные конструкции *лаби-шакэр*, *булбули-налан*, *элифгэдд* и т. д., мифические существа и религиозные понятия — *див*, *эһриман*, *иблис* и др.).

Одним из основных источников азербайджанской классической поэзии всегда являлось устное народно-поэтическое творчество. И поэтому часть тропов, образных выражений — фольклорного характера, например: *галэм гаш*, *сарв бој*, *алма јанаг*, *каман гаш*, *киприкләри ох*, *Короглу кими вурушмаг*, *Кәрәм кими јанмаг*.

Наблюдения показывают, что большинство тропов, употребляющихся в азербайджанской художественной литературе, связано с жизнью самого народа, его бытом, обычаями и традициями, природными факторами, географическими и климатическими условиями и т. д. И действительно, каждый народ имеет свойственную ему систему тропов. Например, в индийской литературе величественная женская походка уподобляется походке слона, тогда как в азербайджанской литературе красивая осанка, взгляд, походка женщины сравниваются с таковыми у джейрана, серны, куропатки и др.

Большая часть тропов, употребляющихся в азербайджанском языке, принадлежит самому народу. Кроме многочисленных фразеологических тропов и фигур, существуют десятки таких образных выражений, как *одлар јурду одлар өлкәси* 'страна огней', *гара гызыл* 'черное золото' и др.

По общепринятому делению, система тропов распадается на сравнение, метафору, эпитет, аллегория, метонимию, гиперболу, иронию, и др., имеющие место также в составе фразеологических единиц, или фразеологизмов, идиом, крылатых слов, афоризмов, пословиц и поговорок и т. п. Своеобразие употребления их в произведениях связано с идейно-художественным мировоззрением и эстетическими вкусами писателя. Например, если Сабир уподоблял поэзию солнцу правды, то Джавид — музыке, а Халид Хуррам — божественной силе.

В сравнениях названия природных и географических явлений, исторических личностей, времен года, планет и созвездий, животных, драгоценных камней и т. д. выступают как сами уподобляемые объекты. При этом сопоставляются свойства, внешний облик, характеры и т. п., как, например: *алмаз кими парылдамаг* 'гореть на солнце', *кун кими јанмаг* 'блестеть как алмаз', *шам кими әримәк* 'таять как

свеча', *дәвә налбәндә бахан кими бахмаг* 'смотреть как коза на афишу' и т. д.

Один из видов тропов, выявляющих те или иные характерные признаки изображаемого явления, играющих важную роль в оценке его, придающих ему образность и создающих у читателя живое представление о предмете речи, — это эпитет. В азербайджанской художественной литературе и особенно поэзии в роли эпитетов часто выступают названия таких птиц и животных, как сокол, серна, названия благоухающих трав и растений (мята, нарцисс и др.), вкусных плодов, драгоценных камней и т. д., например, *шаһин бахыш, аһу кез, нәркиз көзлү, рејһанлы јол, алма јанаглы, чејран бахышлы* и др.

Ряд интересных эпитетов образован также посредством фразеологических единиц, характеризующих типические черты и внешний облик персонажей, например: *Азәрмәрәндидир.. чанлара дзјән, огландыр* (М. Ибрагимов) ...*молла Гафар јох јерден бу гырх газанын мајасы Көјәрчинә ушаг вермәди-ми?* (С. Рәхимов). Эквиваленты их в русском языке большей частью отсутствуют, а условный перевод получается банальным, бессмысленным и вовсе не помогает раскрытию образа.

С точки зрения раскрытия внутреннего мира героев, лаконического выражения сущности их характеров путем уподобления и создания наглядно-конкретного образа, особое значение имеет метафора. Как художественно-образительные средства раскрытия человеческого характера и описания тяжелых испытаний, трудных мгновений жизни и т. п. в азербайджанской литературе чаще всего употребляются в метафорической функции следующие группы слов: а) названия животных (лиса, шакал, ягненок, волк, медведь, джейран и др.); б) названия птиц (сокол, жураль, лебедь, куропатка и др.); в) явления природы (туман, буря, мороз, выюга, стужа и др.).

Интересно отметить, что в азербайджанской художественной литературе положительные образы во многих случаях уподобляются небесным светилам — солнцу, луне, звездам, как символам всего чистого, высокого и прекрасного. С другой стороны, свойственные положительным героям мужество, неустрашимость, отвага, смекалка, природный ум и другие качества передаются нередко с помощью метафоризованных исторических и легендарных личностей — Кёр-оглы, Керем и др.

Во фразеологизмах метафора чаще выступает в аллегорической форме. Конечно, понятия метафоры и аллегии всегда были тесно связаны друг с другом. Например, в таких идиомах, как *гујруг буламаг* 'влиять хвостом' *бахтинэ тэпик атмаг* 'пенять на свою судьбу', содержится аллегорическая метафора.

Другим видом тропа является метонимия. Перифразы типа *Азэр өлкәси* 'страна Азера', *Одлар топрагы* 'земля огней', *Нефт дијары* 'Край нефти' (вместо Баку) — Азербайджан; некоторые эфемизмы (например, вместо *әлмәк* 'умереть' употребляются: *(бу) дүнјадан кетмәк* 'уйти из мира (сего)' *өмүр китабы багланмаг* 'закраться книге жизни' и многие другие) — все это по существу не что иное, как языковые разновидности метонимии, характерные для азербайджанской литературы. Часть метонимических выражений, будучи плодом художественного мышления народа на протяжении многих веков, вылилась в пословицы и поговорки, афоризмы, крылатые слова и т. п. Нет такого жанра азербайджанской классической и современной художественной литературы, где бы ни использовались метонимические фразеологические единицы. И для азербайджанского языка вообще характерны такие чистые метонимии, как *богазыны ислатмак* 'смочить горло', *саггалына соган дограмак* 'испортить настроение' (букв. 'пакрошить лук на бороду') и др., а также метонимические фразеологические единицы с определенной дозой синекдохи: *саггала салам вермирсән* 'не считаешь бороду', *гулагым сәндәдир* 'слушаю тебя' и др.

Имеются и другие тропы, играющие важную роль в художественном стиле и богато представленные в азербайджанском языке.

А. АННАМАМЕДОВ
(Ашхабад)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РОМАНЕ Х. ДЕРЬЯЕВА «СУДЬБА»

Туркменское языкознание в последние годы обогатилось новыми исследованиями. Однако многие вопросы требуют еще своего дальнейшего изучения, в частности, фразеология туркменского языка. Частично материал о фразеологии туркменского языка мы находим в работах некоторых туркменских лингвистов. Перед лингвистами стоит задача глубже изучить стилистические и синтаксические функции, морфологические особенности фразеологии туркменского языка.

Недостаточно изученной остается и проблема языка и стиля художественной литературы, в частности, словарный состав произведений туркменских писателей.

Изучение языка отдельных писателей, анализ стилистических особенностей их языка, показ мастерства в использовании языкового материала имеют исключительно большое значение для туркменского языкознания вообще, лексикологии, в частности.

На конкретном фактическом языковом материале мы попытаемся показать своеобразие индивидуальных приемов в использовании писателем общенародных фразеологических сочетаний.

Х. Дерьяев — замечательный художник, оригинальный стилист, большой мастер слова. Его роман «Судьба» по глубине идейного содержания, мастерству художественного изображения, ясности и выразительности языка относится к лучшим произведениям туркменской советской литературы.

Изучение фразеологии этого романа имеет первостепенное значение не только для раскрытия языковых особенностей

отдельного писателя, но и для исследования основных закономерностей развития языка прозы в советскую эпоху.

Фразеология играет не меньшую роль в системе средств художественного изображения, чем лексика. Изучение состава и функций фразеологии писателя имеет существенное значение для понимания природы его языка и стиля. Анализ фразеологии писателя помогает в исследовании вопросов о наиболее типичных закономерностях туркменского фразеобразования и в определении стилистических функций фразеологических средств.

Путем анализа фразеологизмов, являющихся самым острым, эмоциональным и образным художественным средством языка, мы стремились показать, как богат туркменский язык разнообразными фразеологическими выражениями и какую большую роль играют они в создании художественных произведений.

Туркменский язык, как и многие другие языки, богат фразеологическими выражениями. Писатель Х. Дерьев сумел не только использовать эти фразеологические выражения, издавна бытующие в языке, но и творчески создать новые.

Фразеология неразрывно связана со стилистикой. Определение стилистических функций фразеологии дает возможность глубже раскрыть специфику творческого метода автора, познать его искусство в привлечении и использовании богатых средств языка для создания ярких образов и картин.

Перед исследователями фразеологизмов одного произведения стоят задачи показать не только особенности использования писателем фразеологических единиц, но и показать, из каких источников взяты фразеологические единицы (из классической литературы, фольклора, из разговорной речи и т. д.).

Каждый поэт, писатель, драматург, глубоко изучивший историю народа, его жизнь, способен написать такое произведение, которое было бы понятно народу, понравилось бы ему и было понято им. Именно такие произведения созданы нашими писателями и поэтами — Берды Кербабаяевым, Ата Каушутовым, Агаханом Дурдыевым, Беки Сейтаковым, Ата Салиховым и другими.

Они широко использовали фразеологические единицы, бытующие в живой разговорной речи. В произведениях Б. Кербабаяева мы встречаем такое распространенное в живой народной речи выражение, как *геңешли дон гысга болмаз* 'халат, сшитый по совету, не будет коротким'; *Ашир, өлчелич бичилен дон гысга болмаз дийлендир* (Кербабаяев, Айгытлы

эдим) 'Ашир, говорят, халат скроенный осмотрительно, не бывает коротким'.

А. Г. Кулиев в своих произведениях, пожалуй, больше пользовался приемом замены одного слова во фразеологических единицах народного языка другим словом, например, «Йүрегине ел бермек» 'рассердить' (букв. 'пустить ветер в его сердце'); *товшаның гулагында укламак* 'не ведать ни о чем' (букв. 'заснуть в ухе зайца') и т. д. ...*атасының бирахат йүрегине ел берйәрди* (Г. Кулиев, Ёвуз гүнлер) '...он сердил отца' (букв. 'пускал ветер в беспокойное сердце отца'); *Биз бир товшаның гулагында уклап йөрен бичәре* (Там же) 'Мы ни о чем не ведающие, грешные' (букв. 'мы, спящие в ухе зайца, грешные'). Фразеологизмы, приведенные в примерах, в народной речи употребляются в форме *йүрегине чиширмек* 'сердить' (букв. 'заставлять пухнуть его сердце'); *пилиң гулагында укламак* 'не ведать ни о чем' (букв. 'спать в ухе слона').

Замену одного слова в народных фразеологических единицах другим можно наблюдать в произведениях любого поэта и писателя, причем эта замена не всегда влияет на смысл фразеологических единиц и выражений, хотя иногда, благодаря замене слов, в корне изменяется значение фразеологизма.

В романе Х. Дерьяева «Судьба» можно встретить множество фразеологических единиц. Иногда писатель использует народные пословицы или выражения, изменяя их структуру: слова располагаются в ином порядке, добавляются новые слова, которые могут стоять в начале, в конце и середине фразеологизма.

Однако изменение состава в порядке слов в фразеологических единицах, изменение в их грамматическом оформлении приводит к снижению содержательной стороны произведения. Например, выражения, употребляющиеся в живой народной речи *дил билен орак орсаң, билиң агырмаз* (букв. 'если косить пшеницу языком, поясница не будет болеть'); *алжагыны билсе, алласыны гарамаз* 'если уверен, что возьмет, не оглянется на бога'; *депе сачы үйшмек* (букв. 'волосы на макушке съжились') в романе Х. Дерьяева «Судьба» употребляются в следующем виде: *Дил билен орак ораны үчин, онуң били агырмады* 'Так как он косил пшеницу языком, поясница его не болела'; *Алып билселер, аллаларыны гарамадылар* 'Если они были уверены, что возьмут, не оглядывались ни на бога'.

Однако проводимые автором изменения в народном фразеологизме могут, напротив, усиливать идейную и худо-

жественную стороны произведения, ср., например: *Мурты, местан өкузиң шахы ялы, ики янлайын салланды* 'Его усы, как рога разъяренного быка, повисли на две стороны'; *İlonуң үчинем гулагымызы япырып йөренимизден, бирнеме дикрэк тутмак герекмикә өйдән* 'Поэтому, чем ходить, повесив уши, я думаю, не лучше ли нам наострить их'; *Энекутиниң ичини нәче ит йыртса-да чыдады* 'Как ни торопился Энекути, он стөрпел'.

Изменением порядка слов во фразеологических единицах, когда первое слово и последнее фразеологизма меняются местами, иногда приводит к совершенной потере фразеологизмом своего первоначального значения, ср., например: *Бес-оир, Бекмырат байларың мениң йүрегимде яндыран оды?* 'Довольно и того, сколько Бекмурад бай жёг огонь на моём сердце'; *Онуң буз болуп доңан йүрегинде рехим-шепагат, одалат диен задың ысы хем ёкды* 'В его застывшем, как лёд, сердце не было и тени жалости, заботы'.

Фразеологические единицы, взятые в данных примерах, в разговорной речи употребляются в форме: *йүрегинде от як-мак* 'жечь огонь на сердце', *доң йүрек* 'бессердечный' (букв. 'застывшее (замерзшее) сердце') и т. д.

Внесенные же автором дополнительные слова во фразеологизмы *багты гаралмак* 'счастье почернело', 'стать несчастным', *ёлуң ачык болсун* 'счастливого пути' (букв. 'пусть будет твой путь открытым'), закрепились в них, так как благодаря им усиливается значение данных фразеологических единиц. Например, добавленные Х. Дерьяевым слова *ак* или *гара*. Примеры: *Мениң ыкбалым Сейитахмет ишана болса, гара багтымың гаралдыгыдыр* 'Если моя судьба в руках Сеидахмеда, то это значит, что моё черное счастье еще более почернело'; *Вах, ак ёлуң ачык болсун* 'Ой, пусть твой белый путь будет открытым'.

Наблюдаются случаи, когда Х. Дерьяев употребляет в одном предложении два фразеологизма, близкие по значению, например: *Акылы хайран болмак* 'удивиться' (букв. 'ум удивился'), *агзы ачылмак* 'удивиться' (букв. 'рот открылся'), *устүнден совук сув гуйлан ялы болмак* 'испугаться' (букв. 'быть облитым холодной водой') и *депәңден дабаныңа ченли дыгырмак* 'испугаться' (букв. 'от головы до пят дрожать') и т. д.

Благодаря использованию синонимичных фразеологизмов усиливается смысловое содержание предложения. Некоторые фразеологические единицы иногда сопровождаются нейтральными словами, которые разъясняют смысл данного фра-

зеологизма. Однако эти ценные при составлении словаря появления в романе совершенно не нужны, так как они отяжеляют слог и этим самым снижают художественные достоинства романа. Ср., например: *Кыныш бай буршүк йүзүни бүржөшдирип, бәш дешигини бир ерик гетирди* 'Кыныш бай рассердился' (букв. 'Кыныш бай, поморщив морщинистое лицо, пять своих отверстий собрал в одно место'); *Ынха, ягышы пикирлен, гөврүмиңе геңеш-де, шу отуран ериңде жогабыны айт* 'Вот, хорошо подумай, посоветуйся с сердцем и тут же дай ответ'.

В целом Х. Дерьяев сумел собрать богатый фразеологический материал из народной речи и уместно его использовать. Характерно, что с помощью фразеологизмов он дает названия некоторым главам романа: *дашы жәжәк, ичи мөжәк* 'снаружи блестящий, внутри волк'; *берим гөкден ёл ясар* 'взятка и на небе сделает дорожку'; *ики ат депишер, арасында эшек өлер* 'два коня лягаются, а в середине умирает осел'; *айланан баш тарап танамаз* 'закружившаяся голова направление (левое или правое) не узнает'. Такие фразеологизмы носят характер эпиграфов.

Х. Дерьяев использует фразеологизмы для социальной характеристики персонажей. Одни фразеологические единицы употребительны в речи баев: *көвшүниң налына дегмезлик* 'не стоит подковы обуви'; *басан ызындан чыкан тоза дегмезлик* 'не стоит пыли от его следа'; *аягына япышан лая дегмезлик* 'не стоит глины, прилипшей к его ноге'; *кесилип ташланан дырнагы-ча гөрмезлик* 'не стоит отрезанного ногтя'; другие — писатель включает в речь бедного трудящегося дайханства: *гөклән тайхар ялы тумишугыны ёкары тутян байлар хем ёк дәлди* 'были баи, которые задирали нос, как ослы, наевшиеся травы'.

Специфичны фразеологизмы и в речи людей разного возраста. Так, в речи лиц старшего поколения встречаются выражения: *элиң-гөзүң дерт гөрмесин* 'пусть глаза и руки твои не болят'; *гөз дегмесин* 'пусть тебя не сглазят'; *алладсын гайтсын* 'пусть даст тебе бог', 'спасибо'; *алның-багтың ачык болсун* 'будь счастлив' (букв. 'будущее и счастье пусть будут открыты'); в речи молодежи: *жаны бир, тени бир болмак* 'быть дружными' (букв. 'телу и душе быть вместе'); *соган ялы соймак* 'обдирать, как обдирают кожуру лука'; *энеден яңы доган ялы этмек* 'ободрать как липку' (букв. 'сделать таким, как будто только что родился').

Как и многие туркменские писатели, Х. Дерьяев широкого

и очень удачно использует фразеологические выражения, взятые из различных источников. Они следующие:

1. Фразеологические выражения, бытующие в разговорной речи: *ики гөзүң дөрт болды* (букв. 'два глаза стали четыре'), *йүң сакгал этди* (букв. 'его сделал обладателем шерстяной бороды'), *саман астындан сув гойберен* (букв. из-под соломы воду пустивший') и т. д. В их числе пословицы и поговорки: *Аязхан чарыгыңа бакарак* 'помни прошлое' (букв. 'Аязхан делал, посматривая на свой чарык (башмак)'); *Дүйә мүнүн, хатаба букмак* 'бояться за содеянное' (букв. 'взобравшись на верблюда, прятаться за хатаб (верблюжье седло)'); *Агыз агыздан ел алар* 'быстро распространяется (о слухе, сплетне)' (букв. 'рот от рта ветра набирается') и т. д.

2. Фразеологические выражения, взятые из диалектов. Писатель при описании отдельных эпизодов использует слова и устойчивые словосочетания, употребляемые народом согласно обычаям той или иной местности. В романе Х. Дерьяева «Судьба» диалектные фразеологические единицы в большинстве случаев вводятся в речь героев, например, такие как *дөрт аякда бир баш болды* 'рассердился, рассвирепел' (букв. 'стал с одной головой и четырьмя ногами'), *атыны баша баглады* 'успокоился' (букв. 'привязал коня к камню'), *сүңгүндөн өтүп йүреге етди* 'надоел' (букв. 'пройдя через кость, дошел до сердца'), *еди ожагы дүзледи* 'вредный' (букв. 'семь очагов сравнивал'), *секиз аяклы сергездан* 'любящий гулять' (букв. 'бродяга с восемью ногами') и т. д.

3. Фразеологические выражения, взятые из произведений классиков туркменской литературы. Х. Дерьяев в своем романе использовал фразеологические выражения из произведений Махтумкули: *алар авун, салар гушун аңламаз* 'делать бессмысленно' (букв. 'какую дичь поймать, за какой птицей охотиться — не понимает'), *тәлейи терс гелди* 'судьба у него оказалась злой' (букв. 'судьба у него наоборот пришла').

4. Фразеологические выражения, связанные с религиозными воззрениями: *патасыны алмак* 'совершить по ком-то поминки, не зная наверняка жив или мертв человек' (букв. 'принять его благословение'), *шеригатдан шерменде* 'не сведущий в мусульманской юриспруденции' (букв. 'полный злобы от шериата'), *гөз дегди* 'сглазил' (букв. 'глаз коснулся') и т. д.

5. Фразеологические выражения, созданные интеллигенцией и ремесленниками: *ылым урды* 'до того доучился, что сбился с дороги' (букв. 'наука ударила'), *элинден шерменде*

'не смыслящий ничего, не понимающий ни единой буквы' (букв. 'полный злости от элифа'), *полады юмшак* 'кроткий, податливый' (букв. 'его булат мягок'), *мумлы йүплүк ялы болды*, 'утихомирился, смягчился' (букв. 'он стал как навощенная нитка') и т. д.

6. Фразеологические выражения, заимствованные из русского языка. Русский язык сыграл и играет значительную роль в развитии словарного состава туркменского языка. Заметна его роль и в обогащении туркменской фразеологии. В туркменском языке путем калькирования соответствующих выражений русского языка появились новые фразеологизмы. Так, в романе «Судьба» употребляются следующие выражения-кальки: *доганлык голуң бермек* 'подать братскую руку', *гоюн дерисине гирен мөжсек* 'волк в овечьей шкуре' и т. д.

7. Фразеологические выражения, созданные самим писателем: *габагыны гөтерди* 'понял' (букв. 'поднял веко'), *ахундан гая ясады* 'заставил сделать сказанное' (букв. 'из ахуна скалу построил'), *агзына яглык гысдырды* 'обманывал, вводил в заблуждение' (букв. 'в рот платок заткнул'), *элине дарак тутдурды*—в том же значении (букв. 'в руку гребешок дал'), *йылы якадан эл сокды* 'женился' (букв. 'через теплый воротник руку засунул'), *элден алып, этеге салды* 'опозорил' (букв. 'из рук взял, в подол положил') и др.

Таким образом, Х. Дергьяев, наряду с широким использованием сложившихся фразеологизмов, создает свои, обогащая тем самым туркменский язык.

В. А. АВРОНИИ
Новосибирск

О ПОНЯТИЯХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ И ИХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ ОБОЗНАЧЕНИИ

Я занимаюсь такими языками, для которых вопросы стилистики еще не стоят так остро, как для языков многих других народов. Это языки малых народов Сибири. В литературной форме они существуют два-три десятилетия; их общественные функции довольно ограничены и поэтому богатого разнообразия стилей в этих языках пока еще не сложилось.

Однако, как отметил в своем докладе Н. А. Баскаков, даже до возникновения письменного языка может сложиться какая-то стилевая дифференциация в разговорном языке. Такие разновидности языка, как язык фольклорный и язык религиозных культов, наряду с обыденным, бытовым языком данного народа, складывались с давних пор. По некоторым языкам малых народов Сибири есть даже специальные исследования. Есть книга А. Н. Баландина «Язык мансийской сказки». В ней речь идет о языковом стиле фольклорного жанра сказки. Но в отношении такого рода языков сейчас на очереди дня стоят другие, не менее важные проблемы, которыми и приходится заниматься в первую очередь.

Я хотел сделать еще одно предупреждение. Я буду говорить только о стиле в чисто лингвистическом понимании. Разграничение между стилем лингвистическим и стилем в понимании искусствоведов должно быть достаточно четким. Иначе мы будем говорить о разных вещах, думая, что говорим об одном и том же. Если говорить о стилях с лингвистической точки зрения, то, как и в отношении любой другой проблемы, нам нужно прежде всего постараться по возможности точно отграничить данное понятие от любого другого. Если это понятие представляет собой сложную систему, то

далее надо договориться о принципах классификации всех частных проявлений этой сложной системы. Надо прежде всего выяснить, что мы понимаем под термином «стиль».

Следует сказать, что беда нашей науки, как и многих других гуманитарных наук, заключается в том, что мы слишком свободно, легко относимся к терминологии, думая, что дело не в названиях. Терминология — вещь условная. Это правильно. Но надо иметь в виду, что за ней стоят понятия данной науки, а если нет четкого определения основных понятий той или иной другой науки, того или иного ее раздела, трудно говорить о связанных с ними проблемах.

Что же такое стиль? С моей точки зрения, здесь возможны два взаимоисключающих ответа. С одной стороны, можно представить себе стиль как относительно автономный, ограниченный, замкнутый участок языковой структуры, а все поле языковой структуры — состоящим, как мозаика, из отдельных строго очерченных участков. Это материальное понимание стиля, понимание его как известной суммы материальных языковых элементов. С другой стороны, возможно функциональное понимание стиля. Оно отражено в определении стиля, которое содержится в первом докладе нашей конференции. Напомню, как это формулируется в тезисах: «Стилистика... — это способ, прием подбора лингвистически специализированных или неспециализированных языковых средств для наиболее точной, выразительной словесной передачи мыслей и чувств говорящего или пишущего в нужном ему аспекте, оттенке, иначе говоря, стиле»¹. Несмотря на некоторую тавтологичность этого определения (стиль — это то, что вызывается потребностями стиля), которую мне кажется, можно отнести к неловкости выражения, по существу оно представляется мне правильным.

В чем отличие второго толкования от первого? Оно определяет стиль не как замкнутую сумму языковых средств, а как сумму приемов или способов отбора этих средств для выполнения тех или иных функциональных заданий речи. Мне кажется, стиль это не участок структуры языка, это не то, что представляет собой, например, профессиональная лексика, которая строго очерчена, ограничена, употребляется в строго определенной среде и не употребляется в другой. Если стоять на функциональной точке зрения, то придется

---

¹ «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР. Тезисы докладов». М., 1966, стр. 5.

признать, что многое, о чем говорилось на нашем совещании, едва ли имеет прямое отношение к стилистике. Я думаю, что в этом случае к стилистике языка никак нельзя отнести противопоставление народно-разговорного языка и литературного языка. Ведь эти две разновидности языка принято считать двумя основными формами его существования, причем каждая из них может обладать своей системой стилей, каждая может представлять собой особую языковую систему. То же можно сказать о всякого рода профессиональных жаргонах, которые к стилю никакого отношения не имеют, с противопоставлением диалектной речи общенародной норме литературного языка, о противопоставлении друг другу различных этапов развития языка. Я готов допустить возможность известного закрепления некоторых слов и выражений из области архаизмов, диалектизмов или профессионализмов за тем или иным функциональным стилем. Но суть стилистической дифференциации все же не в этом. Она лежит в функциональной направленности речи, причем в большей степени именно речи, чем языка.

Если мы любое подразделение языка, любую разновидность речи будем именовать стилем, то только запутаем самих себя, осложним разработку проблем стилистики. Возьмем для примера любой научный термин. Стоя на позиции материального понимания стиля, мы должны будем определить стилевую принадлежность этого термина. Естественнее всего отнести его к стилю научной речи. Но ведь его же вполне можно, не нарушая стилистического единства, употребить и в речи нейтрального стиля, в поэтической речи и т. д. Вместе с тем, он по времени своего возникновения может быть отнесен к языку той или иной эпохи, он мог возникнуть как на почве литературного языка, так и на диалектной почве. К какому же стилю следует отнести интересующее нас слово? К одному, к нескольким стилям или ни к одному из них? Если к нескольким, то значит в самой постановке вопроса допущена какая-то ошибка. Ведь всякая научная классификация должна строиться на основании одного существенного признака, и все классифицируемые объекты должны занимать в ней каждый только одно место. Если каждый элемент оказывается одновременно в разных местах, значит единство принципа классификации не выдержано, и эту классификацию нельзя считать научной.

Боюсь, что в понимании термина «стиль» мы находимся под гипнозом другого термина — «стилистическая помета»,

широко применяемого в лексикографии. Содержание второго термина непомерно расширилось. Забывая об условности такого расширения, вызванного в первую очередь техническими причинами, мы, может быть, непроизвольно расширили содержание и первого термина, а тем самым лишили его того признака, без которого он перестает быть научным термином.

Своим выступлением я хотел пробудить у участников конференции желание задуматься над содержанием важнейших понятий лингвистической стилистики и их терминологическим обозначением.

Е. И. УБРЯТОВА
(Новосибирск)

О ПОНИМАНИИ СТИЛЯ И О СТИЛЯХ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Наша конференция посвящена развитию стилистической системы литературных языков народов СССР. Я не занимаюсь этими вопросами, но в связи с тем, что конференция созвана впервые, что многие вопросы только ставятся, я позволила себе взять слово. В области стилистики очень много неясного, и доклады показывают, что участники этого совещания по-разному подходят к стилистическим проблемам.

В ряде тезисов подчеркивалось, что стиль — понятие, свойственное преимущественно письменным литературным языкам. Однако это положение, как выяснилось на конференции, не является единственно возможным. Были высказаны и другие точки зрения.

Мне кажется, что термин «стиль» употребляется в слишком суженном значении. Конечно, в письменном литературном языке различные стили языка получили наиболее развитое проявление, но все же ими не исчерпывается все многообразие стилей, присущих языку во всех его сферах.

Понятие «стиль» свойственно всякому языку, устный ли это язык или письменный, младописьменный или старописьменный. Вероятно, это было свойственно языку на очень ранней ступени развития.

Для примера могу взять древние тюркские рунические памятники. Эти памятники у нас рассматриваются как первые древнейшие литературные произведения, но их можно рассматривать как памятники разговорного языка, поскольку они представляют собой слово «кагана», то есть устную речь. Даже говорится о том, кто именно записал это слово. Я думаю, что древние тюркские рунические памятники можно

рассматривать как образец древней устной речи. Недаром все они начинаются словами, призывающими внимательно слушать и запоминать. И вот, если взять три памятника (один в честь Кюль-тегина, другой памятник Тоньюкука и третий Моюнчура)¹, то нетрудно заметить, что они очень различны по стилю. Первый представляет собой очень поэтичное прославление, народа, его кагана и Кюль-тегина. Памятник Тоньюкука по своему стилю очень отличается от первого. Это образец речи мудрого советника кагана соблюдающего высший этикет, внешнюю почтительность. Памятник Моюнчура — образец делового стиля в котором просто констатируются происшедшие события. Так, стиль произведения определяется той задачей, которую ставит перед собой говорящий. То же самое подтверждает и современный язык, например, якутский. До того, как была введена письменность, в якутском языке существовал очень хорошо отработанный устный литературный язык. Термин «устный литературный язык», может быть, звучит несколько странно, но он должен существовать. Причем, этот язык использовался в разнообразных жанрах и стилях. Стилистической вершиной устного литературного языка является язык «олонхо». Для этого языка характерна особенная лексика и очень сложная структура в построении предложения. Основным типом предложения является период. Если сравнить современные художественные произведения, то их синтаксис очень прост. Элементы лексики и синтаксиса в языке «олонхо» взаимосвязаны: в нем синонимы вводятся путем сложнопостроенного параллелизма. Поэтический стиль присущ лирическим песням. Сказки, особенно бытовые, сказываются разговорным языком.

Якуты обладают высокоразвитым ораторским искусством. Им свойственно включать в речь элементы торжественности, что выражается в особых оборотах и специальной лексике.

Как и многие другие тюркские языки, современный якутский язык имеет высокоразвитую письменную литературную форму. В процессе ее создания появились газеты с их политической терминологией, простотой и ясностью изложения материала, затем появились учебники, которые потребовали создания своего стиля, затем появились поэтические произведе-

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951; Памятники древнетюркской письменности Монголии, и Киргизии. М.—Л., 1959.

К. М. УЛЬВИДАС
(Вильнюс)

О КРИТЕРИЯХ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

В докладе Ф. П. Филина весьма ярко и убедительно показано, как тесно связана со стилистикой проблема нормализации литературного языка.

Хотелось бы коснуться некоторых критериев, позволяющих определить то, что является правильным, соответствующим языковой норме. Одни из этих критериев исключительно языкового, другие в основном экстралингвистического характера.

При оценке языка мы пользуемся следующими критериями: 1) формально-логическим, 2) эстетическим, 3) географическим, 4) народно-национальным, 5) литературно-авторским, 6) историческим, 7) сценическим, 8) школьным и 9) орфографическим.

Однако не следует думать, что для оценки того или иного языкового или стилистического явления достаточно какого-нибудь одного из упомянутых критериев. Ни один из упомянутых критериев не может быть признан ни единственным, ни достаточно последовательным, ни об одном из них нельзя утверждать, что он один пригоден для оценки языкового или стилистического явления. Лишь совокупность этих критериев может быть использована при оценке языка и стиля. Таким образом, эти критерии имеют условный характер, ибо пригодность их заранее ограничена. Это является следствием того (что никогда не следует забывать), что сам оцениваемый объект, то есть язык, не представляет собою что-нибудь одностороннее. Язык, как общественную реальность, нельзя рассматривать оторванно от общественной ситуации или от тех целей, которым он в каждом случае служит. Таким образом, пользование одним критерием правильности, применение к

многообразным ситуациям одной и той же меры ничего не может дать. Рассмотрим хотя бы некоторые из названных критериев.

Формально-логический критерий

Уже само определение этого критерия показывает, что здесь имеется в виду соответствие принципам формальной логики. Руководствуясь этим критерием, мы обращаем внимание на то, насколько то или другое слово, а также выражение мотивировано логически как в отношении образования, так и в отношении употребления. Например, сегодня ни один литовец не возразит против употребления таких словосочетаний, как *valgomas saukstas* 'столовая ложка' (букв. кушаемая ложка), а также ни один поляк не возразит против употребления такого слова, как *miednica* 'блюдо для мытья рук, лица', даже если оно было бы сделано из пластмассы, а не из меди, как это отражено в корне *mied-*, *meidz* 'медь'; ср. также польское слово *kamienica* 'жилой дом', корень которого связан со словом *kamien* 'камень'. То же самое можно было бы сказать и о литовском слове *baltiniai*. правда еще не всеми признаваемом нормой, но очень живучим и распространенным, а также о польском соответствии *bielizna*. Оба эти слова обозначают «белье», ср. польск. *bielizna kolorowa* 'цветное белье'. Вначале литовское слово *baltiniai* обозначало лишь «белую рубашку-майку», а теперь и «цветную верхнюю рубашку-сорочку», а польское *bielizna* обозначало «белую верхнюю одежду, платье (белое)», а сейчас и «цветное белье». Но по-литовски нельзя сказать *rasanti masinele* 'пишущая машинка', надо: *rasomoji masinèie* (*rasomoji* — это страдательное причастие настоящего времени).

Формально-логический критерий имеет чрезвычайно важное значение, однако только на его основе не решается вопрос, выступает ли данное явление в качестве нормы. Пользуясь этим критерием, нельзя дисквалифицировать факты, уже укрепившиеся в развитии языка и стиля, уже распространившиеся и принятые обществом, так как необходимо учитывать практические функции языка, в которых важную роль играют также другие факторы.

Эстетический критерий

Этот критерий связан с экспрессивной функцией языка, сущность которой составляет словесное выражение чувств,

переживаний и того, как автор представляет себе жизнь во всех ее проявлениях.

Однако из этого отнюдь не следует, что эстетически можно оценивать лишь экспрессивную, поэтическую речь. Объектом эстетической оценки может быть и язык в своей коммуникативной функции. Ведь часто и в повседневной бытовой речи, в бытовом стиле определенные выражения квалифицируются одни как красивые, а другие как некрасивые, и этим проявляется субъективная оценка. Литературный письменный язык сильно отличается от разговорно-бытового языка. Естественную форму диалога часто находим и в драматическом произведении, особенно в современном, но слово в драме не является единственной составной частью. Слово здесь пополняется устройством сцены, игрой актеров. Умелое использование живого языка в драме или в диалогах реалистических рассказов свидетельствует о наблюдательном таланте писателя, однако, для поэтического языка это не является единственным и типичным средством.

Другой важный фактор, разделяющий виды языка — это отношение красочности и значения выражений в отдельных типах высказывания.

Красочностью выражения называется в нем все то, что имеет эмоциональный характер, не вытекающий непосредственно из самого значения. Отдельные элементы лексики можно группировать по родственным краскам и таким путем получать разряды слов, характерные для различных стилей высказывания, как, например, для разговорного торжественного, юмористического, поэтического и т. п. Умелое использование красок слов является одной из самых характерных черт, отделяющих поэтический язык от повседневного-бытового разговорного языка. Если гнездовые слова в словаре сгруппировать не по оттенкам их значения, а по экспрессии их красок, то окажется, что наиболее красочными являются самые конкретные слова, ближе всего связанные с жизнью. Абстрактные понятия, специальные термины окажутся бескрасочными.

Поэтический язык отличается от бытового разговорного языка не только ситуациями, в которых выступают те или другие его элементы, но и большей красочностью слов и выражений, а также большим богатством и более тщательным отбором метафоры.

Эстетический критерий предполагает тщательное соче-

тание формы выражения, особенностей его содержания а также его красок с ситуацией его употребления.

Географический критерий

Что касается литовского языка, то надо сказать, что здесь не создано двух или более центров, в которых развиваются определенные языковые и стилистические различия. Литовский литературный язык развивался на основе южного наречия западноаукштайтского диалекта, поэтому самыми характерными представителями литовского литературного языка (особенно если иметь в виду фонетику) обычно считаются интеллигенты, владеющие этим наречием, легшим в основу литературного языка.

Национально-народный критерий

Этот критерий чаще всего применяется в лексике. Он характеризуется следующим положением.

Употребление иностранного слова или слова иноязычного происхождения оправдывается лишь в тех случаях, когда это необходимо для более четкого выражения мысли.

Литературно-авторский критерий

С этим критерием связано действие общественного и индивидуального фактора в языке. Нормы литературного языка не создаются отдельными лицами, хотя и самыми знаменитыми, а всей общественностью, говорящей на литературном языке. Правда, нормы часто предлагаются отдельными крупными языковедами, писателями, учеными, но та или другая форма является нормой не потому, что ее создавал и предлагал всеобщему употреблению тот или другой писатель, а потому, что ее приняла общественность. Писатель, совершенствуя свой язык, руководствуясь общепринятыми нормами, действующими в определенную эпоху, является распространителем и внедрителем этих норм. Его забота о культуре речи, о стиле своих произведений передается читателям. Однако вряд ли можно считать неоспоримым мнение, что примером, нормой следует признать язык крупных писателей. Писателей, индивидуальный язык которых оказывал несомненное влияние на развитие литературного языка, можно найти у любого народа. Особенно ярко в качестве примеров приводились и упоминались на этой конференции писатели тюркских и других народов, несомненно способствовавшие развитию соответствующих литературных языков.

Однако язык писателя, как и любой иной язык, обусловлен историческими и географическими факторами, а также той средой, в которой он развивался, и поэтому сам по себе не может быть критерием оценки. Язык писателя вливается в струю общей истории языка и лишь на этом фоне может быть как следует понят и оценен. Поэтому, например, язык гениального литовского писателя Донелайтиса или язык выдающегося польского поэта Адама Мицкевича не могут сегодня считаться примером или нормой, так как имеются существенные различия между формами, которые употребляли эти писатели, и формами, которые в силу развития литовского и польского языков распространились в современном употреблении.

Хотелось бы также подчеркнуть, что правильность и нормированность разговорного и письменного языков — проблема сложная.

В разговорном языке меньше обращается внимание на правильность речи, допускаются ошибки автоматически, неосознанно. Лишь тогда, когда говорящий начинает думать и отбирать языковые и стилевые средства, он наталкивается на большие трудности. Трудно овладеть языковыми и стилистическими нормами литературного языка, потому что в нем много вариаций и противоречий. Культура речи, стилистика начинается лишь тогда, когда говорящий или пишущий думает не только о том, что он говорит и пишет, но и о том, как говорит и пишет. Когда начинаются поиски и отбор, забота о правильности и чистоте языка, тогда развивается чутье эмоциональной ценности средств языкового выражения, вырабатывается чутье стиля.

И. Ф. МОКРЯК
(Кишинев)

О ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИИ СТИЛЕЙ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА

В содержательном докладе Б. А. Каррьева имеется очень важное положение о том, что в создании различных стилей огромную роль играли и играют выдающиеся представители национальной культуры. Б. А. Карриев имел в виду прежде всего роль писателей-классиков в создании языковых стилей художественных произведений. Продолжая эту мысль, можно сказать, что это положение действительно и по отношению к появлению других стилей национального языка: научно-технического, административного, социально-политического. В создании этих стилей велика роль ученых, государственных и общественных деятелей.

В истории молдавского литературного языка в процессе появления и установления отдельных стилей огромный вклад внес Дмитрий Кантемир, который заложил основы научного стиля молдавского языка. Он внес свой вклад и в дело формирования письменного языка, вводил научные термины из европейских языков, новые синтаксические обороты, считая, что язык молдавского народа может стать в одном ряду с другими европейскими языками XVIII века, может стать языком науки и культуры. В этом отношении усилия Дмитрия Кантемира напоминают усилия, свойственные гуманистам других стран, писавшим на родном языке в различные периоды. Именно они создавали основы научного стиля родного языка с богатой терминологией, которую нельзя найти в религиозных проповедях и летописях предшествующих эпох.

В современном молдавском литературном языке функционируют почти все стили, свойственные развитым языкам Советского Союза, которые имеют многовековую историю. В

связи с этим хотелось бы остановиться на вопросе о взаимопроникновении стилей. Ю. Д. Дешериев привел в своем докладе удачные примеры из русского языка на смешение стилей. Несмотря на то, что приводимые им предложения построены грамматически правильно, в них употреблены «допустимые» лексические элементы, тем не менее они с точки зрения содержания парадоксальны, смешны. Речь идет о том, что такие фразы или предложения употреблены или малограмотными, или людьми, мало знакомыми со стилистическими нормами и приемами русского языка.

В отличие от такого рода смешения стилей существует взаимное проникновение, взаимовлияние различных стилей. Как указано в тезисах доклада Н. Г. Корлэтяну, в наше время, например, художественный стиль (в частности, поэзия) в основном освобождается от архаических и традиционных поэтических приемов в связи с возможностью использовать все средства общелитературного языка, вплоть до научно-технических терминов¹.

Такого рода проникновение в один стиль элементов другого стиля может дать положительные результаты особенно мастерам слова. Поэт, например, может использовать в своих стихотворениях научно-технические, медицинские термины фигурально, метафорично, достигая таким образом большого стилистического эффекта.

Приведу следующий фрагмент из стихотворения современного молдавского поэта Емиллиана Букова «Унуи приетен» («Другу»):

Товарэше, дэ-мь мына!
Уйте аша...
Мэ трече уи алсе курент електрик,
Пын¹ ла умэр,
де аколо ыятрэ ын моторул дизел
ал виейи

(букв.) Товарищ, дай мне руку!
Вот так...
В меня проникает особый электрический ток,
До плеча,
Оттуда входит в дизельный мотор
жизни...

¹ См.: Н. Г. Корлэтяну. Проблема стилистической дифференциации литературных языков (преимущественно на материале романских языков). — «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР. Тезисы докладов». Ашхабад, 1966, стр. 33.

Здесь словосочетания *курент електрик* 'электрический ток' и *моторул дизел* 'дизельный мотор' очень метко метафорически (хотя они являются терминами из физики и техники) передают в поэзии основную мысль автора.

Дальше поэт, вставляя в свое стихотворение другие термины (*трансфузия де сынже* 'переливание крови' и *афлукс* 'прилив'), достигает еще большего эффекта, подчеркивая идею креникой дружбы:

*Асеменя трансфузией де сынже
кэлдура та дэ суфлетумуй меу
ун ноу афлукс де кынтурь
сэнэтоасе...*

(букв.) 'Подобно переливанию крови
твое тепло придает моей душе
новый прилив здоровых
песен...'

Следовательно, все зависит от мастерского употребления слова или выражения, заимствованного из другого стиля.

В тезисах В. Н. Ярцевой проводится мысль, что в основе различных стилей лежит синонимия. Она справедливо пишет: «Приемы дифференциации функциональных стилей языка в значительной мере основаны на богатстве синонимии, которой обладает данный язык... Возникшие в результате контактирования языков синонимические параллелизмы в области лексики и грамматики служат источником стилистических приемов, распределяющихся в тех или иных пропорциях в различных стилях речи»².

В современном молдавском литературном языке, обладающем обширной лексической синонимикой, существуют параллели слов, каждое из которых может характеризовать определенный стиль. Эти синонимические лексические параллели наличествуют в языке благодаря их различному происхождению: из романских или из славянских языков.

Так, если существительные романского происхождения *глорие* 'слава', *секол* 'век', *попор* 'народ', *кувонт* 'слово', *воче* 'голос', *ан* 'год' и др. общеупотребительны и могут рассматриваться как слова нейтрального стиля, то их параллели славянского происхождения соответственно: *славэ*, *вяк*, *нород*, *словэ*, *глас*, *велят* и др. имеют поэтическую окраску и употребляются в архаизированном стиле.

² В. Н. Ярцева. Влияние двуязычия на формирование стилистической системы языка. — «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР. Тезисы докладов». Ашхабад, 1966, стр. 56—57.

Синонимическое богатство современного молдавского языка позволяет более точно осуществлять калькирование. Так, русские словосочетания *сельский совет*, *ученый совет*, *дружеский совет*, содержащие один и тот же лексический элемент *совет*, на молдавский язык переводится тремя различными словами соответственно: *Советул сэтеск*, *Консилиу Штиинцифик* и *сфат пристенеск*.

На конференции констатировалось, что необходимо развернуть работу на местах по исследованию стилей национальных языков. Думается, что и для Молдавии материалы конференции послужат важным стимулом в разработке актуальных вопросов, связанных с функциональными стилями языка (хотя у нас в этом отношении имеются уже некоторые достижения: книга Н. Г. Корлэтяну о языке и стиле молдавского классика И. Крэнгэ³, работа Б. И. Ваксмана⁴ о синтаксической стилистике, монография Т. П. Ильяшенко о языке и стиле В. Александри⁵, а также шесть выпусков брошюр «Культура речи» и др.).

---

³ Н. Г. Корлэтяну. Студии асупра системей лексикале молдовенешть (1870—1890). Кишинев, 1964.

⁴ Б. И. Ваксман. Елемеинте де стилистикэ молдовенешкэ. Кишинев, 1960.

⁵ Т. П. Ильяшенко. Лимба ши стилул поезией луй Василе Александри. Кишинев, 1961.

М. У. ЭТКИН
(Кариш)

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ В СИНХРОННОМ ПЛАНЕ

Мы прослушали интересные и полезные доклады, и нет сомнений в том, что Ашхабадская конференция по стилистике явится стимулом в деле дальнейшего изучения проблем стилистики и прежде всего в национальных республиках.

Доклады показали, что исследование в области функциональных стилей идет по трем направлениям: 1) историческое становление функциональных стилей; 2) язык художественной литературы и язык писателя; 3) закономерности функциональных стилей как они представляются в синхронном плане.

Кажется, что третье направление освещалось на конференции меньше, чем два первых. В связи с этим мы остановимся на вопросе об экспрессивных тенденциях высказывания и их отношении к развитию функциональных стилей, о существующем взаимодействии между экспрессивно-стилистическими и функционально-стилистическими фактами. Наблюдение над языком статей и выступлений по вопросам международной жизни, то есть в области одного из функциональных подстилей позволяет утверждать, что тенденции экспрессивного высказывания во многих случаях определяют появление и развитие лексических и фразеологических единиц с соответствующей функциональной окраской, которые в условиях, системы, совокупности, интеграции формируют ту организацию речи, которая осознается как функциональный стиль или подстиль.

Так, в связи экспрессивными тенденциями высказывания появляются специальные наименования для обозначения тех или иных комплексов международной жизни: а) для обозначения комплекса «отношения разрядки», «отношения кон-

тактов» существуют наименования по модели с постоянным лексическим компонентом *дух*: *дух Женева*, *дух Бандунга*, *дух Москвы*, *дух Каира* и т. д.; б) наименования особой формулы межгосударственных отношений: *пять принципов*, *панча шила* и т. д.; в) наименования переговоров: *встреча на высшем уровне*, *встреча в верхах* и т. д. Такие лексические и фразеологические единицы замкнуты, ограничены по сфере употребления и в силу этого осознаются как факты со специфической функциональной окраской. Дополняя этот материал, укажем, что для наименования правительств и правящих кругов, конференций и совещаний, исторических событий, в связи с тенденцией экспрессивного высказывания, являются факты метонимического употребления микропонимической и топонимической лексики и фразеологии, соответственно: *война в интересах Уолл-стрита*, *Сити влияет на политику правительства*, *Белый дом принял новое решение* и т. д.; *переговоры между Вашингтоном и Парижем*, *Бонн рвется к ядерному оружию* и т. д.; *канун Женева*, *между двумя Женевами*, *после Аддис-Абебы*; *уроки Конго*, *уроки Кореи* и т. д.

Экспрессивный фактор предопределяет и частотность функционально окрашенной лексики и фразеологии, а тем самым степень и интенсивность тональности функционального стиля.

В связи с процессом снятия и нейтрализации деэкспрессивных фактов (так можно назвать случаи потенциального многократного повторения одной и той же лексической или фразеологической единицы по условиям и жанровой необходимости) появляются целые пучки структурных синонимов, фразеологических вариантов, например: *встреча на высшем уровне* ~ *встречи в верхах* ~ *встреча на самом высоком уровне* ~ *встреча на высоком уровне*; *совещание на высшем уровне* ~ *совещание на самом высоком уровне* ~ *совещание в верхах*; *сесть за стол переговоров* ~ *сесть за стол* ~ *сесть за круглый стол* ~ *за столом переговоров* ~ *за круглым столом* и т. д.

Развитие таких пучков структурных синонимов и эквивалентных единиц обильно насыщает язык материалов по вопросам международной жизни и определяет интенсивность их функциональной окраски. В связи с тенденцией экспрессивного высказывания имеет место развитие и употребление тех или других функционально окрашенных единиц с более расширительным значением, более широкой предметной

отнесенностью, что умножает число единиц в инвентаре функционально-окрашенных средств (так, например, *встреча на высшем уровне* употреблялась сначала только в отношении глав трех-четырех правительств, а в дальнейшем глав любых правительств).

Результатом тенденции экспрессивного высказывания являются и случаи фразеологической деривации, которые также умножают серию единиц с функциональной окраской, например, выделение лексической единицы *ОСБ* со значением 'союз' на основе фразеологизированных образований по модели *ОСБ+А—О* хорошо известных газетному языку (*ось Берлин — Рим* и т. д.). Выявляя закономерности отношений между экспрессивной тенденцией высказывания, образования функционально-окрашенной фразеологией и общей экспрессивной тональностью языка статей и выступлений по вопросам международной жизни, можно констатировать, что устойчивые сочетания, появившиеся в силу экспрессии, сами становятся материалом для образных и изобразительных контекстов, базой для экспрессивной ткани в общей системе функционального подстиля.

От лексических фразеологических элементов с функциональной окраской (ввиду замкнутой сферы употребления) и с экспрессивной окраской (ввиду тенденции высказывания) идут свои токи и нити, которые в совокупности образуют тональность самого подстиля в целом (общую тональность данного ответвления публицистического стиля).

Итак, 1) экспрессивно-стилистические и функционально-стилистические факторы взаимодействуют; 2) в связи с проблемами конференции необходимо исследовать взаимодействие этих факторов на материале других языков, в частности, языков тюркской группы, и сделать соответствующие сопоставления с целью получить определенные данные по функциональному стилю.

А. И. ПОЛТОРАЦКИЙ
(Москва)

ОТМЕЧЕННОСТЬ ФРАЗ КАК СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Вопрос об отмеченности фраз приобрел сейчас совершенно исключительное значение в связи с тем, что по существу от того или иного его решения зависит вообще вся оценка, все отношение к понятию «порождающая грамматика» в целом. Либо языкознание сможет предложить конкретные способы различения «отмеченности — неотмеченности» фраз (решить проблему так называемой *grammaticality*), либо вообще проблема порождающей грамматики должна будет перейти в разряд неразрешимых.

Важным шагом в развитии поставленной выше проблемы явилось понятие степеней отмеченности (*degrees of grammaticality*). Стремясь найти ответ на основной вопрос, многочисленные исследователи пришли к выводу, что единственным способом приблизиться к его решению является установление частичных критериев. Иными словами, при такой постановке вопроса речь идет уже не о выборе однозначного ответа, не о выборе между «да» и «нет», а о многочисленных и разнообразных «более» или «менее».

Сравним для начала следующие четыре предложения: *A year ago he still was happy* 'Год тому назад он еще был счастлив'. *Two glasses of champagne ago he still was sober* 'Два стакана шампанского тому назад он еще был трезв'. *A grief ago...* 'Горе тому назад...', а *the ago...* 'определенный артикль тому назад'. (Заметим, что второе и третье предложения легко поддаются «категориальному» объединению, хотя третье и дает значительный «количественный» сдвиг). Эти предложения являются примерами тех трех основных категорий, к которым Н. Хомским были сведены все много-

численные случаи «более» или «менее». Вообще авторитетные языковеды дадут этим предложениям следующую оценку: «Конечно, в английском языке можно сказать *a grief ago* 'горе тому назад', *a glass of champagne ago* 'стакан шампанского тому назад', но не *a the ago* 'тому назад', это — «неправильно», «неграмматично», это — «неотмеченная» и потому неприемлемая фраза».

Приведем еще примеры:

To perform a task 'выполнять задачу' — категория I

To perform leisure 'выполнять отдых' — категория II

To perform compel 'выполнять, принуждать' — категория III¹

Приведенная выше трихотомия разъясняется в следующих мета-понятиях:

I обычное	(the usual)
II необычное	(the unusual)
III невозможное	(the impossible)

Категория III (невозможное) представляет собой нарушение грамматических правил. Следовательно, категория I и II выступают как находящиеся в пределах допустимой вариантности и подведомственные лингвостилистике, тогда как категория III рассматривается и отбрасывается только на основе чисто грамматических представлений.

Основной мыслью настоящей заметки является следующая: действительно очень сложный и очень актуальный вопрос о «правильности», «норме» и т. п. неразрешим без обращения к метасемантическому уровню, к лингвостилистическому содержанию и функции речевых произведений. Действительно, в течение долгого времени предложение: *Colourless green ideas sleep furiously* 'Бесцветные зеленые мысли спят яростно' непрестанно фигурировало как несомненный пример «неправильности», однако, как блестяще показал Р. Якобсон, это вовсе не так. *Colourless green* 'бесцветные зеленые' ассоциируется с *pallid green* 'бледно-зеленые', *green ideas* 'зеленые мысли' напоминает «зеленую тоску» и далее известную питату из произведения Л. Толстого: «все тот же ужас, крас-

¹ Н. Хомский. Несколько методологических замечаний о порождающей грамматике. — ВЯ, 1962, № 4, стр. 110—122; А. Хилл. О грамматической отмеченности предложений. — Там же, стр. 104—110.

² Отнесено к категории III вследствие того, что английский глагол *to compel* 'принуждать' никогда не конвертируется.

ный, белый, квадратный», *ideas sleep* 'мысли спят' мало чем отличается от *his hatred never slept* 'его ненависть никогда не спала' — выражение, которое в английском языке не вызывает сомнений ни с точки зрения смысла, ни с точки зрения идиоматичности³. Не помог и пример (категория III): *Furiously sleep ideas green colourless* 'яростно спать мысли зеленые бесцветные'. Ведь всякое речевое произведение всегда и прежде всего есть нечто, что было (или может быть) сказано, а сказать что-нибудь нельзя без интонации. Поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что, будучи произнесено примерно так: *Furiously sleep ideas!.. Green, colourless!* 'Яростно спят мысли! Зеленые, бесцветные!', предложение из категории II! перейдет в категорию III⁴.

Современная поэзия изобилует примерами подобного рода. Так, например, ничем по существу не отличается от разобранных выше предложений строка из стихотворения современного советского поэта А. Вознесенского: *в прозрачные мои лопатки входило прозрение*. Образцы подобных высказываний (категория II) можно обнаружить не только в «модернистской» или современной поэзии и прозе, они встречаются в литературе разных времен и жанров, в фольклоре (ср. примеры, взятые из русских народных песен: «Украшено то наш тихий Дон молодыми вдовами, Завяжи мою кручину доброму коню в гриву, Вволю корушки без хлебушка погложено, Допьяна слезами напивались, Знать всегда я плясова славой выводилъ круты бережки, Я посею горе во чистыим поле и т. д.).

Основной задачей метасемантики является отыскание таких методов исследования, которые позволили бы оценивать, различать и классифицировать различные интерпретации данного содержания, различные способы подачи, построения того, что пишется или говорится. Вместе с тем метасемантика не может оставлять вне рассмотрения и особенности восприятия «получателя сообщения», того, кому данное сообщение адресовано; необходимо выяснять возможности «привнесения» слушающим или читающим тех или иных «обертон» или «коннотаций» в тексты и высказывания.

Группе филологов — преподавателей и аспирантов было

³ R. Jakobson. Boas view of grammatical meaning. «American Anthropologist», 1959; см. также: О. С. Ахманова, Г. Б. Микаэлян. Современные синтаксические теории. М., 1963, стр. 102—103.

⁴ Интонационное решение данного примера взято из курса лекций по лингвостилистике, прочитанного проф. О. С. Ахмановой на филологическом факультете Московского университета.

предложено распределить по трем описанным выше категориям («обычное», «необычное» и «невозможное») следующие шесть предложений:

1. *Я попросил у него денег взаймы.*
2. *Девочка пляшет на лужийке.*
3. *Свистит трассирующая пуля.*
4. *Я попросил у него мыслей взаймы.*
5. *Дача пляшет на пленнице.*
6. *Свистит трассирующая сирень.*

Информанты без колебаний разделили их на две разные группы: 1-2-3 и 4-5-6. Предложения первой группы (1-2-3) были единогласно признаны «отмеченными» на всех языковых уровнях, относительно примеров второй группы (4-5-6) всеми был немедленно задан вопрос: «Откуда это?» Не получив на него ответа, информанты не отвергли эти предложения, а постарались дать каждому из них свою интерпретацию, придумывая для каждого из них своего рода «тематический контекст». Наиболее легкой для понимания, для интерпретации была единогласно признана фраза 4. Все опрошенные говорили, что легко могут представить себе разнообразные контексты употребления этой фразы, равно как и оценить ту «интеллективную информацию», которую она содержит. Сделать то же самое с предложениями 5 и 6 оказалось гораздо сложнее. Сложность заключалась в том, чтобы придумать такой контекст, где эти предложения могли бы «иметь смысл». Однако ни один информант не назвал эти два предложения (5 и 6) «неправильными», «неграмматичными», «неотмеченными», все согласилось на том, что вполне могут существовать такие контексты, в которых употребление этих фраз может быть оправдано. Здесь следует подчеркнуть, что критериями оценки, которые были предложены информантам, являлись «возможно или невозможно», а не «хорошо это или плохо».

Все три фразы (4-5-6) второй группы были взяты из художественных произведений, фразы (1-2-3) первой группы были специально составлены по образцу соответствующих фраз второй. Поскольку фраза 4 (*Я попросил у него мыслей взаймы*) очевидно не вызывает никаких затруднений в ее понимании или интерпретации, приводить здесь ее контекст (отрывок из прозы В. Хлебникова) не представляется целесообразным. Ниже приводятся в сокращенном виде два стихотворения А. Вознесенского, из которых и были взяты фразы 5 и 6:

Отзовись!
Что с тобою? Примчись, припади, расскажи!

Атавизм?...
Или может быть — рак души?
К лучшей женщине мира,
самой юной беда добралась.
А была она милая,
С фаюмским сиянием глаз.
Мотоциклы вела,
в них вонзалась и гнулась она,
Как стрела
В разъяренном, ревушем боку кабана!
Начинается с дач,
с лимузинов, с небритых мужей,
Начинается сдача
Самых чистых ее рубежей.
Раздавило машинной
под глазами, как лимбы, мешки,
Чьи-то лапки мышиные,
Как клеенка, липки.
Осень сад осыпает
на толченый кирпич.
Человек засыпает и ногами — кричит!
Что-то давит ей плечики...

И всю ночь — не помочь!—

Дача

пляшет

на плешнице,

Как татарский помост!

(А. Вознесенский. Антимиры. М., 1964, стр. 113—114)

Сирень «Москва — Варшава»

(в стихотворении рассказывается о том, как куст сирени был
отправлен из Варшавы в Москву)

Таможник вздрогнул: — Живьем?

В кустах?!

Таможник, ахнув, забыл устав.

Ах, чувство чуда — седьмое чувство...

Вокруг планеты зеленой люстрой,

Промеж созвездий и деревень

Свистит

трассирующая

сирень!

Смешны ей—почва, трава, права...

(Там же, стр. 144).

Описанный выше эксперимент еще раз подтверждает следующее положение: слушающий (читающий) всегда естественно полагает, что передаваемое ему сообщение должно по определению иметь какой-то смысл, или, как говорят теперь, нести некоторую информацию. Это было показано на многочисленных опытах. Попытка понять во что бы то ни стало

говорящего, как бы встретить его на полпути, присуща самой природе общения при помощи человеческого языка. В противном случае это общение стало бы невозможным. Сама идея общения (коммуникации) основана на восприимчивости слушающего, который по природе вещей всегда старается обнаружить, истолковать (интерпретировать) и даже реконструировать то, что, по его мнению, должно было входить в намерение говорящего. Насколько беспредельны здесь человеческие возможности, можно судить хотя бы по литературной «зауми».

Чрезвычайно большое значение в связи со сказанным имеет выделение среди различных видов «контекста» так называемого «тематического контекста», то есть тех специфических условий речи, которые способны не только менять значение данной лингвистической единицы, но и сообщать ей совершенно особое значение, вне данного тематического контекста совершенно непостижимое. Так, например, в тематическом контексте «лекции по языкознанию» становится возможной субстантивация любого слова, аффикса, фонемы и т. д. Если в связи со сказанным допустить известное напряжение воображения, вполне можно представить себе, что *a the age* (см. выше) может означать: «тогда, когда мы еще не рассматривали данного случая употребления определенного артикля»⁵. (Конечно, с учетом того, что данная фраза прекрасно известна всем лингвистам из работ Н. Хомского⁶). Выражение *a fragile whale* «хрупкий кит» теперь настолько прочно вошло в тематический контекст современного лингвистического обихода, что не может быть и речи о его «неграмматичности», «неотмеченности», оно не только не невозможно, оно уже многократно было реализовано.

Следует предположить, что для развития лингвистистики не лишенным значения является понятие «метасемантики» в наиболее общем виде. Лингвистистический подход к явлениям языка в отличие от всех других не без основания может быть представлен как противопоставляемый более низким уровням в следующем плане: если единицы семантического уровня конституируются тем, что каждая из них — двусторонняя в том смысле, что она конституируется непрерывной связью выражения + содержания, то единица метасемантического уровня соотносится с единицей семан-

⁵ Пример взят из лекций О. С. Ахмановой по лингвистике.

⁶ Н. Хомский, Указ. соч.

тического уровня следующим образом: выражение и содержание (обе стороны единицы семантического уровня вместе взятые как одно целое) становятся выражением для нового содержания. Когда мы имеем дело с некоторой последовательностью слов — «красное и черное», мы обнаруживаем, что они образуют некоторый синтагматический ряд: красное + и черное, два основных члена которого ассоциируются в нашем сознании со шкалой цветов, но языковой факт — «Красное и черное» («Rouge et noir») заглавие романа Стендаля, как ассоциативно, так и синтагматически обусловленный, переносится уже на другой уровень — метасемиотики. Лингвистическое содержание и выражение на этом уровне становится выражением для нового содержания. Данный синтагматический ряд, состоящий из двух обозначений разных цветов и одного союза, в условиях данного тематического контекста: заглавие романа и в особенности при сопоставлении заглавия и текста приобретает дополнительные метасемиотические (стилистические) оттенки или коннотации.

Чтобы решать вопрос о «правильности», «грамматичности», «отмеченности», его следует поставить таким образом: транспонировано ли это в метасемиотику? прежде всего в каком контексте, повседневной речи, поэтической (художественной) речи, научного произведения и т. п.? — иначе бесплодны будут споры о *the ago, тассирующей сирени* и т. п.

Специфика рассматриваемого уровня такова, что в некоторых «крайних» случаях фразы «неотмеченные» на других языковых уровнях становятся своеобразно «отмеченными» на уровне метасемиотики.

Тем же информантам, что и в предыдущем эксперименте (см. выше), были предложены следующие фразы:

1. *Я имею ненависть ко всем французам.*
2. *Язык, который я не могу слышать, говорить.*
3. *Мы восторжены через энтузиазм к нему.*
4. *Погибну с ними, но не поколеблется.*
5. *Мы не колебнулись.*
6. *Мы за чаем делаем прекрасные разговоры.*
7. *Он ходил на улице, встретил своего знакомого и сказал...*
8. *Видя ваше лицо такое бледное, это делает мне больно.*
9. *Не разрывайте эти цветы в моем саду, которые я хочу давать своей больной дочери.*

Все эти фразы единогласно были признаны «неотмеченными».

Ниже приводятся три отрывка из «Войны и мира» Толстого и рассказа Чехова «Дорогие уроки», в которых были найдены использованные в эксперименте предложения⁷.

«Я вам пишу по-русски, мой добрый друг, — писала Жюли, — потому что я *имею ненависть* ко всем французам, равно как и к языку их, *который я не могу слышать, говорить...* Мы в Москве все *восторжены через энтузиазм к нашему обожаемому императору.*»

...Вы слышали верно о героическом подвиге Раевского, обнявшего двух сыновей и сказавшего: *«Погибну с ними, но не поколеблемся!»* И действительно, хотя неприятель был вдвое сильнее нас, *мы не колебнулись.* Мы приводим время, как можем, но на войне, как на войне. Княжна Анна и Софи сидят со мною целые дни, и мы, *несчастные вдовы живых мужей, за корпией делаем прекрасные разговоры; только вас, мой друг, недостает...*»

(Л. Толстой. «Война и мир», т. 3 и 4. М., 1949, стр. 105)

«...а она... быстро перелистывала страницы и переводила на всех парах:

— *«Он ходил на улице и встречал господина своего знакомого и сказал: «Куда вы устремляетесь, видя ваше лицо такое бледное, это делает мне больно.»*

(А. П. Чехов. Собрание сочинений, т. 5. М., 1962, стр. 421—422). Первую минуту она чувствовала себя неловко, но потом раскрыла книгу и стала переводить быстро и бойко, как всегда:

— *«О, молодой господин, не разрывайте эти цветы в моем саду, которые я хочу дать своей большой дочери...»*

(Там же, стр. 423)

После того, как информанты ознакомились с контекстом употребления предложенных им девяти фраз, оценка «неотмечено» не изменилась. В то же время все единодушно признали, что в данном узком, специфическом контексте сознательное нарушение автором «нормы» является художественно оправданным и достигает своей цели.

⁷ № 3 и 6 слегка изменены по сравнению с оригиналом: «к нему» вместо «к нашему обожаемому императору», «за чаем» вместо «за корпией». Эти незначительные, принципиальные изменения внесены для удобства проведения эксперимента и вряд ли повлияли на его исход.

Следует повторить, что рассмотренные примеры — крайний случай, но он говорит о том, насколько широки «возможности» метасемиотического уровня, насколько своеобразна его специфика и насколько значительную роль здесь играет «тематический контекст».

Существенное значение для правильного решения вопроса «отмеченности — неотмеченности» имеет и временный фактор. Так, например, в русском языке имеются два сходных по звучанию глагола: *подстричься* — со значением «укоротить волосы» и *постричься* — со значением «принять монашеский обет». Изменения в общественной жизни, которые произошли в нашей стране в период после Октябрьской революции, привели к тому, что в настоящее время многие носители русского языка воспринимают *подстричься* и *постричься* как производительные варианты одного и того же глагола со значением «укоротить волосы», и предложение: *Я постригся в парикмахерской*, которое трудно представить себе сказанным пятьдесят лет тому назад, сейчас воспринимается многими как «отмеченное»⁸.

Постановка вопроса об «отмеченности — неотмеченности фраз» на метасемиотическом уровне является неизбежной, от этого зависит оценка того или иного художественного произведения вообще. Однако критерии этой оценки часто бывают неясными или противоречивыми. Почему, например, мы принимаем «музыку» у Пушкина, «беспомощней» у Тютчева и отвергаем многие «грамматически правильные» высказывания как *художественно бездарные*?

⁸ Пример взят из лекции О. С. Ахмановой по лингвостилистике.

Ф. П. ФИЛИН

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Дорогие товарищи, работа нашей конференции заканчивается. В докладах и сообщениях, которые мы заслушали, был затронут большой комплекс теоретических проблем, связанных с развитием стилистических систем языков народов СССР и отчасти зарубежных языков, высказаны мысли, имеющие и практическое значение для дальнейшего расцвета наших национальных языков.

Знаменательно, что наша конференция совпала с замечательным юбилеем — сорокалетием образования Туркменской Советской Социалистической Республики. Такое совпадение глубоко символично. Если бы конференция по лингвистической стилистике была организована сорок лет назад, то она была бы совершенно иной по составу ее участников и по охвату языков. Проблема стилистики сорок лет тому назад интересовала узкий круг лингвистов, главным образом, специалистов по русскому языку. Лингвистов, изучавших другие языки, тогда волновали другие вопросы. Они были заняты прежде всего созданием письменности многих языков, литература на которых только начинала создаваться. Естественно, что и стилистическая картина младописьменных языков была совершенно иной, чем теперь. Разработка сложных вопросов стилистического развития — объективный показатель зрелости многочисленных языков нашей страны, свидетельство того, что бывшие бесписьменные и младописьменные языки теперь имеют уже свою богатую литературную историю. Проблемы стилистики стали актуальными, выдвигаются самой жизнью. Ими занимаются не лингвисты-одиночки, а большой отряд советских языковедов. В работе нашей конференции приняло участие не менее трехсот пятидесяти лингвистов Москвы, Ленинграда, союзных республик.

Проблемы стилистики интересуют не только лингвистов. На наших заседаниях присутствовали руководители партии и правительства Туркменской республики, ход заседаний освещался в газетах. В конференции приняли участие лингвисты разных национальностей: туркмены, русские, узбеки, казахи, азербайджанцы, молдаване, представители лингвистических кругов прибалтийских республик, товарищи многих других национальностей. Разве сама конференция не является ярчайшим свидетельством торжества дружбы народов СССР, лепнической национальной политики?

На конференции заслушаны доклады и выступления, посвященные вопросам стилистического развития разнообразного круга литературных языков, прежде всего тюркских, затем русского и других славянских, балтийских, северокавказских, калмыцкого и некоторых других. Были поставлены и вопросы, имеющие общее значение. В кратком заключительном слове невозможно оценить все, что было сказано. Да и вряд ли в этом есть надобность. Труды конференции будут опубликованы, и читатели сами могут оценить наши достижения и недостатки. Все же на некоторых вопросах мне хочется остановиться.

Проф. Е. И. Убрятова заметила, что стилистическая дифференциация присуща не только литературным языкам: в том или ином виде она существует и в языках бесписьменных. Это совершенно верно. Стилистическое расслоение в своем зародыше, вероятно, так же древне, как и сам язык. Задолго до возникновения письменности у племен и древних народностей существовали общая обиходная речь, профессиональные (охотничьи и иные) диалекты, речевые особенности фольклора, религиозных обрядов и т. д. Каждая из форм существования языка имела в той или иной степени свою специфику. Специфические языковые явления, примешиваясь к обиходной речи, создавали в ней стилистические элементы. Обо всем этом много писалось как у нас, так и за рубежом. Изучение стилистического расслоения в бесписьменных языках нужно и актуально. Не следует только забывать, что оно актуально в основном только для ученых, а не для обществности, не для нужд современного языкового строительства. Стилистическая дифференциация безусловно имела и в древних письменных языках. Например, в древнерусском письменном языке столкнулись народная речевая стихия с системой близкородственного, но не тождественного

древнерусскому языку старославянского (древнецерковнославянского) языка. Такое столкновение привело не только к «дублированию» различных языковых явлений, но и к созданию весьма сложных стилистических разграничений и переплетений.

Каждая эпоха в истории любого языка имеет свое стилистическое своеобразие, являющееся предметом изучения. И все же эти предметы неравноценны. Одно дело изучать лингвистические стили общественно малоперспективных бесписьменных языков и языков прошедших эпох, другое дело исследовать стилистическое развитие расцветающих современных литературных языков. В первом случае мы получим результаты, важные для науки, во втором случае наши исследования будут нужны не только для науки, но и для практики. Подготавливая настоящую конференцию, мы имели в виду и интересы науки, и интересы практики языкового строительства. Как я уже сказал, такая конференция с широким охватом литературных языков СССР вряд ли могла состояться сорок лет тому назад.

На конференции поднимался вопрос, что такое лингвистический стиль, какое содержание вкладывается в этот термин? В первом коллективном докладе П. А. Азимова, В. В. Виноградова, Ю. Д. Дешериева и И. Ф. Протченко была показана чрезвычайная сложность интересующей нас проблемы, противоречивость в ее решениях и была сделана попытка дать общее определение лингвистического стиля и методов его изучения. Интересные положения и наблюдения на материалах тюркских языков о соотношении лингвистических стилей и жанров языка и о ряде других вопросов изложены в докладе Н. А. Баекакова и в других докладах. Пожалуй, особенно остро о противоречиях и смещениях разных понятий о языковом стиле, существующих в современной науке, говорит член-корр. АН СССР В. А. Аврорин.

В. А. Аврорин подчеркнул, что до сих пор неупорядочена и не отработана основная терминология, относящаяся к области изучения лингвистических стилей. Это верно. За одним и тем же термином, начиная с самого термина «стиль», очень часто стоят различные понятия. Правда, следует заметить, что это объясняется не только неумением лингвистов определить объективные границы различных стилистических категорий, но и самим предметом исследования: категории стиля многогранны и многоаспектны, пересекаются в самых

различных плоскостях языковой системы. Создание немногих однозначных дефиниций, полезность которых, разумеется, отрицать нельзя, еще не может решить весь комплекс сложных стилистических проблем, их качественное разнообразие, о чем никогда не нужно забывать.

В. А. Аврорин говорил, что не следует смешивать «формы существования языка» с языковыми стилями, хотя такое смешение, к сожалению, можно часто наблюдать, в частности, в нашей лексикографической практике. В наших словарях нередко со стилистическими пометами «разговорное», «просторечное» и иными ставятся в одном и том же ряду пометы «медицинское», «типографское», «горное» и т. п., хотя последние непосредственного отношения к стилистическим рядам языка не имеют. Язык по сферам своего применения делится на ряд подсистем или, как говорит В. А. Аврорин, имеет различные формы своего существования. Это — язык науки, диалекты, профессиональные разновидности речи, представленные прежде всего необычайно развитой специфической терминологией, деловой язык и т. д. Каждая подсистема имеет свои особенности, которые в ее рамках являются нормой и находятся как бы вне стилистической окраски. Другое дело, когда те же особенности употребляются за пределами своей подсистемы. Тогда эти особенности могут приобретать стилистические нагрузки, становиться стилистическими средствами языка. В языке русских моряков произношение *компас* вместо *компас* не является чем-то необычным. Наоборот, моряки такое произношение считают нормой. Но как только *компас* переносится в сферу общепринятого литературного языка, его произношение становится стилистически окрашенным. Представители территориального диалекта, употребляя, например, слово *волна* 'овечья шерсть', в стилистическом отношении приравнивают его к общераспространенным словам типа *вода*, *дом* и т. п., и могут даже не подозревать, что слово *волна* является диалектным. Однако, как только слово *волна* попадает в литературный язык, оно сразу приобретает ярко выраженную стилистическую окраску.

По-видимому, стилистические средства языка, в их отличие от подсистем, это специфические языковые явления, перенесенные в сферу общеупотребительного языка или в какую-либо другую подсистему. Разного рода «смешения» специфических особенностей подсистем и создают богатейшие гаммы того, что называют лингвистическим стилем. Как я уже сказал, В. А. Аврорин призывает нас не смешивать стилисти-

ческий аспект языка с аспектом его подсистем. И это верно, смешивать эти аспекты не следует. В то же время не нужно забывать и о другой существенной стороне дела. Языковые подсистемы существуют не изолированно друг от друга, они объединяются в одну общую языковую систему. Каждый, говорящий на литературном языке, имплицитно всегда сопоставляет средства одной подсистемы со средствами другой, границы между отдельными подсистемами нередко неясны, расплывчаты. Нормированная речь и просторечие, кажется, и вовсе не употребляются как отдельные формы существования языка. Просторечием теперь пользуется любой говорящий и на русском литературном языке, в зависимости от языковой ситуации. Трудно представить себе человека, который пользуется только просторечием. Просторечие — общенародная подсистема. Следовательно, когда мы говорим о просторечии, мы в одно и то же время говорим и о форме существования языка, и о стилистическом пласте языка. Оторвать одно от другого здесь невозможно. Пометы «медицинское», «горное», «железнодорожное», «морское» и т. п. в наших словарях вовсе не так уж далеки от стилистических средств речи. Их недостаток с точки зрения стилистических помет заключается в том, что каждая из таких помет указывает лишь на область употребления слов, на их принадлежность к той или иной языковой подсистеме. Однако эти пометы в то же время показывают на некоторую необычность характеризуемых ими слов в общепринятом литературном языке, а это уже имеет прямое отношение к стилистическим категориям. В семнадцатитомном академическом «Словаре русского литературного языка» мы ввели обобщенную помету «специальное», которую можно считать собственно стилистической пометой, равноценной пометам «разговорное», «просторечное», «областное» и другим. Эта помета указывает, что в общепотребительном литературном языке «специальные» слова являются профессионализмами.

Из всего сказанного с очевидностью следует, что разграничение «формы существования языка» и его стилистических средств является лишь одной стороной дела, далеко не исчерпывающей сложного и во многом еще не решенного комплекса стилистических проблем. Нам предстоит еще большая работа, прежде чем мы существенно продвинемся вперед в этой области. Основа работы — изучение огромного фактического материала, заключающегося в стилистических системах различных литературных языков. С моей точки зрения,

положительные результаты нашей конференции содержатся прежде всего в представленном в докладах и выступлениях большом фактическом материале, на основе которого были сделаны попытки некоторых обобщений процессов, происходящих в настоящее время в стилистических системах литературных языков народов СССР. Я считаю, что наша конференция, вероятно, внесла свой положительный вклад в разработку стилистики именно по этой причине. По-моему, она этой своей стороной выгодно отличается от дискуссии по вопросам лингвистической стилистики, которая в свое время была проведена на страницах журнала «Вопросы языкознания». Эта журнальная дискуссия не дала каких-либо ощутимых результатов прежде всего потому, что ее участники большей частью оперировали абстрактными понятиями (с большим привкусом субъективизма), за которыми не стояли конкретные исследования.

На нашей конференции были подняты и вопросы, связанные со стилистикой, но выходящие за ее пределы. Из этих вопросов можно отметить здесь проблему сравнительно-типологического изучения литературных языков и проблему «пропицаемости» языка, его сопротивляемости воздействиям со стороны других языков. Вопросы сравнительно-типологического изучения литературных языков, их стилистических систем в условиях двуязычия были поставлены в интересном докладе П. А. Азимова и Е. Н. Ершовой. По-моему, особенно значимым в освещении проблемы сравнительно-типологических исследований был доклад Н. И. Толстого.

Н. И. Толстой хорошо показал, что структура современных славянских литературных языков различна, несмотря на то, что славянские языки, как известно, составляют близкородственную группу. Для этого он взял несколько признаков, существенных для каждого литературного языка: наличие или отсутствие диалектных и иных вариантов литературного языка, близость к диалектной базе или отдаленность от нее, наличие или отсутствие «поливалентности» (то есть обслуживания всех сфер общественной жизни и культуры) и др. В диахроническом плане разрыв с традицией или перерыв в развитии литературного языка, смена его диалектной базы и т. д. Кроме указанных Н. И. Толстым признаков, несомненно можно было бы выдвинуть и ряд других, также существенных для изучения структуры литературного языка и ее истории. Но и те признаки, которые были выдвинуты, ясно показывают, что родственные славянские народы имеют

оригинальные, неповторимые литературные языки. Их оригинальность лучше всего видна из их сравнения. Русский литературный язык имеет непрерывность в своем развитии, которая определялась, начиная с XI века, прежде всего тесным взаимодействием общенародных основ речи с церковнославянской, книжной языковой стихией, он обогатился, начиная с XVIII века, и за счет западноевропейских языков. Русский литературный язык не имеет диалектных и иных вариантов, его нормы обязательны для всех, кто на нем говорит и пишет. В этом смысле русский литературный язык представляет собой идеальный образец, поскольку обязательность его норм объединяет всех говорящих и является хорошей преградой для всякого рода «избыточности» языковых средств. Русский литературный язык не близок к какой-либо одной диалектной группировке, стоит над диалектами, также не близок к народно-поэтическому койне, хотя, разумеется, он питался и питается соками диалектов и народно-поэтического койне. Такая структура русского литературного языка во многом определяет его стилистическую систему, о чем было убедительно сказано в докладе Н. И. Толстого.

Иначе складывается структура украинского литературного языка. Современный украинский литературный язык не представляет собой непосредственного продолжения книжно-языковой традиции, существовавшей в древней Руси. Он возникает на базе украинской народной речи, причем в XIX веке в нем явно наметились два локальных варианта — киевский и львовский, — следы которых пережиточно сохраняются и в наше время. Н. И. Толстой хорошо показал своеобразие структуры и функций сербохорватского литературного языка, в котором имеются разрыв с традицией, смены диалектных баз, локальные варианты.

Нет никакого сомнения в том, что своеобразие в построении литературных языков и их стилистических систем имеется и в других языках. Сравнительно-типологическое изучение литературных языков и их стилистических средств — перспективное и заманчивое направление, которое нужно рекомендовать и тюркологам, и иранистам и, финноугроведам, представителям других специальностей. Посредством него можно выявить не только своеобразие каждого литературного языка, но и общие тенденции их развития в условиях социализма, что особенно актуально.

Высоко оценив доклад Н. И. Толстого, мне хотелось бы сделать только одно замечание. Я думаю, что употребление в

русском языке термина «стандартный» не оправдано. Сам Н. И. Толстой ставит знаки равенства между словами «стандартный» и «литературный». Если мы имеем общепринятое «литературный», слово «стандартный», равнозначное ему, оказывается излишним, «избыточным». Но дело не только в этом. Слово «стандартный», в связи с имеющимся в нем значением «не оригинальный», «шаблонный», «трафаретный» снижает понятие «литературный язык», как бы переводит его в отрицательный стилистический план. Верно, что термин «стандартный» в применении к литературному языку широко употребляется в зарубежной лингвистике. Употреблял его у нас и Е. Д. Поливанов. Однако это не является достаточным основанием для внедрения его в русскую научную терминологию. Легкость образования производного от «стандартный» — «стандартность» — тоже не такое важное дело, так как от слова «литературный» также легко образуется производное «литературность». Слово «литературный», как научный термин, не очень точно и допускает разные толкования, но и слово «стандартный» достаточно двусмысленно.

Проблема «проницаемости» или «непроницаемости» языка интересно была поставлена в докладе М. А. Кумахова. Эта проблема давно уже волнует умы лингвистов. С нею связан большой комплекс вопросов взаимодействия языков на разных ступенях их истории. Ответы на эти вопросы давались различные. И в советском языкознании наших дней высказываются на этот счет разные точки зрения. Среди некоторой части лингвистов продолжает бытовать взгляд, согласно которому фонемы, морфемы и другие элементы языка могут считаться усвоенными в заимствующем языке только в том случае, если они начинают употребляться не только в заимствованных, но и в исконных словах. С этой точки зрения языковые элементы, употребляющиеся только в заимствованных из русского языка словах, не выходящие за пределы этих слов, не могут быть признаны составными элементами систем заимствующих языков. Распространено и противоположное мнение, по которому фонемы, аффиксы и иные элементы русского языка, заимствованные вместе с русскими словами в языки народов СССР, как бы автоматически должны считаться элементами систем заимствующих языков.

Обе эти точки зрения чрезмерно упрощают сложный процесс заимствования. Конечно, употребляется ли заимствованный элемент только в заимствованных словах или же он стал продуктивным и в исконных словах заимствующего язы-

ка, является важным обстоятельством, которое обязательно нужно учитывать при освещении проблемы «проницаемости» или «непроницаемости». Однако известно много случаев, когда какая-либо фонема употребляется только в заимствованных словах и не входит в фонологические оппозиции заимствующего языка, все же дружно определяется всеми лингвистами как фонема этого языка. Примером тому может послужить фонема *ф* в украинском языке, употребляющаяся только в заимствованных словах и не противопоставленная другой фонеме. В данном случае играют роль давность заимствования слов *ф*, многочисленность слов, имеющих эту фонему, культурные традиции и некоторые другие обстоятельства. Отвергать признание наличия в языках народов СССР фонем *ф*, *о*, *ц*, *е* и некоторых других только на том основании, что эти фонемы употребляются лишь в словах русского (или интернационального) происхождения, было бы неверно. В то же время упрощением является игнорирование характера функционирования речевых элементов, заимствованных из русского или какого-либо другого языка. Все обстоит гораздо сложнее.

М. А. Кумахов на материале адыгских и некоторых других языков хорошо показал, что формы и пути заимствования бывают различными. Особенно интересны его наблюдения, относящиеся к разному стилистическому использованию заимствованных элементов, переходу их из стилистически ограниченных сфер в общую систему языка или же консервации в каком-либо одном стиле. Такие исследования нужно всячески поощрять как весьма перспективные.

Кроме упомянутых здесь докладов и выступлений, были и другие доклады и выступления, заслуживающие вполне положительной оценки, но в кратком заключительном слове сказать обо всем невозможно.

В заключение мне хочется от имени всех присутствующих, особенно от имени гостей, высказать большую благодарность и горячую признательность нашим хозяевам — туркменским товарищам и прежде всего председателю оргкомитета конференции президенту Академии наук Туркменской ССР академику П. А. Азимову за блестящую организацию конференции. Всем нам были созданы великолепные условия для работы, а дружеский, по-настоящему братский прием наглядно показал нам, как крепки интернациональные связи между нашими социалистическими республиками. Дружба наших народов монолитна и нерушима.

В качестве предложений можно рекомендовать следующее: 1) рекомендовать научно-исследовательским лингвистическим институтам и языковедческим кафедрам вузов включать в свои планы темы, относящиеся к развитию стилистических систем литературных языков народов СССР; считать желательным выдвигать в качестве диссертационных тем проблемы лингвистической стилистики, признать важным делом также подготовку учебников и учебных пособий по языковой стилистике применительно к каждому литературному языку; 2) просить Президиум АН ТССР опубликовать труды конференции, посвятив их пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции; 3) считать крайне важным создание журнала «Советская тюркология».

Советская тюркология

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Вступительное слово президента АН ТССР П. А. Азимова	

Доклады

П. Азимов, В. В. Виноградов, Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко. Проблемы стилистики в современном языкознании и некоторые вопросы развития стилистических систем литературных языков народов СССР	15
Ф. П. Филли. О норме литературного языка	45
Н. А. Баскаков. Структурные и функциональные стилистические модификации в современных тюркских языках	57
П. Азимов, Е. Н. Ершова. О некоторых закономерностях развития стилистических систем в условиях двуязычия	71
Н. Корлэтяну. Проблема стилиевой дифференциации литературных языков	101
Н. И. Толстой. К вопросу о зависимости элементов стиля стандартного литературного языка от характера его «стандартности»	124
Ю. Д. Дешериев. Развитие стилистических оппозиций в младодписьменных языках	135
Б. А. Карыев, Махтумкули и языковые стили	156
А. И. Искаков. Вопросы становления и развития стилей казахского литературного языка	168
Б. М. Юнусалиев. О стилиевой дифференциации киргизского литературного языка	185
Э. Г. Туманян. Структурно-стилиевые автономные варианты в процессе становления современного армянского языка	194
С. К. Кенесбаев. К вопросу об экспрессивно-стилистических функциях фразеологизмов	205
З. Ю. Кумахова, М. А. Кумахов. Отражение процессов	

языкового взаимодействия в развитии стилистической системы	212
З. Б. Мухамедова. К вопросу о стилях в туркменской поэзии XVIII—XIX веков	228
А. А. Керимов а. О грамматических особенностях литературных жанров таджикского языка	233
И. К. Илишкин. О стилях в калмыцком языке	243
А. Т. Кайдаров. Частицы как стилистическое средство выражения экспрессивно-эмоциональных оттенков речи в уйгурском литературном языке	247
В. Ф. Беляев. Из истории научной разработки основных категорий стилистики	257
У. Т. Турсунов, У. Н. Насыров. Об определении понятия стиля писателя	267

Выступления

Х. Данияров. Роль кыпчакского наречия в развитии стилистической системы узбекского литературного языка	277
Б. К. Манасбаев. О стилистическом «паспорте» слов	286
З. И. Будагова и К. Алиев. О тропах	291
А. Аннамедов. Стилистические особенности фразеологических единиц в романе Х. Дерьяева «Судьба»	296
В. А. Аврорин. О понятиях лингвистической стилистики и их терминологическом обозначении	303
Е. И. Убрятова. О понимании стиля и о стилях в якутском языке	307
К. М. Ульвида с. О критериях стилистической дифференциации	310
И. Ф. Мокряк. О взаимопроникновении стилей молдавского языка	315
М. У. Эткин. Закономерности функциональных стилей в синхронном плане	319
А. Н. Полторацкий. Отмеченность фраз как стилистическая проблема	322
Ф. П. Филин. Заключительное слово	331

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
82	3 снизу	ребильалемин, теммет, темам	ребиль-алемин, теммет, тамам
84	15 .	brajja gambleti	brçraja gambleti
88	14 .	саркатип	серкатип
94	9 сверху	Гуляю, объезжаю	Гуляешь, объезжаешь
161	После 4-й строки сверху		У Махтумкули: Хич көңүл шатлыгы чык- маз Бир көңүл йыкмаян ар- ден.
164	8 сверху	киргисиз	киршисиз
229	19—20 .	В мухаммесе оборот Ашык болмушам	В мухаммесе Ашык болмушам оборот
231	15 снизу	كۆچ	كۆچ!
295	10 сверху	өлмөк	өлмөк

Технический редактор Р. Санатулова
Корректоры Л. Буравлева и Л. Петровская

Сдано в набор 9 VI-67 г. Подписано к печати 19/III-68 г. Уч.-изд. л. 16.1
Физ. печ. л. 10,625. Привед. л. 17,85. Бумага 60x90¹/₁₆. Изд. № 93.
Заказ № 131. Тираж 2300 экз. Цена пер. № 5 1 р. 07 к., пер. № 7 1 р. 17 к
И—01050.

Издательство «Ылым», Ашхабад, пр. Свободы, 77.
Типография издательства «Ылым», Ашхабад, ул. Энгельса, 2.